

Юраш Кристина

Принц по ГОСТу

Глава первая

Княжна Тараканова

Не снились такие интриги короне, И битва престолов, по ходу, — фигня! Делила наследство в хорошем районе, До этого дружная наша семья.

— Ее Величество Анастасия ...эм... — я гордо вскинула голову, обвела царственным взглядом новые владения, а потом тщательно вытерла ноги об маленький драный половичок, прибитый пылью к подъездному полу. — Анастасия — не первая...

Я принялась и поняла, что распустились почки. Чьи-то бесовские почки решили распуститься прямо в моем новом подъезде. Где-то с верхних этажей пахло полноценными цветочками. Судя по объявлениям, спальный микрорайон спал на все, исправно скидываясь на очередной ремонт домофона и гостеприимно оставляя распахнутую настежь дверь.

— Может, и не первая, но, надеюсь, последняя, — я нервно усмехнулась, доставая одинокий, старенький ключ на обувном шнурке.

Мой взгляд упал на древнюю, обитую коричневым дерматином деревянную дверь с потёртостями и обломанным крючком для сумки. За дверной косяк были засунуты окурки, а на двери красовались криптопослания юного художника, срочно требующего к себе повышенного внимания родителей и участкового.

Эта маленькая квартирка полгода назад превратилась в роскошный дворец, за который сражались так, как не сражаются за престол ушлые наследники плодородных монархов. Мне еще долго предстоит сматывать в клубочек свои нервишки, свыкаться с той мыслью, что мое генеалогическое древо отныне больше смахивает на обкорнанный и плесневелый по весне персик, успокаивать дергающийся глазик, многое повидавший в этой жизни.

Ключ повернулся в замке, а мое величество, которому стоя аплодировали Медичи, Борджиа и даже сицилийская мафия с криками: «Белиссимо!», вступило в права законного наследования. Я торжественно переступила через родственный порог и порок, крокодильи слезы, розовые сопли и прочие выделения родственной саранчи, однажды востроившейся, как суслики на объедаемом поле, услышав заветное сочетание «квартира», «наследство» и «завещание». Вместе с ними по боевой тревоге были подняты знакомые юристы, способные заглянуть в юридическую даль, разобраться во всех коллизиях, найти лазейку и выцарапать из лап правосудия лакомый кусочек внезапно опустевшей недвижимости. Факт того, что в завещании упомянули лишь меня, не останавливал воинственных суррикатов. С усердием, достойным лучшего применения они пытались вытрясти душу из всех знакомых, в чьих дипломах значилось пафосное «юрист». Издав воинственный клич, собравшись семейным советом на юридическом поле, они постановили, что судьба была к ним несправедлива.

Родственный консилиум «диетологов», внимательно следящий за моей фигурой, постановил, что «слишком жирно для девушки, у которой на данный момент нет семьи и детей», поэтому ради ее же здоровья, которое в любой момент может пошатнуться при несоблюдении «рекомендаций», ей вполне достаточно картонки, старенького пальтишка и ночлега под открытым небом.

Мой юрист вежливо сообщил, что сон на открытом воздухе очень полезен для всей семьи, вне зависимости от степени родства и морального уродства, поэтому я исправно таскалась по судам и следствиям, периодически отвечая на вопросы «о моем здоровье» лаконично и адресно.

В средневековье про такие войны наверняка бы сложили баллады! Интересно, как бы при дворе восприняли такое? «Баллада о том, как сэр Михаил вместе со своей первой, но не единственной, возлюбленной супругой «сэрихой» Александрой пытались захватить престол!». Я прямо вижу, как менестрель делает глубокий вдох и начинает: «Беды ничто не предвещало, но это было лишь начало! Сэр Михаил вдруг говорит: «Любовь моя, берем кредит! Квартиру после продадим! Кредит с продажи отдадим!».

«Нет! — кричат солидные матроны, — Спойте нам балладу о принцессе Анне и ее

достопочтенном супруге!». Менестрель снова берет аккорд и ... «Пойдем в покои, госпожа! Пора четвертого рожать! А коль четвертого родим, в войне за замок победим!».

— Ну что вы! Спойте лучше про рыцаря Дмитрия! — кричат пылкие юнцы. А менестрель затягивает «Чтоб одолеть всех супостатов, сразил немало бюрократов! Скакал без малого он год, отвоевал немало льгот! Он на бумаге — инвалид! Ему судьба благоволит!».

— Ну что же вы такое поете? Спойте про князя Виталия! — умоляют девицы «на выданье». Менестрель устало смотрит на всех, а потом выдыхает: «Жениться князь решил намеренно на своей девушке последней! В надежде, что ему в суде, дадут процент в чужом жилье!».

— А про леди Наталью? — потребовало взыскательное и любопытное общество, уставившись на озверевшего менестреля. Тот ударил по струнам так, что где — то стали присматриваться исполнители ну очень тяжелого альтернативного рока, а потом хриплым голосом выдал: «Но дальше всех пошла Наташа, что в юрконторе долго пашет. Чтоб суд позолотил ей лапку, признать умалишенной бабку!»

Никто не сложит балладу о том, как мне удалось отстоять свои права. Только инквизиторы прикинули, что показатели по «великомученницам», которые они исправно выполняют, освещая праведными кострами темные века, можно вполне «подтянуть» за мой счет.

Дверь во дворец со скрипом открылась, мне в лицо ударил запах пыли, сырости и какой-то застарелой кислятины. Древний, дряхлый придворный шифоньер, заваленный хламом, охранял вход и выход всем своим массивным лакированным телом, перегородив мне дорогу. Стоило сделать шаг, скрипнув половицей, как дверь старинного гиганта стала зловеще открываться, обнажая пальтишки с воротниками из плешивого Кота Базилио и лысеющей от старости Лисой Алисой. Я чувствовала себя богатеньким Буратино, который буквально несколько часов назад развел костер из родственников, дабы согреть свое сердце верой в правосудие.

Отдельный тронный зал? Какая прелесть! У меня действительно отдельный тронный зал! Место для пиров! Пять на три! Сдохший цветок в горшке; паук, украсивший ветхие рамы добротным слоем паутины; трещины на потолке, словно этажом выше регулярно проходит дискотека для слонов; вытертая клеенка, банки с присохшими специям — вот мои новые владения!

В шкафчике стояли тетради с рецептами таких блюд, которыми можно значительно подсократить популяцию родственников до занимательно — развлекательного минимума. Толстые тетради, исполняющие обязанности медицинского справочника и поваренной книги, напоминали о тех далеких временах, когда ипохондрики сверялись по диагнозам с передачей «Будь здоров», игнорировали утреннюю зарядку и смотрели затяжные концерты звезд местной эстрады.

«Пирожки с мозгами!» — прочитала я чужой почерк, опасливо поглядывая на очередной рецепт. Вот где были эти чудесные рецепты в тот момент, когда мои далекие географически и недалёкие юридически родственники подавали на очередные апелляции, пытаясь завести на меня десяток уголовных дел по сфабрикованным статьям?

«Неблагодарная недоросль! Я пас эту квартиру три года! А ты палец о палец не ударила!» — гласило сообщение сэра Дмитрия, который не просто доскакался по инстанциям, а полноценно допрыгался, лишившись трех пальцев на руке ради вождельной справки.

«Шоб ты сдохла, тварь проклятая! Можешь в гости к нам не приходить!» — пришло мне очередное поздравление с новосельем от сэра Михаил и его дражайшей супруги Александры, присмотревших квартиру для будущего юного «светильника» науки.

«Подавись, гадина!» — поздравили меня ее вдовствующее величество Людмила и ее дочь, достопочтенная принцесса Анна, чей принц-консорт честно высиживал яйца в

родовом двухкомнатном гнезде своей тещи, дабы обеспечить себя наследникам в количестве, которое не в состоянии прокормить мизерная пенсия счастливой бабушки.

«Совести у тебя нет!» — прилетело вместо приглашения на скромную свадьбу сообщение от принца Виталия Решительного, Неразборчивого и Скоропалительного.

«Змея, ты, подколотная! Воспользовалась несчастной сумасшедшей родственницей, чтобы заграбастать себе квартиру! Иди ты на...», — прочитала я скромную путевку в новую жизнь от двоюродной сестры Натальи, которая пошла дальше всех сначала в юридическом, а потом и в анатомическом направлении.

Итак! Все отписались и отзвонились! Это хорошо! Значит, все добрались в пункт назначения, куда я их послала с «беременностями», «инвалидностью», поддельными документами, скандалами, абитуриентами, свадьбами вполне благополучно! Понимаю, что там, видимо, очень славно и мило, раз меня туда активно звали в гости, но зачем мне «в гости», если я у себя дома?

На экране высветился знакомый номер, который я удалила четыре месяца назад после громкого скандала с хлопаньем глазами и дверьми. А вот, собственно, и принимающая сторона в лице настоящего принца на деревянном коне с воздушными замками и короной, которую в детстве ему соорудила на голове заботливая мама.

— Зайка, — голос в трубке был глух и трагичен. — Привет, чем занимаешься? Я тут подумал, почему бы нам не встретиться у тебя, не попить кофе... Мне кажется, что нам стоит начать все с начала? Я погорячился, зайка... Ты простишь меня? Каждый человек заслуживает второй шанс...

Сердце стоически держалось, чтобы не бросится в омут иллюзий. «Бланки на второй шанс кончились!», — вздохнул здравый смысл, разводя фактами и пожимая аргументами.

— Уже пронюхал? — скупое поинтересовалась я, перебирая на тумбочке старые, красочные пыльные брошюры «Жизнь после смерти» и «Обретение вечного рая», которые щедро раздают одиноким пенсионерам улыбочивые понятые очередного божества. Приятно заботится душе, но заботится о душе, за которой есть жилплощадь, вдвойне приятней!

— Да как ты могла такое подумать! Я люблю тебя! Мне плевать на твою однушку! Ты думаешь что? Я ради твоей квартиры по улице Строителей тебе звоню? Нельзя быть такой меркантильной! — доказывали мне в трубку всю силу великой любви. Да как я могла подумать, что этот внезапный душевный порыв продиктован большой зеленой жабой по кличке Халява, которая душит горячо любящего меня мужчину, недавно указавшего на сайте знакомств, что у соискательницы его «большой и чистой» должна быть «большая и просторная с ремонтом»!

«Закрываем дело!», — постановил Шерлок Холмс, играя на скрипке грустную мелодию прощания. «Согласна! Нет дела — нет доступа к телу!», — кивнула Мисс Марпл, подозрительно щурясь, ведь количество комнат и адрес мы в разговоре не упоминали.

Вот теперь, я, как туроператор, могу спать спокойно. Все долетели, доехали и докатились нормально.

Я бросила сумки на пол, глядя на некогда красную ковровую дорожку сомнительной чистоты, алым языком вывалившуюся из коридора в комнату. В комнате затаился ветхий, скрипучий диван и куча хлама, бережно засунутого в пакетики, свертки и мотки. В старом серванте за стеклом стояли выцветшие фотографии, статуэтки и набор посуды. Вот такая королевская опочивальня! Ух ты! На стене есть даже старинный гобелен с волками в лесу! Мошь, судя по дыркам, уже наладила экскурсионно-гастрономические туры в неведомые чащи, но на этом не остановилась, занявшись браконьерством и поставив лишайных, по вине непомерного аппетита, волков на грань «вышивания».

Это был самый лучший день в моей жизни! Даже запах старой половой тряпки, витавший в воздухе, создавал атмосферу уюта, не говоря уже о пробегающих тараканах.

Я решила начать с лоджии. Стоило открыть дверь, как на меня завалилась целая груда

вещей, бережно собранных в качестве «наследия» для потомков. Дырявый чайник больно ударил по макушке, слетая с самой верхней полки разошедшегося стеллажа. «Вот помру я», — вздыхала бабушка в моем детстве. — «Все тебе оставлю! Это будет твоим приданным!».

Посмотрим, что может заинтересовать потенциального соискателя моего безымянного пальца! Кис-кис-кис, любитель консервации! С таким приданным в виде баночек, я удивляюсь, как ты еще не здесь! Пятьдесят первая, пятьдесят вторая... Ой! Где-то про мою душу спешит навстречу консервации, стуча деревянным протезом одноногий, одноглазый Капитан Крюк Флинтович, вместе с попугаем. Иначе как объяснить одну ложку, одну палку, очки с одним стеклышком и ржавую клетку для попугая? Мне кажется, или он должен быть лысым? Из кулечка была извлечена дубовая меховая шапка, завернутая в полиэтилен, застрявшая где-то между «очень лишайный кот» и «наш любимый директор». В скором времени она будет неотличима от моей небритой ноги в холодное время года, поэтому моей судьбе стоит поспешить!

Я прислушалась, не бухтит ли уже под моим окном старенький допотопный «Москвич», который вез любовь всей моей жизни навстречу с невестой? В противном случае, для чего мне завернутые в тряпку зеркала дальнего вида для вышеупомянутой модели?

Вот зря мы над ним смеемся! Наш герой, между прочим, пусть и обладатель одной руки, зато из правильного места! Он должен уметь шить на швейной машинке, забивать погнутые гвозди молотком без ручки, пилить ржавой беззубой. Ну, и где ты, мой умелец на всю руку?

Наличие старого холодильника с обрезанным шнуром свидетельствует о том, что мой будущий муж должен быть страстным и горячим мужчиной. Каждое утро он ест овсянку! Прямо из мешка! Есть хорошая новость! Он не брезгливый, и плесень его не пугает! Есть и плохая! Брак продлится по моим подсчётам около трех месяцев до момента окончания мешка!

Где же он? Где же мой пират? Пусть бросает свои острова, сходит с корабля, пересаживается на автобус номер семнадцать, едет до остановки Рабочая, потом пешком два квартала! У меня на балконе есть настоящее сокровище! Могу даже карту нарисовать! Путь активирует свой внутренний GPS и спешит сюда, иначе будет поздно и придется менять маршрут в сторону ближайшей помойки! Я смело могу утверждать, что являюсь наследницей многомиллионного состояния, которое лежит в банке! Миллион стареньких рублей, покрытых плесенью, были бережно сложены в трехлитровую банку, спрятанную в дальний угол. В банке болтался маленький старинный ключик на темной цепочке. Я поставила крестик на карте сокровищ, прикидывая, что где-то лежат старые облигации или билеты банка, чей поезд давным-давно ушел!

Прикинув, что такого женского счастья я просто не достойна, я, скрепя сердце, вытащила груды хлама в коридор, попутно заглянув в сервант. Может, из серванта что-то захватить? В моей душе поднял голову великий завоеватель, берущий если не целые города, то, по крайней мере, штук восемь досок и один мусорный пакет за один подход.

Среди потрепанных книг стоял полупустой флакон одеколона «Ландыш», рядом с которого лежалдохлый, предположительно, самец мыши. Я между мышиных лап не заглядывала, поверив на слово производителям парфюма: «Мужчины падают к ногам!». В картонной папке лежали дипломы «Заслуженному педагогу», грамоты «Лучшему учителю» и благодарственные письма за прочие заслуги на педагогическом поприще, датированные такими годами, от которых задумчиво чесались летописцы.

С лоджии в комнату пробежала еще одна мышь, а по полке пополз усаый таракан, прячась за одноименную детскую книгу. На полке рядом стояли детские сказки, которые читала мне бабушка по вечерам. В этот момент холодным липким потом покрывались именитые режиссеры фильмов ужасов, тряслись под одеялом любители пощекотать себе нервишки и вздрагивали впечатлительные и слабонервные зрители, пытаясь, подать в суд за авторские трактовки старинных сюжетов.

«Принц бежал за красавицей, обронившей туфельку, упал на лестнице, сломал шею. На похороны принца съехалось все королевство. Золушка тоже была на похоронах и нажаловалась королю на мачеху! Бедной сиротке вернули ее дом и состояние! Все жили долго и счастливо!» — улыбалась бабушка, доставая следующую сказку. «Принц, едва

завидев красавицу в башне, тут же бросился ее спасать. Он почти забрался на башню, а потом не удержался, упал и сломал себе шею в трех местах! Смерть наступила мгновенно. Падение Рапунцель смягчили кусты. Она отряхнулась и пошла к своим родителям, королю и королеве...». «Принц не умел плавать, поэтому зажимая кровавую рану, нанесенную Русалочкой, молча шел ко дну. Русалочка вернулась к своим сестрам, и жили они долго и счастливо!». Вы еще про Белоснежку не слышали! О том, как семь гномов запинали принца ногами и сбросили в шурф! Это, между прочим, была моя любимая сказка!

После того, как я с детским восторгом поделилась этими сказками в детском саду, вызывая оглушительный успех у заинтересовавшихся одноклассников и животный ужас у воспитательницы, начался семейный скандал. Мне запретили общаться с бабушкой, а бабушке сообщили, чтобы она не приближалась ко мне и к моей неокрепшей детской психике. Холодное молчание длилось долгие годы, пока меня накачивали оригинальными сюжетами со слащавыми хэппи-эндами!

— Дорогие тараканы, мыши и прочие обитатели дома! — с усмешкой заметила я, представляя себя героиней мультика. — А давайте-ка вместе разгребем весь этот хлам! Все сюда! Я вам даже песенку спою!

Но тараканы бросились в рассыпную, мышь шмыгнула за диван, а одинокий воробей, сидящий на подоконнике, резко упорхнул, не дав мне возможности продемонстрировать вокальные способности. А как же «и-о-ло-ле-ли? Быстро мусор вынеси!». Разбалованные тараканы не планировали переклеивать обои, ленивые мыши не впряглись в гору мусора, а птички не собрались всей стаей и не вынесли старый холодильник на улицу!

За книгами лежали платежки и черная шкатулка, закрытая на замок. Я потрясла ее и услышала, как в ней что-то дребезжит и шуршит. Как интересно! Выломать крышку не удалось, поэтому я перерыла мусорные пакеты в поисках того самого ключика, который чуть не отправился открывать новые горизонты. Странно, но ключ подошел. Замок щелкнул, крышка откинулась, а я плюхнулась на диван, вытряхивая на пыльное покрывало все содержимое. Пока что я разочарованно разворачивала какую-то записку, в которой лежал потускневший от времени медальон — сердце с едва различимым рисунком.

«Все могут короли, все могут короли! И судьбы всей земли вершат они порой...»

Отлично! Жениться по любви не может ни один король! Это мы знаем, так что не удивили! Я подержала в руке медальон, попыталась открыть его ногтем, но он не открывался, поэтому я раздосадованно швырнула его на диван вместе с другой дребеденью.

Десять ходок с мусором превратили меня из веселой и бодрой наследницы в старую каргу с прогрессирующим ревматизмом. За мной уже следили из окон. Пока что крестик на карте сокровищ вел к ближайшей помойке, совпадая с моим маршрутом. Стоило мне отвернуться, как куча таяла на глазах. Где-то хлопали железные двери гаражного кооператива, а при мне какой-то солидный мужик пытался запихнуть мою бывшую тумбочку в свой заваленный хламом гараж, паркуя под моими окнами свою иномарку. Новые соседи даже умудрились подраться за старый телевизор с обрезанным шнуром и разбитым экраном. И пока победитель грузил его в багажник представительного авто, побеждённый проклинал его, на чем свет стоит. Только сегодня! И только у нас! Новые поступления барахла на лоджии, балконы и в гаражи! Акция «Не пропадать же добру!» делала меня самой доброй и щедрой соседкой на свете!

Что-то в лесу сдохло! Мне показалось, что хлама стало немного меньше.

Волки на гобелене смотрели на меня обреченными взглядами. «Ты первый!» — как бы намекал правый волк, поглядывая на своего лишайного по вине моли сородича. «Ща-а-а-с! Пусть этот, плешистый!» — выл средний волк, поднимая морду вверх. «Я что? Самый лысый?», — жалобно смотрел на меня почти съеденный волк. И пока я выбирала, кто из них должен сдохнуть первым, в комнату влетело что-то огромное, черное! Ворона! Огромная ворона или ворон! Птица подлетела к дивану, схватила что-то, и хотела было вылететь обратно, но я бросилась за ним, увидев, что в клюве ворон держит медальон. Я ухватила за цепочку, выбежала на лоджию, споткнулась о старую швейную машинку, упала на пол, сжимая в руках цепочку и кулон. Птица бросилась на меня, пытаюсь

выклевывать мне глаз, но я прикрывалась рукой.

— Так, орнитозный петух! Успокойся! — заорала я, в надежде, что птичка окажется из пугливых, но нет.

Порыв сквозняка захлопнул балконную дверь. Я сжала покрепче медальон, попыталась выгнать птицу и закрыть окно. В моих руках очутилась старая швабра. Ворон получил по голове, но вместо того, чтобы позорно дезертировать с поля боя, яростно бросился на меня. Я замахнулась, ударила, промахнулась. Швабра сломалась, слегка обезоружив меня. Сейчас буду звонить в общество по защите прав человека, чтобы они срочно прислали того, кто будет меня защищать сначала от ворона, потом от любителей животных, с радостью заноса ворона в Красную книгу, а меня в черные списки. Под рукой оказалась банка, которую я швырнула в сторону пернатого противника, пытаюсь нащупать что-нибудь подходящее для самообороны. Банка ударилась об край какой-то доски, разлетелась, обрызгав нас с вороном белой, вонючей краской.

Ворон, яростно каркая, бросился на меня, выхватил медальон, но я была проворнее, намотав цепочку на руку. Мы тянули его в разные стороны, а потом цепочка порвалась, меня отбросило в сторону ветхого шкафа, а ворона ударило об стекло. Медальон остался у меня в руке, мне в глаза ударил яркий свет, а сверху упало что-то тяжелое, тут же заставив его померкнуть.

Глава вторая

Принципиальный вопрос

Женой быть хорошо,
а куртизанкой — интересней!

Я лежала, постепенно приходя в сознание. Перед глазами все расплывалось, в ушах звенело, а тело было ватным. Мне удалось поднять непослушные руки, посмотреть на них, прикинуть, что с четырьмя руками меня возьмут с радостью не только на любую работу, но и замуж, правда, я попрошу платить мне два оклада и потребую сразу два обручальных кольца. Звон в ушах постепенно стихал, уступая место монотонному противному гулу. В комнате было темно и прохладно.

— ... нет! — раздался взволнованный мужской голос неподалеку. Казалось, что он доносился через стенку. — Нет-нет-нет! Даже не упрашивайте! Это слишком большая честь для меня! Я — всего лишь скромный преподаватель. И заметьте, не амбициозный! У меня вообще нет никаких амбиций! У меня даже потенциал маленький!

— Не такой уж и маленький, — ядовито проскрипел старушечий голос. — Поверь моему опыту, видала и поменьше. Помнится, смотрю, присматриваюсь: «Ты где?». А мужик нервничает: «Да здесь он, здесь! Поищи получше!». Так что у меня глаз наметан!

— Прекратить! — слышался хриловатый мужской голос. Что-то гулко ударило об пол. — Рты свои закрыли. Мы решаем проблему, а не ударяемся в воспоминания! Это тебя в первую очередь касается, мадемуазель Шарман!

— После того, что между нами было, ты просто обязан на мне жениться! — проскрипел ядовитый старушечий голос, приобретая нотки подозрительного кокетства.

Кто-то подавился, слышался стон, переходящий в гаденькие смешки: «Совет да любовь! Совет — беги!»

— Единственное, что между нами было — это стул! Я еще никогда не женился из-за стула! — рявкнул хриплый голос, но его тут же перебили.

— Господа и дама! Не нужно соритесь! Помните, к нам приходил... — произнес язвительный мужской голос. — Внешность у него что надо! К тому же он немой!

— Немой? — разочарованно поинтересовался скрипучий женский голос. — То есть он меня не к любви склонял, а дорогу спрашивал? Мерзавец! Подлец! Так обмануть наивную девушку!

— Дорогие мои! — вмешался еще один вкрадчивый мужской голос. — В тот момент, когда сюда слетится весь родительский совет, я отойду в сторонку, а вы будете рассказывать, как же так получилось, что королевский детей воспитывает простолюдин... Последнее, что вы услышите в своей жизни, будут мои слова: «А я же говорил!».

— Давайте быстрее! — лениво заметил еще один мужской голос, прокашлявшись. — У меня уже стрихнин по времени, а я еще мышьяк не пил!

— Подвязывай с этим! — грустно заметил хриплый голос, под горячее одобрение присутствующих. — Трудоголизм хуже алкоголизма!

— Кто мышьяк с утра не пьет, тот здоровеньким помрет! Кто не глушит цианид, тот весь пир лежит, молчит! — лениво парировали в ответ, кашляя, словно на последнем издыхании.

— Неужели здесь нет ни одного настоящего мужчины! — внезапно слышался старческий голос с придыханием. — Даме дует! Как вдувать, так все, а как дует — так никто! У меня была слишком долгая жизнь, чтобы разочароваться в вас окончательно!

— Да, да, закрывайте окно, Элберт заболел и не придет! — прозвенели стекла и послышался хлопок рамы. — Надо расходиться! Без Элберта мы ничего не решим!

— Да причем тут окно! Ничто не греет женщину, как крепкие мужские объятия! — кокетливо произнес старческий голос. — Это я намекаю, что мне холодно!

— Другая бы на твоём месте уже давно внуков нянчила! — возразили ей.

— Хорошей женой быть хорошо, а куртизанкой — интересней! — сладенько огрызнулась бабулька. — Неужели никто меня не обнимет?

— А что? Где-то рядом есть смерть? — вкрадчиво поинтересовался голос. — Прости, Шарман, костлявенькая с объятиями пока задерживается! А замещать ее мы не имеем права!

— Короче! К чему мы пришли? — вздохнул хриловатый голос. — Мы пришли к концу нашей преподавательской деятельности.

Послышались многочисленные шаги, в комнате, в которой я приходила в себя, вспыхнул яркий свет.

— Не может быть! — раздался хриплый голос, пока я пыталась проморгаться и отползти подальше. На всякий случай. — Вот это да!

— Так она же молодая, — возмутился старческий скрипучий голос с нотками ревности. — А по правилам Академии Прекрасных Принцев, ректором становятся женщины от шестидесяти и мужчины от тридцати! А то опять начнут орать, что соблазнили их мальчика! Окрутили! Он не виноват! Он ничего в этом не понимает! Она, воспользовавшись наивностью, затащила его на себя! А женщине, между прочим, нельзя поднимать и тащить на себя восемьдесят килограмм венценосного тела! И под предлогом «завязать шнурки» раздела его! У меня шесть папок объяснительных! Это только по молодости! Сейчас проще! Раньше, когда заходила, снимались штаны, а сейчас обвинения!

— Радуйся, что не шляпы! Есть еще поправка на женщин от ста пятидесяти. Но это по весу! — огласил весь список дискриминаций язвительный голос. — Так, что мы будем делать? Откармливать?

Я попыталась встать, опираясь на что-то шаткое позади меня, и тут мне на голову снова что-то упало. В ушах зазвенело, а передо мной лежал и расплывался огромный талмуд с изображением короны. Я покачнулась и снова провалилась в темноту.

Очнулась я от того, что лежу в полумраке на красивой постели. Вот этот сон мне нравится!

— Проснитесь, — прошептал на ухо хриловатый мужской голос, а моей взмокшей щеки коснулись холодные пальцы. — Проснитесь, прекрасная незнакомка...

Вот это я понимаю! Ради такого сна стоит даже в обморок упасть! Кто-то взял мою руку и поднес к своим губам, нежно прикасаясь к ним, заставив мое сердце трепетно дрогнуть.

— С вами все в порядке? — прошептали мне, убирая липкие волосы с моего лица. — Вам стало плохо...

Я приоткрыла глаза, видя перед собой чертовски красивого мужчину, который склонился надо мной, как принц над спящей красавицей. Сердце забилось от волнения, а я тревожно сглотнула, чувствуя, что такие сны снятся не каждый день.

— Как вы себя чувствуете? — прошептали мне, прижимая мою руку к своей груди и нежно перебирая мои пальцы.

— Так себе, — вздохнула я, разглядывая аристократическое лицо с выразительными серыми глазами. Легкая проседь уже посеребрила виски красавца, а улыбка выдавала

штрихи ямочек на щеках. Я вижу даже первые морщинки, которые ничуть его не старят, а, скорее, роднят с хорошим, выдержанным коньяком, терпким и дорогим, который не грех пригубить.

— Знаешь, когда я в первый раз тебя увидел, — мои пальцы нежно погладили, пока я сделала глубокий вдох женского блаженства. — Я сразу понял, что ты — именно та, которая нужна...

Продолжай, продолжай...

— Нет смысла больше тянуть, — серые глаза смотрели на меня с такой нежностью и грустью, от которой хотелось зажмуриться и замурчать, как кошка. — Я не знаю, к чему церемонии, потому как только я вас увидел, то решил сделать вам предложение... Не почтите за дерзость, но вы согласны?

— Эм... Я не уверена... — слабо прошептала я, поражаясь тому, что наши отношения так быстро перешли из стадии «я тебя увидел» в стадию «пока смерть не разлучит нас», минуя все промежуточные стадии «как тебя зовут?», «чем увлекаешься?», «держи букетик!», «может, сходим куда-нибудь?».

— К чему сомнения? Я приказываю! — улыбнулись мне, в голосе послышались стальные нотки. А я уже чувствовала, что кроме смерти нас может разлучить глубокий обморок или крепкий сон. Этот нам не подходит. Слишком шустрый. Следующего, пожалуйста!

— Пульс слабый, — услышала я ленивый негромкий голос, с трудом открывая глаза. — Надо мной сидел седоволосый молодой человек с васильковыми глазами. Он слегка смутился. — Ты как себя чувствуешь? Называй симптомы... Голова кружится? Хм...

— Э... — заинтересовалась я, чувствуя, как меня нежно держат за руку. Во рту все высохло и слиплось. Скорая помощь меня начинала радовать своим подходом к подбору персонала. Промелькнуло даже «мальчик по вызову», для игры «в доктора».

— Просто, у меня есть к тебе предложение... — прошептали мне, слегка смущаясь. О! И этот туда же! Да они что! Сговорились все!

— Может, сходим для начала куда-нибудь? — простонала я, понимая, что во сне у меня эпидемия «любовей с первого взгляда».

— Ой, прости, я не подумал. Ты сходишь, а я отвернусь! — анонсировали наш культурный поход очередной «заразный».

— А вдвоем никак? — слабо спросила я, сжимая в руке медальон. Я представила, как прожорливым бакланом наявляю заказ, пока «ухажер» сидит и конвертирует мой аппетит в местную валюту, сверяясь с меню и стоически отворачиваясь, понимая, что чаевые для него сродни покупке новой машины. Не представляю, что будет с ним, когда девушка изъясит желание поиграть в прожорливую гусеницу, возжелав недоеденное, но очень соблазнительное и шутрое яблоко.

— Эм... Вдвоем никак... — почему-то смутился герой моего сна, усиливая мои подозрения. — «Горшок», как бы, один...

Пока я вспоминала, где в городе обосновалось столь дорогое и шикарное заведение с очень презентабельным названием «Горшок», мне подсунули красивый горшок с ручкой. Отлично, занимаем лучшие места, изучаем меню, а потом отрываем чек. Я простонала и закрыла глаза, понимая, что даже во сне мне не очень везет с мужиками, поэтому отвернулась и уснула, чувствуя, приступы слабости и головокружения.

Я очнулась от того, что меня осторожно похлопали по щекам.

— Дорогая моя! — я открыла глаза, глядя на темноволосого мужчину с кудрями, склонившегося ко мне. — У меня для тебя есть отличное предложение! Очень выгодное! Ты только подумай, одно твоё «да», стоит кругленькую сумму денег.

Мои глаза округлились похлеще суммы, которую мне озвучили.

— Для этого нужно подписать вот здесь! Поверь мне, более выгодного предложения я

никогда никому не делал! — мне в руку вложили перо, поднося ее к листу бумаги. — Тут нет смысла даже сомневаться! Смотри! Это — очень быстрый способ наживы! Я бы даже сказал «шальные деньги»! Только тихо и быстро! Никто ничего не заметит, а если заметит, то...

Я бросила перо, понимая, что дьявольские огоньки в глазах в последний раз блуждали в глазах сотрудника банка, который предлагал мне «очень выгодную ипотеку, рекомендуя мне прожить еще лет сорок. Я что-то не могла гарантировать банку, что проживу именно столько, скептически глядя на молодую семью на буклете. Ладно, родители! Дети — то почему улыбаются? Со мной соглашались: плохая экология, медучреждения родного города, водители с бутылкой крепкого алкоголя, товарищи без зажигалки, облюбовавшие темные закоулки, кирпичи, высматривающие мою макушку среди других макушек и одинокий балкон, готовый в любой момент оправдать мою обиду на весь мир.

— Пошел ты, — выдохнула я, пока горький опыт юридических приключений бегал за лупой, чтобы прочитать то, что написано третьим шрифтом в разделе «сноски».

Я простонала, потрогала лоб, поворачиваясь на другой бок. Сон про сон — это что-то новенькое!

— Малыш, — негромко промурчали мне на ухо, заставив открыть глаза. — Вставай, малыш! Не упрямясь!

«Вставай» меня смущало, «малыш» огорчало. Матушка — природа взяла на себя «малыша», а моя самооценка со скрипом приняла на свой счет «вставай».

— Надень штаны и мучайся! — проворчала моя женская самооценка, закрываясь подушкой.

— Малыш, вставай, — потыкали в меня чем-то остреньким. Я обернулась, а к моему горлу устремилось что-то сверкнувшее металлическим блеском. Холодное лезвие уперлось в мое горло, заставив сердце бешено заколотиться от неожиданности. «С добрым утром, любимая!» — шептало незабываемое утро, зачеркивая с гаденькой улыбкой слово «доброе» на бейджике. «Утро, просто утро!», — отрекомендовалось время суток, пока я скосила глаза к носу и смотрела на руку в черной перчатке, сжимающую рукоять маленького стилета.

— Итак, малыш, выслушай меня внимательно, — прошептали мне на ухо. — Есть предложение, на которое нужно сказать «да». Только «да». Запомнила? А потом поставить свою подпись. Красиво, малыш, аккуратно, чтобы никто не придрался. Итак, ты согласна?

— Да, — тихо сглотнула я, глядя как мне подсовывают листок с предложением. В мои дрожащие пальцы вложили перо, а я осторожно поставила какую-то «закарлючку», смутно напоминающую мою подпись.

— Она согласна! — мое горло отпустили, заставив меня нервно податься вперед и прижать руку к тому месту, где еще недавно был повод понервничать. — Держите ваш договор!

— Ура! — раздалось со всех сторон. Вспыхнул свет, я видела, как с кровати вставал высокий светловолосый улыбающийся тип с обольстительной улыбкой последнего мерзавца, пряча ловким движением металлическое острие в голенище красивого сапога.

В комнате было полным-полно народу. Тот самый выдержанный красавец с проседью стоял в позе штандартерфюрера СС, одергивая кружевные манжеты, спрятанные под глухим черным сюртуком, седовласый слегка взъерошенный молодой человек с нездоровой бледностью и васильковыми глазами прятал руки в рукава какой-то неряшливой хламиды, хищный кудрявый брюнет с профилем гордого орлана, скептически приподнял бровь, поигрывая золотыми перстнями на руке и тот самый светловолосый, вполне симпатичный мерзавец, улыбался так широко, что, казалось, за ушами есть маленькие завязочки.

Неподалеку сгорбилась небольшая, дряхлая старуха с мушкой на припудренном лице. Если оценивать количество штукатурки, то за ней должен ходить профессиональный

маляр с валиком, закрашивая отвалившиеся фрагменты. На голове старушенции возвышался огромный, неопрятный и несуразный припудренный седой парик со старенькими и грязненькими бантиками. Из парика на меня, как из скворечника выглянула мордочка мыши, а потом спряталась. Сама бабушка была одета так, что мне тут же захотелось укутаться в шаль, накинуть на голову платочек и пристально и подозрительно посмотреть ей вслед взглядом скамеечной инквизиции. Кружевное, потрепанное декольте располагалось в районе пупке, обнажая дряблую шею с бархоткой, далее был атласный корсет, который заканчивался пышной юбкой с заплаткой. Юбка была коротюсенькой, но пышной, обнажая кружево двух старых, растянутых чулок и туфли с большими бантами. Я бы даже сказала, что чулки слегка провисали, а по одному из них вверх ползла жирная стрелка. Но даже эта стрелка не могла сравниться с теми стрелками, которые были нарисованы на морщинистых веках. Старуха обмахивалась плешивым веером, донором к которому был сначала страус, а потом в свете финансового кризиса — петух.

— Добро пожаловать в Академию Прекрасный Принцев — самое престижное и дорогое учебное заведение современности! — пафосно проскрипела бабушка, обмахнувшись своим петухом. — От лица всего педагогического состава, мы рады поприветствовать нового ректора!

— Кого? — я на всякий случай обернулась по сторонам, чувствуя, как холодеют мои конечности! Еще бы не холодеть. Рядом не терся солидный мужик в лоснящемся костюме, который в этот момент должен был торжественно жать всем руки!

— Я — Мадемуазель Шарман. Очень заслуженный преподаватель Искусства Обольщения. В свое время переспала со всеми монархами, включая всех их родственников мужского пола, — проскрипела бабушка, делая такой вычурный реверанс, что правая грудь чуть не вывалилась наружу, но хозяйка заметила это раньше и прикрыла ее веером, заправляя обратно. — Ой! Ой-е-ей! Разогните меня!

Она шарила костлявой рукой в поисках поддержки, а потом с хрустом разогнулась сама, кашляя и проклиная нынешнее поколение мужчин так, что следующего поколения могло и не быть.

— Это, — пришла в себя Мадемуазель Шарман, показывая свернутым веером в сторону «фюрера». — Наш преподаватель этикета! Арден фон Файербрук. Барон. Идеальное воспитание в строгой семье! Последний инсульт у него случился в тот момент, когда вилок для рыбы ели мясо птицы!

— Драсте, — неуверенно кивнула я, а барон приблизился к моей руке, склонился и поцеловал, заставив меня слегка покраснеть. Я посмотрела в холодные серые глаза и на красивую осанку, скользя взглядом по наглухо застегнутым пуговицам.

— Это... Ой! Совсем забыла! Кажись, с ним не спала, а уже забыла! Бывает же такое! — прокашлялась бабка, показывая на бледного мужчину в хламиде, который постоянно доставал из кармана почерневшие часы и нервничал, поглядывая на них. — Наш преподаватель по ядам! В свое время отравил двести шестьдесят восемь человек! Винсент Аннехотителичашечкучая! Увы, фамилия его неизвестна, она даже нам не говорит.

— Двести шестьдесят девять, — лениво поправил молодой человек, глядя на меня так, словно собирается принести мне кофе в постель, пока за дверью дежурят похоронные агенты. — Вспомни маркиза...

— Ах да, как я могла забыть! — занервничала старушка, интенсивно обмахиваясь веером. — Вот наш преподаватель по казне. Робер Эрдинанд. Был некогда министром при этом... как его... кривой... Бертран, кажись...

— Кривой? — скептически уточнила я, представляя скукоженного монарха с прогрессирующей формой сколиоза. Седовласый молодой человек посмотрел на часы, достал из кармана какой-то флакон, залпом его осушил, крикнул, сморщился и застонал, как при родах. «Ай-я-я-й!», — мучился он, хватаясь за живот и бледнея.

— На Винсента внимания не обращайтесь. У него по времени цианид! Это для меня Бертран — кривой. А для всех Бертран Бедный! Ну да, кривой, маленький... Да! —

сладострастно улыбнулась старушка, растянув в улыбке намазанные алым губы. — Так вот, он был министром при Бертроне Бедном. Почему он был беден — знает только Робер.

Мне подарили дьявольскую улыбку, сверкнув глазами и слегка приподняв брови.

— Наш преподаватель, с которым вы уже слегка познакомились Лючио. Придворный интриган, ветеран двадцати трех дворцовых переворотов, идеолог более шестидесяти. И, заметь, всегда выходил сухим из воды. Три раза менял правящие династии за месяц! Профессионал!

Блондин с широкой улыбкой поклонился мне, даря коварный взгляд и закусывая губу. Я что-то уже минуту пытаюсь сглотнуть, но все никак не получается!

— А вот наш учитель фехтования... — продолжила старуха, но я ее перебила, глядя на толпу почетных преподавателей.

— Пойдите! При чем здесь я? — я бросила подозрительный взгляд на делегацию.

— Как при чем? Вы — наш новый ректор! Завтра начинается учебный год, сюда съедутся принцы со всех земель. Так происходит каждый раз, когда во всех королевствах есть наследники мужского пола. Как только самый младший из них достигает шестнадцатилетия, объявляется набор в Академию. Мы готовим прекрасных принцев и будущих королей! И вы... кстати, как вас там... теперь наш новый ректор!

— Я — кто? — удивилась я, сжимая в руке медальон. — Ректор? Да вы шутите!

— Вы — не просто ректор! Вы, считай, лицо Академии! Вам ничего делать не нужно. Просто подписываете документы, выступаете с речью, общаетесь с родителями и получаете за это очень хорошую зарплату! — закивали мне. — А мы, если что, пугаем вами учеников! Вы только представьте! Сто тысяч золотых! Вас всем обеспечат, включая личные покои, кабинет, одежду и еду. Поверьте, у нас отличный повар! Королевская кухня на высоте! Конкретно — в той башне!

Все переглянулись и стали соглашаться, мол, да, предложение выгодное. Я чувствовала, что сомневаюсь в своих умственных способностях. Сто тысяч? За то, что ты просто сидишь и дуешь щеки? Целый год ходишь с важным видом и толкаешь умные речи?

— Хорошо, а в чем подвох? — ядовито уточнила я, сжимая покрепче свой медальон.

— Какой подвох? — ахнула Шарман, обмахиваясь веером и хлопая глазами так, что у нее слетела накладная ресница. — Никакого подвоха нет! Где вы его увидели? Нам просто нужен ректор!

— Абсолютно никакого подвоха! — авторитетно покачал головой преподаватель по этикету, поднимая на меня серые глаза.

Кто-то рассмеялся, а я слегка успокоилась. Если действительно платят такие деньги, считай, за красивые глаза, то ... Почему бы и нет? Что в этом такого? Я осторожно разжала руку с медальоном, который на удивление легко раскрылся. С одной стороны был нарисован наш мир, с другой — какой-то сказочный замок, а по ободку шла надпись: «Нажми на камень и выбери свой путь!». Я так понимаю, что вернуться всегда успею, так что...

— Хорошо, я согласна! — кивнула я, примеряя к своему имени и отчеству солидную приставку «ректор». Не офис — менеджер Настя, а ректор королевской Академии Анастасия Николаевна! «Анастасия Николаевна! Подпишите документы!» — мне приносят красивую папочку. «Анастасия Николаевна, родители пришли поблагодарить вас за все хорошее, что вы для нас сделали! Примите наше скромное подношение, на которое мы скидывались всем трудовым коллективом!» Первый человек в Академии! Я уже мысленно представляла себя в солидном кресле, пока мне отчитываются все преподаватели, составляла графики и утверждала расписания занятий, а потом чинно вышагивала по коридорам, давала указания, раздавала выговоры и премии...

— Мы пока оставим вас! Через пару часов здесь будут принцы и их родители! — сообщили мне. — Мы должны будем подготовиться к началу учебного года!

Дверь за делегацией закрылась, я встала, подошла к зеркалу, сделала надменное лицо, даже приосанилась. Ректор Анастасия Николаевна! Перед глазами возник коридор родного вуза, по которому шел доисторический реликт в очках, а все расступались и здоровались!

— Мною даже угрожать будут! — усмехнулась я, глядя на мятое и сонное лицо Академии. — Я буду хорошим ректором! Не зря же я окончила магистратуру с отличием! А еще я увижу настоящих принцев! И...

Я слегка покраснела, вспоминая красивые сказки.

— Возможно, — я лукаво улыбнулась сама себе, представляя замки, короны и белоснежных коней. — Возможно, среди них есть и мой принц. А почему бы и нет?

Мысль о том, что сюда съедутся принцы со всех земель, поднимала мое настроение!

— Быстрее сюда! — послышалось за дверью, а ко мне ввалилась все та же делегация. — Несите одежду! Они уже съезжаются!

В дверь ввалился педагогический состав.

— Быстро одевайте на нее ректорскую мантию! — командовала парадом старуха, интенсивно обмахиваясь веером.

На меня водрузили какой-то огромный ковер с золотой вышивкой.

— Как вас зовут? — послышался задумчивый голос, на который я обернулась, увидев целый консилиум из трех человек, склонившийся над бумагой.

— Анастасия, — отозвалась я, глядя на свое отражение в зеркале. Бабка суежилась рядом, присматриваясь к моему лицу и близоруко щурясь.

— Не солидно! Ой, не солидно! — кряхтела мадемуазель Шарман, рассматривая меня со всех сторон и доставая огромную коробку, напоминающую походный чемодан средневекового инквизитора. — Держите ее! Сейчас! Сейчас!

Мне в лицо стали тыкать огромной, пушистой и старой мочалкой, заставив закашлять от неожиданности. Вокруг меня поднималось облако белой пыли.

— Бледная, потому что работает много! — мне снова шлепнули по лицу, пока я пыталась сплюнуть с губ белый порошок, похожий на муку. — Чего переживаешь? Мука это, мука! Белила нынче дорогие! Дефицит!

Колобок имени меня пытался высвободиться, глядя, как старческая рука потянулась к каким-то щипцам!

— Надо что-то позаковыристей! Посолидней! — бухтел кто-то позади меня. — Тише, я думаю...

— Прекратите! — орала я, когда мне пытались продрать волосы и соорудить на них прическу. — Итить твою мать! Вы что вытворяете!

— Солидно, — согласился кто-то за спиной, пока я пыталась выкрутиться из лап доморощенных парикмахеров. «Согласны!», — подтвердили за моей спиной.

— Тыфу ты! — прокряхтела бабка, глядя на мои три волосины, которые никак не хотели стоять дыбом без посторонней помощи. — Придется парик надевать! Сейчас гляну, какой-нибудь ненужный!

Мне на голову надевали лысую шапку с реденькими волосенками. Проплешина справа не смущала никого, кроме меня!

— А ничего, что тут ... эм... — я показала пальцем на вырванный клочок волос, глядя на свое бледное отражение в зеркале.

— Ничего, ничего! — успокаивали меня, рисуя огромные синяки под глазами. — Это от нервов! А синяки от бессонных ночей!

Я отклонилась, пытаюсь посмотреть на себя, но мадемуазель Шарман, заслонила собой весь вид, доставая шкатулку с какими-то черными бородавками и обильно расклеивая их по моему лицу так, словно я недавно переболела корью.

— Прекратите! Я сама все сделаю! — вырывалась я, пока меня держали за руки и наседали на плечи. — Не нужно клеить мне эти бородавки!

— Это — мушки! — пояснили мне, пытаюсь накрасить губы. — Держите ее крепче! Я ей губы накрасить не могу!

— Преподавала в ..., - бубнел кто-то позади, пока я вырывалась и пыталась уползти!

— Это что за Волчегонская Академия Гопоты! — огрызнулась я, чувствуя, как остатки парика пытаются завить щипцами, выдирая искусственные волосы клоками.

— Отлично! — обрадовался кто-то позади меня. — Просто превосходно!

— Нет, я серьезно! — простонала я, когда щипцы чуть не заехали мне в глаз. — Пустите! Я кому говорю! Я передумала! Да лучше я буду уборщицей в Мухосранском политехе!

— Мухосранском Политехе, — размеренно и абсолютно спокойно повторил голос за спиной.

— Или учебным пособием школе волшебства и магии Хогвартс! — простонала я, чувствуя, как меня сверху еще и припудривают. Я попыталась встать, но меня тут же усадили в кресло. На коленях лежал клочок волос парика, а хватка на мне слегка ослабла. Серийный маньяк Красота посмотрела на свою жертву и решила не оставлять улики.

Я прокашлялась мукой, поднимая глаза на свое отражение. Мне кажется, что перед показом такого нужно предупреждать людей с расшатанной нервной системой и больным сердцем! А так же впечатлительных домашних животных со слабым мочевым пузырем! Из зеркала смотрела чья-то посмертная маска с огромными синячищами под глазами и перекошенным ртом. Парик был похож на дохлого кота, который недолго залежался возле помойки и тут же посмертно вошел в индустрию красоты! На лице красовались огромные, черные мухи, дружно облепившие колобка, бросившего косой взгляд на опустевшие косметические сусеки.

— Готово! — послышалось позади меня. — Рекомендации нового ректора готовы! Я думаю, что не придерутся!

Дверь распахнулась, вбежал опасный блондин, задыхаясь и обводя взглядом всех присутствующих.

— Ой! — застыл он, уставившись на меня. — Что-то у меня с сердцем плохо... Тащите ректора!

Мне на нос напялили огромные стрекозиные очки, похожие на две лупы, под мантией очутились чьи-то руки, заталкивая туда что-то мягкое, а потом меня толкнули в спину и поволокли по роскошным коридорам в сторону голоса, который восхвалял нашу Академию на все лады. Перед глазами все расплылось, а я пыталась понять, куда меня тащат. Очки с меня слетели, потом хрустнули, а мельком увидела толстую, страшную, упирающуюся тетку. Мне тут же нахлобучили очки с трещиной, чуть не оборвав ухо, наскоро поправив съехавший парик.

— Поприветствуйте нового ректора Академии Прекрасных Принцев! — задохнулся голос, прокашлявшись, пока перед глазами мелькали загадочные мутные пятна. Прошуршала бумажка. — Анастасию фон Итить твою мать!

Глава третья

Грызуны гранита науки

Я здесь работаю на полставки,

потому что одной ногой в могиле

Что??? Я прокашлялась так, словно конец первого семестра удивительным образом совпадет с моими похоронами. Это что получается? Почему я не слышу рыдания паспортистки? С каких пор я Анастасия фон Ититытьвоюмать? Я сейчас срочно выйду замуж за автора идеи, силой заставив его взять фамилию супруги!

— О, достопочтенные короли и королевы, мы представляем вам потомственного ректора! Ее отец был ректором, ее мать была ректором, ее дед был ректором, ее бабушка была ректором! Все ее родственники — ректора! — не унимался преподавательский состав, который после моей новой фамилии не мешало бы подсократить и проредить!

— Мы пригласили нашего достопочтенного ректора из другого мира, тщательно проверив все ее рекомендации! Более подходящей кандидатуры мы и представить себе не могли! — торжественно и очень радостно объявил голос. — Еще бы! В ее руках весь тяжелый учебный процесс!

Если спросят про обезображенный труп на рабочем месте, знайте, он был зверски забит учебным процессом! Раздались вялые одиночные хлопки и подозрительный шепот. Темные пятна о чем-то перешептывались, но их шепот сливался в гул, и мне ничего не удавалось разобрать. Я нервничала, пытаюсь осторожно отступить назад, но мне в спину уперлось что-то острое, заставив пересмотреть план побега.

— ... почетный ректор Мухосранского Политеха. Я лично был в Мухосранском Политехе, в котором преподавала наша достопочтенный ректор. О ней высокого мнения не только преподаватели, но и студенты! Они плакали, провожая ее в Волчегонскую Академию Гопоты, куда она ушла поднимать дисциплину и успеваемость! Там о ней тоже очень высокого мнения! Ее профессионализм, ее чуткость сделали свое дело, и мы решили, что это — именно тот ректор, которого заслужили ваши многоуважаемые наследники!

Мутные пятна вряд ли когда-то учились в столь элитных заведениях, поэтому стоически молчали. Мне очень чесалось снять очки! Прямо зудело! И как только я собралась осторожно приспустить их и почесать нос, послышалось: «предоставляем ей слово!». Слово? Какое слово? Единственное слово, которое напрашивалось, нельзя озвучивать при детях!

— Кхе!!! — вырвалось у меня, когда в зале воцарилась тревожная тишина. — Добрый день! Я рада вас приветствовать! Вот и начался учебный год, прозвенел первый звонок, опали первые листочки, и уже пора за парту... Лето пролетело незаметно... Эм...

Дальше я еще не придумала, поскольку речь для меня была неожиданностью.

— Поверьте, ваши дети в надежных руках, — тут же сориентировалась я, сжала кулак и потрясла им. — Через мои руки прошли сотни ... эм... детей... Мы ударим по успеваемости со страшной силой!

— Она будет их бить!!! — внезапно заорал чей-то истеричный голос, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. — Она будет избивать нашу кровиночку! Избивать и мучить! Плеткой! За непослушание! Арл, Арл, ты слышал? Будут бить нашего сыночка! Нельзя его сюда отдавать!

— Тише Мадлен, тише, — послышался негромкий мужской голос. Я осторожно приспустила очки и увидела тощую женщину под полтинник, в роскошном алом платье с огромным, вышитым золотом воротником, зажимающую рот кружевным носовым платочком. Корона чуть не упала с замысловатой прически, а рядом утешал ее, пытаюсь до нее допрыгнуть маленький, пузатенький, прыткий, как мячик мужик с седыми бакенбардами и короной.

— Она будет избивать нашего малыша-а-а! — истерила мадам. Руки у нее тряслись, а

служанки суетились вокруг, обмахивая госпожу веерами. — Палкой избивать наследного принца! Милый! Иди к мамочке! Мамочка тебя в обиду не даст!

Огромный двухметровый светловолосый принц с могучей фигурой древнегреческого героя и суровым лицом бывалого викинга поправил корону и подошел к матери, которая бросилась ему на грудь.

— Мамочка никому тебя в обиду не даст! — всхлипывала королева, пока губы страдальца дрожали.

— Мамочка, — слышался голос красавца. — Прекрати! Я стану настоящим королем! Таким, как мой отец! Я пойду по стопам моего достопочтенного отца!

— Эм... — растерялась я, прикидывая, сколько малышу и у малыша ... отцов, потому что господин Мендель, глядя на родителей подозрительно прищурился в сторону светловолосого телохранителя, как две капли воды похожего на «венценосную лапушку». — Никто никого бить не будет! Я сделаю из них настоящих мужчин!

— Совратительница! — взвизгнула маленькая старенькая толстуха с огромной короной, к которой наклонился высокий худющий старик, задыхаясь от негодования. — Мужчин из них делать будет! Он же ничего не понимает! Наивное дитя! Затащит на себя, разденет... Скажет «давай, поиграем»! Знаю я вас! А потом бастардов десяток приведет! Еще бы! Наследный принц! Это тебе не какой-нибудь крестьянин!

— Я не это имела в виду! — занервничала я, поглядывая на первую седину красивого сорокалетнего принца. В таком возрасте уже не понимать, а принимать нужно лекарства для поддержания авторитета и иммунитета... Опытный мачо заправил выбившуюся рубашку в кальсоны, гордо вскинув голову. Я представила, как предлагаю ему посмотреть котенка и протягиваю конфетку, оглядываясь как заправский маньяк, а он потом, наматывая сопли на кулак, стыдливо показывает на плюшевом медвежонке дрожащим пальцем, в каких местах его трогала похотливая тетя — ректорша.

— Я имела в виду, что мы, если что...эм... Если видим старание со стороны... эм... ребенка... Поможем ему... Натянем оценки! — терялась я, пытаюсь успокоить нарастающую панику. — Мы будем стимулировать членов нашей Академии для того, чтобы показать результат!

— Это кто тут кого натягивать собрался! — вспыхнула еще одна королева, которую обмахивали веерами красавицы-фрейлины. — Как чувствовало мое материнское сердце! Эдевар! Да они же еще дети! Им еще рано думать о таком!

Один принц тряхнул золотыми локонами и рассмеялся, как бы намекая, что он немного в теме, а второй, брюнет с длинными темными волосами нахмурился, мрачно посмотрел на брата и ссутулился, однобоко улыбаясь.

— Мы приложим все старания, — по моему виску стекал холодный пот, а колени предательски прогибались. Очки съехали на нос, а в зале царила настоящая паника. — Приложим... старания... Эм... Чтобы они получили достойное образование. Им придется грызть гранит нау...

— Грызть? — задохнулись венценосные родители. — Их заставят грызть гранит! Вы себе это представляете? Нет, нет, нет!

«Грызуны» гранита науки занервничали, поглядывая в сторону родственной истерии.

— Да успокойтесь вы! Это — образное выражение! — зывала я к публике, понимая, что столь проникновенной речи, проникающей в трепетные родительские сердца, не толкал ни один директор! Надо закругляться. — Короче! Поздравляю вас с новым учебным годом!

Руки дрожали, макияж стекал вместе с испариной, парик съехал на бок. «Совратит ребенка! Нельзя доверять ей нашего сына! Слышишь, Ирланд!», «Целый год! Целый год! Да он здесь погибнет! Арл, Арл, давай заберем его отсюда!» — причитали матери, ломая себе руки.

— Пусть новый наш учебный год... — икала я, лихорадочно пытаюсь что-то изобразить в качестве финала своего выступления. — Вам много счастья принесет! Гирлянды и хлопушки, под елочкой — игрушки... Ой! Поздравляю вас с новым годом! Мы сделаем все возможное, чтобы воспитать из них достойных королей! Именно переворот в системе образования — путь к короне! Да! Мы устроим переворот...

Я даже подняла дрожащую руку вверх, потрясая кулаком, мол, мы тут не просто так зарплату получаем! Я-то уж точно!

— Дворцовый переворот? — ужаснулся лысый король, которому подобострастно утирали пот со лба. — Подговаривать моего сына на переворот? Казнить ее! Немедленно!

— Но, сир, но Академия не под нашей юрисдикцией! — оправдывался слуга, пригибаясь от тумачков, но тут же пропуская болезненный пинок королевским сапогом.

— Хорошо, мы сделаем все возможное, чтобы воспитать из них просто людей! — у меня дрожали колени, а сердце билось, как загнанная в угол мышь.

— Простолюдинов?! — взбеленился бородатый толстяк, чуть не уронив корону на пол. Слуга поддержал ее на лысеющей голове, пока его величество багровел от возмущения и размахивал руками, как ветряная мельница.

— Вам нельзя нервничать! У вас обостриться... — шептали слуги, пригибаясь, пока их государь бушевал и топал ногами.

— Да если бы не проклятие, которое падет на голову тем, кто не отдаст принца учиться, ноги бы моего сына не было бы в этой Академии! — выкрикнул какой-то бородач. В зале стоял такой гул, такие крики, что хотелось провалиться сквозь землю.

— А я же говорил, — слышался знакомый, преисполненный яда, голос за спиной.

— Нужно было начинать с «достопочтенные короли и королевы, да пребудут с вами долгие лета правления, да воцарится благоденствие на землях ваших, да не оскудеет казна... Про королевское достоинство и образование...», — ворчал хриплый голос.

— Дети — наше будущее! — прокричала я, чувствуя, как по спине потек холодный пот. — Я двумя руками возьмусь за их королевские достоинства.... Точнее... Одной рукой за образование, другой — за достоинство! Мы...

Я подняла руки для убедительности, вспоминая своего ректора. Чья-то королева-мать упала в обморок, срочно требуя нюхательные соли с лавандой.

Ржущие, как кони принцы, внезапно побледнели так, словно я потрясаю оторванными достоинствами предыдущего выпуска.

— Короче! Мы рады принять их в члены нашей Академии! Вы меня неправильно поняли! Я не собираюсь с ними спать! Успокойтесь! Я прошу вас! — сдалась я, понимая, что это — провал.

— Да, лучше бы мы того немного, который заблудился в лесу, взяли! Я, наверное, пойду, а то что-то скучно! Мне еще настойку паслена пить, — слышался ленивый голос позади меня.

— Согласна, — хрипло и как-то обреченно вздохнула позади меня Мадемуазель Шарман. — Я здесь на полставки, потому что одной ногой в могиле. Девственность я давно потеряла, честь и совесть — тоже. Так что терять мне уже нечего...

— Да, кандидатура была в самый раз, — усмехнулся голос позади меня. По залу растекался запах лаванды. «Да не эти! Дура набитая! Другие!» — визжала королева в синем платье, в очередной раз падая в обморок.

— А что? Эльвинг овдовел? Или это его сын? Не могу понять! — слышался кокетливый скрип. Со своих позиций, судя по кряхтению, выдвигалась куртизанка-партизанка. — Помнится, любил, когда в простыне дырочка. Сам проковыряет, потом накинёт на тебя, дескать, через простыню изменой не считается...

Белокурый «дырочка в простыне» стоял со скучающим видом рядом, закатывая зеленые глаза, поглядывая на своего разбушевавшегося папашу.

— Подавайте карету! — топал ногой толстый бородатый король, свирепо сопя. — Быстро подать карету! Ни минуты мы здесь оставаться не намерены! Ни минуты!

Рассерженная делегация двигались в сторону роскошных дверей. Какую-то королеву несли на руках, а она приоткрывала глаз, чтобы раздать указания, а потом снова сникала, пока служанки бежали за ней, обмахивая ее веерами и тыкая ей под нос какой-то мешочек.

Внезапно в зале стало темно. Зловещая темнота заставила королевский хор умолкнуть и обернуться. Огромная люстра покачнулась, свечи на ней погасли в один миг, словно какой-то вампир — именинник набрал воздуха в грудь и задул их в честь своего двухсотлетнего юбилея. В подтверждение моей догадки, по залу пополз такой могильный сквознячок, от которого я зябко поежилась. Дверь захлопнулась прямо перед носом родительского комитета. Короли, королевы, принцы и слуги попятились, тревожно оглядываясь по сторонам.

— Что это? — занервничали они. Раздался чей-то басок «Мама, заberi меня отсюда! Мне страшно!».

— Охрана! Покушение! — рявкнул кто-то, пока вокруг семей сгруппировалась рыцари, обнажив мечи. — Переворот! Ловушка!

В зале воцарилась тишина... Черные тени отделялись от статуи, принимая зловещие очертания, словно протягивая руки к гостям. Гобелены затрепетали, словно паруса, а в воздух поднялись вазы, цветы, книги... У меня пересохло в горле и похолодело. Я попятилась поближе к педсоставу. Никогда еще мне так не хотелось влиться в наш дружный коллектив, стать его неотъемлемой трясущейся частью... Если бы такое случилось на моей первой линейке, то я бы обмочила гольфики и обсморкала бантики! Может, это — часть культурно-развлекательной программы? Не знаю, как другие, но я склонна к бескультурно-орательной программе, в надежде, что меня кто-нибудь вытащит отсюда!

— Ректор! Где ректор? — наперебой орали коронованные родители, пока охрана размахивала мечами, пытаясь сбить вазы и цветы. — Какой ужас! Что это значит! Как вы допустили такое безобразие! А ну быстро зажгите свечи! Разберитесь!

Я согласна побыть местным Терминатором и молча разобраться на запчасти! А еще лучше — слиться в ртутную лужу и просочиться куда-нибудь подальше!

— Прекратите это немедленно! — приказывал мне кто-то из родителей, пока охрана тыкала мечом в темноту. — Безобразие!

Сейчас-сейчас, стринги подтяну и полечу спасать мир, выставив вперед кулак. Мне очень хотелось быть каким-нибудь суперменом, чтобы со словами «Я скоро вернусь!» раствориться в высоких слоях атмосферы. Просто лететь и не оглядываться, пока на земле все пожимают плечами: «Она улетела, но обещала вернуться!». А, как известно, обещанного три года ждут! За три года все уляжется, пятно на репутации высохнет и все будет хорошо!

— Не поддается! — пытались выломать дверь охранники, пока принцы боязливо жались к своим родителям. Преподаватели стояли молча, глядя на то, как раскачивается люстра и откуда-то веет могильным сквознячком, шевеля гобелены.

— Э-э-э... — набралась смелости я, сделав шаг вперед и поднимая с пола свой отбитый коваными сапогами родительской паранойи авторитет. — Кхе! Всем сохранять спокойствие! Все нормально! Ничего страшного не происходит! Просто сквознячок! Замок старый, а что вы хотите! Еще бы! На ремонт никто не скидывался!

— Мерзавка! — завопила толстенная королева, размахивая руками. — Казнить ее! Немедленно! Выполнять приказ!

— Ай!!! — взвизгнул женский голос, вызывая новую волну паники. Внезапно в воздух стали подниматься короны, заставив меня удивиться еще сильнее.

— Держите! — орал кто-то басом. — Моя корона! Олухи! Хватайте ее!

Какой-то слуга попытался подпрыгнуть, но был тут же отброшен в сторону.

— Мама! Папа! — кричали принцы, хватаясь за головы и пригибаясь к полу.

Я отчаянно пыталась придать голосу уверенность, гордо вскинув голову. Сквозняк — не сквозняк, мне хорошо. Я в шапочке! Парик грел не хуже ушанки, но и он поднимался вверх! Я попыталась удержать его на голове, паникуя не хуже, чем гости.

— Сейчас мы все выясним, — успокаивала я, чувствуя, как дрожат под мантией колени и срывается голос в тот момент, когда опасливо поглядывала в темноту. — Главное — сохраняйте спокойствие! Без паники! Это — моя Академия, и я не потерплю такого безобразия! Кто бы это ни был...

— Ыыы! — простонал кто-то, показывая на стену. На черной стене проступали буквы...

«Твоя, говоришь? Это и есть вся твоя благодарность?» — прочитала я, поглядывая по сторонам. «Отлично! Просто превосходно! Принцы — остаются. Посторонние вымечаются! Немедленно!» — появилась новая надпись, а дверь внезапно поддалась, выплевывая на улицу груды телохранителей, которые уже таранили ее какой-то статуей. В зал хлынул дневной свет, раздался грохот, словно что-то разбилось...

Я тут же почувствовала себя очень посторонним человеком, эдаким «мимокрокодилом», которому не терпелось покинуть помещение вместе с первой волной эвакуации!

Короли, королевы и их свиты образовали давку в дверях. Что-то упало, прозвенело, послышался крик: «Поднимите мою корону!». Пока вновь напаянные короны не пролазили в дверь, я пыталась присоединиться к «проводящим». Дверь перед моим носом захлопнулась, чуть не защебив меня.

— Это что еще за шутки? — простонала я, дергая огромные ручки. — Выпустите меня отсюда!

«Добро пожаловать в Академию Прекрасных Принцев!» — гласила зловеющая надпись на стене. А потом кто-то подумал и дописал: «Ректор!». А потом еще разочек подумал и исправил: «Ректорша!».

— Прекрати немедленно! Приказываю! — закричала я и... надписи исчезли.

Свечи стали загораться одна за другой, темнота отступала, а я увидела на полу свой растоптанный парик, какой-то мешочек, чей-то платок и группу перепуганных принцев, забившихся в угол.

— Нда... — негромко заметила мадемуазель Шарман, тяжело вздыхая. — Ой, чувствую, недолго ей осталось! Не понравилась! Зря она так... Ой, зря...

— Рас... располагайтесь. Чувствуйте себя... эм... как дома, — ободряюще выдавила из себя я, поглядывая на обычную стену, украшенную многочисленными портретами. Я прищурилась и прочитала «Еленвин Ниас. Ректор Академии Прекрасных Принцев», «Канвас Годенвальд. Ректор Академии» Пробежав глазами портреты, уходящие под самый потолок, посмотрев на дрогнувшее пламя свечи, я съежилась, а на пол шлепнулась подушка, исполняющая обязанности лишнего веса.

— А где наши слуги? — возмутились принцы, оглядываясь по сторонам. Лица у них были крайне недовольные. Они постепенно приходили в себя.

— Мне нужны лучшие покои, что есть в Академии! — топнул ногой сорокалетний принц, гордо вскидывая голову. — Самые лучшие! Я — наследный принц Эсвеля! Единственный сын...

— Лучшие покои — мои! — перебил его викинг, глядя на него сверху вниз. — Мои родители обещали мне...

— Я требую, чтобы мне предоставили весь штат слуг! — возмутился кто-то с галерки, пытаясь перекричать любителей комфорта.

— Мне нужна горничная, чтобы следила за моей постелью и прибиралась в моих покоях! Мне нужен дворецкий, который будет следить за моими покоями! Мне нужен личный повар! — гнул пальцы светловолосый ангел лет двадцати трех, одетый с иголки в белоснежный костюм. — Если мне сейчас же не предоставят всех слуг, я с места не сдвинусь!

— Да! — согласились остальные «грызуны», грозно сопя в мою сторону, но при этом сбившись в кучку, как суррикаты. — Где наши слуги?

Время шло, я стояла и тоже ждала слуг. Если сейчас кто-то прибежит, то у меня уже заготовлены имена! Где эти отважные Чип и Дейл? Почему они не спешат на помощь?

— Эм, — поинтересовалась я у преподавательского состава, который смотрел на меня задумчивыми взглядами, а потом переводил взгляд на стену почета. — А почему слуги еще не здесь? Я так понимаю, что принцам они полагаются?

— Какие слуги? — усмехнулась мадемуазель Шарман, махнув рукой. Пока преподаватели расходились, принцы тоже разошлись не на шутку.

— А что мне делать? — спросила я, растерявшись.

— Вы — ректор. Это ваши проблемы. Наша забота — преподавать... — послышалось из коридора.

Я осталась одна наедине с принцами, которые продолжали высокомерно смотреть на меня, требуя от меня пятизвездочный отель, шведский стол, блэк-джек и девиц легкого поведения в ассортименте.

— Считаю до трех! — не выдержал красивый брюнет, нехорошо улыбаясь. — Раз!

Он прищурился и посмотрел на меня. Я подарила ему улыбку джокера, глядя на свой поплывший марафет.

— Два! — принц гордо вскинул голову и поднял брови. — Учти, ректорша, я несколько раз не повторяю!

Да, потолок здесь просто отличный! Так детально прорисовали небо... И архитектура здесь ничего так... Да...

— Я сейчас скажу! — предупредили меня, пока все молча с насмешкой ждали, что я впрягусь маленькой лошадкой в их багаж и потащу его в комнаты, превращаясь в полноценную «насилъницу». — Хочешь, чтобы тебя казнили, ректорша? Хорошо! Три!

Тадам! В воздухе запахло сомнением. Автор «сомнения» не признавался.

— Нет, это что получается? — перешептывались принцы, глядя на меня так, словно я предложила им отличную картонку под открытым небом. — Да мы с места не сдвинемся!

— Оставайтесь здесь. Чур по углам не гадить, — устало вздохнула я, ужасаясь в очередной раз своему отражению, которое мелькнуло в большом зеркале. Нет, я все равно здесь задерживаться не собираюсь! Еще чего не хватало! Пусть делают, что хотят!

Уверенным шагом я двинулась по коридору, выискивая нужную дверь. Через десять минут я ее нашла! Умывшись из тазика, я бросила на стол медальон, пытаюсь стянуть с себя ректорскую хламиду, которая зацепилась за волосы, мечтая решить мою проблему с секущимися кончиками очень кардинально.

— Черт возьми! — кричала я, пытаюсь сложить свои полномочия или на худой конец свернуть их комом. — Да чтоб я... Еще раз! Да ни минуты я здесь оставаться не собираюсь! Достали!

В пылу сражения с одеждой, я услышала хлопанье крыльев. На пол упала ваза с цветами, стоящая на столе, я мигом натянула хламиду обратно, глядя как огромный ворон, ловко поддел клювом цепочку и устремился к окну.

— Тварь! — орала я, пытаюсь догнать его и закрыть окно раньше, чем он вылетит. —

Верни обратно! Я кому сказала! Петух недощипаный!

Я высунулась по пояс, глядя, как силуэт птицы растворяется в мрачном тумане. Вокруг замка был черный лес, густой и какой-то зловещий. Он простирался на многие километры, упираясь в горный хребет. Среди верхушек деревьев торчала Пизанская Башня, подозрительно накренившись, а чуть дальше виднелись какие-то руины. Все это было окутано мглой, производя впечатление добротного ужастика. Ни единого листочка, ни единого цветочка или приличного кустика на горизонте я так и не заметила. Я высунулась еще сильнее, глядя на черные, поросшие плющом замшелые стены замка, который явно арендовали у какого-то темного властелина, исправно внося ежемесячную арендную оплату девицами. Рядом с моим лицом пролетел кирпич, заставив меня резко податься назад. Окно закрылось, снова заставив меня отшатнуться, а где-то вдалеке послышалось злорадное: «Кар-р-р!».

В дверь постучались, я сглотнула и открыла ее. На пороге стояли крайне перепуганные принцы.

— А можно мы будем спать с вами? А? — внезапно произнес один, показывая пальцем в сторону коридора. Да, так меня еще не соблазняли!

Глава четвертая

Глубокоуважаемая ректорша

— Учебный процесс идет!

— Куда идет?

— Туда, куда его послали!

Я воровато высунулась из кабинета. В коридоре друг к дружке жалась делегация принцев, опасливо поглядывая по сторонам. Впервые на моей памяти целый табун симпатичных мужиков готов был спать со мной исключительно под угрозой насилия. И даже обидно, что не с моей стороны.

— Отчислите меня, — взвыл один из робкого десятка. Робкий десяток занудил, что идея образования исчерпала себя еще по прибытию, и они будут с радостью указывать в нужной графе: «коридор Академии»! А кое-кто из смелых и любопытных, заглянувших соседние двери, вполне могут добавить «три класса».

— Располагайтесь, — я сплонула волосы, осматривая новобранцев, один другого краше. — Комнаты найдете сами... Я работаю...

Я попыталась закрыть дверь, оставив робкий десяток в коридоре, но огромный королевский чемодан помешал мне. В конце коридора из открытой двери раздался громкий смех.

— Ладно, — авторитетно заявила я, понимая, что сейчас делегирую свои полномочия кому-нибудь, а сама попробую разыскать эту проклятую птицу и выщипать ей все перья!

— Держите! — мне на руки попытались свалить огромный чемодан с короной. Остальные обрадовались возможности идти налегке вприпрыжку и сложили вокруг меня свои вещи. Я почувствовала себя той самой доброй и отзывчивой девушкой с располагающей внешностью, у которой на лбу жизнь большими буквами написала «караулю вещи», «присматриваю за детьми» и «фотографирую на дорогуший цифровик».

Я решительно переступила через королевский багаж и направилась по коридору. Из приоткрытой двери доносились голоса. Я на цыпочках подкралась к ней и...

— Итак, сколопендра против моли! Я голосую за сколопендру! — потряхнул красивыми кудрями главный казнокрад, подбрасывая золотую монетку. — Я просто не понимаю, при чем тут моль?

Я затаилась, сгорая от любопытства.

— Робер, она всю плешь проест! — лениво отозвался главный отравитель, сидя в кресле и задумчиво листая толстую книгу в старинном переплете и бурча себе под нос: «настойка волчанки и паслена в пропорции три к одному... Хм... Рвота... Учащенное сердцебиение... Чувство тревоги... Хм... Надо пробовать... До обеда... Отлично!»

— По сравнению со мной она — просто бледная моль! — ревниво отозвалась мадемуазель Шарман, припудривая лицо и наводя алой кистью губы, сложив их куриной попой. — Очаровательна! Великолепна! Передо мной не устоит не один мужчина!

Ну да, в подъезде увидишь — жильцы ругаться будут, стараясь миновать следы «встречи» как можно скорее, и греша на соседскую кошку.

— Кто еще за сколопендру? — осмотрелся по сторонам преподаватель по расхищению монаршей собственности.

— Я! — поднял вверх кинжальчик преподаватель по придворным интригам, развалившись на диване. — Мне кажется, что прямо в яблочко!

Через секунду кинжал вонзился в какой-то унылый натюрморт, пробив насквозь нарисованное грубыми мазками яблоко. Лениво поднявшись с дивана, добрый учитель подошел, к картине, выдергивая кинжал и усмехаясь.

— Господа и дама! — внезапно встал с кресла фюрер от этикета, холодно посмотрев на всех так, словно война проиграна, бункер рассекречен, силы противника уже вежливо стучатся в наглухо закрытую дверь с целью уточнить самочувствие великого диктатора. — Как вы можете? Это — ниже нашего преподавательского достоинства!

Я с уважением и признательностью посмотрела на единственного мужика в радиусе километров. Вера в мужиков вылезла из могилы, сплевывая землю и сбрасывая с гранитной плиты ничего не значащие веники цветов.

— Вот вам не стыдно? — сурово произнес преподаватель по этикету, чье имя я усердно пыталась вспомнить хотя бы в знак благодарности. — Я вас спрашиваю!

Повисла тишина. Если бы такая тишина повисла в музее, то было бы слышно, как кается Мария Магдалена.

— Вам должно быть стыдно за то, что сколопендра уже была! — внезапно улыбнулся фюрер, заложив руки за спину и подходя к окну. — Поэтому я голосую за моль!

— Моль, между прочим, — ночная бабочка! — обиделась куртизанка — партизанка. — А она больше похожа на дневную гусеницу!

— Так, к чему пришли? — осведомилась я, подавая голос и торжественно открывая дверь. — Я — моль или сколопендра? Мне отсюда порхать или ползти? Вопрос очень важный! Если бледная моль, то вам придется скидываться на косметику. Если сколопендра — на обувь. Так что считайте, что вам дешевле выйдет!

— Не обращайтесь внимания, глубокоуважаемый ректор, — улыбнулся интриган. — Мы просто дружно вам завидуем! Еще бы! Такая должность!

— Ах, раз я — ректор, то приказываю, чтобы вы проводили принцев в их покои и нашли мне ту ворону или ворона, которая утащила мой медальон! — я вскинула голову, чувствуя, как плечи опускаются под тяжестью полномочий.

— Прости, о, многоуважаемый ректор, — мило улыбнулся казнокрад. — Но вы немного путаетесь. Понимаю, вы здесь недавно. Так вот, мы — преподаватели! Наша задача научить, вложить в учеников знания, зажечь в них искру и так далее. А вы — ректор. И ваша задача организовать все остальное. Это — не мы, а вы, о, глубокоуважаемый ректор, отвечаете за каждого принца головой!

— А учебный отдел здесь есть? У меня есть заместитель? — поинтересовалась я, прикидывая, что на этих товарищей я торжественно возложу не полномочия, а что-то другое, природой, к сожалению, не выданное.

— О чем это вы? — усмехнулся фюрер, глядя на меня серыми глазами. — Помимо нас и повара здесь никого нет. Подойдите сюда!

Я подошла к окну, глядя на черный лес без единого листочка. Ветер ударил в стекла, лес заскрипел, а из чащи взлетела огромная стая черных ворон.

— Мы бы очень рады помочь, — подобострастно заметил интриган, подходя к нам и улыбаясь такой улыбкой, от которой кожа превратилась в муравейник. — Прямо сейчас готовы ринуться на поиски птички и твоей вещички... Покажи пальчиком, какая конкретно птичка унесла? Мы ее накажем!

Все дружно рассмеялись, пока я смотрела на тьму ворон, сумрачный лес, серое небо и горы, чернеющие в полумраке. Ворон было столько, что они сбились в огромную черную, зловещую тучу-стаю сделавшую круг почета над замком, а потом ветер стих, птицы покружились над лесом и снова уселись на деревья, хрипло каркая.

— В нашу Академию не так — то просто попасть. Особенно на работу! Территория Академии не находится под юрисдикцией ни одного из королевств, поэтому... — хриловато заметил преподаватель по этикету, пока я в голове прокручивала биографию каждого присутствующего, понимая, что трудоустройство превратилось в трудорасстройство. — Так что ваши полномочия не подлежат сложению...

— Зато подлежат вычитанию! Я просто оставляю их здесь, — сладенько заметила я, поглядывая на резной столик из красного дерева. — Мало ли... Вдруг кому пригодятся? Кстати, я тут стульчик слегка нагрела... Никто не хочет меня подсадить? А? Место тепленькое, высокооплачиваемое! Работа — непыльная, легкая. Могу уступить место старшим. Я — девушка вежливая.

Преподаватель по этикету с насмешливой улыбкой попытался галантно поцеловать мою руку, но выдернула ее.

— Ко мне пристали вы напрасно... Хотя, мне в общем все равно. Я понимаю, что прекрасна, но вы, как человек... Кто у нас тут дружит с рифмой? Подскажите мне!

Я с улыбкой обернулась, глядя на обалдевший от такой наглости педсостав. На языке вертелось слово, емко подчеркивающую не только их профессиональную, но и обычную ориентацию, но я сдержалась, глядя на них взглядом главного диджея, мол, вы у меня попляшите.

— Покои принцев находятся в Черной Башне, — холодно бросили мне вслед, когда я вознамерилась лично отвести ноющих страдальцев в их апартаменты. — Поворот направо, потом налево, потом еще направо, дальше прямо, потом три раза налево...

— За мной! Ректор окажет вам честь, и лично отведет вас в ваши покои! — скомандовал великий принцегодец, делая самый авторитетный вид и твердый шаг. Мантия была мне велика, поэтому я периодически подтягивала ее, ведя принцев по коридорам огромного замка.

Сначала все было хорошо. Первый поворот был успешно преодолен, а потом... Мелькали гобелены с какими-то сценами из жизни прекрасного принца. Вот какой-то принц — задохлик на фоне поверженного дракона обнимает красавицу с короной, которая могла победить щуплого змея одной лишь фразой: «Покатай меня!». Видимо, попытки были, раз гад лежит со свернутой шеей и высунутым языком. На следующем гобелене изображался принц, который лезет по отвесной стене в сторону единственного окошка в башне, откуда торчит голова перекошенной от волнения принцессы. На лице принца выражался весь экстаз от процесса: вывалившиеся из орбит глаза, открытый от напряжения рот, тонкие ручки — спички, которые цепляются за кирпич и ножки-палочки, висящие над бездной. Художник решил не заморачиваться бездной и изобразил заросли крапивы и колючек, так что со всех сторон пахло постелью. И раз принц карабкался, то постель принцессы была предпочтительней.

Полчаса мы блуждали по коридорам, пока я искала верное направление. Налево! Сейчас точно налево, потому что направо мы уже ходили! Там тупик!

— Мне кажется, мы здесь уже были, — заметил вспотевший златокудрый принц, прищуриваясь на гобелен, где бледный принц склонился над красавицей не первой свежести. Может, при жизни она была свежа, мила, прекрасна, точно так же как и в момент вышивки, но время и плесень сделали свое дело, поэтому лицо красавицы напоминало сыр дор блю, а радость, отраженная вышивальщиком на лице принца склоняла меня к неутешительным выводам.

— Я хочу, чтобы в моих покоях была кровать с балдахином и шторами! Как у меня дома! — заметил принц с истекающим сроком годности. — Бархатные алые шторы и золотые кисточки, на которых обязательно есть золотые коронки. Люблю, когда везде золотые короны.

— Ерунда! У меня дома кровать, которая занимает всю комнату! Одна перина чего стоит! Отец отдал за нее кругленькую сумму! — хвастался златокудрый принц. — И золотые гербы, вышитые на простынях! Однажды служанка постелила не гербовые простыни.... Если что завтрак у меня в одиннадцать часов! Запомни, ректорша!

— Мне в полдень должны подавать десерт! — капризно заметил худенький принц с русыми локонами. — Ложечка должна быть золотой! С моим личным гербом! И побольше миндаля!

— А мне в час дня должны принести для умывания воду с лепестками роз! — наседал на меня еще один любитель пятизвездочных отелей. — Нет, мы точно здесь уже были! Я

узнаю этот гобелен!

— В первый день вам полагается экскурсия по замку! — рявкнула я, понимая, что экскурсовод из меня так себе. — Чтобы потом не бегали и не спрашивали! Вы должны знать, где что находится!

Не знаю, как на счет «находится», но на счет «теряется» это точно. Где здесь поворот налево? Бедный Моисей, как же я тебе сочувствую! Манну небесную не обещаю, а вот манку земную — вполне! Ну, наконец-то!

— Располагайтесь! — фыркнула я, глядя как принцы заглядывают в комнаты. Их лица вытягиваются, глаза округляются, а кто-то даже завопил, надо думать, от радости!

— Это что? — ужасались они, глядя на меня так, словно детки — мажоры в стареньком пионерском лагере.

Я заглянула в первую комнату, увидев стандартный набор — койко-место, тумбочка, горшок, шкаф и письменный стол вместе со стулом. Понимаю, не «Артек», но жить можно! Пауки и прочие насекомые — тому доказательство.

— Я немедленно пишу своим родителям, чтобы забрали меня отсюда! — заорал черноволосый принц, глядя на свой тугой чемодан.

— Я тоже! — встрял его златокудрый брат. Принцы бурлили, негодовали, топали ногами, как туристы, оплатившие пятизвездочную роскошь, а попавшие в ремонт а ля «бабушка».

— Пишите кипятком, пишите! — великодушно разрешила я, прикидывая по каким числам сюда добирается несчастный почтальон и добирается ли вообще. — Описывайте все в деталях. Не скупитесь на подробности и эпитеты! Только один должен писать быстрее всех. Ему еще сову ловить! Мы привяжем все письма к ее лапе, выбросим ее из окна и будем ждать ответов! Спокойной ночи, малыши!

Не смотря на бурю негодования, протесты и угрозы, я удалилась искать свои покои. Я брела наугад в потемках, понимая, что не мешало бы обзавестись подсвечником.

— Я даю ей неделю! — послышалось язвительное из «учительской». — Максимум две!

— Господа и дама, разве так можно? — возмутился хрипловатый голос. — Три дня от силы!

— И сколько у нас продержался самый стойкий? Месяц? У меня подозрение, что кто-то его отравил после того, как ему сделали замечание! — проскрипела мадемуазель Шарман. — Да, Винсент?

— Ни в коем разе! Я сам тогда проспорил! — лениво отозвался голос. — Почти всю зарплату! Две — три недели. Остановлюсь на трех.

— Так, я правильно записал? — послышался хриплый голос. — Три дня, неделя, две и две недели и один день?

Тоже мне, доктора! Ничего-ничего! Я толкнула тяжелую дверь в кабинет ректора, украшенную табличкой. Перед моими глазами предстал мрачный зал, в котором гулко отражалось от стен эхо моих шагов. В центре зала расположился одинокий стол и кресло с короной, не просто нагретое, но еще и протертое многочисленными сидельцами. На столе было пусто, а в массивных шкафах ютились старинные книги. «Полномочия Ректора Академии Прекрасных Принцев» — я вытащила за переплет книгу с золотым тиснением. Судя по количеству страниц полномочий у меня было хоть отбавляй!

— Ай! — заорала я, когда мне на ногу свалился восьмой том «Обязанностей ректора, чуть не раздробив мне пальцы. — Так, что мы имеем?

Я уселась в старое скрипучее кресло, обложившись книгами. Через пять минут я поняла, что не я имею полномочия, а полномочия меня! После первой страницы инструкции, стало ясно, что мне должны присвоить орден, после второй — посмертный орден, после третьей — можно смело претендовать на памятник, после четвертой — в золоте в полный

рост. «Ректор имеет право контролировать учебный процесс. Он имеет право посещать уроки преподавателей в любое время и без предупреждения. Он имеет право требовать расписание и план урока!». Где-то рядом плясали канкан справедливость, жажда мести и обиженная самооценка, ловко откидывая коленца под задорную мелодию.

Книги встали на полку, а мой взгляд привлек том «Золотые страницы Академии Прекрасных Принцев», который я тут же вытащила, чуть не растеряв половину этих драгоценных и плесневелых страниц.

«Ректор Игнациус Фелдон. Причина увольнения — пошел на повышение. Залез на башню, а потом осуществил карьерный взлет вниз. Ректор Вэлдор Эверглос. Причина увольнения — переквалификация. Переквалифицировался в ворона и попытался улететь из окна ректорского кабинета. В первый раз — unsuccessfully. Второй раз — успешно. Ректор Шелдор Картчер. Причина увольнения — удалился (зачеркнуто) удавился от дел. Место удавления до сих пор не выяснено. Ректор Эвидор Эванс. Причина увольнения — по собственному желанию. Наличие предсмертной записки — тому подтверждение!»

Я пыталась найти еще листы, но они были перепутаны, поэтому была найдена только половинка следующего листа, в котором было пара смертей при невыясненных обстоятельствах. Невыясненных — исключительно потому, что лень было выяснять. Еще один ректор сгинул в Заколдованном Лесу. Я читала, читала, лениво перелистывая страницы и зевая, а потом почувствовала, как буквы расплываются...

Бом!

От этого «Бом!» я вздрогнула, подорвалась, как сапер на mine, глядя ошалелыми глазами вокруг. В узкое оконце с решеткой падал дневной свет! «Бом!» — послышалось снова, оглушая меня. Крышка от чернильницы слетела, но сама чернильница не дернулась, ибо была намертво прибита к столу. «Бом!» — звонил какой-то колокол, пока я хваталась за сердце и пыталась выдохнуть.

— Многоуважаемый ректор, — дверь открыли, а потом демонстративно в нее постучали. На пороге стояла мадемуазель Шарман, покрашенная так, что у меня в зобу дыхание сперло. — Я прошу обеспечить явку учеников на мой урок, который начнется через час. Будьте так любезны! Обязанности ректора. Параграф шестой.

Я молча открыла книгу, нашла шестой параграф, а потом с гаденькой улыбкой продемонстрировала его. Это был тот самый момент, когда я благословила ту азбуку с веселыми картинками, которую мы дружно проходили в первом классе. «В обязанности ректора не входит явка учеников на урок!».

Я дошла до комнаты, увидела завтрак, оглянулась по сторонам и решила попробовать. Ничего так! Вполне себе неплохо... Вытерев руки об салфетку, я прошла в мой санузел. В комнате что-то прошуршало, я выглянула и увидела, как огромный ворон уронил на стол мое зеркало. На столе лежал мой договор и постановление о назначении меня ректором Академии Прекрасных Принцев. Посреди постановления красовалась огромная птичья какашка!

— Ах, ты! — негодовала я, глядя как автор печати вылетает в открытое настежь окно. Резолюция попала четко на мое имя, заставив меня брезгливо поморщиться. Зеркало пошло трещинами, как и мои мечты о почетной должности.

— Еще раз! — высунулась я по пояс, пытаюсь понять, какая из ворон выразила свое негодование по поводу моего назначения. Захлопнув окно, зашторив его как следует, я взяла в руки грязное, треснутое зеркало, пытаюсь водрузить его на место.

Из коридора слышались отдаленные крики: «А ну быстро одевайтесь! А не то поцелую!».

Ну, все, могу быть спокойна.

Сантехника здесь была не на высоте, но я быстро разобралась. Латунное подобие крана загудело, брызнуло кипятком во все стороны, заставив меня отпрыгнуть. Зеркало я решила выбросить в ведро. Через минуту мне удалось настроить воду и блаженно погрузиться в ванную.

— Я вам сейчас покажу! — орала мадемуазель Шарман. И судя по громким и

пронзительным крикам все-таки показала.

— Уберите! Я вас умоляю! — орал какой-то принц, задыхаясь от ужаса. — Мои глаза! Нет!

— Я просто подтянула платье! Ну выпала? И что? Никаких манер! Арден вам покажет! — скрипела несмазанной телегой мадемуазель Шарман, пока принцы громко и истерично обсуждали увиденные прелести. — Сегодня мы будем учиться обольщать и расколдовывать принцесс, снимать, так сказать, проклятия, так что марш в класс!

Любопытство просто сожрало меня заживо, поэтому натянув гнусную улыбку, я вышла в коридор. Все двери были закрыты. В коридоре царила тишина.

— Аааааа! — раздался вопль, который подхватил нестройный мужской хор, претендующий на звание королевского исключительно по праву рождения. — Ааааа!

Я подошла к двери, за которой орали принцы, открыла ее и увидела роскошно обставленный класс, мадемуазель Шарман, которая что-то заправляла в декольте, прикрываясь щипаным веером.

— Я имею право посещать уроки, когда мне вздумается! — сладенько заметила я, присаживаясь за парту. — Продолжайте, продолжайте! Кто-то же должен контролировать учебный процесс? Пункт сорок восьмой. Параграф девять.

— Итак, на чем я остановилась. Я — мадемуазель Шарман! Ваш преподаватель по соблазнению и не только... Прекрасный Принц должен ... Да что там должен! Просто обязан уметь целоваться! — гордо заметила старуха, искоса поглядывая на меня. — Учтите, как я уже говорила, экзамен вы будете сдавать мне лично!

— Ааааа! Нееет! — заорали принцы, кривясь и морщась. Послышалось тихое: «Мне плохо! Позовите слуг! Умоляю!».

— А теперь представьте, что вашу невесту, за которую дают отличное приданое, заколдовали! — продолжала мадемуазель Шарман. — И расколдует ее поцелуй.

Она причмокнула губами, повергая в ужас впечатлительную галерку. То, что творилось на первых партах среди «отличников» сложно было передать словами. Судя по взглядам, они сдали бы экзамен автоматом с полной обоймой патронов.

— Где наши девочки? Где наши красавицы? — скомандовала старуха, глядя на притихший, а потом слегка оживившийся класс. Еще бы! Девочек! Кто-то даже заулыбался.

На столе появился огромный ушат.

— Выбирайте! Кому какую! Кто больше любит, кто поменьше! На любой вкус! — из ушата что-то жалобно заквакало. Прямо неудачное интернет-знакомство.

— Ни принц сегодня не будет одинок! — кокетливо заметила мадемуазель Шарман, снова поглядывая на меня и подтягивая платье. — А уважаемому ректору — принца. Выберите там какого-нибудь!

Мне на парту шлепнулась большая, густо покрытая бородавками жаба, которая тут же напомнила мне один неудачный опыт свиданий «оффлайн». Жабе я не понравилась.

— Уберите! — верещали принцы, шарахаясь от своих «невест».

— А у меня дохлая! — послышалось жалобное с галерки.

— Ничего, ничего, уважаемый вдовец! — кивнула мадемуазель Шарман, обмахиваясь полысевшим веером. — Сейчас вам новую невесту подберем! А что ж мы такие привередливые? Никто не знает, какую принцессу вам подсунут! А наследник будет нужен!

— И как часто это бывает? Я имею в виду заклинания и проклятия? — осведомилась я, глядя как жаба надулась и отвернулась от меня. Еще бы, жаб мечтал о фотомодели с

ясными глазами и губками — вареничками, а тут я. Обычная. У жаба, между прочим, запросы ого-го!

— Постоянно! — ответила мадемуазель Шарман, даря мне нехорошую улыбку. — Правда, расколдовывают не всех! Ну, дорогие мои, пора познакомиться с невестами! Итак, Камилла! Мадлен! Аурика! Держи Аурику! Не видишь, что от тебя невеста сбегает? От хороших мужиков невесты не сбегают! Можете дать им имена. Можете пометить каждый свою! Измены у нас не приветствуются! Я все вижу! Нечего на чужую жену заглядываться! У тебя своя есть! Итак, приступим! Нежно посмотрите на свою красавицу...

Мадемуазель Шарман медленно шла по ряду, проверяя «нежность» во взглядах.

— Я не буду целовать лягушку! — возмутился златокудрый принц, надувая щеки и отодвигая ее подальше.

— Я тоже не собираюсь! — отозвался его темноволосый и угрюмый брат, нехорошо улыбаясь.

— Ваши имена? — прищурилась старуха, резко складывая веер и подходя поближе.

— Фердинанд Скорпиус, — отозвался темноволосый брат, измываясь над невестой.

— Мое имя — Фредерик Скорпиус, — вскинул голову златокудрый принц, пока его брат с омерзением держал за лапку свою «невесту». — И попрошу обращаться ко мне не иначе, как Ваше Высочество! Я — наследник престола!

Его брат посмотрел кислым взглядом, словно день в королевской семье начинался со слов: «Один из вас двоих, дорогие сыновья, унаследует мой престол. Но не ты, Фердинанд!».

Златокудрый тут же получил веером по лицу, опешил и попытался было возмутиться, но...

— Останетесь после урока! Буду лично тренировать вас! Кто еще хочет остаться после урока? — заметила преподавательница, вынимая из декольте петушиное перо.

Кто-то тут же схватил свою жабу, запечатлел на ней брезгливый поцелуй, а потом стал сплевывать и вытирать губы об плечо. Нда... «Только не в жабу!» — орала бы я, повстречавшись с каким-нибудь пакостливым чародеем, понимая, что надежды нет.

— Может, вы покажете, как правильно? — гаденько заметил русоволосый принц, глядя на преподавателя взглядом заправского подхалима. — Вы же умеете!

Зал затаил дыхание, когда мадемуазель Шарман взяла в руки его жабу и приложилась к ней так, что у меня волосы встали дыбом, а завтрак тут же стал искать запасной план эвакуации из съездившегося желудка.

— Прямо как твоего дедушку в свое время! — сладенько улыбнулась старуха, доставая кисть из декольте и поправляя макияж.

Все, у меня появились срочные и очень неотложные дела! Извините, мне пора! Я очень спешу!

Я вышла из кабинета, отдышавшись и чертыхаясь. Все! Хватит с меня! Хочу домой! К черту эту Академию!

Ноги несли меня по коридору, а через секунду я почувствовала, что лежу лицом в ковровой дорожке. Раздался смех. На стене проступила надпись: «Не ушиблась?». Внезапно я почувствовала, как вокруг меня оборачивается ковровая дорожка. «Скатертью дорога!» — появилось на стене. А потом кто-то подумал и дописал «...глубокоуважаемая ректорша! Или ты посещаешь все уроки, или мы с тобой не подружимся!».

Глава пятая

Полтергей

И после смерти мне не обрести покой, Я душу дьяволу продам под этот вой!

Я вылезла из ковра, оглядываясь по сторонам. Бросившись к очередной двери, дергая за ручку, я услышала, как она закрывается. Портреты на стенах посмотрели на меня с укором, мол, стучаться нужно! Я дернула ручку, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Гобелены трепетали так, словно кто-то включил невидимый вентилятор. По коридорам слышался злоеший смех. Я метнулась к следующей двери, но и она закрылась перед моим носом, заставив отпрянуть. С застрявшим в горле криком: «Помогите! Кто чем может!» я бросилась в сторону класса, чувствуя, как мимо меня пролетает ваза редкого фарфора. Но дверь в класс захлопнулась, а оттуда слышался скрипучий голос мадемуазель Шарман: «Ну кто так целуется! Если вы так будете целовать свою будущую невесту, то потом не орите, почему у вас нет наследников!».

— Помо... — простонала я, чувствуя, как невидимая сила зажимает мне рот рукой и смеется мне на ухо. Вырвавшись и отдышавшись я ломанулась по коридору и забежала в первую попавшуюся дверь, запирая ее изнутри. Волосы липли к лицу, в животе вращался комок животного ужаса. Вроде бы все стихло...

— Слышь, ты, полтергей! Призрак нетрадиционной ориентации! — прокашлялась я, чувствуя, как сердце бешено заходится в груди. Вроде бы все стихло. Тело немного расслабилось. Осторожный скрип заставил меня поднять глаза. Стулья, стали наклоняться назад, так, словно оседлала невидимая сборная по синхронному качанию на стульях. Волосы на голове зашевелились, а рука стала лихорадочно нащупывать ручку. На старинной доске проступила злоешая и многообещающая надпись: «Я тебе припомню «полтергея»...»

Стулья резко с грохотом встали на место, надпись исчезла, а дверь открылась, заставив меня вывалиться спиной в коридор. Откуда-то сверху, с потолка на меня упала холодная капля. Я стерла их пальцами, увидев, что они покрыты чем-то липким и красным.

— Позвоните мне завтра! Я вам по почте пришлю резюме, чтобы вы его порвали, как следует! — я двигалась в сторону выхода, затравленно оглядываясь по сторонам. Мой шаг укорялся, я выбежала в зал, слетела по лестнице, бросилась к двери, которая на удивление легко открылась и очутилась в серой мгле тумана, окутавшего замок. Сквозь туман я видела черные ветки, от которых уклонялась, набирая скорость. Спасибо! Я просто по собственному желанию. Производственную моральную травму компенсировать не надо!

— Кар-р-р! — слышалось над головой, пока я оглядывалась по сторонам и летела в сторону дремучего леса, вспоминая ориентирование на местности. Лес становился гуще, скрипел ветками, злоеше гудел на ветру. Переведя дух, я облокотилась об огромное, обхвата в три, скрюченное дерево. Внезапно дерево зашевелилось, моя рука провалилась в какое дупло, которое тут же сомкнулось, скрипя на все лады. Ничего себе!

Я попыталась вытащить руку, но ее крепко держало довольно скрипящее дерево. Мамочки! Мне мстят за яблочки, черешню, вишню и даже за персики! Ветки деревьев вокруг злоеше скрипели, мне показалось, что они подвинулись поближе. Даже какие-то кусты решили отомстить мне не только за малину, но и за редкие походы в них.

Я взвыла, чувствуя пальцами трухлявую кору, а потом мой взгляд зацепило что-то белое на расстоянии вытянутой руки. В высоких зарослях, среди листьев белели чьи-то косточки. На черепушке виднелась облезлая корона. Я бы не удивилась, если бы при входе в его дворец висело бы объявление: «Местному правителю срочно требуется правая рука!», ибо в единственной уцелевшей левой, был зажат ржавый нож. Содрав левой ногой правый ботинок, я потянулась за ножом. Скелет обрушился, но я сумела подцепить пальцами ноги, благословляя предков — обезьян, старый нож с инкрустированной ручкой. Через минуту нож очутился у меня в руках. Итак, с чего начнем!

— Внимание, уважаемые пеньки, — ядовито заметила я, поддевая кору дерева, которая с

легкостью сыпалась мне на ноги. — Татуировочный салон «Анастасия» с радостью сделает вам любую татуировку. «Здесь была Анастасия!», «Саша плюс Маша равно сердечко!» и слово из трех букв.

Я снова поддела кору и только стала вырезать первую букву, как меня тут же отпустили.

— Ничего, ничего, — отдышалась я, отряхивая ногу и надевая туфлю. — Собачек на вас нет!

Деревья зашуршали и заскрипели, негодуя. Меня хлестнули ветками по лицу.

— Да чтоб вас термиты сожрали и дятлы задолбали! — ругалась я, продираясь сквозь кусты. Выбраться бы отсюда, выйти к людям. Не думаю, что где-то активно работает завод по производству медальонов перемещения, но не один же он во всем мире? Найдем другой, воспользуемся и все! Ноги моей больше не будет в Академии!

Внезапно из кустов на меня выскочил полуголый в лохмотьях мужичок, ниже меня на две головы. Всклокоченная борода, сумасшедший взгляд круглых, как у филина глаз, грязь и ветки в голове производили на меня ускорительное впечатление.

— Почему не здороваемся! — сипло орал мужик, корча страшные рожи.

Видимо, он попытался меня догнать, но невежливая я решила обойтись без церемоний, скатившись по сухой серой листве в овраг. Внезапно подо мной что-то зашевелилось, поднимая меня вверх. Листья, ветки сыпались в разные стороны, я попыталась удержаться, чувствуя, как сердце ушло в пятки. Я схватилась за какой-то камень, изо всех сил, цепляясь за него руками, чтобы не слететь вниз.

Стоило слегка подтянуться и отдышаться, сглотнуть, а потом повернуться на странный теплый ветерок, как на меня уставился страшный глаз. Огромная зубастая пасть плотоядно улыбнулась:

— Люблю, когда девочка сверху, — хрипло заметила тварь, скалясь зубастой пастью и расправляя крылья. — Но еще приятней, когда не я в девушке, а девушка во мне!

Мой пронзительный визг спугнул всех ворон в окрестностях. Я слетела кубарем вниз, спотыкаясь и падая, бросилась бежать, куда глаза глядят. Лес становился все гуще, в боку кололо неимоверно.

— Здороваться не учили? С ректором Акаде... — послышалось сиплое и обиженное, но я мчалась белкой и стрелкой в направлении, известной лишь одному страху.

Я выбежала к какой-то накренившейся на бок черной башне, из которой висела какая-то веревка. Пробегая мимо башни, срочно требовавшей капитального ремонта, я споткнулась обо что-то, растянулась на листве, а потом поняла, что на меня сверху что-то падает. На мне лежал обмякшее тело женщины, которое я тут же спихнула с себя, понимая, что это — страшненькая кукла. Приятно, когда за тобой волочатся мужчины. Неприятно, когда женщины! Я пыталась стряхнуть с ноги жгут пакли, а потом дала деру дальше, задыхаясь от быстрого бега и надеясь, что приключения на этом закончились.

Дверь академии показалась мне спасительной. Я резко дернула ручку, но она была заперта!

Пытаясь отдышаться и присматриваясь к окнам, я стала барабанить в дверь.

На двери проступили буквы: «Кто там? Кто это к нам пришел такой красивый?»

— Открывай! — процедила я, вытаскивая ветки и листья из волос и сплевывая грязь.

«А волшебное слово?» — снова проступила надпись. Я всегда была уверена, что в мире есть много волшебных слов кроме «спасибо» и «пожалуйста». Мой бывший начальник был настоящим волшебником, искренне полагавшим, что волшебства слова «спасибо» вполне достаточно, чтобы не платить зарплату. Может быть, в детстве это и были волшебные слова, но жизнь показала, что есть куда более чудодейственные словечки и

выражения, не стесняясь которых можно получить очень ощутимый результат. Пара емких трехэтажных заклинаний открыли мне дверь. Я вошла в гулкий коридор, недовольно сопя и сжимая кулаки.

«Какая же ты молодец! Уже и окрестности посмотрела!» — появилась надпись на стене.

— Если бы я читала все надписи на стенах, то дальше своего подъезда я бы не ушла! — рявкнула я, открывая дверь своих покоев.

Передо мной откуда-то с потолка на пол упала голубая роза.

— Я — ректор, а не уборщица! — огрызнулась я, спеша в ванную и отбрасывая ногой цветок.

«Ах, так? Я ведь по-хорошему хотел!» — появилась зловещая надпись на стене.

Я сняла мантию, окунулась в горячую воду, блаженно постанывая и чувствуя, как вода щиплет царапины. Алле? Это отдел из жизни привидений? У меня тут есть привидение, которое не снилось вам в самом страшном сне!

Я погрузилась в воду с головой, играя в Офелию. Но пока что получалась отличная Муму, сплевывающая воду и пытающаяся отлепить мокрые волосы от лица.

«Чтобы дух от вас отвязался — просто не обращайтесь на него внимания!» — промелькнула фраза из какой-то документалки. «Привидения — это сгустки энергии, которые питаются вашим страхом! Если вы не будете бояться их, перестанете обращать на них внимания, они поймут, что вас пугать бессмысленно!».

Нет, это — действительно здравая мысль! Того и глядишь — отстанет. Главное, потерпеть первое время и просто не обращать на него внимания!

На стенах появлялись какие-то надписи, но я мурлыкала себе под нос какую-то заунывную мелодию, смывая грязь с ноги.

«Я кому это все пишу???» — появилось на противоположной стене, а я тут же сделала вид, что продала азбуку с красивыми картинками за пять золотых монет, которые закопала на поле чудес вместе со своими надеждами выбраться отсюда.

«Значит, ты меня решила игнорировать?????» — появилось во всю стену. Я продолжила мурлыкать песенку, вынимая колючку из пятки.

«Ладно!» — проступила надпись во всю стену. Может, я и близорукая, но дальновидная! Пусть делает, что хочет! Побесится — перестает...

Невидимая сила подняла меня вместе с водой, заставив вздрогнуть от ужаса. Вода упала в ванну, обдавая брызгами стены и пол. Просто не обращать внима...

Такое чувство, словно меня держали на весу невидимые руки.

— Ух ты! Я умеют летать! — заметила я, глядя в слегка запотевшее зеркало.

«Спроси куда?» — появилась надпись на зеркале. Меня подбросило к потолку, и я поняла, что законы физики очень хотят для меня третью группу инвалидности.

Перед самым полом меня поймали, а потом на меня напялили мантию, причем задом наперед, дверь сама по себе открылась, а меня вытащили в кабинет, бросив в ректорское кресло.

«Давай, красавица, вспоминай буквы!» — появилась надпись на стене. Я делала вид, что разучилась читать, зевая и рассматривая свои ногти.

«Хорошо! Будем учить их заново!» — появилась надпись на стене и тут же померкла. Передо мной на стол упало несколько папок.

«А! Ах, какой из тебя плохой ректор!» — застыла на стене надпись. Я тоже не видела, чтобы у меня висели дипломы за особые заслуги на образовательном поприще.

Открытое окно с треском захлопнулось. «Б! Бежать у тебя не получится!» — мелькнуло на стене. Дверь захлопнулась так, словно кого-то пристрелили. «В! Выхода у тебя нет!» — проступила надпись, пока я мысленно дошла до буквы «х». «Я кому сказал! Слушай меня внимательно!»

— Решил сократить алфавит? — съехидничала я, понимая, что он и мертвого поднимет. Уронит, а потом снова поднимет! Прямо представляю, как покойники встают из могил, собирают венки и памятники, берут лопату и, чертыхаясь, бредут копать себе могилы в другом месте.

«Молодец! Не думал, что мы так быстро вспомним весь алфавит!» — прочитала я, чувствуя, как меня вместе со стулом придвигает к столу.

Перо, которое валялось рядом с чернильницей, внезапно поднялось в воздух, обмакнулось и стало писать на бумаге летящим бисерным почерком какой-то список. Перо скрипело, словно им выводила невидимая рука. Первый лист подошел к концу, потом второй лист, потом третий. Я терпеливо ждала, пока он допишет свою рукопись, чтобы обрадовать его как следует!

«Все понятно?» — появилась надпись на стене. — «Это твое задание на завтра!»

— Это какая буква? — уточнила я, присматриваясь к листочку. «С» — появилась надпись на стене.

— Отлично! Теперь все понятно! Переходим ко второй букве! — впервые я горела желанием работать.

«Это — кошмар какой-то!» — проступила на стене надпись.

— Я просто очень сильно хочу подружиться, — с надеждой заметила я, коварно улыбаясь. — У меня никогда не было говорящей недвижимости!

«Что??? Какой недвижимости?» — проступило на стене. Нет, сейчас кто-то явно возвращается в гробу. Осталось узнать по часовой или против часовой!

— В бархатной коробочке! — сообщила я с улыбкой. — Слушай, потусторонняя «сущность», тебе что? Внимания родственников не хватает? Нет, ну хочешь, я тебе на могилку цветочки отнесу?

«Правила нашей дружбы! 1. Следить за каждым принцем и преподавателем. Посещать все лекции и практикумы. 2. О любых странностях докладывать мне» — появилось на стене. Потом кто-то подумал и дописал: «Помимо этого: переписка с родителями, организация вечеров для принцев, вечерний обход комнат и т. д. и т. п.»

— А можно я начну с «т. д.» и «т. п.»? — устало заметила я, проходя в комнату и видя свой ужин. — Тупо доем и тупо посплю? Поверь мне, я отлично справлюсь! Можешь на меня рассчитывать! У меня есть опыт в этом, причем, приличный! Могу показать рекомендации родителей, воспитателей детского сада, работников школьной столовой и даже коменданта студенческого общежития. В этом деле я — профессионал!

«Если будешь выполнять мои поручения, то я смогу вернуть тебя туда, откуда ты появилась! Так «да» или «нет»?» — появилось на стене.

Да, так деликатно меня еще никто не посылал в то самое место, откуда в двадцать с большим хвостиком появились моя голова под крики акушерки: «Тужься!».

«У тебя со зрением плохо?» — проступила надпись крупными буквами.

— Ты прав, со зрением у меня проблемы, — согласилась я, вытирая руки об салфетку. — Один глаз почти не видит, а другим в гробу тебя видала с твоим предложением!

И он отстал! Невероятно! Никаких надписей, тишина, спокойствие. Я решила отдохнуть, пользуясь возможностью, залезая под одеяло и удивляясь в очередной раз мягкости подушки.

Стоило мне задремать и согреться под одеялом, как вдруг оно начало подниматься,

впуская холодок.

— Эй! Я не готова к постельным отношениям! — сонно возмутилась я, пытаюсь вернуть его на место.

«Ну почему же нашим отношениям не перейти на новый увлекательный уровень?» — проступило на стене.

Никогда не думала, что «одеяло убежало, улетела простыня, и подушка, как лягушка ускакала от меня» — это начало серьезных отношений. Причем, настолько серьезных, что я жалела о том, что кто-то успел задушить, заколоть или отравить одну неоднозначную личность еще до моего появления! Я искренне завидовала этому человеку!

— Подушку отдай! — возмущалась я, пытаюсь поймать подушку, которая поднималась в воздух вместе с простыней и одеялом.

«Раз уж дело дошло до постели, хочешь постонать?» — проступило на стене, вызывая у меня негодование.

И тут одеяло обернулось вокруг меня, пока я отчаянно вырывалась. Из подушки появилось перо, которое стало приближаться к моей пятке.

— Нет! — задергалась я, пытаюсь уползти. Ничего, как выскочу, как выпорхну злобной «ибабочкой»!

Я стонала, кусала губы, кряхтела и орала, пока перо щекотало мне пятку.

«Мне кажется, что в наших отношениях — не все так гадко!» — проступило на стене. — «Вставай! Тебе еще на письма родителей отвечать!».

Я клятвенно пообещала, что встану с утра пораньше, отвечу на все письма, но меня тут же вытащили из постели поставив на ноги, и мне ничего не осталось делать, как поковылять в свой кабинет, недовольно сопя. Открыв смежную дверь, я уселась в кресло, нахихлившись, как воробей, а мне на стол шлепнулась пачка красивых писем с гербовыми печатями в виде корон.

«Уважаемый ректор Академии! Мы требуем, чтобы нашему сыну Брендону были предоставлены лучшие покои, которые есть в Академии! Его должны обслуживать за столом, как наследника престола! Качество еды должно соответствовать королевской кухне! Помните, наш мальчик любит, когда в его тарелке разложено по цвету!»

— Кстати, — зевнула я, глядя на часы и с тоской раскрывая остальные письма. «И чтобы салфетки были с нашим гербом!», «Чтобы ему на десерт подавали взбитые сливки!», «Чтобы к нему были приставлены лучшие слуги!», «Пьют ли сыновья прописанные лекарями отвары?». В конце каждого письма все родители требовали отчитаться о том, как их дражайший сынок устроился на новом месте и наказан ли тот, кто учинил «безобразия»!

Я дочитала письма до конца, взяла листочек бумаги и написала шаблон, душераздирающе зевая и понимая, что дико хочу спать. Опыта «челобитных» у меня не было, поэтому набравшись пафоса, я решила не баловать венценосных родителей индивидуальным подходом, а просто отправить очередную порцию спама по единому шаблону, который усиленно составляла, пожевывая перо. Послание должно быть коротеньким, но сладеньким и пафосным.

«Уважаемый Каквастамович и Каквастамовна! С проблемой мы разобрались. Утверждаю, что понес заслуженное наказание. Ваш дражайший сын почивает в своих покоях. Он собьется со счета, сколько замечательных дней ему предстоит провести в нашей Академии. Он исправно пьет отвары. А мы, в свою очередь, стараемся всеми силами обеспечить индивидуальный подход! Так что можете спать спокойно! С уважением, ректор Академии, Анастасия».

Я перечитала письмо, молча взяла чистый лист и стала переписывать его с именами родителей. Я старалась, выводила каждую букву, отчаянно зевая и мечтая, чтобы здесь поскорее изобрели принтер. Но до принтера здесь было далеко, поэтому на третьем

письме, я поняла, что засыпаю. Письма все никак не заканчивались, я уже лежала головой на столе, вяло водя пером по бумаге и оставляя жирные кляксы.

— Все! — выдохнула я, глядя как передо мной появились конверты. — Можно отправлять! Ты как хочешь, а я — спать! И попробуй только... Я тебя предупредила!

Письма были запечатаны, а я поплелась в комнату, обессиленно рухнув лицом в подушку.

С меня стягивали одеяло, но я намертво вцепилась в него, предварительно укутавшись как следует. Из-под меня вырывали подушку, но я держала ее мертвой хваткой. Я подняла голову, глядя, что на улице едва забрезжил рассвет.

На полу, рядом с кроватью лежала груда писем! Ничего себе, как быстро работает местная почта! Не благодарите, дорогие родители, я и так делаю все, что могу!

Я лениво достала первое письмо, распечатала его и...

«Да как вы смеете!!! Что вы сделали с нашим сыном! Понос — это заслуженное наказание. Вас казнить за это мало! Почему наш сын дрожит? И почему он в помоях? Да как вы смеете так обращаться с наследником!».

Какой понос? О чем это вы? Что не так?

«Мы знали, что он сопьется в вашей Академии! Почему он дрожит? Как вы посмели вылить на него помой! Это неслыханная дерзость, за которую вам предстоит ответить!»

Я бросилась к столу, доставая все испорченные черновики. «Уважаемые родители! С проблемой мы разобрались. Утверждаю, что понос заслуженное наказание. Ваш дрожащий сын поживает в своих помоях. Он сопьется со счету, сколько замечательных дней ему предстоит провести в нашей Академии. Он исправно пьет отравы. А мы, в свою очередь, стараемся всеми силами обеспечить индивидуальный подход! Так что можете спать спокойно! С уважением, ректор Академии, Анастасия»

«Молодец!» — проступила надпись на стене и тут же померкла.

В дверь постучали, я сжалась в кресле, глядя на брошенное поверх черновиков перо и кляксы на столе.

— Можно войти? — послышался мужской голос, а потом кто-то надрывно прокашлялся. — Я, конечно, извиняюсь, что в такую рань... Я — повар Академии.

На пороге стоял сторбленный старичок с длинными седыми волосами в грязном фартуке.

— Я, конечно, дико извиняюсь, многоуважаемый ректор, — старик отвесил поклон. — Но принцы объявили голодный бунт... Они выбросили все, что я готовил из окна, и требуют королевскую еду! Они сказали, что «лучше подохнут с голоду, чем будут есть эту дрянь!».

По щеке непризнанного гения кулинарии потекла скупая слеза.

— Вразумите их! Помрут ведь с голоду! — вздохнул старик. — Я ведь стараюсь, стараюсь! Раньше, когда у меня был трактир «Дохлая Крыса» никто не жаловался! Ели, аж за обе щеки! Я — то трактирщик... Толк в еде знаю! Каша с грибами, пирожки с мозгами, кишки коровьи, начиненные фасолью, ворона на вертеле, как вам, например. Между прочим, это — мое ... кхе-кхе... коронное блюдо. Все нахваливали. Говорили, то, что прямо, как курица. Но курица — дорого выходит... Так как вам мое блюдо?

— А нормальные продукты есть? — сглотнула я, понимая, что подавлять рефлекс и бунт — дело неблагодарное.

— Откуда? — пожал плечами обиженный повар. — Тут и ворону поймать — целая наука! Хитрющие стали, хоть убей...

"А может быть ворона?.... Кар-кар-кар... А может быть собака? Гав-гав-гав... А может быть корова?" — звенела в голове детская песенка. "Но тоже хороша!" — вздрогнул

желудок. Что-то мне подсказывает, что прямо сейчас на одного призрака в Академии станет больше!

Глава шестая

Ущемленное королевское достоинство

Уронил принцессу на пол, Оторвал принцессе лапу, Все равно жениться мне, Ведь иначе быть войне!

— Вы дверь закрыли? — проскрипела Шарман, сидя в кресле. Ее руки нервно теребили веер и обтрепанное кружево юбки.

— Боишься, что опять надует? — съязвил Лючио, ослепительно улыбаясь обаятельной улыбкой мерзавца.

— В прошлый раз мне чесотку надуло! Месяц мучилась! Сидеть невозможно! А потом вот такая болямба вскочила! Сижу, как говорится, хоть панталоны снимай! Все болезни от сквозняка! — скрипела Шарман, одергивая декольте. — А в замке их столько... Вот и просквозило!

— Раньше, ты говорила, что все от нервов! — послышался хриплый голос Ардена, который презрительно отодвинулся подальше.

— И от нервов тоже! Перенервничала на свидании! Еще бы! Незнакомец! Как тут не понервничаешь? — живо согласилась Шарман, обмахиваясь петухом. — И не смотрите на меня так! У меня, между прочим, есть личная жизнь! Я еще достаточно молода и красива, чтобы пользоваться успехом у мужчин!

— Нет своего — пользуйся чужим! Держи мой успех! Вернешь в целости и сохранности! — рассмеялся Робер, улыбаясь нехорошей улыбкой, протягивая руку, а потом тут же убирая. — Ручку целовать не буду, а то потом долго лечиться от сквознячков!

— Я тут замужество планирую! Даже платье выбрала! Не все же мне в девках ходить? — усмехнулась Шарман, приклеивая обратно отпавшую мушку.

— Да, такой красавице недолго в девках ходить осталось, — Винсент зевнул, листая книгу. — Многоуважаемая моль, будь так любезна, передать эстафету червякам!

— Да как ты смеешь напоминать даме о возрасте! Мне всегда шестнадцать! У меня никогда от поклонников отбоя не было! — возмутилась мадемуазель Шарман, замахиваясь на него веером.

— Отбоя от покойников у тебя точно не будет! — смеялся бледный нездоровой бледностью Винсент, прикрываясь книгой.

— А ну скажи, что я все еще вне конкуренции! — бушевала Шарман, пока в разные стороны летели перья.

— Конечно. Твоя конкуренция уже давно остепенилась, — язвительно заметил Лючио, закатывая глаза и уворачиваясь от ударов. — И сменила адресочек на постоянный. Зато есть большой плюс! Мужчины носили их на руках, а теперь ходят с цветами!

— Любви все возрасты покойны! — смеялся Робер, хватая Шарман за веер и протягивая ей что-то черное на кончике пальца. — Забери своего таракана!

— Это — мушка! — заскрипела, груженной телегой и подозрительно прищуриваясь на чужой палец, Шарман. — Ой! Опять ошиблась! Неужто снова в шкатулку с мушками заполз?

Мушка слегка зашевелилась, как бы намекая на последний писк моды.

— Прямо, как раздетая, — причитала Шарман, ощупывая место, где до этого красовалось волосатое черное пятно.

— Успокоились? Кто сейчас не успокоится — преждевременно упокоится! — черные клубы тьмы отмечали каждый мой шаг. Моя рука в черной перчатке еще не до конца впитала в себя тени. Я сжал кулак, вспоминая прежнее ощущение. Глубокий вдох...

Воздуха нет, но грудь по привычке вздымается. Я взял свою руку, чувствуя прикосновение. Да, вроде до конца. Черный бархат, белые манжеты из кружева. Рука на сердце. Тишина. Ненавижу этот момент.

— Хозяин! — слышало со всех сторон, пока я проводил большим пальцем руки по ладони. Ко мне тут же услужливо пододвинули черное кресло. Винсент принес столик, на котором стояла ваза с цветами. Голубые розы?

— Мессир! — мадемуазель Шарман тут же стала обмахиваться остатками веера. — Я так понимаю, что вы сегодня не в духах?

— Хорошо, что вы уловили запах плохих новостей, — отзываюсь я, падая в свое кресло.

«Плохих новостей? Да у нас все хорошо!» — кудاختали преподаватели. «Все просто замечательно! Вот только... Но вы не подумайте! Я не виноват! Это все они! Я убеждал! Говорил!» — доказывал Робер, показывая на других. «Сам же предложил назначить ее ректоршей! А теперь сваливаешь...!» — возмущалась Шарман. «Мне вообще было все равно! Я сказал, решайте, что хотите!», — качал головой Винсент. «Давайте поддержу вашу перчатку! Хозяин, это будет честь для меня!» — Лючио учтиво протянул раскрытую ладонь. Перчатка упала на его протянутую ладонь.

Я поднял на них глаза, а они умолкли, опустив головы. Я чувствовал пальцами гладкий холод резного подлокотника, мои пальцы скользнули по столу, с которого тут же стали учтиво вытирать пыль. Робер протирал его рукавом, пока остальные смотрели на меня, не смея ничего сказать. Цветы... Непривычно прикасаться к чему-то. Прохладные, гладкие лепестки, упругие бутоны. Я вытащил розу, перевернув вазу.

«Не переживайте! Сейчас все поднимем!» — мадемуазель Шарман принялась вытирать подолом воду.

— Главное, — заметил голос Робера, пока я чувствовал пальцами острые шипы. Интересно, пойдет ли кровь? — Главное — не переживайте! Не принимайте близко к сердцу!

— Оно уже давно обратилось в прах, поэтому я видал ваши оправдания в том месте, где оно лежит! — я сжимаю стебель розы, чувствуя призрачную боль. Не могу понять, это — боль или память о ней?

— Вас что-то мучает? — учтиво заметил Арден. — Может, вина?

Интересно, это боль или просто память? Боль или память о боли?

— Спасибо, что напомнил. Я как раз хотел поговорить о вине. О вашей вине, — лепестки мялись в моей руке, падая на колени. — Итак, у вас есть время объясниться.

Я оборвал один лепесток и бросил его на землю, глядя на побледневших преподавателей. Второй лепесток полетел следом.

— Я говорил, чтобы взяли того, немного! — как-то глухо заметил Лючио. — Говорил? Кто меня послушал! Это все Шарман! Она настаивала!

Третий лепесток. Время идет.

— Мало ли что я могла сказать? Я однажды сказала одному красавчику, что хочу звезду с неба! Он ушел и не вернулся! — заскрипела старуха, воинственно размахивая лысым опахалом. — Видимо до сих пор выбирает! Еще бы! Я требовала самую красивую!

Четвертый и пятый лепестки летят на пол.

— Что-то вы сегодня жестоки, как работа с утра, — осторожно заметил Робер, опустив глаза.

— А хотите, чтобы я был ласков, как отпуск? — усмехнулся я, глядя на преподавателей. — Ну что ж. Я жду... Вы прекрасно знаете, что я имею в виду...

Шестой, седьмой, восьмой. Роза теряла лепестки, а я — терпение.

— Мессир, мы просто подумали, что хватит с нас ставленников! А то, что ни ректор, то чей-то шпион! — осторожно заметил Лючио, отложив кинжал. — Поэтому я голосовал за то, чтобы ректором был кто-то со стороны... Причем, из далекой... Но я не прочь ее заколоть, если вы прикажете!

Девятый, десятый лепесток летел на пол... Одиннадцатый упал на носок моего сапога.

— Родительское золотишко на дороге не валяется! Желающих как обычно много, причем, все как один «случайные», — негромко перебил Робер. — Мы подумали, что так будет лучше!

— Я согласилась на ... ректоршу, чтобы не отвлекаться от учебного процесса! — прикрылась веером Шарман. — Понимаю, что я — сногшибательная женщина, и мужчины падают к моим ногам. Но когда в последний раз к моим ногам с вершины Башни Королевы упал этот... как его... не помню... я решила, что пусть лучше ректором будет женщина. Она сможет устоять перед моими чарами...

Двенадцатый, тринадцатый. В руках оставался бутон.

— Я согласился исключительно потому, что времени искать кого-то, у нас не было. Решение далось нелегко... Я до последнего... — вздохнул Арден, гордо вскинув голову.

— Мне вообще было плевать! Я подумал, что отравить всегда успею, — пожал плечами Винсент. — Тут дел на пять минут!

Отравить? Мягко сказано. Заколоть? Слишком гуманно.

— Все с вами понятно, — на пол падают последние лепестки, а следом — сломанный стебель. Что-то меня тревожит ректорша. «Я сейчас все решу!» — как-то подозрительно радостно заявила она и затаилась.

— В тринадцатый год, тринадцать кровей, одна из которых — ключ от дверей, — я встал с кресла. — Следите за принцами. Не спускайте с них глаз. Это приказ. Марш готовится к урокам!

Меня пугает эта подозрительная тишина. Что она там делает?

Последнее письмо было дописано и запечатано. Двенадцать конвертов лежало на столе, а я с коварной улыбкой смотрела в окно на стаю ворон, понимая, что план, придуманный еще моим классным руководителем, никогда не давал сбой.

Стоило мне уйти в свои покои, чтобы переодеться и расчесаться, как вдруг перед глазами мелькнула надпись: «Начну издалека. Что такое пластилин?».

— Пластилин — это очень нужная вещь, — уклончиво заметила я, поглядывая сквозь открытую дверь на разорванное письмо, лежащее на столе. — Я бы даже сказала — основополагающая!

«Хорошо! Подойдем к вопросу ближе. Что такое плазма?» — проступило на стене.

— Эм... Это тоже очень нужная вещь, — снова уклончиво заметила я, поглядывая на часы. Кажется, плазмод у меня есть, а вот плазмы нет. Не порядок! — Без нее никак... Престиж! Тем более, они все равно не знают, что это такое! Так что не беспокойся!

«А теперь мы подошли почти вплотную к вопросу! Кто разрешал тебе собирать деньги за шторы, штукатурку, пластилин, пластиковые окна и плазму?» — проступило на стене. «Я правильно перечислил?» — появилось чуть ниже.

— Нужда! Большая и маленькая! — огрызнулась я, понимая, что мой неблагородный, но практичный порыв не оценили. — Пусть скидываются! Хотят, чтобы дети тут жили, как принцы — пусть раскошеляются!

В меня прилетела подушка, чуть не сбив с ног.

«Еще раз я узнаю, что ты просишь деньги...» — появилось на стене.

— Ты что творишь, призрак онанизма! — взбесилась я, хватая подушку и швыряя в стену. — Я не прошу! Я требую! На вполне законных основаниях! Ты замок видел? Тут штукатурка на голову сыпется! Можно ходить и всех поздравлять с первым снегом! А шторы? Мошь передает ее по наследству! «Слушай, малыш! Эту дырку еще твой прапрапрадед сделал!

«Быстро на урок! Иначе я тебя прикончу!» — прочитала я на стене.

— Послушай, призрак голодной смерти! — возмутилась я, глядя как по зеркалу пошли трещины, а мазня в золотых рамах, которая тщетно пыталась украсить мои покои, с треском рухнула вниз, заставив отскочить. — Тебе-то все равно! Ты все равно дохлый! Понимаю, что ты лежишь в своем склепе, сложив ручки на груди, но нам тоже хочется кушать!

«Считаю до трех! Раз, два, три», — проступило на спине, а позади меня разбилась огромная ваза и пошли трещинами оконные стекла.

— Я сразу поняла, что с арифметикой у тебя проблемы. Ничего, после трех идет четыре, а потом пять! Ты, главное не расстраивайся, узнав, что там еще есть цифры, — вздохнула я, зевая и поглядывая в окно. Стая ворон клубилась над заколдованным лесом, пронзительно каркая. Вы как хотите, но я больше туда ни ногой!

«А ну быстро на урок! Я три раза повторять не буду!» — проступило на стене, а я мысленно требовала заменить слово «покойник» словом «беспокойник»!

— Повторенье, — зевнула я, глядя на свое отражение в разбитом зеркале. — Мать учения!

Меня вытолкнуло из кабинета, а дверь с треском закрылась. Я подергала бронзовую ручку, но все тщетно.

— Прими запоздалое пожелание: «Чтоб ты сдох!», — нахмурилась я, нехотя идя на голоса принцев. — Мало того, что всю ночь спать не давал так еще и...

Сонные принцы столпились табуном в коридоре. У одного рубашка была застегнута наперекосяк, у другого штаны наизнанку, третий наступал на развязанные шнурки шнурованных сапог, четвертый смотрел на меня несчастными глазами, как смотрят жертвы на последнего инквизитора.

Дверь открылась, и в зал твердой походкой вошел златокудрый красавец ростом под два метра. Косая сажень в плечах, заставила меня заинтересоваться и даже поправить неловким движением прическу. На красавце была серая куртка со шнуровкой, темные штаны и высокие сапоги. А взгляд зеленых глаз заставил меня поймать себя на мысли, что мне начинает нравиться ходить на уроки.

— За мной, — коротко отрезал красавец, а принцы гуськом вышли из Академии. Я поспешила следом, приподнимая мантию, чтобы не споткнуться об нее и не упасть. Внезапно мне на голову упало что-то болючее, а потом шлепнулось дохлой вороной на пол. «Журнал королевских оценок» — гласило золотое тиснение, а я чудом умудрилась поймать чернильницу и выронить перо.

«Тоже мне, ректорша! Смотреть на принцев и преподавателей и смотреть за принцами и преподавателями — это две совершенно разные и взаимоисключающие вещи!», — проступило на стене, а меня вытолкнуло за дверь Академии.

Мы двигались в сторону леса, вызывая у меня горячее желание не отставать.

— Главное не волнуйтесь. Не бойтесь отстать, — мрачно бросил красавец — преподаватель, поворачиваясь к растянувшимся шеренгой принцам в тот момент, когда мы вышли на полянку. — Тех, кто отстанет...

Русоволосый худощавый принц заинтересовался деревом, а дерево, судя по радостным

скрипам, заинтересовалось принцем. «Ай!» — послышалось после того, как он споткнулся о корни, а дерево оплело его корнями и поволокло в себя, разеваая трухлявое дупло.

— Тех, кто отстанет, я доем завтра! Думаю, что до завтра и моего завтрака вы неплохо сохранитесь! — красавец показал ряд белоснежных острейших зубов. — Я бы даже сказал еще тепленькими!

— Помогите! — верещал принц, которого дерево всосало в себя до половины, пока в толпе принцев раздалась смешки. — Спасите! Спасите! Я наследник престола! Я приказы...

— Я вот пытаюсь понять, ты у нас ногами или мозгами отстаешь? Я кому сказал! — красавец усмехнулся и через секунду на его месте сидел огромный дракон. Я схватилась за сердце, понимая, что обделаться легким испугом суждено не только принцам, часть из которых просто сели на землю от неожиданности. Я и сама была бы не прочь присесть, но подходящих кустиков не видела.

— Отпусти идиота! — рявкнул дракон, полыхая пламенем в сторону верхушки, сжигая дотла ветки. Взъерошенного принца тут же выплюнуло на траву.

— Ну что, многоуважаемые принцы, — послышался голос дракона, пока я делала пару шагов назад. — Меня зовут Элберт. И сегодняшний урок начнем с пробежки. Люблю пробежку перед завтраком! Учтите, кто не сдаст экзамен мне лично, того мне разрешено съесть.

Он полыхнул огнем, оставляя выжженную полосу травы и кустов перед принцами.

— Мама! — заверещал кто-то из принцев. Послышался глухой удар об землю.

Стена пламени стала медленно гаснуть, а перед моим взглядом предстала идиллическая картина. Шесть принцев валялось на земле, не подавая признаков жизни. Один сидел на корточках, причитая, что его только что убили, сожгли, зарезали, в целом покусались на его драгоценную тушку, оставив королевство без наследника. Еще один трясся, отползая с квадратными глазами. Третий прикрыл лицо, рыдая. Четвертый спрятался за дерево. Но даже отсюда было видно, как дрожат его колени. Пятый и шестой стояли, как суслики, выпучив глаза и конвульсивно вздрагивая.

— Ой, не доживете вы до экзамена, — вздохнул преподаватель, кашляя огнем. Чувствую, что тоже не посижу в комиссии. Мантия насквозь пропиталась холодным и липким потом. Дракон снова обернулся человеком.

— Это все потому, что вы нам мечи не выдали! — надменно заметил кудрявый брюнет с красивым профилем и синими глазами, отряхиваясь и пытаясь вернуть себе прежний горделивый вид. — Вот были бы у нас мечи, то мы бы не церемонились! Принц Арьеса, Феордан никогда не бежит с поля боя!

— Еще бы! Трупы не бегают, — усмехнулся добрый учитель, раздавая пинки, лежащим принцам. Те вставали, стонали, с опаской глядя на дракона. — Поднимите руку, которой вы хоть раз держали меч! Живо!

Лес рук. Некоторые даже расправили плечи, глядя на других.

— Отлично. Мечи и щиты под деревом! Разбирайте! — хмуро заметил Элберт, покашливая и отворачиваясь.

Принцы бросились к оружейному складу, выхватывая оружие. Все сразу как-то приосанились. «Да я с детства меч из рук не выпускал!», — усмехался полудохлый платиновый блондин, выбирая самый огромный меч. «Я вырос в седле с мечом в руках!», — усмехался шатен, воинственно размахивая своим оружием. «Да разве это — меч?», — со знанием дела фыркнул рыжий принц, чуть не выронив его из рук. «Смотрите, что я умею! Смотрите и учитесь у Брендона! Трепещите!», — высокомерно заметил сублильный парень, пытаясь сделать замах. И получилось очень эффектно! Я бы даже сказала, что чересчур! Меч отлетел в дерево и застрял в гостеприимно распахнутом дупле. Местный претендент на славу короля Артура попытался его вытянуть, но дерево меч не отпускало. Принц упирался ногами, но подлое дерево

выждало и выплюнуло меч вместе с отлетевшим на землю принцем, который тут же превратил поле боя в поле воя!

— Родили вас тоже в седле, когда растрясло! — рывкнул дракон, а вытье быстро прекратилось. — Быстрее! Не для портрета выбираете!

Сорокалетний принц, гордо вскинул голову и устало оперся на меч, словно только что мелеенько порубил врагов на салатик. Златокудрый принц сделал пару пафосных взмахов, однобоко улыбаясь. Темноволосый брат взвешивал меч на руке. Кто-то героически поднял меч, словно ведя за собой армию.

Я и не заметила, как дракон снова обернулся огромным ящером.

— Вторая попытка, — произнес он, обдавая огнем все вокруг. Визги, вопли и крики пронзили тишину мертвого леса. Послышалось бряцанье оружия и паника. Огонь погас, оружие валялось на земле. Только трое сжимали мечи дрожащими руками. Один меч вывалился из руки, бряцая о брошенный кем-то щит.

— О! Трое получают дэ-балл. Остальные — по е-баллу, — хмыкнул дракон. «Я истекаю кровью! Я умираю! Лекаря! Срочно лекаря!» — выл воинственный брюнет Феордан, глядя на порез на ладони и всхлипывая.

— По чему получают? — живо поинтересовалась я, подходя к дракону. Тот молча развернул журнал. Я уткнулась взглядом. «Постановлением достопочтенных родителей принимается система оценки знаний, которая соответствует чести и достоинству особы королевских кровей, щадит детскую душу, оберегая от ранних переживаний! Высший балл — Ах, вы просто великолепны!»

Далее следовали: «Безукоризненно, но не мешало бы немного постараться!», «Ваше высочество, вы должны еще немного позаниматься, чтобы улучшить результат!», «Главное не расстраивайтесь. Немного тренировок вам не повредит!», «Давайте вы еще немного позанимаетесь, ваше высочество, а то сегодня вы не в форме!», «Если бы видели это ваши предки!».

— Журнал сюда! — скомандовал дракон, а я послушно протянула журнал и перо с чернильницей. — Имена!

— Фердинанд! — гордо заметил один крепкий и низкорослый храбрец с мокрыми штанами, пытаясь прикрыть свой позор рубашкой.

— Эрих! — выдохнул, хватаясь за сердце блондин с прямыми, как солома волосами и серыми глазами.

— Фе-фе-фердинанд! — прокашлялся шатен, глядя на обугленные кусты.

— Сколько у нас Фердинандов? — усмехнулся дракон, проводя пером по губам. — Трое? Трое — многовато. Если что, думаю, что никто не заметит. — А теперь представьте, что я похитил вашу принцессу! Что вы будете делать?

— Соберем войско! — вонзил меч в землю златокудрый принц. Все венценосные красавцы горячо согласились с отличной идеей!

— Не войско, а завтрак, обед и ужин, — усмехнулся дракон, давая знак следовать за ним. — Отличный выбор! Одобряю! Здесь вы можете собрать разве что шишки!

— Так тут ни одной елки! — рассмеялся «запасной состав» в виде младшего брата.

— Люблю наивных, — ослепительно улыбнулся дракон, сгружая мне на руки журнал. — Вперед! Сейчас шишки и синяки собирать будете!

Мы вышли на полянку, где торчала кривая башня.

— Ладно, облегчим вам задачу! Принцесса заперта в башне, — заметил дракон, поднимая и отряхивая ту самую уродливую куклу с длинными волосами, с которой мы уже слегка познакомились. Кукла смотрел на мир глазами — пуговицами. Драное платье, спутанные лохмы волос и оторванная рука — придавали тряпичной кукле вид

очень желанного трофея.

— Кому удастся ее спасти, тому, так и быть, разрешу ее поцеловать! — заметил дракон, демонстрируя всем потасканную принцессу.

— Фу! Она страшная! — скривился принц с красивым профилем, кажется Феордан, пока остальные морщились.

— Запомните, чем страшнее принцесса, тем больше шансов, что после меня она еще останется девственницей, — рассмеялся дракон, откидывая голову. На золотых, слегка вьющихся волосах играл красивый солнечный блик. Он ловко залез в башню, исчез в ней, а потом с башни упала веревка и высунулась жуткая почти лысая голова принцессы.

— Спасите меня, — басом со смехом заорала принцесса, придерживаемая огромной ручищей. — Где ты, прекрасный принц! Мой отец обещал отдать королевство тому, кто меня спасет!

Принцы смотрели на башню с ужасом.

— А почему она кривая? — спросил сорокалетний принц, глядя на покосившуюся черную башню, когда дракон ловко спрыгнул на землю, а «принцесса» завалилась лицом в подоконник, как бы символизируя, что слегка устала от ожидания.

— Просто толстый принц попался в прошлый раз, — послышался голос, а из башни вышел Элберт, вручая мне ключ. — Толстый и невкусный! Штурмуйте!

Дракон вертел в руках старинный ржавый ключ, глядя, как принцы столпились вокруг, тоскливо глядя на самый верх. И вот один из них, подающий надежды осмотрелся по сторонам, взял в руки веревку и ...

— Эй! Слезай! — заорал он, дергая веревку, как звонарь собора той самой матери, которую вспомнил дракон, глядя на операцию по спасению. «А давайте дернем все вместе, чтоб она упала вниз?» — предложила чья-то светлая голова гениальный план. После получаса возни, от которой я бы первым делом ввела указ об обязательной контрацепции среди монархов, один принц плюнул и полез. Дрожащими руками он цеплялся за веревку под громкое улюлюканье остальных «спасителей». «Тоже мне! Королевское достоинство!», — орал кто-то, пока доблестный и подающий надежды всем принцессам принц, обливаясь потом, карабкался вверх, пытаясь уцепиться ногами в сапогах за камни. Он дополз до половины башни, опасливо поглядывая вниз и жмурясь.

— Давай, давай, — подбодрил его дракон, приваливаясь к дереву и зыркая в сторону дупла, которое сначала открылось, а потом тут же закрылось. Принц дополз до самого верха, забрался на подоконник, с которого вниз срывались камни, постоял, ошарашено глядя на нас, а потом вниз полетела «принцесса» под радостный крик: «Я ее спа-а-ас!!». Принцесса упала, посреди расступившейся толпы.

— В принципе, да. Если бы ты на ней женился, то было бы хуже, — усмехнулся дракон, пока я пыталась вычислить в уме коэффициент смертности среди принцесс. — Слезай, спаситель!

Принц посмотрел вниз и тут же завертел головой. Он побледнел, скулчился и...

— Помогите! — заорал он на весь лес, вспугнув стаю ворон. — Спасите! Я высоты боюсь! Мамочка!

Под башней все ухохатывались. Я с надеждой посмотрела на дракона, пока из окна торчала голова принца и слышалась истерика. В окно полетели камни.

— Бастард! — орали внизу. — Принцы поручают грязную работу слугам! Бастард! Ни один уважающий себя принц не полезет! Бастард!

— Я — не бастард! — взвыл узник башни. — Я — законный наследник!

— Бастард! Бастард! — улюлюкали остальные, потешаясь над побледневшим героем.

— Сними его оттуда! — приказала я, глядя на улыбку, которая расцветала на губах

дракона. Прозвонил колокол, дракон зевнул и заявил, что урок окончен, все свободны. На счет «свободны» — сильное заявление, особенно после крика: «Вытащите меня отсюда!».

— Я, как ректор, приказываю тебе снять ученика из башни! — возмутилась я, глядя как бедолага попытался ступить на подоконник, чуть не сорвался, вполз обратно и запаниковал еще сильнее!

Я выхватила у дракона ключ из рук, сгрузила ему журнал и чернильницу.

— Тяни! — крикнула я, привязывая ключ к веревке. А в ответ тишина. — Тяни, давай! Там дверь есть!

Я даже подергала веревку, но мне никто не ответил.

— Сними его с башни! — повторила я приказ, пока принцы, ржали как кони.

— Одним меньше! Ха! — кричал златокудрый, бросая камень в окно. — Хотя, какая разница! Все равно бастард! Небось, мамочка с каким-то конюхом переспала, а потом отцу подложила!

— Я сказала! Сними. Мальчика. С башни, — процедила я, свирепо глядя на дракона.

— А ты меня поцелуй, ректорша, — рассмеялся дракон, поднимая брови и улыбаясь острыми зубами. — Я за то, чтобы мужик был мужиком! Пусть думает, как сам слезть! Посидит, подумает — слезет!

Я посмотрела на наглеца, а потом украдкой чмокнула его в щеку, мол, вдохновила на подвиг, так что, давай, беги, спасай!

— Боюсь, что поцелуем мы не ограничимся! — по губам дракона поползла улыбка, а по моей талии его ручища.

— Согласна, не ограничимся! Могу еще мотивационный пинок под зад дать! — огрызнулась я, но меня тут же сжали.

— Я снимаю идиота, а вечером ты приходишь, — сладко продолжил дракон, не давая мне возможности вырваться.

— С проверкой, — улыбнулась я, понимая, что мой авторитет падает со скоростью земного притяжения. Меня снова попытались обнять, но я выкрутилась. — Да я вам всем аттестацию устрою!

— Тогда доставай сама! Хочу на это посмотреть! — улыбнулся дракон, подходя к башне. — Учти, дверь открывается только изнутри!

— Разойдись! — вздохнула я, вспоминая уроки физкультуры, мат и канат. Я сняла ключ, бросила его в карман, ухватилась за веревку и стала по привычке проклинать физрука. Еще немного, еще чуть-чуть... Главное, чтобы мантия сильно не развевалась. Добравшись до самого верха и попытавшись отдышаться, я увидела несчастного принца, спрятавшегося в углу башни и обнимающего колени. «Я не бастард!» — всхлипывал он. В башне было сыро, мрачно и грязно. Сквозь дыры в крыши пробивался солнечный свет.

— Вставай, принц, — выдохнула я, чувствуя, как горят руки, и тянет мышцы.

— Я — не бастард, — всхлипывал принц, глядя на меня заплаканными глазами. — Мой род ведет свое начало от Ирбальда Великого! У... у... меня профиль... профиль... отца... Я — не бастард! Можете посмотреть портреты! Я ... я... не...

— Тебя как зовут? — я взяла его лицо в руки, чувствуя, как по моим рукам стекают чужие слезы.

— Айрон, — задыхался принц, опаяя жаром рыдания мои руки. — Айрон из династии Писцес! Мой отец — король Арл Могучий!

— Слушай, Айрон! — тяжело вздохнула я, глядя на плачущего мужика и вспоминая пузатого коротышку в короне. — Ты — не бастард! Я лично видела твоего отца. Вы

похожи, как две капли воды! К сорока годам ты будешь точно таким же! Ну все, прекращай плакать!

Я прижала златокудрую голову рыдающего принца к груди, похлопывая по спине.

— Когда-нибудь, ты спасешь свою принцессу, и вы будете жить долго и счастливо, — улынулась я, отстраняя героя. — А мы скажем, что в башне была ловушка, поэтому ты не смог выбраться самостоятельно. Давай, пойдем!

Я встала, отряхнулась и протянула руку принцу.

— Я не спасу принцессу, — вздохнул Айрон, глядя на меня и горько усмехаясь. — Я помолвлен с рождения. Как только закончу Академию, меня женят.

— Пойдем, — я тянула его вниз, пока под башней раздавались смешки и оскорбления. Пару минут возни и замок не приметной двери глухо щелкнул. Я подошла к офигевшему дракону, посмотрела на него и швырнула в него ключ.

— Еще раз я услышу слово «бастард», — жестко произнесла я, глядя на то, как надменно смотрят на меня принцы. — Вы пожалеете об этом!

— Простолюдинка для нас не указ, — рассмеялся Феордан, поднимая брови. — Даже если она — ректорша! В наших жилах течет голубая кровь! И никто из простолюдинов не имеет права нам указывать, что нам делать! Мы — и есть закон! И ты ничего нам сделать не сможешь!

— Значит, у вас, — заметила я, открывая журнал, в котором видела расписание, — будет не один урок в день, а три. Оправдывайте свои титулы, принцы!

Глава седьмая

Призрак жизни

Перед тем как целовать принцессу, требуй справку!

— Всех собирайте! — возмущалась я, идя по коридору замка. — Быстро! Учеников, учителей!

Пока что надо мной собирались только грозовые тучи, поливающие меня холодным дождем. Через двадцать минут в общем зале столпились все. Пока у меня стоял животрепещущий вопрос, под трибуной стояли все, включая дракона.

— С этого дня, — прокашлялась я, размахивая своими обязанностями и полномочиями. — В день будет по три урока! Три! А не один, как раньше! С этого дня вводится новая дисциплина — поведение! Оценки по поведению будут выставаться за день! Ученик, который получает низкие оценки по поведению — будет заниматься уборкой Академии. И мне плевать, принц он или король! Слуги, мамочки-папочки, стража остались дома! Здесь вы — просто ученики!

На стене проступали буквы, от которых я отмахивалась. Краем глаза, я увидела: «Ты вообще читаешь то, что я пишу?». Но красноречие несло меня по рельсам инноваций.

— И пока драконы бороздят просторы нашей Академии, — уверенно и с негодованием вещала я, как пламенный революционер, дорвавшийся до трибуны, чувствуя, что меня машинально несет в такие дебри, от которых впору давать мне Нобелевскую Премию «покойся с миром». — Мы должны взять в руки свое достоинство и честь, доказав всему миру, что наши принцы — не пальцем деланные.

Судя по лицам присутствующих, мои революционные идеи пришлись по вкусу, но здравый смысл проталкивал их дальше по пищеварительному тракту к пункту назначения.

«Смотри сюда!!!», — мелькнула перед глазами надпись, но судя по взглядам преподавателей, пламенного революционера системы образования ждал бесславный костер. «Я кому говорю! Прекрати!», — мелькала надпись.

Окна распахнулись, выпуская порывы ветра, а я интуитивно понимала, что пора закругляться, но не знала чем эффектно закончить свое выступление. «Сама напросилась!», — промелькнула надпись на стене, а я почувствовала, как мантия, словно попав в струю воздуха, моментально поднимается вверх. Я прижала ее спереди, в надежде, что у присутствующих уже был опыт созерцания женских ног и расширять его до «первого эротического» у меня не было никакого желания.

— Пум — пидум-пум! — выдохнула я, понимая, что это — конец. — Следующим ведет урок... Арден фон и так далее, и тому подобное. Через полчаса я буду на уроке. А пока — перемена! После Ардена — Робер. Я составлю расписание! Преподаватели, которые недобросовестно исполняют обязанности, студенты, которые плохо успевают и ведут себя отвратительно — будут повешены в коридоре!

Волна бледности прокатилась по молодежному составу запасной сборной по корононошению.

— Да как вы смеее! Мы — наследники престола! Мы — будущее наших государств! — негодовали принцы. — Я немедленно пишу родителям, что меня собрались повесить в Академии!

— Я подумала, что вешать будем здесь! — заметила я, глядя на бурление принцев и вспоминая доски почетов школы и университета, — Здесь будут висеть отличники, а здесь — двоечники...

— Двоечники? — переспросили у меня. — У нас нет плохих оценок! Е — балл — это тоже хорошая оценка!

— Глядя на ваши довольные е-баллы, я планирую убрать ваш е-балл! И перейти на

пятерки, четверки, тройки и двойки! — стукнула я кулаком по трибуне. — Никаких е — баллов! У меня все!

Я шла по коридору, не обращая внимания на надписи, которые пытались меня тормознуть на пути к улучшению образовательного процесса. Дверь моего кабинета захлопнулась перед моим носом, а по ней поползли буквы.

«Что ты творишь?» — проступили зловещие буквы прямо поверх дорогого дерева.

— Историю, — усмехнулась я, дергая за ручку двери. Дверь поддалась, и я отправилась искать сменную одежду. Раскрыв огромный шкаф, я стала вытаскивать все, что в нем было. Мантия на какого-то коротышку, мантия на великана, мантия с пятнами на животе, разодранная мантия, причем драли ее когтями, мантия с дырками и... Я с удивлением посмотрела на галерею бывших владельцев комнаты. Пузатый коротышка с бакенбардами смотрел величаво, тощий и сутулый жердь — презрительно, убеленный благородными сединами красавец — надменно, а я не могла понять, кто из них носил два женских платья? Кто из ректоров по вечерам, воровато оглядываясь по сторонам, надевал на себя юбку и корсет, любуясь на себя в зеркало? Чьи, так сказать фантазии, уносили его к пластическому хирургу? Почившие ректора молчали, а я рассматривала платья. Черное, украшенное драгоценностями, выглядело вполне солидно. Зато алое можно было показывать только в фильмах для взрослых за большие деньги.

«Я пытался тебя предупредить!», — проступило на стене, пока я снимала с себя грязную мантию и умывалась. «Все, разбирайся со своими проблемами сама! Я больше не буду тебе помогать!» — закончило свой монолог обиженное привидение.

Я быстро надела платье, поглядывая на часы, расчесала волосы, придала своему лицу взгляд суровый и гордый, прижала к груди журнал и двинулась в сторону аудитории...

— Это все из-за тебя, бастрад! — кричал кто-то за дверью, а я смотрела, что по времени уже начался урок. — Из-за тебя! Нечего было тебе лезть на ту башню! Настоящий принц никогда бы на нее не полез! Рисковать жизнью — удел слуг!

— Да как вы смеете! — затравленно возмущался Айрон, задыхаясь. — Я — не бастард! Отпустите!

— Если бы не твои сопли, то ..., — послышались голоса, а я открыла дверь, глядя, как несчастного зажали в угол.

— Что здесь происходит? — сухо спросила я. При виде меня Айрона отпустили. — Где преподаватель? Почему урок еще не начался?

— Слышишь, ректорша, — нехорошо усмехнулся златокудрый Фредерик, нависая надо мной. — Попомни мои слова. Как только я закончу Академию, меня коронуют, ты будешь у меня на коленях ползать, прощение вымаливать!

— И у меня! — поддержал его брат.

— У всех нас! — усмехнулись принцы. — Как только мы станем королями, ты первая поплатишься за свою дерзость!

Принц Фредерик попытался взять меня за подбородок, неприятно улыбаясь, но тут же получил журналом по руке.

— Ах ты, мерзавка! — вознегодовал он. — Я беру то, что хочу, потому что я — принц! Ни одна простолюдинка не имеет права мне отказать!

— Уже собрались? — вежливо поинтересовался Арден, стоя в стойке шатндартенфюрера. — Проходите за мной.

На меня бросили гневные взгляды, а Фредерик наклонился и сквозь зубы прошептал:

— Я тебе это еще припомню, стерва...

Если преподаватели будут дружно жаловаться на плохую память Фредерика, то я как-то не поверю. Мы прошли по коридору и вошли в огромный, гулкий зал, украшенный лепниной и подсвечниками. Изумительный, начищенный и блестящий паркет превращал королевскую сборную по вынесению мозга в молодежную сборную по хоккею. Я с удовольствием побыла бы той самой шайбой, которая обеспечивает кассу стоматологам и «шмену шоштавов»!

— Скользко! — вознегодовали принцы, пытаясь удержать равновесия. Зато Арден шел, как ни в чем не бывало.

— По правилам этикета, полы во время бала должны быть скользкими, — усмехнулся он, закладывая руки за спину. В зале вспыхнули тысячи свечей. — И танцевать на них — целое искусство.

— Послушайте, многоуважаемый Арден, — заметила я, чувствуя, что фигурное катание с журналом скоро станет нашей новой дисциплиной. Я ухватила за статуя, чувствуя, как разъезжаются ноги. — Послушайте, может быть, стоило начать с обычной вежливости? Уважение к даме? Пропускать вперед, подавать руку... Почему сразу танцы?

— Потому, глубокоуважаемая ректорша, — он повернулся ко мне, взглянул серыми глазами и улыбнулся, — что через две недели здесь будет бал! Сюда приедут родители принцев со своими придворными. Итак, господа, приступим. А ну выстроились в ряд! Я кому сказал!

— Зачем учить нас танцевать, если мы умеем? — усмехнулся брюнет.

— А ну выпрямился! Где твоя королевская осанка? — Арден взял трость, прислоненную к стене, и стал осматривать новобранцев.

— У меня, между прочим, врожденный порок! Целители прописали мне массаж, настойки... — начал перечислять Феордан, но тут же получил тростью по спине и резко стал образцово-показательным монархом с воистину королевской осанкой.

— Итак, у кого еще проблемы с спиной? — поинтересовался «добрый учитель», опираясь на трость. — Пользуйтесь моментом. Могу вылечить все, кроме слабоумия. Хотя, иногда и его удавалось вылечить. Правда, не сразу, но удается.

Кончик трости стукнул по паркету, а принцы дружно выровнялись, выкатив вперед грудь и расправив плечи.

— Учтите, господа, — усмехнулся Арден, проходя вдоль строя. — Я — ваш последний шанс перед могилой исправиться. Пользуйтесь моментом.

— Вы нам угрожаете? — дерзко заметил Фредерик, сдувая локон золотых волос с надменного лица.

— Нет, господа, я не угрожаю, — Арден подошел к нему вплотную. Блестящий набалдашник трости уперся принцу прямо в подбородок. — Просто конкретно вам, в силу своей вежливости, рекомендую пореже открывать рот. Это — просто совет...

Набалдашник задрал голову принцу, а тот бросил презрительный взгляд на учителя. Стоило ему отойти, как послышалось:

— Да чтобы мне простолюдин ука...

Арден молча развернулся, твердым шагом подошел и отвесил принцу такую пощечину, от которой загудели стены.

— Мой род древнее, чем твой. Любой из вас, по сравнению с кровью, которая течет в моих жилах — дворянка, возомнившая себя породистой собакой! Так что это тебе не мешало бы мне поклониться! — трость опустилась на ногу принцу, который завопил от боли, скрючившись в три погибели. Остальные принцы дрогнули, округлив глаза. Арден, поднял стальные глаза, однобоко улыбаясь, и откинул прядь темных волосы с лица, высокомерно глядя на то, как принц валяется у него в ногах, утверждая, что ему только что раздробили ногу.

— Еще одна подобная выходка, и вас будут носить на руках, как капризных девочек! — его твердый шаг в пустом зале чеканил каждое слово. — Разбирайте принцесс. Они вас давно заждались!

Арден ткнул тростью в грудь какого-то тряпья. Принцы, опасливо поглядывая на преподавателя этикета, который в любой момент мог испортить им этикетку, бросились к куче, которая оказалась сваленными куклами. Некогда роскошные, а ныне пыльные и грязные платья «принцесс» казались ничем, по сравнению с их лицами. Одна кукла была лысой, а какая-то добрая душа — эстет присобачила к лысине кокетливый бант, у другой был выколот глаз, поэтому она оценивающе прищуривалась и присматривалась к «своему» принцу, у третьей рука болталась на честном добром слове, у четвертой по фарфоровому лицу шла целая сетка трещин, у пятой не было носа.

— С безносой поосторожней, — усмехнулся Арден, глядя, как Эрих, рассматривает лицо «принцессы». — Она уже слегка погуляла по рукам.

Из сколотого носа красотки вылез мышонок, вызывая у принцев такие крики, которым позавидуют даже оперные певцы. Мышонок бросилась по паркету, скользя, пока каждый из принцев отряхивал свою куклу на предмет живности.

— Вижу, что каждый нашел себе девушку по — вкусу, — заметил Арден с улыбкой глядя на сдающую норматив по хоккею мышшь. — А теперь...

Мышь бросилась ко мне, я дернулась в сторону, поскользнулась, повисла одной рукой на статуе, прижимая к себе журнал. Принцы смотрели на меня странными взглядами. Я перевела взгляд на Ардена, который с улыбкой приподнял брови. Да не боюсь я мышей! По губам Ардена ползла такая улыбка, от которой мне стало страшно. Принцы ржали, как кони, но гулкий удар трости об пол, тут же излечил эпидемию слабоумия.

Я оперлась на статую, сопя от возмущения и глядя на всех с негодованием! Нет, сами же орали, как резаные, а тут прямо нельзя дать проход несчастному мышонку. Так сказать, мышинный коридор.

— Да! И в этом нет ничего постыдного! — заметила я, пытаюсь скрыть свой конфуз. У принцев чуть не случился рецидив. — Ну да! Мохнатый, маленький! Это не повод его обижать! И что с того? А вы знаете, сколько заразы он переносит?

На меня смотрели так, словно я только что, смакуя подробности, решила презентовать сборник эротических историй под названием «Личный Опыт».

— Я могу даже взять его в руку! Да я даже гладила его! — возмущалась я, не понимая, что происходит. — Я могу даже поцеловать его!

Нет, ну вы только посмотрите! Я уже мышей бояться не имею права!

Арден подошел ко мне, даря странную улыбку, а потом глазами показал мне на мою руку. Что-то намеков я не понимаю. Он наклонился ко мне, заложив руки за спину и прошептал:

— Женщины с таким подходом — это большая редкость... Не стоит меня так интриговать... Мне еще урок вести...

Он снова показал глазами на мою руку, которая цепко держала мраморную статую мужского пола за ту самую, слегка выпирающую под мраморным листочком часть.

Я задохнулась от стыда, а меня уже взяли за руку, вытащив из нее журнал и засунув его тому самому мраморному красавцу в руку, мол, тебя подержали, и ты поддержи.

— Думаю, пока что мы ограничимся вежливым рукопожатием, — прошептал учитель, выводя меня в центр зала. — Итак, господа, даму, в качестве приветствия, вне зависимости от ее внешних данных, принято целовать в руку. Эта традиция позволит вам понять, кто перед вами! Рука женщины, даже если вы на нее не претендуете, расскажет о владелице больше, чем милая улыбка. Эта традиция берет начало от одного прискорбного инцидента. Молодой принц познакомился на балу с красавицей, которая очаровала его настолько, что он готов был тут же жениться на ней. Посреди танца она вдруг бросилась бежать... Он побежал за ней. На ступенях девушка потеряла туфельку.

Подняли всех по тревоге, а одна герцогиня узнала на незнакомке свое платье. Оказывается, ее служанка — прачка украла платье хозяйки, вырядилась в него и отправилась на бал, соблазнять принца. Самозванку нашли благодаря туфельке и казнили. С тех пор принято целовать руку даме, чтобы убедиться, для начала, в ее происхождении.

К моей руке наклонились для поцелуя, а я понимала, что при первом взгляде на ногти, выяснится, что с часто нервничаю, пару раз в детстве падала с велосипеда, один раз поругалась с соседским котом и буквально месяц назад неудачно готовила оладушки.

Гадатель по женской руке молчал, глядя на боевую отметину кота.

— По форме пальцев, по манере держать руку, вы сможете сказать о даме куда больше, чем она захочет вам рассказать сама, — произнес Арден, глядя мою руку пальцами и прикасаясь к ней губами, а потом медленно поднимаясь и скользя взглядом по моей фигуре. — Согласно этикету поцелуй руки должен занимать пятнадцать секунд. Давайте, тренируйтесь! Посадили принцесс на скамью, и приглашаем их на танец.

— А у моей пальцев нет! — заныл брюнет, глядя на один средний палец, чудом уцелевший после поцелуев предыдущих принцев.

— Да, не все понимают с первого раза. Иногда идиотизм и фанатизм — идут рука об руку, — усмехнулся Арден, нежно поглаживая мою руку. — Не торопитесь с поцелуем. Осмотрите руку внимательно. Можете при этом погладить ее, как бы играя с ней. Ваша задача — увидеть признаки болезней, которые вы, как принцы, должны знать наизусть! Раньше поцелуи занимали куда меньше времени по этикету, пока однажды принц, не встретил на балу принцессу. Она была так хороша собой, что он решил пригласить ее на танец, поцеловав ей руку в качестве приглашения. У нее на указательном пальце была странная рана. «Что это?» — спросил принц. «Укололась об веретено!», — ответила красавица, которая выглядела слегка бледной. Принц не придавал значения и поцеловал ее руку. Веретяная оспа унесла сначала принцессу, ее родителей, а потом и принца. Эта болезнь не самая заразная, и раньше бушевала среди портных, но благодаря любопытной принцессе, началась первая вспышка при дворе. Так что будьте внимательны, господа. На следующий урок знать все симптомы заболеваний, которые передаются через поцелуй руки!

Я сглотнула, глядя на свой ожог.

— Отвлекайте даму комплиментами, — услышала я. — Пока вы отвлекаете ее комплиментами, убедитесь в том, что вам ничего не угрожает.

Принцы смотрели на своих кукол с таким ужасом, что даже во мне зашевелился ипохондрик.

— Если с рукой все в порядке, то можете приобнять девушку за талию и повести в центр зала. Обычно там освещение намного лучше, — меня грациозно вели в центр зала. — Если вы видите, что девушка бледна, возможно, покашливает, обязательно поинтересуйтесь, как она себя чувствует? Не обращайтесь внимания на ее слова, а лучше предложите ей присесть. Только вежливо. После бала обязательно поручите написать вежливое письмо родителям девушки, справляясь о ее самочувствии. Вы должны писать три раза в течение месяца. Так принято, чтобы ваш целитель, в случае чего успел принять меры.

У меня во рту пересохло, а я закашлялась, понимая, что пропускать даму в пещеру на предмет исследования оной на наличие опасных хищников — это еще цветочки по сравнению с тем, что я слышу сейчас!

— Не прижимайтесь к даме слишком близко. Это невежливо и опасно! — услышала я, чувствуя, как меня повернули к себе лицом, приобнимая одной рукой за талию. — У дамы может быть нечистоплотная служанка, которая следит за париком и прической. У этой служанки-грязнули могут быть вши. Вам же не хочется чесаться, а потом стричься налысо?

У меня руки зачесались дать по зубам всем диагностам от этикета.

— Первое танцевальное па, вы пропускаете даму вперед, чтобы осмотреть ее шею и спину. Она может их припудрить, но на свету хорошо видны симптомы основных болезней, — меня пропустили вперед, пока я молча охреневала от происходящего. — Тоже самое, когда вы проходите в дверь. Дама должна идти первой. Запомните, господа, этикет — залог здоровья.

Меня повели по залу, а я чувствовала себя коровой на льду.

— После того, как вы убедились, что девушка здорова — можете танцевать. Все, урок окончен! На следующий урок знать все симптомы заболеваний, который вы можете подцепить на балу! — сухо произнес Арден. — Принцесс положите на место. Только аккуратно.

Принцы, тренирующиеся в вежливых поцелуях рук, сообщая фарфоровым некогда красавицам, о том, что такой красивой девушки они ни разу в жизни не видели, схватили своих принцесс и потащили сваливать в общую кучу. В числе последних шел Фредерик, который волок свою принцессу за волосы по паркету. За ним тащился брат, таща несчастную за ногу, да так, что юбка ее задралась и подметала пол. Брендон свалил куклу так, словно мешок картошки, а Эрих брезгливо опустил за руку свою красавицу, украдкой наподдав ей ногой.

Через минуту принцев уже не было. Один из них прокатился на ногах по залу, чуть не сбив подсвечник.

Дверь закрылась, а я решила последовать примеру принцев, но...

— Вы не хотите со мной потанцевать? — прошептали мне на ухо, притягивая меня к себе.

— Ой, вы знаете, — я тяжело вздохнула, пытаюсь отодвинуться подальше. — У меня тут вавка на руке вскочила... Вот не знаю что это... И кашляю последнее время так, что ворон сдувает с подоконника... А еще я не благородного происхождения... Так что, боюсь... Эм... В этом случае конкретно за ваше здоровье...

— Глупая, — усмехнулись мне на ухо, делая шаг на меня и придерживая меня за талию. — Этикет — это очень скучная наука, которой привыкли пренебрегать. Его не соблюдают и не считают нужным.

Меня вели по залу, пока я посматривала в сторону двери. Рука Ардена покоилась на моей талии, а я старалась не смотреть в серые глаза.

— Люди всегда не считают важным и нужным то, что не касается их самих. А если вы знаете, — усмехнулся Арден, заставив меня кружиться. — Более увлекательный способ донести до идиотов банальные правила вежливости, будьте так любезны сообщить мне...

Мы остановились, а он склонился и поцеловал мою руку.

— При личной встрече вечером, — меня отпустили, а я поскользился за журналом и мигом шмыгнула за дверь, понимая, что с фантазией у меня напряг, поэтому оставим все как есть.

Призрак меня больше не беспокоил. Я составила расписание, опираясь на старые записи о дисциплинах, с удивлением обнаружив, что каждый преподаватель ведет по два предмета. Нет, если дело так пойдет с принцами и дальше, то они у меня будут с ранцами ходить на каждое занятие! Начнем с ранца первоклассника! А потом, по мере роста бицепсов и трицепсов перейдем на обычный. Им не мешало бы подкачаться! А то какие-то слабенькие у нас принцы! До сказочных принцев им еще далеко, а вот до сказочных идиотов — рукой подать!

Расписание было готово ближе к полуночи, поэтому я отправилась вешать его в коридоре. На душе что-то было беспокойно. Какая-то смутная тревога терзала меня.

В опустевших коридорах не было слышно ни звука. Я отправилась в свою комнату, разделась и улеглась спать. Мне не спалось, как бы я не ворочалась и не укрывалась. Недолго думая, я встала, оделась и решила проверить, все в порядке или нет?

Мои гулкие шаги наполняли гулом коридоры и лестницу, ведущую в покои принцев.

Первая дверь закрыта, а за ней раздавалось раскатистое «хрррр...», за второй дверью кто-то сопел и сонным голосом требуя, чтобы ему привели самую красивую служанку. За еще одной дверью тоже кто-то храпел и постанывал. Я обошла почти все двери, прислушиваясь, пока не увидела приоткрытую. Тонкая щель лунного света скользила по коридору, в ней клубилась вековая пыль. Хм...

Я негромко постучалась, чтобы никого не разбудить, а потом прислушалась. Тишина. Я осторожно открыла дверь, которая пронзительно и противно заскрипела, бросила взгляд на скомканное одеяло, валявшееся на полу. В комнате было прохладно, чьи-то вещи были свалены в кучу возле двери. Я шагнула к столу, заприметив записку.

«Простите меня, мой уважаемый отец и моя уважаемая матушка! Я не хочу больше терпеть издевательств над моей честью и достоинством! Я — не бастард, поэтому поступлю благородно, чтобы не бросить пятно на вашу честь и достоинство!»

Вереница клякс была еще свежей, а я схватила записку, чувствуя, как колотится мое сердце, когда я читала дальше.

«Понимаю, что моя смерть навлечет горе для всего королевства. Но мой позор куда страшнее моей смерти. Я прошу, чтобы эту записку доставили вместе с моим телом моим родителям. Айрон».

Я выглянула в окно, видя, что внизу никого нет. Утешало то, что на козырьке не лежало, распростершись, ничье бесчувственное тело.

Я бросилась в коридор, вылетела из башни в длинную галерею, чувствуя, как разрывается в груди мое сердце.

— Призрак! — позвала я, слыша, как в гулких коридорах отражается эхо моего голоса, а на меня сурово смотрели анонимные портреты. — Призрак! Ты где?

В ответ была тишина. Я обернулась на шорох, но вдоль ковровой дорожки пробежаламышь.

— Призрак!!! — закричала я, сглатывая и затравленно осматриваясь по сторонам. — Хватит дуться!!! Где Айрон? Эй!!!

И снова тишина в ответ. Я сжала в руке предсмертную записку, пытаюсь сориентироваться, где в огромной пустой замке решил покончить с собой наследник престола?

— Прости меня, пожалуйста! — заныла я, осматриваясь по сторонам и прислушиваясь. — Прости...

На стене проступили буквы, которым я несказанно обрадовалась. «В башне Королевы Ворон».

— Спасибо, — выдохнула я, лихорадочно пытаюсь собраться с мыслями. — А где это? Можешь отвести меня туда?

«Нет. Мне туда нельзя, но...»

На стене появилась карта, по которой я прикидывала маршрут, который пойдет на олимпийский рекорд по скорости преодоления. Главное — не паниковать раньше времени!

Я бежала по коридорам, бросалась на двери, дрожащими руками открывая их. Крутая винтовая лестница казалась бесконечной, я чувствовала, как тяжелеют ноги с каждым шагом, но все равно заставляла себя подниматься. Я задыхалась, опираясь о стену, и пыталась избавиться от головокружения.

Ступени кончились, а я очутилась в старой, темной башне. В оконном проеме я увидела силуэт в расстегнутой сорочке с короной на голове.

— Айрон! — осторожно позвала я, глядя, как принц удивленно обернулся. — Я прошу тебя... Не делай глупостей! Давай поговорим, а потом ты решишь, как лучше поступить.

Айрон смотрел на меня мертвым взглядом, держась за оконный проем.

— Давай, мой хороший, — ласково прошептала я, протягивая ему руку. — Иди сюда... Мы просто поговорим... В жизни бывает много ситуаций, когда хочется забвения. Но...

Айрон смотрел на меня. Его рука дрогнула, но он стиснул зубы.

— Твоя смерть развяжет кровопролитную войну, она повлечет за собой разрушения и другие смерти... — прошептала я, пытаюсь подобрать слова. — Я понимаю тебя. Иногда сама думала о таком, когда мне было тяжело, но ... Ты — сильный, Айрон... Ты сильнее, чем ты думаешь...

— Меня никто не любит, — прошептал Айрон, тяжело вздыхая и пытаюсь шагнуть вниз.

Я схватила его за одежду.

— Я люблю тебя. Айрон! Иначе бы не бросилась бы сюда! — прошептала я. В этот момент я готова была признаться в любви кому угодно, лишь бы спасти жизнь. — Ты — очень милый и славный...

Он вздохнул, умоляюще глядя на меня, а потом нерешительно протянул руку в мою сторону, заставив меня выдохнуть с облегчением. Внезапно, из темноты на Айрона бросилась черная тень. Огромный ворон! Пронзительно крича, он бил крыльями по лицу принца, который пытался отбиться, но потерял равновесие и рухнул вниз. Вместе с ним рухнуло и мое сердце. Я бросилась к окну, глядя на побелевшие пальцы, намертво вцепившиеся в подоконник. Одной рукой Айрон схватился за подоконник, а другой пытался уцепиться за кирпичную кладку. Я вывалилась по пояс, пытаюсь затянуть его обратно. Тонкая батистовая сорочка рвалась в руках, корона полетела вниз, громко звякая о черепицу.

Я тянула его изо всех сил, понимая, что у самой силы на исходе.

— Ищи опору ногами! — задыхалась я, пытаюсь втащить принца обратно. — Помогите!!! Помогите!!!

С ночного леса от крика поднялась стая ворон.

— Я прошу вас, помогите! Кто —нибудь! — у меня срывался голос. Зловещие вороны кружились над лесом, пронзительно каркая. Я упиралась ногами, втаскивала Айрона обратно.

— Молодец, — шептала я, свешиваясь и тяжело дыша. — Давай.... Еще немного...

Айрон боролся, цепляясь за подоконник. Он выбрался, а я обессиленно попыталась закрыть окно, как вдруг из темноты на меня бросились черные птицы, причем, так яростно, что я едва успевала защищать лицо. Голова кружилась, сердце лихорадочно колотилось, а меня толкали в грудь когтистые лапы.

— Нет! — задыхаясь, закричал Айрон, а я поняла, что за спиной лишь холодный порыв ветра, свист в ушах и последняя мысль о том, что я успела спасти...

Глава восьмая

Экономист со стражей

Заметила, что местные маньяки пропадают.

Пропадают без любви и ласки.

Я лежала в темноте, цепляясь за что-то и сжимаясь изо всех сил. Руки дрожали, сердце остановилось, а я не могла заставить себя сделать вдох. Ужас сковал тело до судороги. Мои дрожащие пальцы уцепились за какую-то ткань с застёжками. Может, мне что-то и говорили, а в ушах все еще стоял свист ветра, перемежевывающийся злорадным, надрывным карканьем. Меня кто-то поймал... Представляете? Поймал! Мало того, что поймал, так еще и выжил! «И пока смерть не разлучит нас! Прыгай, любимая!» — кричал принц внизу башни. «Что-то как-то не так я представляла вечную любовь!», — вздохнула Рапунцель, потирая синяки и глядя на труп принца, удивительным образом смягчивший падение! Я с замиранием и ужасом пыталась представить высоту, с которой меня угораздило упасть, но, но помнится, хватило на «а-а-а-а!» средней продолжительности и пару слов, которые впечатлительные детки тут же начинают повторять, как попугайчики. Судя по всему, этажа три, поскольку крыла я трехэтажным, а может быть и больше, поскольку потом крыть было нечем.

— Ты... живой? — хрипло выдохнула я, а в ушах свистело так, что строители — высотники покачали головой «денег не будет».

— Увы, нет, — услышала я внезапно низкий и хриплый голос. Настолько низкий, что где-то внутренние органы снова решили собраться вместе и затрепетать, но уже по другому поводу.

— Послушай, падшая с башни женщина, — прошептали, прижимаясь губами к моему виску, пока я пыталась понять, как же так меня угораздило. — Я все еще на тебя обижаюсь.

Так! Я не поняла? Я занервничала, пытаюсь рассмотреть лицо спасителя, но почувствовала, как резко проваливаюсь в темноту.

Очнулась я с ударом колокола, который заставил меня подскочить на месте, заметаться по кровати, а потом с выдохом откинуться на подушку. Ничего себе сон! Я подняла руку, рассматривая ее при свете дня. На ней остались саднящие царапины от вороньих когтей. Не сон... Неужели...

— Бом! — снова ударил колокол. Причем, явно меня и по голове. Втянув воздух в себя, я простонала, понимая, что мне сейчас предстоит идти на очередную лекцию. Протяжно зевнув, я стала натягивать на себя... Стоп! А кто это у нас тут такой предприимчивый? Почему меня раздели, разули и даже завернули в одеяло?

— Бом! — раздался третий звонок, и стало понятно, что антракт моей жизни закончился, поэтому я лениво стекла с кровати в сторону ванной, а потом пыталась укомплектовать себя в платье. Прижав к груди журнал, я позавтракала вегетарианской едой, напроць, игнорируя мясо, и сонно поплелась на урок.

Открыв тяжелую дверь с золотой ручкой — драконом, я увидела роскошный кабинет, на который явно сдавали десятилетиями дети-мажоры, и сонных принцев, которые сидели за партами, зевая и потягиваясь.

— Ну что? Все собрались? Время — деньги, господа, — услышала я насмешливый голос Робера, вальяжно восседавшего на учительском столе. Я осторожно прокралась в аудиторию, облюбовав осторожной мышкой пустую галерку.

— Правило первое. Казна и казнить — это два слова, которые понимают ваши подданные, — усмехнулся Робер, тряхнув черными локонами и подарив всем наглую улыбку. — Страх и деньги — вот то, на чем зиждется ваша власть. Они открывают любые двери, любые сердца и любые тайны. И сегодня, мои наивные друзья, я расскажу вам, как правильно воровать у народа, держа их в страхе, обеспечивая себе абсолютную власть. Запомните, когда народ ворует у вас — это преступление. А когда вы у народа —

это экономика.

Я сглотнула, впервые услышав столь смелое определение.

— Итак, мы будем правильно учиться воровать у народа. Воровать у народа нужно аккуратно, чтобы народ ничего не заподозрил и не поднял бунт, — улыбнулся Робер, глядя на сонную аудиторию. — О! Мой будущий любимчик! Лучший представитель подрастравляющего поколения. Я имею в виду родителей. Меня вы только радуете. Я умоляю вас, не отвлекайтесь от вашей мухи. Если что, я всегда смогу одолжить вам деньги под самые грабительские проценты.

— Да будет вам известно, что я — Элиан Аквариус. Мой отец — самый богатый король из всех! И я никогда не стану одалживать деньги! — гордо вскинул голову симпатичный шатен, отвлекаясь от мухи и поднимая глаза на учителя. — Мы — процветающее королевство! Наши богатства никогда не иссякнут! Мы даже платим тем, кто усыновил сирот!

Пока принц перечислял финансовые возможности своей родины, Робер усмехался и кивал, закрыв глаза.

— Думаю, что рассрочка на три года под триста процентов вас вполне устроит! — улыбнулся преподаватель, делая пометки в красивом блокноте.

— Если мне нужны будут деньги, я подниму налоги! А если их не заплатят — я всех казню! Про-це... Что? — закончил свою речь экономически подкованный детеныш монарха. — О чем это вы?

— Я вас просто обожаю! Вот, благодаря таким как вы, я сколотил свое состояние, — заметил преподаватель, блаженно улыбаясь и сходя на пол. — Хорошо, давайте на примерах! Многоуважаемая ректорша...

Робер подошел ко мне, одаряя меня дьявольской улыбкой, а потом наклонился для поцелуя, но не поцеловал руку, поднимая на меня темно-карие глаза.

— Хм, я не целую руки, на которых нет золота, — рассмеялся он, выводя меня на всеобщее обозрение. Всеобщее обозрение сменилось всеобщим оборзением, когда по аудитории прокатились смешки.

— Итак, моя бесценная, вы — народ! Голодный, ленивый и тупой! — усмехнулся Робер, вызывая новый приступ смеха. Мой желудок решил подыграть, поэтому скорбно заурчал. — Я — обычный, скромный министр при короле. Где наш многоуважаемый король? Ах да, вот он! На резное кресло была посажена старенькая кукла, бессильно опустив тряпичную голову с пришитой к ней короной. — Все как в жизни, детки. Народ в поле пашет, король сидит на троне...

— Единственное, что я могу пропахать, так это ваш профессионализм, — прокашлялась я, вспоминая на кого училась целых пять лет. Не хватало мне, чтобы какой-то дворорощенный экономист рассказывал мне про кривые спроса и предложения!

Робер наклонился к кукле и как бы прислушался.

— Сколько у нас налоги? По три серебряных монеты? — уточнил он, бросая на меня взгляд. — Итак, народ. Указом короля налоги повышаются! Вы должны внести в казну пять серебряных монет! Загибайте пальчики, дорогие мальчики.

— А я помогаю бедным, взяла на воспитание двадцать сирот, приютила их, — вздохнула я, чувствуя, как меня распирает от героизма. — Неужто, я еще и налоги платить должна? Это мне государство доплачивать обязуется!

— Ну раз так, то вам срочно нужно на аудиенцию к королю! — усмехнулся Робер, как бы дико извиняясь. — Но, увы, попасть на нее не так уж и просто. Только я могу ее организовать. А вот и первое правило хорошего министра. Взятка, данная не деньгами, таковой не считается! Вот такой произвол творится за вашими спинами, мои наивные маленькие друзья. Он творился, творится и будет твориться.

Принцы смотрели с недоумением, переглядываясь и что-то пытались посчитать.

— Наш дорогой король доигрался, — рассмеялся Робер, беря за шкуру короля, сдирая с него корону и швыряя его в принцев. — «Мятеж!» — кричат за окнами, а в зал врываются вооруженные люди. «Сколько мы будем терпеть такие грабительские налоги! Целых десять серебряных!» — вопят нищие люди, пока последняя охрана падает под натиском разъяренной толпы.

— А почему десять? — нахмурился «запасной» монарх по имени Фердинанд. — Вы говорили, что пять!

— У меня появилась очень дорогая женщина, — рассмеялся Робер, глядя на меня обволакивающим все принципы и отговорки взглядом. Он плавно подошел ко мне, не с меня глаз. — Она ведь хочет затмить саму королеву... Ей каждый день подавай новое платье и украшения к нему... Она мечтает ездить в роскошной карете и кушать из золотой тарелочки...

Робер встал позади меня, а я почувствовала его дыхание на своей шее.

— Я считаю своим долгом выполнить любой ее каприз, — усмехнулся он, словно наклоняясь для поцелуя, но тут же с улыбкой отпрянув и вызывающе взглянув на принцев. — Вот поэтому и двенадцать...

— Какие двенадцать? Только что же было десять! — негодовали принцы. Элиан вообще забыл про муху, пытаюсь понять, как три превратилось в двенадцать! Он даже посмотрел на пальцы соседа.

— Она просто захотела себе роскошный дворец, — рассмеялся Робер, стоя чуть позади меня. — С фонтаном и огромным парком. Как я могу отказать ей? Она же так красива! И пока она со мной, она живет, как королева. Конечно, это — шутка, но...

Робер откинул темные волосы и подошел ко мне так близко, что я сделала шаг в сторону, поведя плечом.

— В каждой шутке, — прошептал он, распахнув глаза, а потом снова сузив их. — Есть доля правды... Итак, вернемся к перевороту!

Меня взяли за руку и усадили на трон, накинув пыльный горностаи и нахлобучив деревянную корону с истертой позолотой.

— Женщина не способна править королевством наравне с мужчиной, поэтому на трон взошла вдовствующая королева, страдающая обычным женским скудоумием и самомнением. Мое почтение, ваше величество! — мне пафосно поклонились, едва сдерживая улыбку. — Вы сегодня прекрасны, как никогда! Ваши глаза блестят, подобно алмазам, и я не могу найти слов, чтобы описать вашу неземную красоту! Я сдаюсь в ваш сладкий плен!

— И на кой ты мне сдался? — усмехнулась я, чувствуя, что от королевских регалий пахнет мышиным пометом и плесенью.

— Как? Вы же без меня не можете жить! Все, что вас интересует — это какой фасон платья нынче в моде, какую безделушку напялить на себя, чтобы все позеленели от зависти, и кто из любовников сегодня навестит вас под покровом ночи. Сколько бы я не воровал, меня вы никогда не повесите, потому что думать и править самостоятельно вы не умеете. И больше всего на свете вы боитесь бунта! Поэтому вы будете бегать ко мне по любому вопросу.

— Бунта не будет, — ядовито заметила я, облокотившись на мягкую спинку трона и поведя плечами под некогда роскошным горностаем. — К вам я бегать не буду. Это вы будете от меня бегать.

Мои руки легли на подлокотники, а я бросила надменный взгляд сначала на принцев, а потом на будущего чемпиона по бегу на короткие дистанции после крика: «Стража! Арестовать негодяя! Конфисковать все имущество в пользу короны!».

— В каждом селении, будет выбран совет из почетных жителей, которые будут собирать

налоги. Малейшая жалоба — отрубаем...

— Руку? — переспросил «запасной» принц Фредерик, пока его брат зевал во весь рот и нетерпеливо ожидал конца этого скучного урока.

— Нет не руку, — сладко усмехнулась я. — Руки ему еще понадобятся, чтобы работать во благо государства. А вот есть кое-что очень важное. Участвующее, скорее в отдыхе, чем в работе. И вот именно это мы и будем отрубать. Там мы увеличим производительность труда в разы! Поднимем экономику! Избавимся от коррупционеров!

Принцы вздрогнули, переглядываясь. Фредерик подавился, глядя на меня с возмущением.

— Налоги должны быть посильные, поэтому крестьяне будут вносить в пользу государства символическую сумму в один серебряный, а вы, многоуважаемый министр будете платить тысячу золотых. А что вы хотели? Высокая должность — высокие налоги. Фактически, я буду пополнять казну за ваш счет, — мило улыбнулась я, кутаясь в горностаи и поправляя рукой корону. — Может, власть кого-то и портит, но меня явно украшает!

— А вы не боитесь, — Робер склонился ко мне с улыбкой. — Что от вас быстро захотят избавиться?

— А вы не боитесь, что вы станете той самой, преждевременно засохшей веточкой на вашем пышном генеалогическом древе, за такую попытку? Как у вас там? Мое достоинство принадлежит моему королевству? Ваше достоинство отделится от вас, точно так же, как и ваши титулы и земли. Недоброжелатели у меня будут всегда, — я одарила «министра» самой доброй улыбкой на свете. — Но чем больше у меня будет денег, тем надежней охрана.

— Охрану могут подкупить, — страстно прошептал Робер, склоняясь еще ниже и улыбаясь мне. — Ваше Величество об этом не подумало?

— А я буду выбирать охрану из людей, у которых есть семьи. И в случае чего, первыми пострадают семьи, — я чувствовала себя кровавой тираншей и узурпаторшей. Принцы смотрели на меня страшными глазами в абсолютной тишине.

— А вы не подумали, что я могу вас соблазнить, — рассмеялся Робер, поправляя мою манию и украдкой проводя пальцем по моему плечу.

— К тому времени, соблазнять вам уже будет нечем, — улыбнулась я, дергая плечом. — Обладая такой властью и такими возможностями, я буду искать себе красивых мужчин с одной прямой извилиной, которая бережно придерживает уши. Думаю, что с поставленной перед ними задачей, они как-нибудь справятся.

— Помните, против вас всегда могут поднять бунт, — заметил Робер, глядя на меня карими глазами в обрамлении густых черных ресниц.

— О, нет, — вздохнула я с улыбкой. — Бунт против меня не поднимут. Я раз в неделю буду приезжать в какое-нибудь несчастное поселение, общаться с людьми, помогать нищим, обездоленным, убогим, сорить деньгами. У них постоянно будут зрелища, которые бедные люди, будут заедать хлебушком. Да меня тут на руках носить будут за мое милосердие и щедрость. А спонсором моих милостей будете вы, если вам очень хочется жить...

— Но ведь женщина без мужчины не выживет, — прошептали мне, поглядывая в сторону притихших от ужаса принцев.

— Выживет. Всех выживет, — парировала я, вздыхая и чувствуя, как с меня съезжает деревянная корона. Вот так всегда! Ни корону не поправить, ни всласть не поправить!

— Ну что ж! — мне подали руку, помогая встать с кресла. Моя попа уже удачно пригласилась на мягкой подушечке, поэтому не хотела с ней расставаться. С меня сняли корону, поглядывая на меня странным взглядом, словно если увидят меня на троне, то будут бежать куда подальше с криками: «Караул! Спасите! Я политический беженец!».

— Ну что ж, урок окончен. Все свободны, — усмехнулся Робер, затаскивая короля в его двусторчатый дворец. Принцы под впечатлением покидали аудиторию. В гробовой тишине было слышно, как двигаются роскошные стулья. Я собралась уходить, но меня осторожно взяли за руку.

— Пойдите, — прошептали мне, беря меня за руку и заглядывая мне в глаза. — Я, наверное, вас обидел... В вашем голосе сквозили нотки обиды... Я их отчетливо слышал...

— На вас сложно обижаться, — мило улыбнулась я. — Ваши умственные способности этому не способствуют. Если что, я умею отвечать две вещи — звиздюля и реверансы. Выбор за вами.

— Я сказал, — Робер заглянул мне в глаза, поднимая брови, — что не целую руку, на которой нет золотых украшений.

Он достал увесистое золотое кольцо и надел его на мой указательный палец.

— Вот теперь, все в порядке, — мне улыбнулись ободряющей улыбкой, которой позавидовал бы сам дьявол, придерживая меня за кончики пальцев. — Вечером я хочу целовать вас с ног до головы...

— Я обязательно воспользуюсь вашим предложением, когда в замке кончится вода. Поверьте, я сама тогда к вам прибегу, — рассмеялась я, осторожно вынимая пальцы из чужой руки и глядя на массивное кольцо с фиолетовым камнем.

— Надеюсь, я могу ее поцеловать? — шепотом заметил Робер, придвигаясь ко мне почти вплотную.

— В замке еще не закончилась туалетная бумага, — заметила я, поднимая брови. — Но как только ее не станет, вы узнаете об этом первым...

Одно движение, и я спрятала подарок в карман.

— Не можете, — тут же рассмеялась я, глядя ему в глаза. — Вы же никогда не целуете руку, на которой нет золота. А на счет кольца — вспоминайте первое правило министра! Взятка, данная не деньгами, таковой не считается! Всего хорошего. Мне пора на следующий урок.

Я вышла за дверь, усмехаясь. Какой сегодня день? Не знаю, но зато точно уверена, что День Учителя. Подарок ко дню учителя — это всегда так приятно. Итак, что у нас по расписанию? Фехтование? Отлично! Через час все соберутся в зале для фехтования. Я прошла в комнату, бросила кольцо в шкатулку и поняла, что быть ректором не так уж и плохо. Я пыталась дочитать «Обязанности Ректора», но это была самая снотворная книга из всех, ранее мною прочитанных. Перелистнув страницу, я подавила зевок. Впереди было шестьсот страниц. Чтобы не уснуть, я стала расписывать новую систему оценок, скрипя пером в тишине своего кабинета. Колокол пробил, и я сорвалась на занятие.

Дверь была открыта настежь, а из класса доносился странный смех.

— Что здесь происходит? — сурово заметила я, глядя на то, как принцы стали что-то прятать за спины. Внезапно в суете и нервной спешке на пол упала какая-то бутылка, стекло разлетелось, а содержимое растеклось алым по плитам.

— А твое какое дело? — ко мне пошатываясь и глядя на меня странным взглядом заметил златокудрый Фредерик. — Мы решили выпить! Будешь с нами, ректорша?

Мне протянули початую бутылку. Принц Брендон усмехнулся, дерзко делая глоток из своей и тут же вскидывая на меня хмельной взгляд.

— За здоровье моего отца — короля! — горлышко предложенного пойла чуть не попало мне по носу.

— Я не буду пить! И вам не позволю! — я выхватила бутылку и поставила ее на пол. — Показывайте, сколько у вас их там! По правилам Акаде...

— Да как ты смеешь не выпить за здоровье моего отца!!! — покачиваясь Фредерик

швырнул свою бутылку в стену, а она разлетелась на осколки. — Ты только что оскорбила меня и мою семью! Ты оскорбила мое королевство! А оскорбление смывается кровью! И мне плевать, кто ты! Ректорша, крестьянка, шлюха! Никто не имеет права оскорблять корону!

Я почувствовала, как лицо обожгла пощечина, сбивая меня с ног, под испуганное «у-у-у!». «Ничего себе!», — нервничал Эрих, глядя на остатки на дне своей бутылки. «Может, не надо!», — переглядывались остальные.

— Тишина! Я кому сказал! — закричал Фредерик, улыбаясь мерзкой улыбкой. — Бойтесь ее, да? А что она вам сделает? Ну поорет? И что?

— Брат, полегче, — заметил темноволосый, пока остальные молчали. Молчал даже Айрон, икая и сжимая в руках пузатую бутылку.

Вода пьяного «моря по колено» стала подниматься и достигла той самой критической отметки чуть ниже пояса, которую очень хотелось положить на мою новую работу

— Закрой дверь! — приказал Фредерик, кидая брату меч. — Мне все равно ничего не будет! Я — принц! Я имею право делать все, что захочу!

Брат засунул меч между ручек и опасно отошел от двери. Я попыталась встать, а Фредерик, с усмешкой нетвердой походкой шел в мою сторону. В его руках блестело острие меча.

Я уперлась спиной в какие-то доспехи, с которых скатился шлем прямо мне на колени, а рядом упал тонкий меч с золотой рукоятью, увенчанный синим драгоценным камнем. Я протянула руку, чувствуя, как она легла на рукоять. Этот жест вызвал гомерический смех, среди принцев. Они уже не стеснялись, а пили в открытую.

— Ты что? Хочешь сразиться со мной на мечах? — рассмеялся Фредерик, беря из рук брата бутылку и опрокидывая остатки поила в себя.

— Она же девушка! — заметил кто-то из принцев, глядя, как я встаю, держась за меч двумя руками.

— Да ладно тебе, сейчас весело будет! Баба с мечом! Вот потеха! — ржал принц Брендон, а вино брызгало на его рубашку.

Фредерик хрипло рассмеялся, подмигнув брату.

— Как говорил мой учитель фехтования, брат может подтвердить! — он кивнул в сторону молчаливого Фердинанда. — Тот, кто берет в руки меч, перестает считаться женщиной, ребенком и стариком. Любой, кто взял в руки меч — мужчина! А мужчины недостойны жалости в поединке! Так что...

Удар обрушился на меня, а я едва успела выставить вперед меч, чувствуя, как гудят дрогнувшие руки после лязга металла об металл. Сдувая волосы с лица, я пыталась успокоить дрожащие колени.

— Неплохо, — высокомерно заметил Фредерик, облизывая пересохшие губы и делая глоток из поданной братом бутылки. — А как тебе это?

Я напрягла все силы, чувствуя, что сейчас вырону меч. Меня повело в сторону, а лезвие вражеского меча рассекло мне юбку, оставив на ноге царапину. Где этот чертов дракон? Урок уже должен был начаться!

— Ха! — пьяным смеялся Фредерик, глядя на то, как я пытаюсь запахнуть свой кордебалет. — А как на счет этого! Отобьешь или нет?

Лезвие меча устремилось к моему лицу, но я просто уклонилась, пыталась преодолеть животный холодок от приближения смерти. Со стены откололась часть барельефа, алебастровой крошкой разметавшись по полу. А я чуть не потеряла равновесие и бросилась к двери, пытаясь вытащить меч-засов, но шаги позади меня, заставили меня развернуться.

— Пошутили и хватит, — я попыталась придать голосу прежний авторитет. — Сейчас начнется урок!

— А никто не шутит! Урок уже начался! Никогда не вздумай перечить принцу! — поднял брови Фредерик, нанося еще один удар. — Если ты убьешь принца, то мой отец сотрет эту Академию с лица земли. Мне ничего не будет, если я тебя убью. Я бросилась бежать, чувствуя, как от страха мое сердце просится наружу. Я отбивала дрожащими руками, как умела удары, пряталась за расставленные доспехи и мысленно желала, чтобы какой-то копьеносец... Именно копьеносец! И ... чтобы копье... называлось клизмой! ... познакомился с драконом так близко, как только позволил бы боевой конь на полном скаку!

Я устала, как собака, чувствуя, что задыхаюсь. Фредерик ударил по манекену, перевернув его и отшвырнув подальше ногой. Я наступила на щит, поскользнулась на полу и ...

— Ты что наделала? — слышался голос. Все с ужасом смотрели, как Фредерик рассматривает свои окровавленные пальцы и надрезанный рукав. На моем мече, который я все еще сжимала в руке, были капли крови.

— Извини, — вздохнула я, сдувая прядь волос. — Но ты первый начал, это раз! Во — вторых...

Договорить я не успела, потому, что на меня бросились с мечом так, словно я то самое полчище врагов, за которое идиотам дают звание героя посмертно. Я едва успевала отпрыгивать от ударов. Какое заслоняться? О чем вы? Один раз его меч прозвенел об мой, чуть не сделав меня Венерой Милосской, а меня отбросило к стене. Я упиралась в какой-то портрет, чувствуя спиной золотую раму.

— Брат, остановись! — слышалось со стороны принцев. Темноволосый метнулся к брату, который поливал рану вином. — Послушай...

— Ты мне не указ! Я — будущий король! — у Фредерика пытались отобрать меч, но он очертил мечом круг, тыкая лезвием в лица всем «спасателям». — Попробуйте только мне помешать! У моего отца самая могучая армия во всех королевствах! Стоит ему щелкнуть пальцами, как он вас завоюет! И вы все прекрасно об этом знаете!

— Она же ректор! — выкрикнул Феордан. — Тем более, что...

— Какая разница? Как говорит мой отец — незаменимых людей нет! Сегодня она, завтра кто-то другой! — Фредерик сделал глоток из бутылки и разбил ее об стену рядом со мной. Айрон попытался схватить один из мечей, лежащих на полу, но кто-то наступил на него ногой. «Не лезь!», — слышался шепот.

Ко мне приближались, держа меч наперевес, и глядя на меня мутным взглядом.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, а потом холодом сковало мои плечи и руку. Я судорожно ловила воздух, глядя на то, как небрежно, шатающейся походкой ко мне приближалась моя смерть.

— Можно я тобой овладею? — прошептал кто-то на ухо, а моя рука с мечом, казалось, обледенела.

— Нашел время! — огрызнулась я, понимая, что какая-то зараза выбрала удачный момент, чтобы довести меня до экстаза!

— Только быстро! — задохнулась я от ужаса, чувствуя ледяные объятия. — Если ты собираешься пристраиваться сзади, то поспеши! Пару секунд, надеюсь, тебе хватит...

— Не смотря на то, что смертельно на тебя обиделся... — от каждого слова, у меня в жилах стыла кровь. Кто-то пытался забрать у Фредерика меч, но тут же отлетал к стене. — Я заинтересован в том, чтобы в этом замке я был единственным и неповторимым...

Глава девятая

Поисково-сосательная экспедиция

Встретила принца. Теперь тещу его чемоданы.

Я попыталась уползти, слыша, как рядом обрушивается удар за ударом. Не знаю, как называется этот стиль фехтования, но что-то мне подсказывает название «мясорубка». В последний раз такое было, когда я просила помочь мне на кухне с капустой одно гордое мужское существо, возжелавшее борща после трудовыебудня. Несчастливая капуста была признана виновной в его плоскостопии, проблемах на работе, смерти любимого котика, в том, что от него ушла предыдущая девушка к успешному сыну маминой подруги и даже в трещине на лобовом стекле. Иначе, как объяснить тот факт, что радиус капустного поражения был приблизительно равен всей кухне. Где-то переглядывались все маньяки, понимая, что им пора поучиться у великого гуру расчлененки.

Я едва успевала хоть как-то пригибаться, сплевывать волосы и отползать на четвереньках, понимая, что последняя запись в моей трудовой книжке будет написана кровью.

На меня свалился манекен, а по манекену тут же ударил меч. Видимо, где-то дракон молился, чтобы меня зарубили на месте, ибо если я выживу, то ему несдобровать!

Я была загнана в угол. Фредерик тяжело дышал, поднимая оружие моего будущего убийства. На раскрасневшееся лицо липли волосы, а из груди вырывался остервенелый рев.

— Возьми меня! — простонала я, пытаюсь нашарить меч и вспомнить, где и кому оставляла завещание. — Куда хочешь, бери!

По телу пошел холод, похожий на озноб. Руки меня перестали слушаться, а тело свело незримой судорогой, от которой мне показалось, что все внутри покрылось коркой льда. Внезапно моя рука крепко сжала рукоять и поднялась, твердо отражая смертельный удар.

Я попыталась дернуться в сторону, когда Фредерик замахнулся на звание моего убийцы, а внутри меня послышался сладкий и хриплый голос:

— Не мешай мне...

Я поднялась на ноги, причем так, что учитель физкультуры заметно бы оживился, делая выводы, что я подающая надежды гимнастка, отразив еще один мощный удар.

— Не бойся, девочка, — услышала я голос в своей голове, пока ошарашенный Фредерик отдувался и смотрел на меня с подозрением. Моя рука держала меч так, словно я родилась с ним, выросла с ним и даже принимаю с ним ванну по четвергам. Молниеносный выпад, который заставил мои волосы дружно зашевелиться на голове, я каким-то чудом, мало того, что отразила, так еще и настолько грациозно, что Фредерик полетел в стену, соприкоснулся с ней, и тяжело задышав.

— Может достаточно? — прошептала я, пока принцы переглядывались.

— Нет, девочка. Не достаточно, — снова хрипло и сладко заметил голос, подарив мне такую терпкую усмешку, что у меня вздрогнуло сердце. — Не смотря на то, что я на тебя обижаюсь, напомню тебе, что в обязанностях ректора, до которых ты еще не дочитала, указано, что в случае, если преподаватель не пришел на занятие, ты обязана его заменить. Думаю, что с уроком мы справимся, а потом отправим мальчика зализывать домашнее задание.

Фредерик крепче ухватился за меч и разъяренно бросился в атаку, но наша команда пока что держалась, ловко отбивая удары. Отбив несколько выпадов, удержав чужой меч на уровне моих обалдевших глаз, мы ловко увернулись и пошли в наступление.

— Ты с ума сошел! — процедила я, глядя, как моя рука наносит удары. Схватка стала настолько жаркой, что я едва успевала дышать. — Это мое тело! Тебе — то уже все

равно, а мне еще нет!

— Не волнуйся! — слышался увлеченный мужской голос, пока я показывала такие трюки, от которых всех каскадеров в мире лишили зарплаты.

— Вот только не говори, что тебя случайно прибили на дуэли! — стонала я, выделывая такие кульбиты с мечом, от которых хрустело мое несчастное, к физкультуре не приспособленное тельце.

— Не отвлекай! — слышался голос, а мое отражение в противоположной зеркальной стене, скакало а ля Жан Марэ, путаясь в юбке. — Кстати, да... Теперь я понял, что нам мешает!

Одна моя рука подняла ткань платья, а другая с мечом разрезала ткань. Легким движением моей руки скромное платье старой девы, застрявшей в промежутке «с выданья» на «вынос», превратилось во фривольный наряд с мини-юбкой. Я с сожалением вспомнила, что к платью прилагались панталоны, которые я отбросила, как «зимний вариант».

— Ты что творишь? — простила я, чувствуя, что мои голые, вполне стройные ноги вызвали оживление в рядах принцев похлеще пикантного журнала для мальчиков — зайчиков.

— Историю, — рассмеялся призрак, одним ударом выбивая меч из рук противника. Меч вылетел и звякнул об пол, скользя по паркету в сторону зрителей. Но Фредерик не сдавался, схватив с перевернутого манекена сразу меч и щит. Прикрываясь щитом и полыхая монаршим гневом, он двигался с мою сторону.

— Ну-ка, — слышался бархатный смех внутри меня. Вижу, кто-то вошел во вкус, откуда я экстренно искала выход. — Финты делать умеешь?

— Разве что ушами, — всхлипнула я, закусывая губу. — Ты в меня точно не вселялся на прошлый Новый Год?

— А что тогда было? — поинтересовалась потусторонняя сущность, пытаясь выбить моей ногой щит из рук разъяренного принца.

— Неважно, — покраснела я, вспоминая то, как мозгу было ужасно стыдно, но тело не могло остановиться, пытаясь станцевать стриптиз вокруг елки с тарелкой оливье в руках.

Щит отлетел, мы перешли в нападение, а моя нога сделала подсечку, уронив принца на пол. Вот сейчас у меня было желание оторвать ему лапу, но он смотрел на лезвие, которое уперлось ему в горло, и пытался дотянуться до меча. Да, если бы я была принцессой, то боролась с непреодолимым желанием бросить принца, а следом кирпич. На всякий случай.

Фредерик тяжело дышал, сглатывал и цедил сквозь зубы проклятия, от которых я подумывала умереть бездетной. Моя рука занесла меч, чтобы нанести смертельный удар.

— Нет! — заорала я, пытаясь вернуть владение рукой себе. На секунду удалось почувствовать свои пальцы. Меч то отодвигался, то придвигался к горлу перепуганного и внезапно протрезвевшего наследника, который смотрел на меня с ужасом, дрожащими губами умоляя меня пощадить его. У меня получилось вернуть контроль над левой рукой, которой я стала отодвигать правую.

— Он заслуживает смерти, — возмущался призрак, пока я, пыталась увести меч подальше. На секунду я смогла разжать собственные пальцы, и в абсолютной тишине раздался звон падающего меча. Холод прошел, а я тяжело дышала, глядя на принцев, чьи венценосные челюсти приближали капитальный ремонт паркета.

— Это был урок... полового воспитания, — прокашлялась я, чувствуя, как колет в бок после такой зарядки. Манекены валялись на полу, роскошные бархатные шторы были разрезаны, словно их шили в ателье им. Фредди Крюгера, картины и портреты были

продырявлены. Несколько картин валялось на полу в разбитых рамах.

— Как вы уже поняли, — отдышалась я, глядя на принцев и переводя взгляд на страдальца сидящего на полу и осматривающего несколько глубоких царапин. — Алкоголь очень вреден для здоровья. Я, конечно, не Минздрав, который предупреждает...

Дальше меня понесло. Я описывала в красках все ужасы деградации личности, размахивала неутешительной статистикой распада семей на почве алкогольной зависимости.

— Смертельная статистика от алкоголя настолько велика, что вы тоже попадаете в группу риска! — объясняла я на пальцах, — Она действительно неутешительна! Умирает каждый третий! Большинство несчастных случаев происходит в состоянии алкогольного опьянения! Вождение... эм... коня в нетрезвом виде — карается не только лишением всех прав, но и авариями!

Десять минут я читала свою лекцию, отбирая у каждого бутылку и выливая содержимое в окно.

— Все, урок окончен! — строго произнесла я, глядя на батарею пустых бутылок на окне. — Больше алкоголя в замке я не потерплю!

Меч-засов вытащили, а принцы опасливо стали опасливо пробираться к выходу. Темноволосый брат тащил героя дня, закинув его руку на плечо, а я уже мысленно вводила уроки труда и уборки под своим чутким руково...

— Это что за шутки! — слышались шаги в коридоре. — Кто посмел! Кто из вас, жалкие человечки, осмелился вылить мне на голову какую-то дрянь!

В зал влетел дракон в человеческом облике, с волос которого стекали розовые капли. Его белоснежный камзол сверху приобрел нежно розовый цвет, а разъяренный преподаватель вытирал лицо, мечтая набить кому-то морду.

— Где они? — заорал дракон, полыхая гневом и грозно сопя.

— А вы где? — поинтересовалась я, глядя на часы и разглядывая царапины. — Почему опаздываем на урок?

— Преподаватель не опаздывает! Преподаватель задерживается! — огрызнулся дракон, переводя взгляд на часы.

— Зарплата не опаздывает. Она просто задерживается, — ответила я, глядя на всю картину разрушений и срочно собирая педсовет.

В зале стояли все, включая Мадемуазель Шарман, в накинута поверх сморщенного тела пеньюаре. Правый чулок сполз, а левый еще держался. Мои нервы и самообладание брали с него пример.

— Еще раз преподаватель опоздает на занятие — ему несдобровать! Это касается всех! — прищурилась я. — Так, у кого журнал?

Мадемуазель Шарман распахнула пеньюар, заставив, поморщится всех присутствующих, и достала журнал, который я тут же раскрыла и обомлела.

— Это что еще за... — возмутилась я, понимая, что в нашей Академии есть круглые, но не дураки, как мне показалось на первый взгляд, а отличники. — Откуда здесь столько хороших оценок?

— Ой, простите, — занервничала Шарман, — Это был журнал для родителей! Как неловко получилось...

На радистку Кэт смотрели так, словно она одним чихом выдала целую агентурную сеть, которая строилась годами.

— Что значит для родителей? — вознегодовала я, глядя на идеальную успеваемость и

посещаемость.

— А то значит, что все принцы должны закончить Академию с отличием, — усмехнулся Арден. — И все плохие оценки, согласно указу от ... Я уже не помню. Так вот, о чем это я? А! Оценки согласуются с родителями, которых тут же ставят в известность.

— Да это — не Академия! Это курорт какой-то! — негодовала я. — С этого момента никаких а-баллов. И чтобы ваших е-баллов я тоже не видела! В указе как сказано?

— Обо всех оценках, начиная с «Б» балла по «Е» — балл немедленно оповестить родителей или лиц их заменяющих, описав все обстоятельства получения, приложив отчет от преподавателя и извинительное письмо! — наизусть процитировал Арден.

— Все, — усмехнулась я, покачав головой. — Нет у нас баллов. У нас есть оценки! Пять, четыре, три, два и кол. О них оповещать необязательно! Приказ не нарушен! Принцы должны учиться, а не числиться! Почему не задаете домашнее задание?

— А кто его будет делать? — усмехнулся Робер. — Подумай сама, ректорша, тебе нужны осложнения с родителями и их сыночками? Смысл Академии не в этом, моя бесценная. Далеко не в этом!

— А в чем? — вознегодовала я. — Смысл этой Академии — научить будущих королей быть королями!

— Радость моя, — ко мне подошло светловолосое чудовище по имени Лючио, которое подписало меня на все это безобразие. — Ты когда-нибудь в жизни видела королей? Настоящих? Я понимаю, что ты тоже читала наивные книжки, в которых все короли, как на подбор — прекрасны и умны, могучи и храбры. Но, поверь мне, они далеко не такие... Они прекрасно знают, что художники нарисуют их образчиками мужества, историки опишут, как наглядный пример мудрости, а современники умрут раньше, чем имя короля станет нерушимой легендой. Так что принцы — не прыщи. Их давить не надо! Как на счет ночного свидания? Ночь это время для любви, которая поражает сердце вернее, чем кинжал...

— Увлекаешься историей? — поинтересовалась я, глядя в красивые, холодные зеленые глаза. — Я бы хотела узнать по поводу призрака... Вы что-нибудь о нем знаете?

Все молчали, глядя на меня очень странными взглядами. Я чувствовала себя фашисткой, перед которой вытянулась шеренга пленных партизан.

— О призраке мы не знаем ничего. Надеюсь, мы — свободны? — сухо поинтересовался Арден в абсолютной тишине.

Винсент отстал, а потом сунул мне в руку записку и поспешил удалиться еще до того, как я ее прочитаю. «Говорят, что любовь — подобна яду. Давай поищем противоядие вечером» — гласило послание, на котором отпечаталась какая-то мензурка.

Преподаватели разбрелись, оставив меня наедине с генеральной уборкой. Я осмотрела результаты погрома и собралась уходить, как вдруг со стены упал портрет. Я подняла его чтобы рассмотреть получше. В золотом обрамлении виднелась черная одежда, аристократично собранные прямо на раме и ... растертая краска вместо лица и волос. Я попыталась прочитать надпись, но и она была стерта. Я видела лишь что-то похожее на корону, украсившую голову. Хм... Первый зарегистрированный случай авангарда? Интересно, что хотел сказать художник столь смелой экспрессией? Что корону может носить каждый? Ладно, пусть валяется!

Я сидела в кабинете, пытаюсь найти тот самый Указ, но пока что находила целые тома предписаний от родителей. Интересно, сколько существует Академия? Почему она не всегда принимает учеников? Хотя, кого я обманываю! Я ищу совсем другое. Неужели среди бумаг, архивных книг и прочих документов, не сохранилось ничего, что пролило бы свет на эту одиозную инфермальную личность?

В дверь тихонько поскреблись. На пороге стоял сорокалетний принц с таким видом, словно он только что поцеловал принцессу, а красавица превратилась в жабу.

— Посмотрите, — оглядываясь, произнес он, показывая мне руку с прыщиком. — Это и

есть статистика? Если это — статистика, то я требую лекаря! Самого лучшего! Я не хочу умереть от статистики!

— Лучше не трогай его грязными руками, — отмахнулась я. — А то абсцесс будет! Сам пройдет!

— Абс-цесс! — пробовал на вкус новое слово принц, пристально глядя на обычный прыщик. — Абс-цесс! Я, принц Флориан, приказываю вам приставить ко мне персонального лекаря! Я с детства слаб здоровьем! И мне нужно, чтобы кто-то бы следил за ним!

— Следи за здоровьем сам, мой руки чаще, не сиди на сквозняках, — снова отмахнулась я, перебирая бумаги и бухтя на записки какого-то сумасшедшего предшественника, состоящие из одного и того же слова «вороны». — Какая-то ерундистика!

— Ерундистика? — глаза Флориана испуганно округлились. — Она излечима? Припарки помогут?

— Ну, разве что, только ректальные, — усмехнулась я, глядя на пациента.

— Ректальный припарки! — шептал принц, удаляясь из кабинета доброго доктора Уйдинедотебсейчас. — Мне срочно нужны ректальные припарки!

Я перерыла большую часть книг, не нашла ничего интересного, приняла ванну и улеглась в кровать. Никак не могу понять, что это за странное ощущение... В полудреме я думала, а не пойти ли проверить принцев, чувствуя, как совесть открывает свою зубастую окровавленную пасть, доедая несчастного волчка, мечтающего о сонной человечине, свесившей свой усталый бочок с кровати! Усталость боролась с совестью, устроив поединок века. В той самой полудреме мне грезились ботинки с интернет-распродажи, которые я отложила до зарплаты, отличное пальто и набор силиконовых формочек....

Я проснулась от того, что к крошечной темноте меня поглаживают чьи-то пальцы. Первой просквозила сонная мысль про незакрытую дверь кабинета!

— Эй, утюг! Прекрати немедленно! Хватит меня наглаживать! — вознегодовала я, вскакивая и чувствуя, как мне на колени шлепается что-то влажное. Еще бы не возмущаться. Во сне я видела на своей карточке шестизначную сумму, которой на ней отродясь не было!

Я зажгла свечу. Мое плечо с царапиной было мокрым, а на коленях лежала свернутая тряпочка.

— Прости меня, — изумленно прошептала я, глядя на красивый кружевной платок, пропитанный какой-то травяной настойкой. — Ну, прости, я не думала, что это ты...

В ответ была тишина.

— Слушай, я действительно ..., - в горле пересохло, пока я держала в руках платок. — Ну... Ну чего ты обижаешься?

На стене проступила надпись: «Я больше ничего для тебя делать не буду!». Я сжала губы, швырнула платок с кровати и натянула мантию, которая заменяла мне домашний халат. На сердце снова было тревожно, поэтому со свечой в руке я направилась в сторону башни принцев, чувствуя, что слегка погорячилась. Согласна, была не права... Он пытался помочь, а я.... Мне снова стало неловко, поэтому я отбросила эту мысль подальше, недовольно сопя.

Тусклый свет свечи освещал мрачные своды роскошных залов и галерей, которые я миновала, чтобы добраться до пионерского лагеря «Мажор», расположившегося по закону подлости в самой отдаленной башне. Поднимаясь по каменным ступеням и освещая себе путь, я зевала и постанывала.

В башне было тихо. Я старалась красться как можно осторожней, чтобы никого не разбудить. За второй дверью была подозрительная тишина. Я осторожно открыла ее, наученная горьким опытом. На кровати виднелся отчетливый силуэт, на столе блестела

роскошная корона, вещи были разбросаны по комнате. Спит? Спит. Я собиралась закрыть дверь, подозрительно вслушиваясь в тишину. Ни сопения, ни крик. Просто тишина. Зато за стенкой раскатисто храпело будущее какого-то королевства.

— У тебя все в порядке? — вежливым шепотом поинтересовалась я, поднося свечу к накрытому одеялом принцу. Из — под одеяла торчало что-то красное. Я сглотнула, отогнула одеяло и увидела ворох одежды, сложенный в виде человека. Начался в колхозе утренник! Я поставила свечу на стол, глядя как при ее трепещущем свете переливаются драгоценности на роскошной короне, под которой лежала записка: «Я — больше не принц. Не ищите меня! Я покидаю Академию!».

Конечно ты — не принц! Ты — потерянная девственность моей нервной системы!

Я бросилась по коридору, в надежде, что этот Непринц не успел далеко ускориться. Я, как и любая девушка, мечтаю встретить принца! Встретить, и за такие фортели оторвать ему будущее. Надо будить всех!

Я достала из кармана смятую карту, найденную среди книг и двинулась в башню преподавателей.

— Всем подъем! — орала я в коридоре, пиная все двери. — Принц сбежал!

Из одной открывшейся двери появился Винсент в штанах и какой-то рубашке. Он стоял, растерянно зевал и сдвигал длинные спутанные волосы, нервно поглядывая на карманные часы.

— Это у меня сейчас... красавка! — он сонно посмотрел на меня, потирая лицо рукой.

На пороге комнаты появился Арден, в белоснежной сорочке и черных штанах. Полностью одетый Люцио пожимал плечами, мол, привычка, спать одетым. Мало ли! Робер на ходу застегивал усыпанный драгоценностями камзол, а из последней двери выползло то, от чего я чуть не заорала. Маленькое, лысоватое, сморщенное существо в алом кружевном пенюаре.

— Это кого еще принесло? — прищурилось существо, глядя на меня. — А... Это ты... Погоди, сейчас оденусь!

— Что случилось? — поинтересовались преподаватели, пока Шарман нырнула в комнату наводить марш.

— Принц сбежал! — выпалила я. Преподаватели заразительно зевнули, пожали плечами, и стали порываться снова распознать по комнатам.

— И раньше сбежали. Потом утречком труп найдем, передадим родителям... — со стоном зевнул Люцио. — Главное, чтобы записку оставил! Прощальную! Чтобы потом на нас труп не повесили!

Все стали распознать по комнатам, игнорируя меня, как назойливый будильник.

— А еще ... Мне стало холодно, одиноко и скучно, — сладко заметила я, глядя как мужская часть коллектива замерла и насторожилась. — И я решила всех осчастливить свиданием. Вы меня куда приглашали? Встретиться вечером! Так вот, я согласна!

— Ты очередность запоминай. Отчество легче придумать будет! — послышался скрипучий голос из-за закрытой двери.

— Что? Все вместе? — странно переглянулись преподаватели.

— А почему бы и нет? — улыбнулась я, глядя на них. — Или вы всегда отказываетесь от своих слов?

— Правильно мыслишь, девочка, — снова послышалась скрипучая ремарка. — Не понимаю, почему здоровая конкуренция считается нездоровыми отношениями?

— А вдруг он еще в замке? — подавляя зевоту, предположил Робер, пока остальные «ухажеры» глядели на меня, как на врага народа. Нет, ну а где справедливость? Я тут

решила сделать первый шаг навстречу большой и неземной любви, а они...

«В замке его нет» — проступило на стене, пока я чувствовала, как воск заливает мне пальцы, а чувство неловкости и стыда душу.

— Собираем поисково — спасательную экспедицию! — заявила я. — А заодно и на свидание сходим! Лес, романтика...

— Как ты там сказала? Поисково — сосательную? — переспросил скрипучий голос из-за двери. — Идите, идите... Мне еще стрелки рисовать!

Я успела сбегать и переодеться в мантию, нервно поглядывая на стены. Это был тот самый случай, когда ждешь, что мужчина напишет тебе первым. Я постояла в центре комнаты, рассматривая старинную ткань и дерево, а потом вышла. Сборная кавалеров была почти в полном составе. Исключение составляла наша авиация. Потом будем рассказывать, как вызывали поисково-спасательного дракона, организовывали план — перехват, прочесывали лес, вдоль и поперек... Все будет хорошо! Мы найдем беглеца!

Неужели он так ничего и не напишет на прощание? Какое-нибудь напутствие? Или наоборот, попытается отговорить от похода в лес? Ну хоть пару строчек! Хоть что-нибудь! Но нет. Ни слова. Хорошо, ладно, вернемся — разберемся.

Я решительно открыла входную дверь, чувствуя ночную прохладу. Серый туман облепил черные мокрые стволы деревьев, повис клоками на кустах, а мы, вооружившись факелами, входили в сумрачную чащобу. Это был именно тот самый лес, который не очень хотелось беречь от пожара.

— Разобьемся на пары? — гаденько поинтересовался Лючио, притягивая меня к себе.

— Разобьемся в лепешку, чтобы найти принца! — возразила я, осматриваясь по сторонам и пытаясь сбросить его руку со своей талии.

— Радость моя, со мной ты в безопасности! Я тебя в обиду не дам, — сладко улыбнулся интриган.

— Ты думаешь, что я не смогу защитить женщину? — заметил Арден, беря меня под руку и оттаскивая подальше от Лючио. — Я подарю ей не только защиту, но и немного романтики...

— Она слишком умна для наивных соплей, — улыбнулся Робер, оттаскивая меня от Ардена. — Я думаю, что нищebroды уже передарили ей все звезды, луну, солнце и так далее. Поверьте, со мной ей безопасней всего. У меня нюх не только на деньги, но и на неприятности.

Винсент молча взял меня за руку, слегка смущаясь.

— Если что-то с тобой случится, я тут всех отравлю, — лаконично заметил учитель по ядам, вселяя в меня надежду на счастливый конец истории.

— А я предлагаю, чтобы девушка была сверху, — послышался голос Элберта, выходящего из леса. — Думаю, что сверху она будет в большей безопасности. В отличие от вас, моя любовь действительно окрыляет!

Глава десятая

Любовь, которая не греет...

С кем поведешься, от того и окребеешься

Свет факелов удалялся. Сквозь мутное стекло было видно, как они один за другим исчезают в лесу. Тени собирались в моей ладони.

— Неужели вы за нее тревожитесь? — послышался позади меня скрипучий голос. — Или пытаетесь, как обычно, вычислить предел идиотизма?

— Мне все равно, — мой голос едва слышен мне самому. — Даже если она не вернется, мне плевать.

По телу словно пробежала дрожь. Мелкая, неуловимая, но вполне осязаемая.

— Ну раз плевать, так плевать! Плохо будет, если не вернется, — послышался скрипучий голос позади. — Я себе новое платье присмотрела... Там такое декольте! Все мужики будут падать!

— Опять поспорили? — я смотрю в темноту. Мне плевать, вернется она или нет.

— Нет, ну надо же как-то разноорганить... тьфу!.. разнообразить жизнь? Споры делают наш дружный коллектив еще склочнее... тьфу! ... сплоченей! — зевнула Шарман, скрипя креслом.

— Еще скажи, что поднимают настроение! — мрачно отзываюсь я. Тревога нарастала.

— О! На нее настроения сразу поднялись! На меня так настроения уже не поднимаются! И ладно бы спорили, сколько протянет! Ну в этом споре я тоже ставочку сделала. И все-таки мне кажется, что Робер! Хотя, у Ардена тоже неплохие шансы! — скрипел голос. — Опять перо выпало! Да что за лебедь такой! Ни одно не держится!

— Это петух! — усмехаюсь я, глядя в чернеющую пасть леса, проглотившую отряд.

— Господин! Все они петухи! Прямо как мужчины! — рассмеялась Шарман. — Все они редкостные петухи! Ходит такой: грудь на выкате, взгляд суров, парик одну извилину греет, корона парик к лысине прижимает, а вокруг него одни курицы. Ладно, бы еще дятлом был, так нет же! Штаны снимет — воробей!

— Прекрати! — осек я, сжимая бархатную штору.

Почему они до сих пор не вернулись? Ночью в лесу делать нечего! Или она надеется, что я спасу ее, если она опять влипнет в неприятности? Я не стану ее спасать.

— Мне все равно, пусть хоть сдохнет в этом лесу, — не знаю, почему я сказал это, вскинув голову. Над кромкой леса появился силуэт дракона. — Так будет лучше для нее.

Шарман молчала, пытаясь приладить перья обратно, периодически кряхтя: «Да чтоб тебя!».

— Мне все равно, — не знаю, зачем я это повторяю. И почему приглядываюсь к всполохам в темноте. Элберт полыхнул пламенем, освещая черное кружево леса. — Не она, так кто-то другой.

— Это потому, что вы не можете покинуть замок? И чувствуете себя бессильным ей помочь? А если бы могли, то уже были бы там? — послышался вздох за моей спиной. — Так бы сразу и сказали!

— Я пойду одна! — заявила я, понимая, что обычно именно это заклинание притягивает к себе всевозможные неприятности. Мне стали дружно возражать, глядя на меня фирменными взглядами сантехников в завязке. Возражения переросли в выяснение

отношений, причем, мнение потенциального объекта отношений никто не спрашивал. Где-то вдалеке мне показалось, что кто-то закричал. Я пыталась успокоить всех, понимая всю важность диплома санитаря, но мужской разговор перерос в ожесточенный спор. Где-то вдалеке снова послышался пронзительный крик.

— Я на нее первый глаз положил, уважаемый! — слышалось за моей спиной, когда я неслась скорой помощью с пылающей мигалкой факела, пытаясь на бегу защитить кандидатскую по влиянию короны на мозги пациента. Пока что Опыт Экспертович, мой научный рукоразводитель, намекал о тяжких умственных, но обратимых последствиях. Однако, я склонялась к тому, что «принц» — это диагноз. Перейдя на шаг, и глядя как деревья со скрипом отстраняются от источника огня, как расступаются перед факелом сухие ветки, я прислушивалась. Вот интересно, я еще реаниматолог или уже патологоанатом?

Видимо принц всей обостренной интуицией чувствовал, что если я найду его, то придушу на месте, поэтому не отзывался на крики: «Принц! Ты где?». Я куталась в драный пуховичок для гномика, найденный в шкафу и накинутый поверх мантии. Дохлый кот Базилио и снулая Лиса Алиса, которые стала спонсорами меховой опушки, радовались, что удалось сдохнуть раньше, чем я потащу их на себе на малую историческую родину Буратино! Еще один такой зловеющий скрип и скрежет, и за санитаркой леса придется выносить утку.

— Дупла разезаем! — рывкнула я в сторону обнаглевших деревьев, которые тянули ко мне свои ветки. Исключать возможность, что ответом на загадку: «Кто в дупле живет и орешками трясет?», будет слово «принц», я не стала. Я пилила деревья пока что устно, угрожая факелом каждому.

— Так, здесь никого! — я присматривалась к трухлявым внутренностям местных баобабов. — А здесь?

Я вышла на поляну, пробираясь сквозь непролазные кусты и осознавая, что скоро ответом на загадку: «Зимой — белые, летом — серые, от страха — желтые и коричневые», будут мои штаны. Факел освещал заросли, ведущие к каким-то развалинам. Черные камни были стратегически разложены так, чтобы я споткнулась о каждый из них.

— Так, кто тут у нас заведует этим недостроем? — сглотнула я, освещая факелом остатки стены с замшелой кладкой. В глубине руин стоял какой-то силуэт, раскинув руки, словно мечтая обнять меня покрепче. Не думаю, что принц так рад спасению, поэтому опасно двинулась вперед, подсвечивая себе путь факелом.

В центре руин стояла черная статуя женщины с распущенными волосами и в короне. С таким серьезным лицом, как у нее, можно смело претендовать на очень серьезные отношения на сайте знакомств. Волосы черной волной стекали вниз, на голове была зеленая шапочка, явно заказанная в интернете. Глядя на такую шапочку, хотелось заказать не только шапочку, но и дизайнера профессиональному киллеру. Я поднесла факел и увидела, что это — мох. Черное платье, каменными складками ниспадало на пьедестал. Мой факел осветил полуистертую надпись. Я тут, можно сказать, не только принца ищу, но и приобщаюсь к истории.

— Ка-а-ар! — послышалось из темноты, когда мне удалось разобрать слова: «Вор ... ролева... .. бовников ...орал... и ... анал... назидание потомкам!». А я уже хотела сделать сюда пробную экскурсию с ночевкой! Но, судя по тому, что завещали потомкам, с экскурсией я погорячилась.

— Кар-р-р! — я подняла глаза, видя, как на руки статуе гирляндой слетаются черные птицы. На меня смотрели блестящие глаза ворон, которые по моим скудным познаниям в орнитологии, ночью должны спать в своих гнездах. Вороны тоже, видимо, обладали скудными познаниями в данной области, поэтому бросились на меня. Понимаю, что не красавица, но чтобы пугалом меня посчитать? Яростно отмахиваясь факелом, пятась, я летела по полю через кусты, пока не налетела на кого-то и не заорала так пронзительно, что где-то в нашем мире наверняка сработала одинокая сигнализация в спальном районе.

— Тише, — услышала я, продолжая орать так, что сирены твердо решили утопить меня в первую очередь, поскольку конкуренция им не нужна. — Тише... Ну все... Все...

Я прокашлялась, глядя на то, как по сухой траве расползается огненный круг от брошенного факела. На меня смотрел Арден, обнажив меч.

— Как поиски? — я тут же взяла себя в руки. — Принца нашли? А фрагменты принца? Есть какие-нибудь улики? Где остальные? Я тоже не нашла! Даже следов нет!

— Не знаю, как другие, но я искал не принца, а тебя. Хрупкая девушка одна в заколдованном лесу, беззащитная и... — заметил Арден, пока я поднимала факел, тыкая его в ближайшее дерево на предмет принца. Дерево в ужасе разинуло пасть, которую я изучила с претензией стоматолога. Корень тянулся к моей ноге, но я вовремя заметила и пнула его, вспоминая все тумбочки — убийцы мизинцев.

— Ты спрашивала про призрака? — заметил Арден, подходя ко мне поближе. — Я могу тебе рассказать о нем! Я — единственный, кто знает о нем всю правду! Приятно, если моя честность будет вознаграждена...

Ко мне приблизились, опалая дыханием мою щеку. На мою талию легла тяжелая рука, бережно притягивая меня к себе. Я отвернулась от поцелуя, чувствуя, что от этого дыхания на моей щеке сердце усиленно забилося. Меня держали, как хрупкую вазу, а потом я ощутила, прикосновение чужих губ к своей щеке. Рука нежно скользнула по моей щеке, а в волосах спряталась усмешка.

— Не бойтесь, если она узнает правду? — проскрипел голос позади меня, пока я смотрел в темноту, чувствуя, что начинаю ненавидеть эту девчонку! — Надо будет завтра торжественно объявить о том, что у меня критические дни! Еще бы! зуб болит, спину ломит, все из рук падает! Пусть не обольщаются!

По моим губам поползла странная горькая улыбка.

Рука Ардена легла мне на щеку, пока я прислушивалась к скрипам и ветру. При свете тусклой луны деревья отбрасывали зловещие тени.

— Ну-ну, — зевнула я, поглядывая в чашу и выпутываясь из объятий. «У-у-у-у!» — выло что-то в кронах деревьев, а я понимала, что сегодня оделась слегка не по погоде. Судя по тому, как у меня леденеют руки и периодически стучат зубы, я сейчас не настолько принципиальна в выборе батареек.

— Я слышал, что он из древнего и очень знатного рода, — усмехнулся Арден, глядя на меня грустными глазами и согревая мои руки в своих. — Когда-то давным-давно, он был герцогом, влиятельным и могущественным. И этот замок принадлежал ему. Больше всего на свете он любил охоту... Но однажды его осенила замечательная мысль! Если звери осторожны, но глупы, то почему бы не поохотиться на людей? И вот он объявил в своих владениях, что тот, кто сумеет выжить до полуночи, тот получит столько золота, сколько сможет унести.

Я смотрела в глаза Ардена, который живо описывал, как обычные деревеньки в окрестностях резко стали олимпийскими, как одна сборная из одного бывшего охотника и его печени сумела принести мешок золотых медалей, напиться на радостях и захлебнуться в канаве. Реклама сработала на ура! Слухи поползли даже за границы владений. Каждую неделю находился новый желающий заработать без смс, регистрации и вложений.

— ... однажды к нему пришла девушка, — усмехнулся Арден, целуя мои озябшие руки. — Ее хотели прогнать, но она настаивала на своем участии. Герцог заметил, что не охотится на женщин и детей, даже швырнул ей кошель, но она усмехнулась, мол, деньги ей не нужны. А призом она выбрала его, герцога. В случае, если она сумеет выжить, он женится на ней.

Мне осторожно, как бы невзначай, поправили волосы, а потом накинули на меня свой камзол, оставаясь в сорочке.

— Герцог усмехнулся, а потом подошел к ней поближе, наклонился, заглядывая в глаза, — я чувствовала, как Арден наклоняется ко мне, словно поправляя на мне обновку. — И согласился. Договор они скрепили ...

Его губы едва не коснулись моих, но я отпрянула, требуя продолжение триллера. Арден рассмеялся. Его кружевной манжет щекотал мою щеку, а я старалась не смотреть ему в глаза. — Ах да, она проиграла! Вот и вся история!

Я с трудом добилась продолжения, в котором неспортивный народ, фанаты и олимпийский резерв возмутился, собрал неплохую сборную по выбиванию дверей и катанию на воротах чужих замков, пришел в гости к чемпиону по скоростному спуску вниз с криками: «Что вам нужно?». Сборная охраны проиграла на своем поле со счетом один — ноль. Матч реванш назначать не стали, потому что больше не встали. У чемпиона отобрали пояс, грамоты и кубки, а потом радостно забили в раздевалке, чтобы впоследствии вывесить на петле почета со всей торжественностью во дворе замка.

Я стояла, честно пытаюсь переварить услышанное, как вдруг неподалеку раздался крик: «Спасите!». В одно мгновение я пришла в себя, бросившись на выручку. Арден отстал. Я мчалась, прислушиваясь, а когда обернулась, увидела как исчезает проход, а ноги вынесли меня на небольшую полянку, покрытую целым ковром цветов. Проход закрылся так, словно его и не было. Над озером порхали светящиеся огоньки. Полянка действительно была красивой, но меня смущал запах. Запах сырости. Перед глазами стоял рассказ, произведший на меня впечатление. А он, простите, садист и мерзавец! Вот тварь! Сердце предательски ёкнуло, вспоминая повязку на руке. Да после услышанного, я бы лично заплатила охотникам за привидениями, помахав ему на прощание ручкой, аккуратно в тот момент, когда его засасывает в навороченный пылесос!

Я подняла с земли камень, замахнулась и бросила его в центр полянки, которая тут же хлюпнула прожорливым унитазом. Посреди полянки при свете факела что-то сверкнуло. Я присмотрелась, увидев корягу, на которой висела сверкающая корона. Все нормально, наш герой ушел без короны! Я, осторожно проверяя сухой палкой почву, стала обходить этот рассадник пупырчатых невест. Рядом пронеслось: «Спасите!», эхом удаляясь в сторону. Я оступилась и скатилась в какой-то овраг, на секунду потеряв сознание. Очнулась я от запах горелых волос. Листья вокруг тлели, а я пыталась сбить огонь с волос, видя, что факел уже потух. Скинув с себя тлеющий камзол, я тушила его ногой.

— Тебе помочь? — послышался голос, заставив меня выдохнуть с облегчением. Свет факела освещал Робера, который зевал, привалившись к дереву. Преподаватель по казнокрадству стоял, кутаясь в роскошный, подбитый мехом алый плащ с капюшоном, скованный драгоценной брошью.

— Так, — отдышалась я, глядя на его факел и зажигая от него свой. — Не нашли?

— Не знаю, как другие, но я нашел то, что искал, — пожал плечами преподаватель по расхищению монаршей собственности, коварно улыбаясь. Свет факела плясал дьявольскими огоньками в драгоценной отделке камзола и в темных глазах. — Ты совсем замерзла... Еще бы! Сразу видно, что любовь тебя не греет...

— Еще бы! — я сжала холодные кулаки, кутаясь в свою «норку» и чувствуя пальцами сквозные, проеденные молью, «норки». Я подняла с земли и отряхнула от сухой листвы чужой камзол, глядя на прогоревший рукав.

— Любовь мужчины должна согревать, — обольстительно улыбнулись мне, беря мои руки в свои. — Например, мехами... Смотришь на девушку в красивом полушубке, кутающуюся в дорогие меха, и сразу понимаешь, что ее кто-то очень любит... Нет, не спору, когда тебе отдали свою одежду, это выглядит благородно... Но поверь мне, нет ничего благородного в том, что тебе временно дали поносить чужую одежду... Еще бы! Так бездарно прокутить свое состояние — нужно уметь! Не обращай на него внимания. Держи, дарю!

Мне отдали красивые перчатки, которые я тут же нацепила на озябшие руки.

— Согласись, это лучше, чем просто поцелуй и признание? — усмехнулся Робер, расстегивая красивую брошь своей роскошной накидки и не сводя с меня глаз. — А если так? Мне кажется, что слова здесь лишние!

Мне на плечи легла накидка, щекоча мехом щеку.

— Помнится, — меня взяли за подбородок, застегивая на мне брошь и улыбаясь дьявольской улыбкой. Когда он улыбается, у него на щеках появляются черточки ямочек. — Ты спрашивала про призрака. Но...

Робер поднял черные дуги бровей, снова расцветая улыбкой, от которой даже дьявол почувствовал бы себя неуютно.

— На этот раз мы составим договор. Правда, в обмен на поцелуй! Ну как? Мне кажется, что предложение очень выгодное и обоюдоприятное? — меня погладили по подбородку.

— Согласна. Ты ответишь на все мои вопросы, — закивала я, шмыгая холодным носом, из которого скоро начнут течь сопли. Я вложила свою руку в его руку, пожав ее как следует. — Рассказывай!

— Пока я тебя обнимаю, ты имеешь право задавать вопросы! — улыбнулись мне.

— Думаю, что начнем с поцелуя, — ко мне приблизились так, что я шмыгнула носом.

— Отлично! — заметила я, немного отстраняясь и чувствуя, как из носа течет. — Ты не уточнял, какой именно!

Не знаю, передается ли любовь воздушно-капельным путем, но то, что воздушный поцелуй тоже считается поцелуем, я была уверена.

— Ах, ты, — закусил губу Робер, смеясь, пока я поплотнее куталась и пыталась согреться. — Ладно. Какой поцелуй, такая и история! Ты тоже не уточняла про подробности. Так что будем взаимно любезны. Некогда призрак был Бароном из обнищавшего, но очень благородного рода. И вот он решил поправить свое материальное положение, ухаживая за одной благородной девицей, чей отец располагал внушительным состоянием. Сначала отец воспринял жениха благосклонно. Но добрые люди сообщили, что у женишка нет ничего за душой. Разгневанный отец мало того, что отказал, так еще и прогнал обнищавшего барона. Но девица уже влюбилась, поэтому ночью сбежала к возлюбленному, прихватив немного золотишка папика.

Я уже чувствовала, как меня обнимают, причем так, словно сейчас съедят на месте, а поутру под кустом найдут мои косточки.

— Думаю, что мы можем немного дополнить наш договор? — моих губ едва коснулись чужие губы. Началось! Мне просто интересно, где будут ухажеры, когда я буду трубно сморкаться и валяться в замке с температурой! Найдутся ли желающие ухаживать за несчастной, больной девушкой? Или у нас тут только за здоровыми принято ухаживать?

— Погоди, — я отстранилась, шмыгая носом. — У меня есть еще вопросы в запасе.

— Да, — сладко заметили мне, не выпуская меня из объятий.

— Папик заявил, что она ему больше не дочь? — поинтересовалась я.

— Да, — ответили мне с улыбкой. — Я же не говорил, что буду отвечать что-то кроме «да» и «нет».

— В итоге новобрачные остались с шишом в кармане и неземной любовью? — я гаденько улыбнулась. — И у кого из них нервишки не выдержали? У нее?

— Да и нет, — на меня смотрели, едва сдерживая смех.

— Значит, у него не выдержали нервишки, и он... зарезал ее! — радостно поделилась я своей догадкой. Робер закусил губу, давая понять, что где-то сейчас лопнули струны на скрипке Шерлока Холмса. — Нет, он не зарезал. Запер в башне и пошел искать другую невесту, рассказывая всем, что предыдущая умерла. Но слухи уже пошли, поэтому

желающих отдавать своих дочерей замуж за барона не нашлось. Кстати, где-то в замке висел ее портрет. Красавица! Не смотря на это, молодой супруг срывал на ней всю ненависть и злобу, а бедняжка терпела побои и унижения. В итоге она убила его, и выбросилась из окна. Как видишь, любовь без денег не жизнеспособна.

Ко мне наклонились, чтобы поцеловать, но я в этот момент звонко чихнула.

— Вообще-то, мы принца ищем! — строго заметила я, пытаюсь скрыть свою неловкость, растирая нос и надевая капюшон. — Пойдем!

Мы шли вдоль оврага, пока я подсвечивала каждую корягу и вопила: «При-и-инц!». Венценосный партизан либо просто стеснялся, либо умолк навсегда, не сдавал свой временный схрон или место захоронения! Внезапно в кустах послышался какой-то шорох.

— Наконец-то! Кажется, нашли! — с облегчением выдохнула я, понимая, что вряд ли обнаружу там парочку влюбленных, решивших уединиться при температуре, близкой к нулю. — Давай, вылезай! Нечего сопеть!

Я наклонилась к кустам, подсвечивая себе факелом. Не знаю, но если это глаза принца, то, видимо, я немного не вовремя!

Раздалось рычание, а на меня бросился огромный черный зверь, выбивая из рук факел. Зверь перелетел через меня, пока мне дали очень дельный совет: «Беги!». Видимо, Робер, не очень любил зверюшек, а они, сволочи, это чувствовали, обращая взор на меня. Во мне прямо чувствовалась вся любовь к братьям нашим шустрым, поэтому я вскочила на ноги и бросилась бежать, слыша за своей спиной погоню. Плащ цеплялся за ветки, а я задыхалась и неслась, не разбирая дороги. Огромный черный волк схватил меня за плащ, потянул его на себя и недружелюбно оскалился. Не знаю, может быть, дело в плаще, но где-то радостно выдыхала Красная Шапочка, доедая последний пирожок, радуясь, что красный плащ постирали, а ей пришлось идти в зеленом.

Дрожащими руками я расстегнула брошь, оставив разъяренному фетишисту его трофей, а сама попыталась взобраться повыше, не смотря на скрипучие протесты дерева. Трухлявая кора обрывалась, пальцы и ноги соскальзывали, но я карабкалась вверх, хватаясь за толстый сук, закидывая на него ноги и переводя дух.

Волк оскалился на меня, походил кругами, пометил дерево, а потом двинулся в сторону ближайших кустов, оставив сброшенную и разодранную накидку среди листьев. Ага, сейчас, я прямо горю желанием спуститься! Я понимаю, что в каждой твари есть что-то хорошее, особенно, если поискать. Но мне почему-то кажется, что единственное хорошее, что может быть в этом волке — это принц. Может быть, даже не весь, но все равно...

Зато я слегка согрелась, чувствуя, как кровь приливает к сердцу, заставляя его колотиться сильнее. Облокотившись на ствол, я сопела, вытирала об себя дрожащие и содранные руки. Разодранные перчатки из тончайшей кожи с дорогой отделкой не грели, а пока я пыталась их снять и переодеть, одна из них упала вниз.

В кустах послышался шорохи. Под дерево бросилась целая стая голодных волков, желая взглянуть на Красную Шапочку, отсидевшую на неудобной ветке все пирожки. Где эти дровосеки, которые в нужный момент любят гулять по лесу, изредка промышляя браконьерством, потому как я уже отсидела и отморозила себе все сусеки. Нет, я, конечно, польщена, что кто-то успел сбежать за подкреплением. Мне бы тоже не мешало подкрепиться. Хотя бы кружкой с горячим чаем!

Из рта вырывался пар, которым я согревала озябшие руки. Тучи на небе рассеялись, обнажив сверкающие бриллианты звезд, а на фоне огромной луны, напоминающей головку сыра, появился силуэт огромной птицы. Так!

Я попыталась залезть повыше, чувствуя, как меня царапают ветки, а вниз летят сухие сучья и кора. Только бы не свалиться!

— Эй! — я размахивала руками, пытаюсь удержать равновесие на тонкой ветке, которая подозрительно хрустела подо мной. Дракон делал круг над лесом, пока я с горечью

осознавала, что не умею привлекать мужчин! Особенно к операции по собственному спасению! Хотя... Заметил! Ура!

Луна почти скрылась за тенью, которая приближалась ко мне, а потом с грохотом приземлилась на полянку. В стройных и голодных рядах волков произошел существенный раскол. Они честно поделились на три лагеря. Шашлык, шуба и даненунафиг!

— Слезай, птичка, — рассмеялся дракон, оборачиваясь человеком, пока я карабкалась вниз, осторожно прощупывая ногой каждый сук. Дерево стоически молчало, изредка кряхтя и скрипя.

— Да, — вздохнул дракон, поднимая красную накидку. — Сразу предупреждаю! Я и так веду два предмета, к тому же в казнокрадстве плохо разбираюсь.

— Это ты к чему? — я была уже на финишной кривой, цепляясь руками за короткий сук.

— Пусть ведет Арден! Хотя, военное дело, я могу взять на себя! — прикидывал дракон, рассматривая обрывки меха и ткани. — Но только если ты меня попросишь...

Меня поймали, глядя на меня с довольной и плотоядной улыбкой. Если чей-то романтический ужин внезапно совпал с моим чудесным спасением, это еще не повод превращаться в утюг и наглаживать мне места не столь отдаленные, но весьма пострадавшие по вине неудобной ветки.

— Нашли принца? — сощурилась я, глядя в глаза дракону.

— Даже если бы и нашел, то я бы тебе об этом никогда не сказал. Я бы унес эту маленькую тайну в желудке! Ам! — рассмеялся дракон. — Боишься? Не бойся! Драконы едят исключительно девственниц! Примерно так в свое время я говорил самым красивым пленницам, даря им два варианта развития событий.

— И сколько из них предпочитали быть съеденными заживо? — осведомилась я, пытаюсь выпутаться из объятий.

— Спроси лучше, сколько из них были девственницами, — хищно рассмеялся дракон. — Точнее не так, сколько радости было на лицах, когда я, приличия ради, предлагал вот такой вот скромный выбор. Хотя нет, не так! Сколько из них было еще одето, после того, как я обернулся человеком. Помнится, одна красавица... Кажется, даже принцесса... Да! Так вот, я еще даже договорить не успел, как мне уже закрывали рот поцелуем!

— Давай, открывай рот пошире! Только смотри, не подавись мной, — закатила глаза я, понимая, что третье свидание за одну ночь меня слегка напрягает.

Меня зажали, так что я не могла даже дернуться. Я почувствовала, как меня бессовестно целуют в шею, а потом, прижавшись губами к ней, тихо шепчут: «Я просто попробовал!». От такого шепота у меня по спине побежали мурашки, поэтому я мужественно сражалась за глоток воздуха, а меня крепко держали в объятиях, явно войдя во вкус.

— Ты все равно долго не выдержишься, — рассмеялся Элберт, обнажая острые зубы. — Я — обаятельный. Итак, как бы изящно... А, впрочем, сокровище мое, как на счет того, чтобы не разгуливать по лесу, а посмотреть мою пещеру. Поверь мне, там есть много чего интересного... Многие вещи, которые относятся к ранним династиям... Поверь мне, такой коллекции древностей нет ни у кого!

— Неужели? А что там есть? — сладенько переспросила я, прикидывая дать деру, пока не познакомилась поближе с каким-нибудь нефритовым жезлом из династии Сунь Вынъ. Мне самозабвенно перечисляли содержимое коллекции, слегка ослабив хватку, я кивала, поддакивала, понимая, что не настолько культурный человек, чтобы предпочесть операцию по спасению походу в музей со всеми вытекающими из экспонатов последствиями.

— ... он отдал свой жезл верным рыцарям и потребовал, чтобы его берегли, как зеницу ока! — увлеченно рассказывал дракон, пока я заметила подходящие кусты, слегка замедлив шаг. Один рывок, и я уже, ругаясь очень некультурно, мчалась в сторону

известную одному лесу. Меня пытались догнать, но я петляла, слыша, как позади меня зарастают проходы. Я притаилась возле каких-то корней, глядя, как над лесом поднимается огромный силуэт дракона и на бреющем полете пролетает над верхушками деревьев.

— Фух! — выдохнула я, проклиная принца до седьмого колена, как вдруг мне в горло уперлось что-то острое.

— Привет, малышка, — вкрадчиво прошептали мне на ухо, пряча кинжал. — Кто не спрятался, я не виноват.

Из-за дерева появился Лючио, поигрывая кинжалом и одаряя меня улыбкой обаятельного мерзавца.

— Принца нашел? — недовольным голосом поинтересовалась я, глядя на черную куртку с воротником — стойкой и шнуровкой.

— Тебе честно ответить или красиво? — на меня смотрели холодным взглядом. — Думаю, что начало нашего свидания должно быть красивым! Я искал его везде! Под каждый камень! Под каждой веточкой! В каждом дупле! Но его нигде нет!

Взгляд внезапно потеплел, заставив меня осознать тот факт, что где-то прорвало трубу с ухажерами, которых мне обещали мои вполне приемлемые внешние данные. Пока на самооценки одних девушек прорывало краны мужской благосклонности, на других — мужская благосклонность лилась вполне приемлемой струей, в моем случае из крана почему-то текла ржавая струйка, иногда капающая затертыми мужскими комплиментами. Зато в этом мире, на меня обрушился прямо потоп внимания, которому позавидует единственная девушка в деревне.

— Смирись с тем, что принц — мертв, — улыбнулись мне, глядя, как я осматриваю кусты и кричу: «Принц! Отзовись! Мы тут уже все замерзли!». — Просто смирись с этой мыслью. Я уверен, зная этот лес, что мы даже труп не найдем, поэтому торопиться нам некуда.

— То есть, как это мертв? Пока не увижу тело, я не успокоюсь! — дернулась я, прислушиваясь к ночному лесу. — Ты так легко рассуждаешь о смерти, а он — еще ребенок! Нет, пусть он и вымахал под два метра, но...

Мне на губы лег чужой палец в перчатке, намекая, что на жалость давить не надо.

— Тише, маленькая, — прошептали мне, пока по его губам скользила улыбка отъявленного мерзавца. — Не нужно воспринимать это так близко к сердцу. Династии меняются, принцы и принцессы, короли и королевы умирают. Поверь мне, трон — это то место, которое никогда не будет пустовать. Корона — это та вещь, которая всегда найдет себе голову!

— Но... — возразила я, пытаясь отклониться, а меня обняли за талию, осторожно поглаживая пальцем по губам. — Да прекрати ты! Тебе, убийце, легко рассуждать о смерти!

— Я — не убийца. Я — историк, — меня погладили по щеке. — В отличие от других, я пишу ее красными чернилами. Я убирал старые династии, возводил новые, и все из-за любви к истории. Я знаю историю каждого королевства, потому что в какой-то момент я вершил ее. Ты спрашивала о призраке. Так вот, он тоже в свое время вершил историю. Он бы участником одного заговора. Да что там участником! Он его воплощал своими руками, за что и поплатился. Король, королева и их дети вздохнули с облегчением, но не тут — то было. Они и подумать не могли, что после смерти, он закончит начатое. Он уничтожил всех, включая стражу, придворных и прислугу. Я восхищаюсь им.

Да, если все эти истории сложить вместе, то ...

— Кар-р-р! — раздалось неподалеку, и тут же умолкло. Лючио молча подошел к дереву, глядя на торчащий из вороны кинжал. Ворон осыпался черным пеплом, который тут же сложился обратно в перья. Птица встрепенулась, обиженно заорала и взлетела, оставив мне на плече всю свою обиду!

— А я при чем?!! — возмутилась я, угрожая кулаком пасмурному небу.

— Не люблю, когда меня перебивают. Скромные и вежливые люди обычно живут немного дольше, чем все остальные. Так вот! На чем я... — усмехнулся он, вынимая кинжал из птицы, которая вместо того, чтобы упасть вниз, рассыпалась черным пеплом.

— На чем мы остановились? — поинтересовался Лючио, осторожно прижимая меня к дереву. — Мы немного заболтались, а у нас свидание.

По моим губам снова скользнули его пальцы, заставив меня завертеть головой. В мое горло уперся кончик кинжала.

— Не бойся. Просто я хочу тебя поцеловать, — рассмеялся Лючио, проводя острием по моей шее. Лезвие легло мне на губы, пока вторая рука в перчатке гладила мою щеку и шею.

— Это для чего? — сквозь зубы возмутилась я, чувствуя, как в горле пересохло.

— Я, как историк, могу открыть тебе секрет. Люди привыкли сожалеть о своих поступках. Но, суди сама, люди начинают жалеть лишь тогда, когда у них был выбор. Они терзают себя мыслями о том, что могли бы поступить иначе. Задают себе вопрос: «А что было бы, если бы я поступил по-другому?». Самое интересное, что когда выбора не было, им проще принять и смириться. Так вот...

Меня поцеловали в щеку, потершись об нее носом.

— А я... — меня опаляло горячее дыхание. — Я не хочу, чтобы ты ... жалела...

Меня поцеловали в висок, тут же упираясь острием в шею, чтобы я не вертелась.

— Как романтик, я так себе, — прошептали мне на ухо, склоняясь ко мне. Я уже чувствовала его дыхание на своих губах. Мне хотелось провалиться сквозь землю! — Но этот поцелуй ты запомнишь...

Понимаю, что есть мужчины, от которых подкашиваются ноги, но, чтобы настолько. Я потеряла спиной точку опоры, падая назад. Все произошло в одно мгновение, а потом стало темно и душно. Я лежала на мягкой трухе, больно ударившись головой обо что-то твердое.

— Ыыы! — простонала я, пытаюсь понять, кто у нас тут так быстро исполнил мое скромное желание.

— А ну выплюнь ее! — слышался приглушенный голос в темноте. Кто-то усердно долбил дерево снаружи. — Проклятье! Ты мне все свидание портишь!

А ведь потом еще и скажет, что всю ночь долбился со мной в темном лесу. И ведь все мужики посмотрят на него с уважением и сочувствием! Не каждая девушка — бревно, и не каждый мужик — дятел. О, нет! Кто-то уже довел меня до сарказма! Я села, ощупывая все вокруг. Внутри валялись чьи-то кости и какие-то странные железяки. Теперь понятно, почему деревья в этом лесу такие большие. Попробуй не скинуть порцию удобрений в тот момент, когда оно намеревается тебя съесть!

— Так, — послышался усталый голос по ту сторону. — Я за факелом.

Отлично, кто-то же должен нам подсвечивать? Замечательная идея!

— Отметь дерево! — внезапно заорала я, испугавшись, что место потом не найдут. — Напиши на нем что-нибудь!

Не хватало еще, чтобы всю ночь мужики пилили и долбили какой-нибудь дуб — дерево хвойное, а потом выяснилось, что и дерево — не то, и полянка — не та, и вообще...

— Интересно, — усмехнулся Лючио, а мне приходилось прислушиваться изо всех сил. Слышимость была ужасной! — Что написать!

— Да хоть что! — заорала я, напрягая связки. Мне показалось, или в дереве лежала какая-то книга. Может, учебник? Да она вся заплесневела! Фу!

— Лючио и Анастасия, — слышала я, пока нож поддевал кору. — Равно ...

Нет, ну идея-то гениальная! А гениальная она потому, что слегка увеличивает мои шансы на спасение!

Шаги удалились. А я наконец-то смогла выдохнуть с облегчением, поправляя юбку.

— Чего ты раскрипелось! Я же из лучших побуждений! — заметила я, понимая, что и так долго терпела этот произвол мочевого пузыря. — Что за дискриминация! Мужчинам и собачкам можно, а мне нельзя!

Видимо, дерево очень обладало тонкой душевной организацией, мол, я тут к тебе со всей душой, а ты... прямо в душу и нагадила! Меня выплюнуло, как ребенок выплевывает жвачку, прямо в кусты, оправдывая выражение: «Не ссы, прорвемся!».

Тьма сгущалась. Часы гулко пробили три ночи. Зловещая темнота пронзала лес насквозь, окутывая его и заставляя вздрагивать под порывами ветра. Хоть бы крик, чтобы я знал точно.

— У вас на нее стоит? — послышался за моей спиной скрип кресла, заставив меня вздрогнуть и обернуться. Шарман задумчиво сидела на кресле, вытянув вперед худые ноги с провисающими чулками. — Я про ограничение, если что... Просто мне кажется, что вы слегка ревнуете... Знаете, вопросы, которые ставят мужчину в неудобное положение чаще всего ставят женщину в удобное и приятное.

— Я уже объяснил, что мне плевать, где она и что с ней, — отвечаю я. Где она? Что с ней?

— Я нарочно спросила, чтобы вы повторили это еще раз, и вам проще было бы в это поверить, — кокетливо вздохнула Шарман. У нее из-под юбки вылетела жирная моль, которую она попыталась убить веером. — Не обращайтесь внимания! Это у меня бабочки в животе! У каждой женщины в животе есть бабочки, так вот иногда они вылетают! Хуже, когда залетают...

Если она не вернется... Если она не вернется, то я...

Ковыляя по лесу, я поняла одну простую истину. Проклинать нужно не тот день, когда появился на свет, а тот, когда судьба свела тебя с идиотами.

— Принц! Мать твою! — орала я охрипшим голосом. — Венценосную! И отца твоего! Достопочтенного! Вылезай, скотина!

— А-а-а! — послышалось откуда-то слева. Где-то позади меня бежали Чип и Дейл, пиная меня изо всех сил. — А-а-а!

Вот к ним подключился супермен, воодушевляя меня звидюлями. Где-то на подлете был Бэтмен и прочие супергерои, иначе, с какого перепугу я бы так ускорила?

— А-а-а! — раздавалось впереди, пока я пробиралась сквозь непролазные дебри, изображая медведя в малиннике.

— Ты где? — задыхалась я, с остервенением мстя какой-то ветке, решившей, что одноглазого ректора в Академии еще не было! — Отзовись! Я иду к тебе!

— А-а-а! — слышался голос в темноте, пока мой дружественный десант готовился к высадке на поляну, отбивая из цепких лап кустов свою одежду.

— Держись! — крикнула я, понимая, что начиная спасение с фразы «я тебя убью!», можно спугнуть несчастную жертву. — Помощь уже близко! Потерпи, милый!

Поиск пальцами сонной артерии считается объятиями?

— Потерпи! — задыхалась я, ломая заросли и уговаривая себя не отвесить принцу пинок, причем такой, что мысли о посиделках на троне будут причинять ему невыносимую боль. — Еще немножечко! Я сейчас...

Я выкатилась на поляну, на которой стоял мужской силуэт, схватившись за желудок.

— Винсент? — оторопела я, глядя на светло-серые волосы и знакомую хламиду. Я еще задыхалась и кашляла, чувствуя, что операция по спасению, начинающаяся с тяжких телесных увечий, снова заиграла всеми красками актуальности.

— А-а-а-а! — простонал Винсент, скривясь. Из его руки вывалился красивый пузырьрёк. — Не обращай внимания! Ай! У меня по расписанию...

— Ты с ума сошел? — негодовала я, вспоминая марш бросок. Бэтмен пожал плечами, Супермен вздохнул и прикрыл лицо рукой, Чип и Дейл стали ковырять лапками землю. — Ты чего орешь на весь лес?

— Сейчас пройдет, — успокоили меня с таким выражением лица, что Смерть, поправляющая ценники в аптеках, заинтересовалась своим постоянным клиентом. — Еще десять секунд...

Через десять секунд Винсент выпрямился, выдохнул, поднимая флакон и бросая его в сумку.

— Просто, как бы тебе объяснить... Я вырос в семье, где яды — это... Ладно, скажу проще. Мой отец — мастер по ядам. Моя мать — известная отравительница, сама составляющая рецептуры, от которых нет противоядий. Мой старший брат умер, когда взял добавки без спросу... Знаешь, что сказала тогда моя матушка? «Так будет со всеми, кто не слушается!».

Пока мы шли по лесу, где-то рыдала ювенальная юстиция, слушая историю о том, что провинившемуся ребенку — противоядие в последнюю очередь.

— Мама отравила мою первую девушку после того, как я привел ее познакомиться. Маме не понравилось, что девушка сделала замечание о том, что у нее в тарелке волос. Мама обиделась, и.... Так получилось, — вздыхал Винсент. — Вторую девушку я успел спасти. Правда она после этого так и не пришла... В себя...

Да я бы им памятник поставила. В ногах. Из гранита!

— Ты не думай, что мне не везло в личной жизни... — смутился Винсент, глядя на меня красивыми глазами. — У меня было много девушек. Когда я работал на королевской службе, они сами ко мне приходили! Стоило только положить им в еду яд, а потом передать записочку, где искать противоядие...

Я нервно сглотнула, представляя, как очередной красавице, доедающей пирожное, на стол кладут красивую записочку, которую она с интересом разворачивает, чтобы «А! Кхе! Фу! Караул!»...

— Я писал, что ваша любовь подобна яду. Вы так прекрасны, что я решился вас отравить... Но, поверьте мне, у меня есть противоядие... Приходите... — мечтательно вздохнул Винсент. — Жаль, что многие из них не умели читать.

Он остановился, глядя на меня странными глазами и боясь прикоснуться ко мне, а потом улыбнулся.

— Ты слишком красива, чтобы я рискнул тобой, — Винсент осторожно поправил мои волосы, вытаскивая из них сухой листик. — Ты отравила меня... И нет тебе прощения!

Он прижал меня к себе и попытался поцеловать.

— Слушай! Ты только что яд пил! — возмутилась я, отстраняясь, как профессиональный игрок в лимбо.

— Прости, я и забыл... — меня взяли за руку. Его рука была холодной, как лед. — Помоги мне найти противоядие...

— От любви? — вздохнула я, чувствуя, как сердце сжимается от сочувствия.

— Нет! — закашлялся Винсент, падая на колени. — В сумке. От смеси красавки с белладонной!

Я бросилась перебирать сумку, тыкая ему под нос пузырьки, но он кашлял и отрицательно качал головой.

— Оно в замке! — разобрала я сквозь кашель. — Постой здесь. Я скоро вернусь... Кхе... Как я мог его забыть? Как я мог превысить дозу! Кхе... Только никуда не уходи! Я прошу тебя! Я сейчас вернусь!

Он бросился в лес и исчез.

Это был тот самый случай, когда гуляя с молодым человеком, узнаешь, что он забыл дома что-то очень важное. Гипотетически, это важное можно найти под любым деревом и возле любых кустов. Но впечатление требовало соблюдать правила приличия! Седлая невидимого коня, он мчался домой на всех парах, стараясь не ударить в грязь лицом.

Проход зарос, хрустя ветками, а я осмотрелась. Вокруг была незнакомая поляна, непроходимая чаща, а у меня в руках была чужая сумка с пузырьками. Отлично! Просто замечательно!

Дверь в холл открылась, а в нее вошел Арден, Робер и все остальные. Не было только Винсента.

— Не закрывайте! — послышался голос за дверью, в тот момент, когда Лючио толкнул ее ногой. Ее не было... Где она? Где эта ректорша?

— Так что я выиграл спор! Она, кстати, очень темпераментная, — рассмеялся Лючио. — Я ей говорю, малыш...

— Я выиграл спор! — заметил Робер. — Конечно, холодно было, но... Я бы сказал, что она очень нежная... Даже как — то чересчур... Хотя, хороша...

— О чем вы? Деньги сюда! — Элберт протянул руку. — Она, как увидела жезл древних правителей, так сама на меня набросилась... Помню, как она шептала, что всегда мечтала о драконе!

— Да как вы смеете! — возмутился Арден. — По этикету такие вопросы не обсуждаются! Я поклялся молчать о том, что между нами было, как и подобает истинному дворянину!

В зал влетел Винсент.

— Как я мог забыть... Как мог забыть, что сунул его в карман! — задыхался он, покашливая. — Я выиграл! Деньги сюда!

Я с грохотом закрыл дверь, чувствуя, как из ледяной могилы моей души рождается ярость. Стекла зазвенели так, что чуть не вылетели.

— О! Мессир! — зевнул Арден, ежась в одной рубашке. Рядом стоял Робер, отряхивая камзол и рассматривая драгоценную пуговицу, висящую на одной нитке. Лючио задумчиво рассматривал свой кинжал, стряхивая с себя стружку. Элберт стоял, покашливая и зевая.

— Где ректорша? — я не выдержал и почувствовал, как нити тьмы, обьяли мою руку.

— Погодите, я был уверен, что она с Робером! — заметил Арден осматривал разорванный манжет.

— А я был уверен, что она с тобой или с Элбертом! — огрызнулся Робер, недовольным взглядом глядя на дракона. Тот чуть не схватил его за грудки. «Я был уверен, что она...» — раздавалось в пылу ссоры и размахивания руками. «Это ты трусил! Тоже мне...», «Я, в отличие от тебя...» — шум перерастал в потасовку.

— Тишина! — не выдержал я, глядя в черный проем окна. — Вы что? Оставили ее одну в лесу? Отвечайте на вопрос! Где она?!!

Я чувствовал, как внутри откуда-то поднимается странное и страшное чувство. Подсвечники зашевелились, шторы трепетать. Заерзал на месте красивый столик.

— Мессир, — Робер сделал шаг назад. — Вы главное — не волнуйтесь! Вы же сами говорили, что...

— Как вы посмели! — по перилам, которые я сжимал, шла трещина, но то, что клекотало внутри, было страшнее любой ярости.

— Что значит «посмели»? Она сама соблазнила. Меня точно, — улыбнулся Лючио. Несмотря на бесстрашную улыбку, его лицо было бледным. — Мы просто поспорили, перед кем она не усто...

— Вы... — я смотрел на их лица, понимая, что, скорее всего, это — последний день их жизни. — ... оставили ее в лесу... Поспорили на нее... И...

— Не сгущайте краски, я вас умоляю! — заметил Робер, пытаясь выдавить улыбку. — До рассвета осталось каких-то жалких три часа! Что может случиться за эти три часа? Утром мы ее обя...

— Рот закрой! — не узнаю своего голоса. — А теперь... Убирайтесь с глаз моих! Обратно! В лес! Искать ее! Я сейчас тоже с вами поспорю. Только ставкой будет жизнь! Тот, кто вернет ее обратно — выживет! Вам понятно?

Два раза повторять не пришлось! Дверь моментально закрылась, оставив меня стоять в полумраке холла.

— Мессир, — слышался голос Шарман. — Вы ревнуете? Можете не ревновать. Она не согласится ни на одного из них!

— Я не ревную, — отрезал я, чувствуя, как перед глазами стоят такие картины, от которых начинают шевелиться портреты на стенах. — С чего ты взяла, что я ревную! Ты знала об этом споре? Отвечай!

— Нет, что вы? Я не знала об этом споре, — вздохнула Шарман, разворачиваясь и ковыляя по коридору. — Ну что, мальчики, выкусили? Женская интуиция против мужских сомнений! Так, какое платье я себе хочу? С голубыми бантиками!

Я стояла на поляне, понимая, что операция по спасению принца прошла слегка не так, как предполагалось. В мысленную дверь стучались свидетели второго шанса: «Здравствуйте! Вы верите во второй шанс?». Я проголодалась, замерзла, с тоской осматриваясь по сторонам. Постояв еще немного, я поковыляла по лесу, понимая, что только что на секунду закрыла собой глазок и недовольным голосом ответила: «Нет! Вон отсюда! А то я сейчас здоровый смысл позову!».

Понимаю, что по чужой сумке лазить неприлично, но если там найдутся спички или что-нибудь отдаленно похожее на зажигалку — я готова принести официальные извинения владельцу. Из сумки выпала записка с пометкой «Передать при удобном случае».

«Ты спрашивала про призрака? Так вот, я поклялся не рассказывать никому, так что тебе придется это прочитать. Записку уничтожь. Некогда он бы военачальником, который недавно женился и безумно любил свою молодую и очень красивую супругу...»

Шекспир заинтересовался, понимая, что на одном только призраке способен написать увесистый трехтомник.

«Однажды, ему донесли, что молодая супруга ему изменяет, и предоставили доказательство в виде кольца, подаренного одному из любовников. Она все отрицала, показывала свое кольцо, но...»

Где-то продавцы ювелирки, глядя на пустое место на витрине, оставшееся после купленного кольца, достали точно такое же и приделали табличку: «Хит продаж».

«... он не поверил ни единому слову».

Адекват — не наш формат!

«Он поднес ей кубок с ядом, заявив, что если она невиновна, то выпьет. А если виновна, то нет...»

Да здравствует наш суд! Самый гуманный суд в мире! Инквизиторы поставили точку в пособии по охоте на ведьм после слов: «Если утонет, то невиновна! А если всплывет, то тут два варианта — либо ведьма, либо, как человек не очень!».

«Чтобы доказать любимому свою невинность, красавица выпила яд. Испугавшись и убедившись, что она действительно невиновна, он достал противоядие, но было уже поздно. Один глоток решил и его судьбу!»

В этот момент Шекспир пожалел, что умер слишком рано. Сначала он расстроился, покачав головой, но потом с надеждой посмотрел на меня, мол, как на счет того, чтобы продолжить его великое дело по выбиванию скупой слезы среди впечатлительного населения?

На улице было холодно, поэтому я потрошила сумку. Но кроме пустых и полупустых склянок с пометками, ничего не обнаружила. Я уже час блуждала по лесу, чувствуя невероятную усталость.

— Открывай! — я шмыгнула носом, пиная огромное дерево. Меня пробирала отчаянная зевота, поэтому я придумала место для ночлега. — Давай, не стесняйся! Чего скромничаем? Открывай дупло пошире! Сейчас в него полезет грязная и сонная белочка!

Дерево что-то не торопилось пускать меня в свою ранимую и трухлявую душу. Видимо, оно было избирательным. А, может, ему разбили сердце. Но психиатр во мне не унимался, переключаясь на следующее деревце, в надежде, что оно окажется более сговорчивым. Я чувствовала себя дятлом с сайта знакомств, критично присматривающего местечко для своего клювика. В принципе, я была не таким уж притязательным дятлом, ежась от холода и шмыгая заложенным носом.

В итоге одно одинокое дерево согласилось открыть свой зев, я стала влезать, как вдруг кто-то внутри заорал дурным голосом: «А-а-а-а!». Что-то я не ожидала, что уютный номер тут же превратится в хостел для гастербайтеров.

— А-а-а! — орал кто-то в темноте, пока я пыталась понять, кто у нас будущий солист хора имени меня? Подозрения сменились догадкой, но я слишком устала, чтобы радоваться, и тем более быть вежливой. Я почувствовала себя акушером, с ноги выпихивая комок нервов, подвывавшего на зависть всем волкам в округе, а потом вылезла сама. Передо мной стоял грязный и чумазый представитель коронованных меньшинств, чью голубую кровь я уже неоднократно упомянула незлым тихим словом.

— Ты как здесь очутился? — возмутилась я, глядя, каким взглядом на меня смотрит любитель острых ощущений.

— Я... я... — икал принц, затравленно оглядываясь по сторонам, но тут же вспоминая о своем происхождении. — Да как ты с принцем разговариваешь?

— Судя по записке и короне, ты передумал быть принцем, и решил уйти в неудачники! — усмехнулась я, чувствуя, что силы мои на исходе. Я колебалась, куда потратить их напоследок — на попытку выбраться из леса или на затрещину принцу! Последний вариант был настолько соблазнителен, что я сжала кулаки.

Мы петляли по лесу, пока не вышли к башне, откуда торчала лохматая веревка из волос местной красавицы. Если я не ошибаюсь, то здесь нужно повернуть налево. На небе дрогнула первая зарница рассвета, придав мне силы. И вот я уже отчетливо видела замок, к которому конвоировала принца, резко решившего отказаться от своих планов. По пути страдалец рассказывал мне о неземной любви, подвигнувшей его на эпический

побег. Златокудрая красавица, происхождения не совсем благородного, вскружила нашему принцу голову еще до отъезда в Академию, не смотря на то, что с детства он было помолвлен с другой. Но вечная любовь неожиданно прошла с первыми заморозками.

— Ты уверен, что она любит тебя, а не твою корону? — хрипло спросила я, глядя на ковыляющего рядом любителя Золушек.

— Она мне говорила, что ненавидит мою корону, — всхлипывал щуплый русоволосый принц по имени Гарольд. — Помню, как она сказала, что если бы я не был бы принцем, то мы бы смогли быть вместе... Она — внебрачная дочь барона, отданная на воспитание мельнику... Мы обмениваемся письмами через моего слугу...

— Хочешь проверить любит она тебя или нет? — прокашлялась я, кутаясь в грязную и промокшую от утренней росы одежду. — Пиши ей, что ты — больше не принц, что ты теперь обычный парень. Родители об этом еще не в курсе... И просто жди ответа. Вот так ты узнаешь, любят тебя за корону или просто так.

Я едва шевелила ногами, поднимаясь по лестнице, ведущей к входу в замок, пока мне воспевали красоты и достопримечательности возлюбленной.

Толкнув дверь, я тяжело вздохнула, отправляя Ромео спать, а сама почувствовала, как валяюсь с ног от усталости. Я медленно сползала по стене, понимая, что ректорам Академии Прекрасных Принцев пора давать валерьянку за вредность.

Я отчетливо слышал, как хлопнула дверь. И даже видел, как в нее вошли двое. Принц шел по коридору, бубня себе что-то под нос: «Я больше не принц, любовь моя, но я все еще люблю тебя... Или лучше написать «обожаю»?».

Где ректорша? Ничего! Сейчас я ей все выскажу! И по поводу «свидания» тоже... А я ведь выскажу!

Я уже видел холл, в окнах которого застыли малиновые всполохи рассвета.

— Да как ты посме... — сквозь зубы начал я, а потом увидел ее, лежащую на холодном полу в грязной одежде... Ее рука распростерлась вперед, а на руке покоилась голова с грязными волосами, в которых застряли ветки и листья. Она лежала, как маленькая девочка, поджав под себя ноги. Лицо ее было расцарапано, на руках виднелись кровавые ссадины, а одежда была разорвана.

Неужели снова придется принимать человеческий облик... Я чувствовал, как все тени, которые есть, сползаются ко мне, а перед глазами стояла она, лежащая на холодном и грязном полу.

Хоть бы не проснулась... Хоть бы не открыла глаза...

Я заносил ее в ее комнату, глядя, как бессильно повисла ее грязная рука, на которой багровым, чуть вспухшим рубцом расцветала спекшейся кровью ссадина. Ее голова лежала на подушке, а я снимал с нее обувь, чужой камзол, напоминающий грязную тряпку, осторожно стягивал мантию... Она простонала во сне, когда я вытаскивал из ее волос листья и ветку. В моих руках была мокрая тряпка, которой я стирал грязь и кровь с ее рук. Если спросит, скажу, что это сделала... Шарман. Со старухой я договорюсь.

Я прикоснулся тряпкой ко лбу, рассеченному царапиной, и почувствовал, что она горит... У нее жар... Она снова простонала, приоткрыв потрескавшиеся и обветренные губы. Я положил руку ей на лоб, чувствуя, что она горячая.

Дверь хлопнула, по коридору послышались шаги и возмущения. Я выставил вперед руку, и дверь в комнату с грохотом захлопнулась.

— И вот что мне с тобой делать? — я смотрел на бледное лицо ректорши, откинутую на подушке голову, спутанные волосы, прядь которых прилипла к ее губам. — Убить тебя мало! Мало того, что пошла в лес, так еще и...

На ее лоб легла мокрая тряпка, пока я осторожно убирал волосы с ее лица. Она простонала, сжимая и разжимая пальцы.

— Нет, я должен тебя по головке погладить за то, что ты отправилась на поиски дурачка, вместо того, чтобы просто написать родителям, мол, их идиот пал смертью храбрых в борьбе с собственной дуростью! Причем, дурость победила! Приношу свои глубочайшие соболезнования и так далее... — внутри меня горело пламя негодования, когда я в очередной раз выжимал тряпку, мочил холодной водой и снова расправлял на мокром пылающем лбу. — Я что? Должен сидеть здесь, как нянька?

Она простонала, пошевелив губами, и снова попыталась схватить что-то невидимое.

— И вот что мне с тобой делать? А? — я чувствовал, что прямо сейчас все брошу и оставлю как есть. — Поверь мне, я не собираюсь терпеть тебя целую вечность! Не хватало еще одного призрака! Слышишь? Не вздумай умирать!

Поверх моей руки легла ее горячая рука и тут же обессиленно скатилась на простыню.

— Позор! Если об этом кто-то узнает... Лежи уже, не ерзай! — я поднял с кровати упавшую тряпку, расправил ее, глядя на сухие, потрескавшиеся губы.

Она снова простонала, кусая губы до крови и еще сильнее зажмурившись.

— Добить бы тебя, чтобы не мучилась, — усмехнулся я, глядя на свою руку, которая тянется к чужой щеке и скользит по ней пальцами. — Но вот что-то рука не поднимается... Хорошо, попробуем тебя напоить! Только учти! Холодную воду я давать тебе не буду! Куда отворачиваться? Пей, я кому сказал! Сама же просила! Ну вот! Молодец! Все расплескала! Нет, точно добыю! Добью и точка!

— С... спасибо, — едва слышно произнесла она, пытаясь поймать мою руку. — Спасибо...

Глава одиннадцатая

Адепты второго шанса

Ушла в себя, вернусь на скорой

Я помню какой-то комок бессвязного сумбура, который прилип к моему сознанию. Почему-то грезились принцы, сидящие за партами обычной школы с розовыми рюкзаками и цветными пенальчиками. Вокруг были заманчивые розетки, в которые принцы то и дело пытались засунуть пальцы, открытые окна, в которые намеревались выпасть и много других увлекательных мест, от которых у родителей волосы встали дыбом под короной. Я пыталась разлепить глаза, но видела мутную пелену и кого-то склонившегося надо мной. Я почувствовала холодную руку, которая в этот момент прикасалась к моему лбу, но перед глазами все плыло, и они обессиленно закрывались. Тысячи голосов в голове смешивались в звенящий гул... Помню, как приподнималась моя чугунная голова, а губ касалось что-то холодное и мокрое, на секунду приносящее облегчение. Потом помню озноб, когда я судорожно сжималась колючим ежиком под одеялом, поджимая под себя сведенные спазмами ноги.

Я потихоньку приходила в себя, мутными глазами глядя на силуэт, который вырисовывался на фоне темных, некогда роскошных, обоев. Задыхаясь, я пыталась поймать чужую руку, но она словно растворялась в тот момент, когда я прикасалась к ней.

— Спасибо, — шептала я, обессиленно падая на мокрую подушку и чувствуя дрожь во всем теле. И так каждый раз.

В лихорадочном бреду среди сумбура, меня осенила гениальная идея, способная посоперничать с малярийный бредом священника — колонизатора. У принцев много свободного времени! Так почему бы не организовать какой-нибудь факультатив, причем, не один, а несколько? То, что вести его придется самостоятельно — становилось понятно сразу, поэтому я мысленно, отгоняя вереницу бредовых снов, пыталась вспомнить, чем нас развлекала родная школа. Напрашивался хоровой кружок, в котором я в школьные времена состояла одной ногой в связи с отсутствием вокальных данных. Перед глазами в мутном тумане проплывал план занятий и репертуар. Следом почему-то поползли ежики из семечек и прочие хтонические поделки своими руками. Кружок «Очумелые ручки» уже гнал принцев на сбор желудей и каштанов. Глина, какашки, мох и веточки отлично развивают моторику рук и успокаивают нервы! Особенно мне! Чем меньше у принцев свободного времени, тем лучше! Можно еще на художественный кружок и театр замахнуться...

Меня приподняли, давая глоток теплого бульона, от которого я отмахивалась. У меня тут мыслительный процесс идет со страшной силой! Несмотря на мои протесты, меня держали и поили с упорством и терпением, достойным матери Терезы.

Пока в голове пластилиновые ежики бегали за каштанами, а хор мальчиков — маминых зайчиков нестройно перепевал эстраду, я снова пыталась поймать руку, которая обтирает мой лоб, но она словно растворялась в тот момент, когда я только — только прикасалась к ней. Эта неуловимая рука приносила облегчение, гасила жар и жажду, укрывала меня, убирала волосы с лица, и однажды я едва ли не открыла глаза, чувствуя, как меня украдкой, словно нерешительно гладят по щеке, готовясь в любой момент отдернуть руку. Сквозь ресницы и поплывшие очертания я пыталась разглядеть единственного настоящего ухажера. В мутном пятне света проступал силуэт, склонившийся надо мной. На секунду мне показалось, что волосы у него золотистые. Или это был нимб. Я уже ни в чем не была уверена...

— Спасибо, — в приступе благодарности шептала я, надеясь, что меня расслышат и поймут. — Спасибо...

Проснулась я неожиданно. В окно светило солнце, а я чувствовала в себе силы привстать и сощуриться на яркий свет. Рядом с кроватью виднелись кубок и большая позолоченная чаша с водой, в которой лежала тряпка. Меня укрывали два одеяла. Одно — темно-синее с золотой вышивкой, а второе — золотое с синей. Выбравшись из теплого кокона, я свесила ноги, прислушиваясь, в надежде, что услышу усталые шаги человека, который

сидел со мной бессонные ночи, увижу воспаленные глаза и улыбку на лице. Я готова бесконечно долго целовать руку, которая бережно обтирала мое лицо, принося в страшную знойную пустыню глоток облегчающей прохлады и прижимать ее к груди в знак безмерной благодарности.

«Ну как? Оклемалась?», — появилась надпись на стене.

— Только не говори, что больше всех молился на мое здоровье, — хрипло ответила я, откашливаясь.

«Я меньше всех был заинтересован в конкуренции!», — снова появилась надпись на стене.

— Так это был ты? — я смотрела на исчезающие буквы с подозрением.

«Размечталась!», — появилась надпись на стене и исчезла.

Приняв ванну, нацепив на себя какую-то серую мантию с жабо, я поплелась в коридор, все еще чувствуя приступы слабости. Еще бы! Алчный, ревнивый, амбициозный, женатый аристократ с милым хобби в виде охоты на людей и замашками Отелло стал бы нянчиться со мной, как с маленьким ребенком? Насколько я знаю, слухи на пустом месте не рождаются, так что с призраком нужно быть поосторожней.

В коридоре было тихо. Я посмотрела на часы. Сейчас идет урок. Осталось выяснить какой именно. Мой палец водил по расписанию, а я пыталась определить, какой сегодня день и сколько меня угораздило проваляться в постели.

Я побрела в сторону аудиторий, поочередной открывая все двери. И вот в конце коридора я услышала шум. Я по стеночке подползла к двери, сквозь щель глядя на ужас в глазах принцев, забившихся в угол аудитории. Раздался пронзительный визг в тот момент, когда в портрет, висевший рядом с венценосным ополчением, по самую рукоять вонзился кинжал.

— Детки мои, — раздался сладенький голос Люцио, а рядом с принцами появилась знакомая фигура в черном. Мягкими, кошачьими шагами, он двигался по аудитории в сторону кинжала, кровожадно впившегося в сердце портрета дохлого доисторического прекрасного принца. Еще живые принцы серенькими, трясущимися мышками, сбились в кучку и застыли от ужаса.

— Короли смертны. Королевы смертны. И принцы тоже смертны. Все смертны. И чаще всего внезапно. Запомните, ваша жизнь не стоит и ломаного гроша. Один удар и ... спокойной ночи, сладенький принц, — в голосе чувствовалась насмешка. — На моих руках кровь королей, королев, фаворитов и фавориток. Я, как вам известно, историк. Но в отличие от других историков, покорно записывающих факты, я предпочитаю писать историю самостоятельно. И переписывать ее, в угоду собственным убеждениям.

— Вас нужно было казнить! — заорала чья-то очень нервная система.

— Ой, неужели никто не додумался до такой гениальной идеи? — сладко улыбнулся Люцио, подходя к перепуганному темноволосому обладателю слабенькой нервной системы и приставляя кинжал к его горлу. — У тебя есть какие-то предположения, почему я еще не на виселице? Готов выслушать их. Не стесняйся, малыш...

Люцио прижал Феордана к стене, вытащив из толпы. Принц трясся, скосив глаза к носу.

— Учтите, я могу прийти к вам ночью в любой момент, — прошептал Люцио, глядя на застывших принцев. — И проверить, как вы усвоили урок. Видели следы на матрасах? Примерно так мне сдают экзамен. Все свободны. Дышите. Разрешаю...

Толпа принцев стадом метнулась к выходу их аудитории, чуть не сбив меня с ног вместе с дверью. Пришлось прижаться к стене, выпуская поток на свободу. Топот ног растворялся в коридоре, а я бурлила негодованием!

— Люцио! — хриплой вороной выдала я, пугаясь своего голоса и влетая в кабинет. — Да

как ты смеешь пугать принцев!

К моей ноге из угла что-то стекало. Кажется, чей-то, испуг... Я брезгливо отошла подальше, благодаря судьбу за то, что я — не уборщица!

— О! С выздоровлением, малыш! — меня хотели на радостях облобызать, но я смотрела суровой фурией на то место, где кто-то «нафурил»...

— Ты зачем их пугаешь! — возмутилась я, отталкивая руки того, кто уже однажды предложил дружить оргазмами.

— Ну, малыш... — заметил Лючио, проводя рукой по моей щеке и улыбаясь бессовестной улыбкой мерзавца. — Ты думаешь, что жизнь — простая штука? О, нет. Я не пугаю их. Я делаю из них настоящих параноиков. Именно параноики отличаются завидным долголетием. Не принимать подарки, не есть перед тем, как не поел слуга, не ходить без охраны, спать в полглаза с кинжалом под подушкой... Если ты думаешь, что восседать королевской задницей на троне и махать рукой из роскошной кареты — это и есть жизнь короля, то ты ошибаешься.

— А как же охрана? — я скептически нахмурила бровь, присматриваясь к светлым волосам.

— Бесполезна. Хоть гвардия, хоть армия возле кровати. Способов тысячи. Я расскажу лишь о десятке самых распространенных, остальные поберегу, — мне обольстительно улыбнулись, глядя на мое непроницаемое лицо. — Мы сегодня, между прочим, учились отражать внезапную атаку с кинжалом. Я называю это «привет от народа!»...

— Еще раз я узнаю, что вместо урока идет акция по запугиванию, я приму меры! — заявила я, понимая, что вместе с мерами стоит принять еще и успокоительное. Дверь за мной захлопнулась, а из аудитории все еще доносились возмущения. Лючио доказывал, что преподавать означает преподавать урок, чем, собственно он и занимается!

На моем столе лежала груда писем от родителей, на которые я села отвечать с вежливостью круглосуточного колл-центра. Еще бы, все наши разговоры записываются!

В дверь осторожно постучали. В образовавшуюся щель просунулась голова сорокалетнего Флориана. Через пару мгновений на пороге появился он сам, сжимая в руках пять книг. Вид у него был очень презентабельный. Еще бы, симпатичный, с первыми морщинами, с короной на голове и стопкой книг! Он вполне мог украсить любой буклет нашей Академии! Да что там украсить? Он был бы на главной странице.

— Простите, вы сильно заняты? — послышался голос, а на мой стол легли старинные книги «Целительство для начинающих. Мазать нужно то, что чешется», «Ранние и поздние симптомы всех известных заболеваний», «Записная книжка придворного лекаря», «Трактат о болезнях и смерти» и «Лечение мышинным пометом. Том первый».

— Я болен, — с трагизмом в голосе прошептал Флориан, пряча глаза. — Напишите моим родителям, что я очень болен. Я хочу умереть дома... В знакомой обстановке... У меня... у меня столько болезней, что... Что... мне недолго осталось... Я вечерами сижу в библиотеке и ... Вот...

Передо мной открыли первую книгу трясущейся рукой и ткнули пальцем в витиеватый рукописный шрифт. Рядом с текстом красовалось изображение человека, в животе которого свернулась калачиком какая-то уж больно веселая и игривая змейка.

— Желудочный змий, — скривился принц, по небритой щеке у него текла слеза. Я пробежала глазами текст, поглядывая на игривую змейку.

«Сей змий коварен, изрыгая пламя в желудке, принося боль несусветную...». Я, кажется, знаю, что змея зовут Гастрит. «Растет змий не по дням, а по часам, порождая себе подобных змеенышей». Фамилия у него, скорее всего, Глистович... «Смерть наступает через месяц опосля первой змеи. Проникает змееныш внутрь незаметно с едой и пламенем своим опаляет утробу».

— Это еще не все! — скукислся принц-ипохондрик, перелистывая страницу, которую украшала еще более веселенькая картинка, больше напоминающая пособие для юного

экзорциста. Объятая дымкой голова обезличенного страдальца с выпученными глазами не предвещала ничего хорошего. Я дочитала до конца сумбурный текст с мутной клинической картиной, предрекающий летальный исход.

— И вот! — мне открыли еще одну книгу, которая чуть не развалилась на части. Здесь картинки были поужасней. На теле страдальца не было живого места. Искривленное ужасом лицо, передавало всю гамму чувств, которая возникла бы у любого нормального человека, после того, как добрый доктор залил внутрь пациента хорошенько разогретый на огне раствор из соли, масла и мышиного помета. Да-да, через то самое место, которое у меня подозрительно сжалось, надежно обхватывая подушечку — сидущечку.

Мне тыкали под нос руку с прыщом, который явно не смахивал на блинообразные «болямбы» с гравюры.

— Посмотрите! — рыдал Флориан, раскрывая следующую закладку, предвещающую адские муки и летальный исход, если не воспользоваться чудодейственным эликсиром. Десятки болячек мелькали перед глазами. Я стала заметно нервничать и прикидывать, что у меня вскочило за последнее время и где болело, ибо конец был слегка предсказуем. Письма были отложены, Флориан рыдал на моем плече, требуя, чтобы я потрогала его «пылающий» лоб и «сделала хоть что-нибудь» во имя спасения его от самого страшного заболевания... Его трясущаяся рука открыла зловещего вида книгу, после которой хотелось помыть руки и стол.

— Я умру от этого, — шептал страдалец, тыкая пальцем в гравюру. На гравюре тело было объято огнем, причем огонь валил из глаз и изо рта. Рядом с телом трусливо жались нарисованные волки, поджигая хвосты. Даже дракон на заднем плане выглядел если не безглаго, то испугано.

«Приступы агрессии, неконтролируемые вспышки ярости, резкие перепады настроения, кровожадность... Боли внизу живота», — шепотом читала я, ужасаясь иллюстрациям и пытаясь понять, чем еще в этом мире можно заразиться, чтобы от тебя шарахались даже драконы. «Адская боль, пронзающая насквозь плоть...», — мне уже срочно требовался антисептик и перчатки.

— Я умру, — рыдал Флориан, с надеждой глядя мне в глаза, мол, скажи, я сильно буду мучиться или нет?

«... перед ежемесячным кровотечением. Очень часто приводит к смерти среди мужчин...», — дочитала я, снова уставившись в гравюру, понимая, что художник не умел рисовать женщин. Я подняла глаза на бедолагу, который твердо решил умереть от обычного ПМС. В глазах Флориана читалась геенна и саван, а внутри меня истерически ржала гиена в ночной саванне.

— Не умрешь ты, не волнуйся, — я честно пыталась утешить страдальца, но он был безутешен. Не спасали доводы о том, что это — просто женский синдром, не радовало то, что от него еще никто на моей памяти не умерал...

— У вас есть лекарство? — простонал Флориан, цепляясь за мою руку, как утопающий за соломинку. — Скажите, что у вас есть лекарство...

Варианты «ляжь, поспи, все пройдет», не помогал. Я сидела и думала о том, чем бы помочь бедолаге, но кроме народных рецептов на ум ничего не приходило.

— Слушай, — я отцепила сведенные спазмом ужаса пальцы от своего жабо. — Я знаю отличное средство! Оно поможет!

Эту надежду во взгляде сложно было передать словами. Никогда еще никто так не внимал каждому моему слову.

— Смотри, — прошептала я, оглядываясь по сторонам и пытаясь найти подсказку. — Эм... Нужно взять ....

— Да-да, — боялся дышать пациент, ловя каждое мое слово.

— Нужно взять мышиный помет... — я посмотрела на книжку с одноименными рецептами. — Только свежий! Запомни! Только свежий! Намазать им .... Правую руку...

Я посмотрела на старинные часы, пытаюсь внести свою лепту в средневековую медицину.

— ... правую руку по часовой стрелке! Три раза! А потом выпить три глотка воды... И лечь спать. Но только на правый бок! — я даже подняла палец. — Только на правый! Запомни! Это очень важно! Только на правый! Дай-ка я запишу тебе, чтобы ты не забыл!

— Поможет? — сощурил глаза пациент. Где-то на меня с негодованием смотрела традиционная медицина.

— Зуб даю! Завтра все пройдет! — закивала я, выпроваживая его за дверь.

Срочно нужно писать объявление о факультативе. Они с ума сходят от безделья! Старательно, чтобы раньше времени не спугнуть, я выводила буквы и рисовала веселые нотки, оставляя на каждой букве уместные и неуместные завитушки для пущей привлекательности!

В коридоре красовалось расписание факультативных занятий, каких правда, я не уточняла. Думаю, пусть это будет приятным сюрпризом! Не буду же я писать «Уродный хор» и «Рукоделие для рукожопов».

«Явка строго обязательна!» — дописала я, любуясь результатом.

Через три часа в пустом зале стояли принцы, глядя на меня такими глазами, словно я сейчас поставлю их к стенке и расстреляю.

— Для чего нас собрали? — подозрительно заметил любитель подраться на шпагах, сощулив глаза, когда я двигала их к стеночке. Отлично! Просто замечательно! Сейчас возьмем стульчики и ... И вот уже принцы в два ряда стояли на стульчиках, пока я, откопав какую-то старинную указку, смотрела на будущее местной эстрады.

— Через две недели, — заметила я, радуясь своей гениальной идее. — У нас родительский день!

— Его что? Перенесли? Он же через три дня! — занервничали принцы. Как через три дня? Я что-то не поняла! Что-то, видимо, я долго провалялась в постели!

— Хорошо, скоро у нас родительский день! И мы должны показать, что вы здесь учитесь! — гордо заявила я, поправляя жабо. — Предлагаю разучить какую-нибудь хорошую песенку, чтобы исполнить ее перед родителями!

— Чего?!!! — заорали принцы, демонстрируя недюжие голоса и давая мне понять что «Королевский хор» имеет все шансы поразить своими вокальными данными неподготовленную публику. Послышался грохот стульев. Кто-то пытался слезть, но из хора просто так не уйдешь, поэтому дверь я прикрыла заранее, спрятав ключ в кармане.

— Выхода нет, — голосом маньяка заметила я, доставая свою заготовленную речь и глядя, как будущие хористы выламывали дверь с ноги. — Понимаете, пение — это очень важно! Представьте себе, что вам придется петь серенаду своей принцессе! Или возлюбленной!

— Мы — принцы! Нам и так никто не имеет права отказывать! — возмущались звезды хора имени Анастасии Ититътвоюмать. — Откройте! Немедленно!

— Пение помогает отдохнуть, расслабиться после трудового дня, но не соседям, — продолжала я, читая по бумажке. — Мы выучим песню, чтобы на балу выступить перед родителями. Представляете, как здорово! Как вариант, я предлагаю еще делать ежиков из глины! Если идея с пением вам не нравится!

— Из чего? Ежиков из чего? — переспросили меня, пока я живо описывала поделки из желудей, каштанов, мха, кашек, перышек, веточек и прочих природных даров с предшествующим сбором запчастей в том самом сумрачном лесу. В итоге, после долгих криков будущих, я так понимаю, солистов, идея орать вместе показалась не такой уж и плохой.

— Добро пожаловать в наш... народный... ой, не народный... Ненародный Хор

Королевской Самодеятельности, — я гордо вскинула голову и прокашлялась. До выступления оставалось три дня, а мы были категорически не готовы. У меня родилась еще парочка не затратных идей сделать показательные выступления на мечях, и образцовое разбивание кирпичей о головы с воинственными криками. Я даже мысленно представила, о чьи головы кирпичи будут разбиваться наиболее эпично.

Песни, которые я предлагала в качестве репертуара из того, что когда-то пели мы в хоре, были забракованы. Шагать вместе по просторам принцы не хотели, предпочитая скакать на коне или ехать в карете. Неуклюжих и чересчур любопытных пешеходов, интересующихся хорошим настроением Их Высочеств, мне предложили сразу казнить. В этот момент я крепко задумалась, напев им про голубой вагон. Вроде, как бы и предложила, а вроде бы и намекнула.

— Ребята, это песня про личную карету принца! — я пыталась объяснить, что такое «вагон», но мне упорно твердили про шахтерскую вагонетку, явно желая изучать недра красавиц, а не королевств.

— Хорошо! Давайте эту! Все могут короли! — внезапно осенило меня. Пока я ее пела, принцы заметно оживились. Некоторые даже грустно улыбнулись. — Жениться по любви... Не может ни один, ни один король!

Если у меня песня вызывала улыбку, то у принцев чуть ли не слезы текли по щекам. Они смотрели на меня так, словно нам предстоит выступать на похоронах чьей-то личной жизни. Беда заключалась в том, что я не могла вспомнить куплеты. Помню, что там король Луи второй, красавица и любовь.

— Жил да был, жил да был, жил да был один король, — я щелкала пальцами, пытаюсь вспомнить продолжение. — Правил он .... Хмы-хмы... странною и людьми...

Принцы в разноречивой подхватили первую строчку, ознаменовав появление мифической страны Хмы-Хмы в атласах! В это стране на горе Нах-Нах стояла наша Академия, в которой мы них-них не учим.

— А, в общем, песня, не о нем, а о любви! — выводили принцы таким хором, от которого для лучшего эффекта хотелось созвать плакальщиц и поставить на два стула черный ящик.

— Басы глубже! — командовала я парадом, размахивая перед носами принцев волшебной палочкой, в надежде, что мысленная «абракадабра, которую оттибидохали», превратит горстку безголосых новичков в профессионалов. — Выше! Еще выше! Дотягиваем!

Не знаю, до чего мы должны были дотянуть, но судя по страдальческим взглядам, до конца песни и репетиции дотянут немногие. Я решила пощадить принцев, выпустив их на волю после шестой попытки спеть песню до конца. Плохо! До родительского дня осталось три дня, а нам даже показать нечего! Ничего, я сегодня сяду, разработаю программу, в которую войдут фехтование, пение и... поделки. Больше ничего я придумать не успеваю.

Пока я сидела в кабинете и пыталась решить, какие поделки мы выставим на всеобщее обозрение, вокруг меня валялась изрезанная и мятая бумага, символизирующая оригами и снежинки, несколько сухих листиков, которые я пыталась склеить мылом. Завтра попробуем ежиков их глины, каштанов и желудей.

Пока мысли лихорадочно скакали от одной идеи к другой, я решила сделать вечерний обход. Поднимаясь по винтовой лестнице и прикрывая дрожащий огонек свечи от сквозняков, я молилась глиняному ежику, чтобы все были на месте! Так! За первой дверью сопят... Все нормально... Тут тоже все хорошо... Здесь у нас... Ох! Ничего себе! Это ж как нужно храпеть!

Остановившись у одной двери, я застыла, прислушиваясь. Создавалось впечатление, что кто-то кого-то слегка мучает. Именно эту версию я бы озвучила наивным детям, в ответ на вопрос, что же я слышу.

— О-о-ох! — слышалось за дверью.

«Да, с пищей у нас тут проблемы! Я вам об этом писала!» — именно так я бы ответила родителям, пытаюсь пояснить эти стоны.

— А-а-ах! — стонал второй голос, заставляя меня задуматься о своем ореоле женского одиночества. Нет, я, конечно, понимаю, что принцы молодые, влюбчивые, но есть одна беда! Фраза «голубая кровь» заставила меня нервно сглотнуть...

— Да-а-а! — сладко простонали за дверью, в тот момент, когда я положила руку на ручку двери, пытаюсь отогнать гипотезу о том, почему принцы прискакали не ко всем...

Глава двенадцатая

Мертвые уши

— Сдавайся мне!

— На кой ты мне сдался?

Я обычно не имею привычки вламываться в чужие комнаты после услышанных стонов, выбивая дверь с ноги и сопровождая свое эпичное появление криками: «Кто тут ранен?». Понимаю, что мужчины не всегда страдают от одиночества. Бывают моменты, когда они им наслаждаются, но...

Я осторожно повернула золоченую ручку, понимая, что дверь заперта изнутри. Я набралась наглости и постучала!

Мало кто знает, но лучшим лекарством от болезней, сопровождающейся глухими стонами, является обыкновенный стук. Правильно говорят, мол, трехкратно постучи по дереву, и все пройдет! Стоны мгновенно прекратились.

В комнате раздался шорох, чьи-то босые ноги шлепали по полу, а через две минуты дверь не очень гостеприимно, но открылась. На пороге стоял рыжий принц и зевал так, словно я разбудила медведя в процессе зимней спячки.

— Вечерний обход, — мило улыбнулась я, глядя на смятую постель, простыню, обмотанную вокруг королевской талии и закрытое окно. — У тебя все хорошо?

— Да! Я просто спал, — рыжий принц протер глаза, пока я пыталась в полумраке понять, где здесь телевизор. — Вы меня разбудили...

Нет, ну начинать обыск было бы как-то неприлично, поэтому я подозрительно осмотрелась по сторонам, глядя как принц переминается босыми ногами на полу, нетерпеливо ожидая моего ухода.

Только я собиралась уйти в пациенты специального учреждения, как услышала приглушенный «чих!». Принц побледнел, а я стала присматриваться к огромному чемодану, который слегка пошевелился. Где-то дама сдавала в багаж картину, корзинку, картонку и... Мои пальцы расстегнули золотые застёжки, и передо мной появилась взъерошенная блондиночка в неглиже, перепугано глядя на меня.

Принц бросился к ней, а я молча прикрыла дверь, понимая, что впору устанавливать таможенный досмотр королевского багажа.

— Отлично! — сглотнула я, понимая, что к такому меня жизнь не готовила! Куда ее выгонишь? В лес? Ночью? На радость местным обитателям? Или выделить ей отдельные покои, торжественно сообщив всем, что в замке появилась девушка? Или забрать ее к себе? Ну мало ли? Вдруг помогать будет?

— Напомни, — прокашлялась я. — Как тебя зовут?

— Юстиниан! Только не говорите никому, — шептал побледневший Юстиниан, прижимая к себе свою «ручную кладь». — Она никому ничего не скажет! Мы будем сидеть тихо, как мыши! Никто ничего не узнает! Я вам клянусь!

— Точно не скажет? — вздохнула я, пока в голове зрел гениальный план. Письма родителям еще не дописаны, так почему бы не объявить не просто бал, а бал — маскарад? И девочка, смешавшись с толпой слуг, уедет по месту прописки?

— Нет, не скажет, — вздохнул принц, пока «ручная кладь», тихо всхлипывая на его плече. — Мы будем молчать. Никто не догадается! Ведь не догадались же столько времени?

— Я никому ничего не скажу, — громко и трагично проскулила блондиночка, глядя на меня самым жалобным взглядом. — Я очень-очень люблю моего принца... Очень-очень... Не выгоняйте меня... Я умру без него...

— Тише ты! — я коршуном набросилась на перепуганную девчонку, в глазах которой стояли слезы. — Чего ты орешь? Все спят!

— Я ... я не смогу без него прожить, — уже тише скулила блондиночка, прижимаясь к Юстиниану. — Не смогу... Умру...

— Ладно. Только учтите. Никаких прогулок по замку. Пусть сидит в комнате. Из нее ни ногой, — мрачно заметила я, понимая, почему Шекспир убил и Ромео, и Джульетту. Но до славы Шекспира мне далеко, так что, я проверила оставшиеся комнаты и побрела в свой кабинет.

— Ты знал? Да? — возмутилась я, оглядываясь по сторонам. — Знал? А почему мне не сказал? Нет, ты не увиливай! Отвечай!

На стене лениво проступило: «Я не обязан тебе ничего говорить!». Он подумал и дописал: «И отчитываться тоже! Ректорша!». Вот нравится ему это слово!

Я обиделась, завернулась в одеяло и уснула, чувствуя, как из-под меня медленно вытягивают подушку и как с меня медленно стягивают одеяло.

— Ну дай .... Хм... мне... хм... часок подремать! — вознегодовала я, полыхая праведным гневом и вставая с осознанием, что пока не выполню свои обязанности, спать мне не дадут. А что вы хотите? Чем ненормированной рабочий день, тем ненормативней лексика!

Письма были закончены к утру. Я растекалась не только в благодарностях за таких замечательных деток, но и на стуле, чувствуя, что скоро смогу спать стоя.

Пробил колокол, а я поплелась на занятия, прижимая к груди отвоеванный у преподавателей журнал с двойками и тройками. Из журнала выпала анонимная записка: «Педсовет за Е-балл!». Ой, не то слово! В следующий раз пусть устраивают пикет с табличками!

Из зловещего вида аудитории раздавался ленивый голос: «... смерть наступает мгновенно!».

Я протиснулась в щель, нырнула за последнюю парту, подпирая голову кулаком и чувствуя, как слипаются глаза.

— Смерть везде, — вздохнул Винсент, поглядывая на часы. — Стоит вам отвернуться, как она уже в еде! В напиток! Пронести яд проще простого. Медальон, перстень, нюхательные соли. Дамы прячут яд в прическе. У моей матушки в прическе помещалось сорок восемь пузырьков. Задумайтесь! Так что сегодня мы будем дегустировать...

Не знаю, как вы, но я чувствую, как медленно отъезжаю в объятия Морфея.

— ... задача вовремя понять, чем вас отравили... — расплывалось в моем сознании, — ... принять меры... симптомы... есть несколько минут... смерть...

Проснулась я от криков, заставивших меня вскочить на месте и увидеть, как принцы, корчась за партами. На парте каждого был кубок. Несколько из них было перевернуто, а красноватая жидкость стекала вниз. Айрон лежал на полу, хватаясь за живот. Гарольд кашлял так, что мне казалось, придется вычеркивать его фамилию из журнала. Бертран стонал и скулил, бледнея с каждой секундой. Фердинанды орали, как резанные, а Фредерик метался, требуя противоядие. Элиан лежал молча, изображая труп.

— Я добавил совсем чуть-чуть, — спокойно заметил Винсент, философски рассматривая наш дружный холерный барак. — Доза не смертельна. Помучаетесь животом пару дней, а потом пройдет.

— Ты с ума сошел? — заорала я, глядя на то, как страдают принцы. — Ты своей головой думаешь?

— Однажды это спасет им жизнь, — меланхолично пожал плечами Винсент, пряча

какую-то склянку в шкаф. — А противоядие получит тот, кто выучил предыдущий урок! Готовы отвечать?

— Ы-ы-ы! — стонал Феордан, прижимая руку к животу. — Да... как... ты...

— Я все скажу ... родителям! — корчился Юстиниан, рядом с которым бледной немощью простерся охающий Флориан.

— Запомните этот вкус, — Винсент закатил глаза, а потом спокойно сделал глоток из ближайшего кубка, присаживаясь на парту. — Тонкая нотка горечи, которую сложно прикрыть специями. Терпкая горечь и запах розы. Чудесное сочетание, не так ли? Ваше здоровье!

Добрый учитель осушил кубок, глядя, как под его ногами ныл еще один Фердинанд, пытаясь сплюнуть на пол.

— Главное — выдержка, — улыбнулся Винсент, пока кто-то пытался уцепиться за его сапог рукой. — Я же не просто так задаю вам вопросы? Ничего, еще пару дней у вас будет расстройство желудка, тошнота, головокружение... А потом все пройдет. Урок окончен! Всем спасибо! Можете ползти к выходу!

— Ты с ума сошел? — я бросилась Винсенту, который вытаскивал принцев по очереди в коридор. — Дай им противоядие! У нас скоро родительский день!

— Мне плевать, как ты будешь отчитываться перед родителями. Если сыграешь со мной в одну интересную и опасную игру, я дам противоядие, — заметил он, пряча малахольную улыбку в бокале с ядом. — Иначе никак... Ректор не имеет права вмешиваться в учебный процесс, но я могу сделать исключение.

Никогда еще принцы так не радели за мою личную жизнь, не подталкивали меня к серьезным отношениям и алкоголизму, во имя спасения собственных желудков.

— Я сказал, что доза маленькая, но опыт подсказывает, что иногда и ее вполне достаточно, чтобы умереть. Так вот, угадаешь, в каком из них яд — я дам принцам противоядие, — на столе стояло три одинаковых кубка. Я смотрела на принцев, понимая, что поделки своими руками уже анонсированы, хор тоже... Родителям идея, как ни странно, очень понравилась... Особенно их заинтересовали ежики...

— Так вот, смотрите и учитесь, господа, — усмехнулся Винсент, снова пряча улыбку. Я стояла перед кубками, понимая, что мне срочно нужна санитарная книжка, которой бы я на правах санитара забила насмерть доброго мучителя.

Я принималась поочередно к каждой жидкости, стараясь не слушать стоны принцев. Розами пахнет? Да тут не поймешь, чем пахнет!

— Яд в двух кубках, — снова спрятал улыбку Винсент, глядя на меня красивыми и холодными глазами. В двух? Он что? Издевается?

Я подозрительно присматривалась к каждому, пока не заметила едва заметную надпись на стене. «Третий слева». Расправив плечи, я схватила третий слева бокал и сделала несколько глотков, триумфально поставив его на стол, чуть не расплескав остатки содержимого.

— Видите, — усмехнулся добрый учитель, раздавая противоядия. — Вот что значит, внимательно слушать, что говорит преподаватель.

Пока принцы жадно пили какую-то мутную жидкость из пузырьков, кашляя и кривясь, а я услышала тихий шепот. К моей щеке прикоснулась прядь чужих волос.

— Я и сам не помню, куда положил яд. Но ты всегда знаешь, где меня искать, — послышался смешок. — И какую цену я возьму за противоядие, ты тоже знаешь... Мне кажется, я уже говорил тебе об этом...

Неблагодарные принцы по стеночке пробирались в свои покои, а я направлялась в свой кабинет, понимая, что украшение зала и подготовка мероприятия целиком и полностью ложится на мои плечи.

— Так, это кто у нас? — тяжело вздохнула я, вытирая об тряпку руки и заглядывая в журнал. — Фердинанд! Какой Фердинанд? Второй! Молодец, Фердинанд! Отличный ежик из глины, палочек и каштанов! Ты просто создан для того, чтобы быть скульптором!

На столе лежала размокшая глина, куски мха, перо, бумага и семечки. Я зевала, скатывая глину в шарик и вытягивая из нее морду. Если такой ежик придет ко мне в гости во сне, то, извините, об этом по громкому крику узнает вся Академия.

Отлично! В меру корявенько, но миленько. Хотя... Я посмотрела на других ежеиков, сохнувших на листках бумаги, чувствуя себя природой-матушкой. Если что, то на конкретно этом ежике я неплохо отдохнула, наделив бедолагу косоглазием и проблемами, срочно требующими консультации пластического хирурга. За этого ежика мне было очень стыдно. Настолько стыдно, что местами хотелось отвернуться, дабы не видеть это редкостное творение моих золотых. Нет, ну для первоклассника сойдет! Так, кто у нас тут первоклассник? Кто у нас тут ... О! Почему бы и не Флориан?

Ой! Кажется, этот подлый ежик решил мне отомстить, поселившись на ПМЖ в моем желудке, периодически сонно ворочаясь и заставляя стиснуть зубы. Больно! Ай!

Я скривилась, хватаясь за живот, и чувствуя приступ неконтролируемой дурноты.

— Ты говорил, что третий слева! — закашлялась я, чувствуя, как нарастают внезапные и мучительные спазмы. Согласитесь, мечтать о воскрешении человека, чтобы задушить его своими руками, не слишком и великодушно с моей стороны!

«Третий. Слева. От меня», — появилась надпись на стене. «А ты взяла третий справа. Кто виноват?», — дописал он, радуя меня так, как не радовала диарея в очереди. Если я вдруг умру, а на моем теле найдут отпечатки чего-то тупого и железного, то знайте, что это — чья-то логика! Я готова была вылепить ему памятник из подручных материалов, больше похожий на куклу Вуду. Меня корчило так, словно кто — то случайно вылепил эту самую куклу для меня, а потом решил использовать ее в качестве подушечки для иглока.

«В столе ключи от кабинетов», — появилось на стене, пока я рылась среди бумаг в поисках заветного контрольного пакета акций доверия. Огромная связка легла на руку, а я, охая и причитая, побрела в сторону коридора, чувствуя себя отвратительно. В жизни любой женщины есть не только случайные мужчины, но и чебуреки. Так вот, я вспомнила тот самый, жирненький, тепленький...

— Ы-ы-ы! — простонала я, хватаясь за живот. Десятый ключ, одиннадцатый, двенадцатый... Ни один не подходил к замку, заставляя память воскрешать то жирное творение маленького ларька, которое выбило не только почву из-под ног, меня из рабочего графика, но и дверь в уборную.

Есть! Я влетела в кабинет, натыкаясь на парты, подлетела к закрытому шкафу, понимая, что всю жизнь ждала того самого момента, когда мне что-то обломиться. И вот он! Долгожданный облом! Дверь была закрыта на замочек. Я дергала ручку двери, оглядываясь по сторонам, а потом увидела, как перед носом болтается в воздухе золотой ключик на цепочке. Добрая Черепаха Тротила бы ей в одно место, решила сжалиться надо мной и... Чужой шкаф гостеприимно распахнул свои створки, радуя меня ассортиментом каких-то склянок. На некоторых бутылочках были номера, какие-то были без опознавательных знаков, а некоторые вообще выглядели так, что в сторонке молча холодели от ужаса патологоанатомы. Я искала вытянутый флакон, который видела на уроке, но вместо этого наткнулась на старинную черную книгу «Сказки Вороньей Королевы». Каждое перо на обложке было сделано из кожи, тщательно прорисовано и выглядело почти как настоящее, серебристые буквы уже слегка истерлись, поэтому любопытство взяло верх.

«Положи на место», — увидела я надпись на стене. «Противоядие — слева от красного флакона!».

— Слева это от тебя или от меня? Флакон точно красный? Не розовый? Не бордовый?

Флакон или бутылочка? Тут разница принципиальна! — уточняла я на всякий случай.

«Все! Я сдаюсь!» — прочитала я надпись на стене, преисполненную мужской обиды и разочарования в моих умственных способностях.

— На кой ты мне сдался? — хмыкнула я, поджигая рукой живот и открывая выпавшую мне в руку скляночку. По вкусу противоядие напоминало выжимку из старой губки. Нет, мое финансовое благосостояние, в котором впору вычеркнуть слово «благо», еще не позволило мне докатиться до таких гастрономических изысков, но примерно так я представляла себе следующее в моей поваренной книге блюдо после шнурков с кетчупом.

«Положи на место книгу!», — снова проступило на стене, в тот момент, когда я решила вытащить ее из шкафчика.

Да, да, вот! Положила! Я прикрыла створку, провернула ключ, а потом подбросила его в воздухе. «Верну на место», — увидела я, глядя, как ключ сделал несколько пробных полетов в воздухе, а потом растворился. Ага, конечно! Как только призрак исчез, я тут же распахнула дверцу шкафа, достала книгу и спрятала ее под мантией, возвращая створки на прежнее место. Почитаю на досуге.

— У меня... веточки кончились, — заметила я, все еще морщась, но чувствуя облегчение. В кабинете меня как — то совсем не радостно встретили ежики. — Я схожу... Тут еще ежиков лепить и лепить!

Я накинула старую хламиду и выскользнула из кабинета, стараясь идти по коридору как можно спокойней. Входная дверь закрылась, я сбежала по ступеням, спряталась от ветра, зажгла свечку, пламя которой едва освещало старинные буквы и рисунки, открыла середину книги и села читать. «Жила-была девушка, которая однажды в лесу встретила принца. Она влюбилась в него без оглядки, принц ответил ей взаимностью...».

Чем дальше я читала, тем больше понимала, что если ко мне сейчас прискачет принц, тот самый, ожидаемый, я буду отгонять его ногой и палкой. Принц пообещал девушке, что женится на ней, клялся ей в любви, как бы настаивая на том, что куртуазная любовь, конечно, хорошо, но не мешало бы и перейти к более интересным телодвижениям. Принц отвез красавицу в замок, а потом девушка узнала, что у принца через неделю назначена свадьба. Не знаю, либо корона так сильно пережала ему голову, либо слабоумие передается по наследству вместе с престолом, но он радостно сообщил об этом своей возлюбленной, заявляя о том, что ей выпала честь нести шлейф его невесты всю церемонию! Удивляюсь, как она еще не офигела от радости! Принц, между прочим, тоже был слегка удивлен. Но красавица мужественно в назначенный день несла шлейф невесты всю церемонию, глядя на спину своего возлюбленного. «Каждый шаг давался ей с трудом, с каждым шагом она чувствовала, как растет ее ненависть к молодой невесте и к принцу-обманщику. Нет, я, конечно, не претендую на звание маньяк года, но в таком случае, поворачиваться спиной к ревливой девушке может только бессмертный идиот.

Все закончилось странно. Девочка выронила шлейф, а Принц решил избавиться от бывшей любовницы, выставив ее из замка. Так началась история Шестой Вороньей Королевы.

Я пролистала книгу к первой сказке, понимая, что истории однотипные. Какие-то из них были коротенькими, какие-то длинные, некоторые сохранили даже имена и детали. И вот она, самая первая сказка.

«Вы наверняка слышали легенду о Вороньей Королеве. Так вот, я расскажу вам, как это было на самом деле. Одна девушка была одержима принцем. Он не обращал на нее внимания, а когда она добилась аудиенции и заявила о своих чувствах, он просто рассмеялся, а потом приказал дать ей денег на приданое и поискать кого-нибудь другого. Расстроенная девушка бросила золотые монеты под ноги принцу, упала на колени и умоляла его о любви. Она вымаливала любовь, но принц просто отвернулся. Девушка отправилась к колдунье, которая дала ей странную вещь, сказав, что сила любви способна изменить мир. Девушка добилась встречи с принцем, который смотрел на нее с жалостью и равнодушием. «Я покажу тебе силу моей любви!» — закричала она, бросая под ноги подарок колдуньи. «Я заставлю тебя полюбить меня!» — кричала она. Принц усмехнулся и сказал: «Какова бы ни была сила любви твоей, ты зря стараешься,

простолюдинка!», чем разозлил девушку. Свет любви, который исходил от нее, стал тьмой ненависти. «Значит, увидишь силу моей ненависти!» — закричала она в отчаянии. Сила ее ненависти была так велика, что обратила ее в птицу, которая вылетела в окно, унося заветную вещь. Прошло пять лет, и стали долетать слухи, что одна красавица обращает любовников в ворон, собирая свою армию, чтобы уничтожить принца, отказавшего ей! Она стирала государства с карты, уничтожала принцев и королей, чтобы добраться до своего бывшего возлюбленного и уничтожить его!».

Дальше страница была оборвана, оставив меня в глубоких раздумьях, относительно налаживания горячей линии для местных золушек. «Если принц обещал, но не женился, нажмите кнопку один. Если принц стал отцом вашего ребенка и заявил, что прибудет вас вместе с вашим бастардом, нажмите кнопку два. Если Принц не отвечает вам взаимностью, нажмите кнопку три!» Полезная функция. Боюсь, что такой лавины звонков не выдержит ни одна телефония.

Я пролистнула страницу, увидев окончание сказки: «... на смертном одре, она поклялась, что ее сила перейдет к следующей девушке, которую предал принц!». И все? Ну, мне это точно не грозит!

Потеряв интерес к книге, я встала, отряхнулась и потушила свечку, понимая, что у меня полная Академия Принцев! Если мне вдруг и предложат руку, то, поверьте, я прекрасно знаю, что она иногда даже застегивать рубашку не умеет. Про сердце я молчу. Так, сказки почитали, пошли ежеиков рожать! Нам завтра украшать зал и готовиться к приему делегации родителей!

Я, как честный человек, решила вернуть книжку на место, тихонько прокравшись в кабинет и оглядываясь по сторонам и возвращая книгу в шкаф. На обратном пути, шаря рукой в темноте, я как-то неожиданно для себя столкнулась с кем-то, кто громко завизжал.

Я схватила и вытащила на свет ту самую блондиночку, которая смотрела на меня перепуганными глазами и заливалась горячими слезами, заставляя одергивать ее и осматриваться на предмет посторонних ушей.

— Ты что здесь делаешь? — прошептала я, сощурившись на миловидное личико. Кто разрешал тебе разгуливать по замку?

— Плохо ему, — всхлипнула девочка, растирая слезы. — Я И я подумала, что если украду для него еще немного противоядия, ему полегчает! Лежит и мучается! А я люблю его! Больше жизни люблю! Разве можно смотреть, как любимый страдает? А тут ... тут дверь открыта! Я думаю, вот удача! Только не ругайте! Я больше так не буду! Просто...

Дальше я не могла разобрать слов из-за рыданий. Я оттащила ее в комнату, предупредив, что если еще раз увижу разгуливающей по замку — лично отведу в лес на съедение волкам!

Юстиниан охал на кровати, а она сидела рядом, глядя его по голове. Со стороны других дверей раздавалось знакомое оханье, а я вернулась в кабинет.

«Избавься от девчонки!», — проступила надпись на стене. Я молча села лепить ежеиков, высунув язык от усердия. «Я не шучу!», — снова появилось на стене. «Ты хоть читаешь, что я пишу!», — вознегодовал мой любитель наскальной живописи.

— Боишься, что принц ее бросит, обманет и она станет ..., - я еле удержала смехок, пытаюсь приделать ежику выпадающий глаз. — Вороньей Королевой?

«Значит, ты все-таки меня обманула и прочитала книгу!», — появилась надпись во всю стену.

— Да ладно тебе. Обычные сказки для девочек, которые мечтают стать принцессами! — фыркнула я, пытаюсь исправить кривую морду ежа. Пора открывать свой концерт «И так сойдет!». — Послушай, не надо сгущать краски! Я просто представляю, как фуууух, и сила переходит очередной брошенке! Да если бы это было так, то тут каждая девушка стала бы королевой! Знаешь, сколько раз меня бросали? А сколько раз бросала я? И что? И ничего! На принцев я видов не имею! Они для меня ... ну как бы тебе так сказать...

Они для меня дети! Пусть даже некоторые из них старше меня. Они действительно дети, к которым я привязалась...

Я почему-то улыбнулась, вспоминая их лица и чувствуя какой-то странный прилив теплоты. Да, они вредные, капризные, противные, но они — мои принцы.

«Избавься от девочки, или я сделаю это сам!», — проступила надпись на стене.

— Не вздумай ее убивать! — возмутилась я, вскакивая с места. — Я что-нибудь придумаю. Хотя, я уже придумала! Ты как хочешь, а я спать!

Глава тринадцатая

Война ежеиков

— А у нас корявый глаз! А у вас?— А у нас корявый рот! Вот!— А у нас вообще три лапы, и с инсультом бедный папа!— А наш папа — инженер! У него есть глазомер!Только вот по-ходу тройка, потому есть пример!— В дневнике нам написали, что дитю не помогали,Хоть сидели всей семьей с пластилиновой свиньей!— А у нас по-ходу два, потому что голова,По пропорциям не очень хоть лепили мы три ночи!С каждым днем все тяжелей! Дальше будет веселей!

Я заглянула в аудиторию, в которой все почему-то подозрительно притихли. Еще пять минут назад, пока я шла по коридору, они орали что-то вроде: «Да лучше через мой труп!», а теперь сидят тихо, как болельщики перед пенальти, затаив дыхание. Не хочется думать о том, что фраза «через мой труп» была воспринята преподавателями столь буквально. Я приоткрыла дверь, чтобы разведать обстановку!

На пьедестале лежала кукла с выколотым глазом и стертой краской в районе губ. Так — то кожа выглядела очень натурально, но вокруг губ красовалось истертое серое пятно. Над ней склонился, затравленно осматриваясь по сторонам Флориан.

— Давай, ловелас! Не стесняйся! — по спине принца только что прошелся веер мадемуазель Шарман. — Или я тебя поцелую! Поверь моему опыту, этот поцелуй ты будешь помнить до самой смерти!

Глядя на лицо Флориана, я понимала: «Есть ли жизнь после поцелуя? Нет ли жизни после поцелуя? Этого науке неизвестно!». После обещанного поцелуя принц обещал, что долго не протянет.

— Ну что ж ты так на нее смотришь? — закатила намазанные глаза Шарман, расхаживая вокруг потенциального некрофила.

— Я боюсь заразиться чем-нибудь, — прошептал Флориан, глядя на следы лобзаний несчастной куклы. — А вдруг она уже умерла? От какой-нибудь болезни... Страшной...

— Привыкай, голубок! — вздохнула Шарман, поправляя парик. — Она — не дохлая! Она долг выполняет! Государственный! Иногда совпадающий с супружеским! Так, давай, не робей!

— Я ее не хочу целовать, — скривился Флориан, страдальчески глядя на остальных. — Она — дохлая...

— Да не дохлая она! Ты думаешь что? Твоя принцесса тебя соблазнять будет? Еще чего! Ляжет трупом — залезай сверху! Только проверь, не сдохла ли от торжественности момента! Всех принцесс воспитывают одинаково! И не вздумай раздевать ее! Это тебе — не любовница! Если совсем страшная, то дырочку в простынке проковырял, простынку накрыл и все! Молодец! — распылялась Шарман, поправляя прическу. — Запомните! С принцессой не занимаются любовью! Какая любовь? Вы долги отдаете друг другу! Никогда не видела, чтобы люди отдавали долги с радостными лицами!

— А вдруг крови не будет? — заинтересовался Фредерик Первый по Журналу. — Что тогда?

— Ты что? Дракон что ли? Жрать ее собрался? — вознегодовала Шарман, угрожающе потрясая дряблым декольте. — Тебе-то какая разница, кровожадный ты мой? Сделал дело — гуляй налево смело!

— У меня на нее настроение не поднимается! — всхлипнул Флориан, стараясь держаться от «трупа невесты» на почтительном расстоянии.

— Ничего, ничего! К середине учебного года, у тебя на нее такой вопрос стоять будет, что тебя с нее снимать придется и палкой отгонять. А ей — сопلي вытирать! — с улыбкой пообещала Шарман, о чем-то вздыхая. — Твои, между прочим, сопли! Кто еще будет рыдать на кукле, мол «люблю ее, не могу!». Да и кабинет на ключ закрывать придется! Следующий жених! Что? Желающих нет? Плохо! Отложим эту тему! Тема урока — как

избежать бастардов! Засасывайте... ой, засовывайте... Да что такое! Извините, записывайте! Эй, вынь палец из носа! Да-да! Ты! Чернявый! Вот из-за таких как ты, бастарды и рождаются! Вовремя не вынул — готовься к перевороту!

Где-то стоял грязный и неукрашенный зал, ожидая двухметровые стремянки с опытом работы погрузчиком — разгрузчиком или артель золушков, которые под моим чутким началом сведут концы гирлянд с концами. Я даже стол выбрала для ежеиков.

— Вот перед вами красавица! Вы забываетесь в пылу страсти, глядя на нее! Но... — сухонький палец поднялся вверх, а голос стал зловещим. — А потом уже поздно... Птичка-то залетела! Отсидела вам, так сказать, яйца... В некоторых королевствах — куда ни плюнь — одни бастарды! Даже крестьяне голубых кровей! Помнится, история была... Прямо в Академии... Одна... красавица полюбила ученика! И он ее, кажись, тоже полюбил! Все жениться обещал! Отвез он ее в свое королевство, а там выяснилось, что помолвлен он. Я как раз ходила у папы принца в фаворитках и даже не помышляла, что вас, лопухов, воспитывать буду! Смотрю на нее, а она беременная! Рыдает, мол, как же так... Принц прознал о ее положении и решил казнить ее вместе с нерожденным ребенком! А мне ее, дуру, что-то так жалко стало. Помогла я ей сбежать. Преследовал ее принц! Она, бедняжка, под кустом вот с таким животом отсиживалась! Вся продрогшая, замерзшая, несчастная! А по всему королевству указ: «Кто видел ее — приюта не давать, дверь не открывать, а сразу сообщать страже! Или голову ее ко дворцу доставить!».

Я что-то не поняла! У нас здесь что? Вечер воспоминаний имени Альфреда Хичкока?

— Была еще одна история, — сладко вздохнула Шарман, присаживаясь в кресло. — Из буйной молодости моей... Пришла одна ко двору и орет, что ребенок, дескать, от Его Величества...

— Я все прекрасно понимаю, — я сощурила глаза, слушая сказку о местной генетической экспертизе, которая сводилась к средневековым пыткам «чей ребенок? Отвечай, мерзавка!». — Но вы урок ведете или истории рассказываете? Где конкретные рекомендации для принцев?

— Да тут одна рекомендация! Берете головку... — зевнула Шарман, положив сухонькие руки на подлокотники. — И начинаете тереть! Трете, трете...

— Чего? — мои глаза округлились.

— ... трете чеснок... Того и глядишь, уже и перехотелось красавицу. Хоть отвлекетесь. Тертый чеснок очень полезен для здоровья и долголетия, — усмехнулась Шарман, обмахиваясь веером. — И вообще фавориток нужно выбирать с умом! Без ума — лучше не брать! И не брать тех, кто от тебя без ума! С ними проблем потом не оберешься! Запомните, умные знают, что нужно делать, глупые потом тычут пузом, мол, женись! А вы тоже хороши! Честное королевское даете каждой смазливой дочке свинопаса, что женитесь и во дворец увезете! Да если бы ваши отцы и деды свои слова держали, в порыве страсти вырвавшись, то тогда бы я уже в королевах ходила! Да что там, королевой, императрицей была бы!

— Я снова дико извиняюсь, что вмешиваюсь в учебный процесс, — я с недовольством смотрела на Шарман. — Где конкретные рекомендации? Инструкции? Что делать?

— Нет, я, конечно, могу показать, если вызовется доброволец! — усмехнулась старуха. — Тряхну стариной!

Потенциальные добровольцы стали отползать вместе с партами, как бы намекая, что учебным пособием никто работать не хочет.

— Не спать с кем попало и следить, чтобы не попало! — отрезала Шарман, разочарованно разгоняя веером учеников. Я смотрела, как принцы спешно вылетали из кабинета, хлопая дверьми.

— Послушайте, — я придала своему голосу самый деловой тон. — Вы на каждом уроке делитесь воспоминаниями? Я ...

И тут на стене появилась надпись: «А она, между прочим, тебя выхаживала, когда ты болела...».

Я осеклась, глядя на старуху, которая сидела и смахивала пудру с платья.

— Я... хотела сказать... спасибо, — заметила я, пряча глаза. — Спасибо, что выхаживали меня... Я понимаю, что у вас своя методика преподавания, но, может быть, без таких... хм... натуралистических подробностей и страшных историй?

Шарман усмехнулась, глядя куда-то в запотевшее туманом окно. У нее когда-то были очень красивые глаза. Светлые, большие, в обрамлении густых ресниц. И ручки у нее были маленькие. И сама она такая крошечная, как Дюймовочка. Наверняка в молодости она была похожа на красивую куколку.

— Что это у тебя? — внезапно заметила Шарман, прищурившись на меня. — А ну наклонись!

Я послушно наклонилась, пока сухонькая рука стряхивала что-то с моего плеча.

— Не я. Он, — едва слышно усмехнулась Шарман, дуя мне в ухо, а потом громко скрипучим голосом заметила. — А ты уже решила, что наденешь на бал? Или так и будешь унылой вороной пугать всех?

— Обижаете! У меня есть еще одна мантия! — заметила я, стараясь не смотреть на стену. — Эм... Спасибо... Я пойду, наверное... Мне еще зал наряжать! Дел — куча!

— Левее, ребята! — орала она, карабкаясь на лесенку из стульев и сжимая в руке конец пыльной гирлянды. — Выносите мебель!

— Мы — принцы! — возмущались венценосные засранцы, глядя на шаткую конструкцию под ее ногами. — Мы не станем ничего выносить!

— Так я и знала, что единственное, что вы умеете выносить — это мозг! — заметила «ректорша», шатаясь на стульях и цепляясь руками за лепнину. — Чего стоите! Помогайте!

Конструкция снова покачнулась, заставив «ректоршу» опасливо посмотреть вниз. Только бы не упала! Только бы...

— Эй, а ты чего стоишь? Бери тряпку и протри оставшиеся стулья! — командовала она, пока стадо принцев откровенно скучало, глядя на повисшую на одной петле гирлянду из атласных роз. — А ты чего смотришь? Давай, выноси в коридор ... ой!

Я замер, понимая, что сейчас она упадет и сломает себе шею... Обошлось! Удержала равновесие.

— Ладно, сейчас слезу, все сделаю! Подержите стулья! — приказала она, отдуваясь, причем, за всех. Думаете, что кто-то бросился на помощь? Ага, разбежались. Принцы зевали, осматривали зал, не понимая для чего их здесь собрали.

— Ребята, ну я же попросила! — жалобно заметила она, пытаясь удержать равновесие. Ладно, так уж и быть! Ее нога встала на нижний стул, пока руки цеплялись за гобелен. Осторожней, девочка! Я прошу тебя! Смотри, куда ступаешь! Не торопись! Да что бы тебя...

Она ловко спрыгнула, отряхивая руки и глядя на принцев с улыбкой. В ее руке очутилась гирлянда, которую она стыдливо ... Да что ты творишь! Я не знаю, я сейчас просто умру от смеха... Она просто издевается надо мной!

С видом сосредоточенным и деловым, «ректорша» наматывала цветы на обнаженную статую. Принцы ржали, как кони, тыкая в нее пальцами.

— У нас тут все должно быть целомудренно! — заявила она. Статуя стояла, равнодушно

глядя в сторону окна, а на том самом месте, которое прикрывал листок, теперь красовался целый букет.

— Я буду долго гнать велосипед, — мурлыкала она, проводя тряпкой по статуе. — Среди девчат... Его остановлю... Нарву цветов... И подарю букет... Той девушке, которую люблю... Так, чего прохлаждаемся, берем тряпки и вытираем подсвечники! Все должно блеснуть! Завтра приезжают ваши родители! Ну бал же, все-таки!

— И что? — равнодушно усмехнулся Фердинанд Второй, глядя на то, как «ректорша» мочит тряпку в старом ведре и протирает золотой подсвечник. — У нас в замке раз в месяц бал! Тошнит меня от этих балов!

— Нищета! — заметил Фредерик, вскидывая златокудрую голову. — У нас балы были каждую неделю! Брат подтвердит! Скукота!

— Ты кого нищетой назвал? — вспылil Фердинанд Второй, отбросив темные волосы и глядя с негодованием на смеющихся братьев. — Войны захотел? Да мы растопчем вас, как пыль под ногами! У моего отца армия больше, чем у твоего!

Через секунду перепалки один идиот бросился с кулаками на другого.

— Остановитесь! Ребята, прошу вас! Остановитесь! — кричала «ректорша», пока остальные смеялись, глядя как один рвет на другом рубашку, а второй пытается вырвать клоч волос. А потом будут спрашивать, почему короли рано лысеют? Вот вам и ответ!

И тут она бросилась в гущу сражения, растаскивая принцев.

— Ничего! — сплюнул кровь из разбитой губы этот золотоволосый ублюдок. — Я все равно женюсь на твоей сестре! Твой папаша настолько беден, что предложил твою сестру мне в качестве невесты вместе с частью земель... Вот я на ней и отыграюсь! О! Как я буду отыгрываться!

— Рот закрой! — орал Фердинанд, пытаясь дотянуться до противника. «Ректоршу» отмело к стене, заставив скорчиться от боли. Но она снова бросилась успокаивать принцев.

— Прочь с дороги, шавка! — орал Фредерик, пока его брат гаденько улыбался, стоя рядом. — Бастард! Я тебя уничтожу! Ты меня понял?

Они снова сцепились, и тут же отпрянули друг от друга, обтекая грязью.

— Ты что творишь? — прошипел Фредерик, сплевывая мокрые волосы и глядя на мокрую порванную рубаху. — Облить нас помоями?

Моя девочка... Я восхищаюсь тобой...

«Ректорша» стояла с пустым ведром, глядя на то, как с принцев стекала грязная вода.

— Я же просила вас успокоиться! — ледяным голосом заметила она, глядя на принцев. — Марш отсюда! Помощи от вас никакой!

Она молча вытирала подсвечники, сопя и глядя в сторону двери. Каждый раз моя девочка с надеждой бросала взгляд на дверь, словно она вот-вот должна открыться, и в зал войдет... Интересно, кого же она ждет?

Тряпка шмякнулась на пол, моя «ректорша» сползла и обняла колени, нервно поглядывая на дверь. Что ж ты от них хочешь? Они — идиоты, верящие в свою исключительность! Им с детства внушали, что весь мир брошен к их ногам, что любое их слово — это приказ, любой каприз может стоить кому-то жизни...

Я слышал горестный всхлип. По ее щеке текла слеза, которую она растирала рукой, пытаясь дышать глубоко.

— Все будет хорошо! — успокаивала она себя. — Не плачь, Настюша.... Все будет замечательно! Это будет самый чудесный бал!

Вот как объяснить ей, что за две недели, принцы не изменятся? Спесь, лень и

самовлюбленность вбивались в них годами ... Годами им потакали, лебезили перед ними, выслуживались...

— Почему? — выдохнула «ректорша», закусывая губу. — Ну почему они не могут быть простыми людьми? Неужели так сложно помочь? Корона упадет что ли?

«Прекращай! Я кому сказал! А ну быстро прекратила плакать! Бросай все, иди спать!», — написал я на стене.

Всхлипывая и растирая слезы, она снова собралась карабкаться на стулья, сжимая в руках конец гирлянды.

«Ну и дура!» — я посмотрел на свои слова, роняя подсвечник. Она обернулась, глядя сквозь слезы. «Нашла из-за чего плакать!», — дописал я, глядя, как она стиснула зубы и отвернулась. «Марш спать!», — написал я, видя ее попытки снова залезть наверх

— Размечтался! — фыркнула она, шмыгая носом и тут же чуть не сорвалась вниз, оборвав гирлянду. По ее щекам катились слезы.

Не могу на это смотреть! Я просто сейчас поубиваю их. Всех до единого!

«Еще одна слезинка, и я прикончу их!» — читает она на стене, едва шевеля губами.

— Нет! Не надо! — она оглядывается по сторонам. — Я прошу тебя, не надо! Я верю в то, что в них есть что-то хорошее! В каждом! Не надо их трогать! Они же еще дети!

Нет, я абсолютно серьезен. Еще одна слезинка, и я их прикончу. Мне уже надоело!

— Прощу тебя... — прошептала она, спешно вытирая слезы. — Не надо...

Может они в своей жизни видели сотни балов, но я не видела ни одного! Мне не повезло родиться в королевской семье! Да, у меня только одно приличное платье, в котором я хожу на свидания и собеседования! Зачем они так? Ну неужели сложно просто взять и просто помочь? Я чувствовала, как мне хочется все бросить. Мой взгляд упал на гирлянду... Разве можно все бросить? Это же праздник! Настоящий праздник! Я чувствовала, как по щекам текли слезы. В моей жизни никогда не было настоящего праздника! Каждый Новый Год родители готовились, а потом начинали ссориться! Прямо за столом! Мама швыряла салфетки, яростно втыкала вилку в оливье и орала: «Ешьте! А я иду спать! Я целый день у плиты проторчала!». «Ладно, переключу я на твой голубой огонек! — папа швырял пульт на диван. — Смотри, что хочешь!». «Да не надо уже! Весь праздник испоганил!» — кричала в ответ мама, а я сидела и смотрела, как горит старенькая гирлянда на елочке, как мигающие огоньки отражаются в красивых шарах. «Мам, пап, — я пыталась спасти праздник, как могла. — Ну не надо ругаться! Я прошу вас!». «Отстань, Настя! — фыркала мама, переодеваясь из красивого платья в старый домашний халат. — Сиди и смотри своих Деда Мороза и Снегурочку! Ах да, вот твой подарок! С Новым Годом!». В ответ я протягивала две красивые открытки и ежиков, которых делала своими руками. «Поставь в сервант! И так уже Новый Год испорчен!», — отмахивается мама. «Да, да, спасибо!», — зевал папа, даже не разворачивая коробочку. И весь вечер мы сидели в гнетущей тишине обиды, пока все праздновали и радовались... На экране сверкали елочки, звучали песни и все были счастливы.

Я мечтала о том, что однажды в моей жизни будет праздник без ругани, скандалов и истерик. В одиночестве праздник не очень получался, поэтому я просто перестала праздновать. И вот теперь мне впервые так захотелось праздника! Только представьте! Настоящий бал, красивые пары танцуют, везде свет, улыбки на лицах... Я чувствовала себя маленькой Золушкой, которой очень — очень хотелось попасть на бал...

Стиснув зубы, я посмотрела на стену, и снова полезла вешать гирлянду. Дверь распахнулась, а на пороге стояли принцы и преподаватели.

— Так, слезай, малыш, — усмехнулся Лючио, отодвигая меня подальше. — Сейчас покажу, как нужно вешать гирлянды.

Он подбросил ее и пригвоздил конец гирлянды к стене. А потом, полюбовавшись работой, проделал тоже самое со вторым концом.

— Криво! — проскрипела Шарман, глядя на украшения, но ее тут же отодвинул Арден, отмеряя в шагах расстояние между стульями.

— Учтите, здесь будут юбки! Нужно учесть расстояние! — заметил он, выставя стулья.

Принцы оглянулись по сторонам, взяли тряпки и стали надраивать полы.

— Свечи нужно заменить! — слышался голос позади меня. — Что-то у нас тут бедненько! А раз у нас тут бедненько, то должно быть чистенько! Несите вазу из верхней галереи! И гобелен!

Я чувствовала, как в груди что-то трепещет и разрывается от радости, когда мимо меня пронесли напольный подсвечник, а рядом со мной шлепнулась тряпка, оттирая грязные следы.

— Не топчитесь! — бухтели принцы, натирая пол тряпками.

Они одумались и вернулись! Значит, балу все-таки быть! У меня дрожали губы, а я чувствовала, что внутри становится так тепло, так хорошо, что хотелось обнять их всех сразу.

— Да чтоб тебя! — орал дракон, глядя, как Фредерик пытается повесить гобелен с изображением принца и принцессы. — Каких людей вешать? Ты гобелен ровно повесить не можешь! Заладил: «казнить, казнить!».

— Простите, — послышались голоса принцев, заставив меня обернуться. — Мы больше так не будем...

Прощаю! Конечно же прощаю! По щекам текли слезы счастья, глядя как преобразается зал.

«Опять разнылась? Что опять?» — появилось на стене. Нет, нет, я не плачу! Не нужно додумывать за меня!

К вечеру мы все закончили, еще раз полюбовавшись результатом. Пол блестел, весь зал был украшен гирляндами, а вдоль стен стояли стулья. У дальнего конца стояли столы, накрытые белой скатертью.

— Они приедут со своими слугами и угощениями! — заметил Робер, когда я начала паниковать о том, что у нас еще ничего не готово.

Уставшая, я побрела в комнату, прощаясь с принцами и преподавателями, которые улыбались мне и описывали те балы, на которых были, утверждая, что все они — ерунда по сравнению с завтрашним балом!

Я подошла к своему шкафу, выпуская стайку моли и достала мантию, которую планировала надеть. Красивая мантия с золотым шитьем и... Дырой? Это ж как нужно умудриться? А тут еще одна! Я рылась в шкафу, пытаюсь найти что-то приличное, но кроме мантии на какого-то гномика, напоминающей футболку, ничего не нашла... Швырнув все обратно, я села и чуть не расплакалась. Даже то платье, которое посчитали бы бесстыдством работницы портового борделя, было съедено молью.

— Вот так всегда, — грустно усмехнулась я своему отражению в старинном зеркале, сплевывая воду и убирая намокшие волосы с лица. Я стянула с себя серенькую мантию с жабо и попыталась отстирать затертые рукава и воротник, но тут же старая ткань разлезлась. Я швырнула мантию в раковину, хныча, как ребенок. В шкафу лежала огромная, пыльная черная хламида с массивными застёжками... Вот в ней и пойду! Ворон пугать!

Я ворочалась, утешая себя там, что это — бал маскарад, и что я могу быть кем угодно! Хоть королевой ворон! То есть, пугалом! Мало ли? Вдруг на балу будут крокодилы, медведи, жирафы? Растирая слезы об подушку я, задремала, а потом услышала, как кто-то скребется в мою дверь.

На пороге стояла Шарман со свечой.

— Пойдем, красавица! — прокашлялась она, кутаясь в шаль от сквозняков. — Платье тебе выбирать! Как говорится, у счастливой женщины платьев должно быть больше, чем мужчин!

— Никуда я не пойду, — сонно зевнула я, глядя на крестную фею без макияжа, напоминавшую смерть.

— Чего? — проскрипела Шарман, ощупывая голову, на которой затаились в творческом беспорядке три седые волосинки. — Быстрее думай, а то мне голову дует без парика!

Я сглотнула, посмотрела в зеркало, а потом со стыдом согласилась.

— То-то же... Платья нужно менять чаще, чем мужчин! Запомни! — скрипела Шарман, ведя меня по замку. — Мне приходилось менять платья очень часто...

Я сидела в роскошной комнате, напротив меня висел портрет молодой светловолосой женщины изумительной красоты, которая грациозно склонила голову, слегка улыбаясь. На ней было голубое платье, расшитое жемчужинками и маленькая диадема. «Моей возлюбленной М.» — красовалась подпись на портрете.

— Вот, держи! Меряй! — на меня сверху упало платье голубого цвета. Стоило мне только поднять его, как стало понятно, что в нем я могу поднимать стадионы!

— В нем я когда-то соблазнила ... как там его... Эрвальд... Эрвальда Маленького. Ну, для всех он был Эрвальд Могучий, но я — то знаю... — кряхтела над ухом Шарман, пока я прикладывала к себе это миниатюрное платье. Мне в красках описывали процесс обольщения, а я понимала, что не помещусь в него, даже если удастся похудеть на десять килограмм за шесть часов!

— А в этом я соблазнила... Да чтоб тебя! Забыла! Ну разве можно было забыть? Карвера... Эм... Мягкого! О! Вспомнила! Для всех, конечно, он — Карвер Великолепный... — мне бросали платье за платьем, а на столике горела свеча, освещая портрет прекрасной незнакомки, взгляд которой напоминал текущий мед.

Я уже пыталась влезть в алое платье, слыша, как оно хрустит по швам. Потом было синее, черное, зеленое, белое...

— О! Не помню такого! Меряй! — заметила Шарман, бросая мне алое платье, украшенное поясом из алых роз. Платье пришлось впору, правда, в таком виде, я бы не рискнула разгуливать по замку без охраны. Юбка спереди интриговала взгляды, а вот со спины — добавляла торжественности за счет длиннющего шлейфа. Корсет приподнимал грудь, делая талию настолько узкой, словно последний раз я ела еще в детском саду. Зато пунцовая бесстыдная роза на бархотке придавала мне вид чьей-то горячо любимой собачки.

— Как по тебе шито! — воскликнула Шарман, выдавая мне туфли на четыре размера меньше, чем нужно. — Ну, все, иди, отдыхай!

Я вышла из комнаты, сжимая в руках завтрашний наряд и туфельки и кружевную маску.

— Я сделала все, как ты просил, — послышался приглушенный голос Шарман, сопровождаемый скрипом кровати. — Будет она красавицей! Как ты и хотел...

Мои руки сжимали платье, в котором мне предстояло «быть красавицей». Молча идя по коридору и глядя на портреты, разодетые и напыщенные, которые смирили меня взглядами, как блоху, ползущую по ковру, я понимала что красота — это понятие растяжимое, и иногда даже хрустящее по швам. Платье бережно легло на спинку стула, я улеглась на подушку, заворачиваясь в одеяло, подтыкая его со всех сторон, чтобы спастись от сквозняков. Самый главный Сквозняк замка, явно заметит, что я не заполнила журнал и не доделала работу, поэтому...

— Да что ты творишь, сквозняк! — захныкала я, пытаюсь удержать одеяло, которое вдруг решило покинуть меня.

«Кто???» — проступило на стене.

— Сквозняк! — пробурчала я, скрывая улыбку и хватая одеяло. Конкурс по перетягиванию одеяла завершился в мою пользу.

«Какой я тебе сквозняк?!» — проступили на стене буквы, в каждой из которых чувствовалось негодование.

— Ну, — я коварно закусил губу, заворачиваясь в трофейное одеяло. — Ты же не представился. Или ты считаешь, что раз преставился, то представляться вовсе необязательно? Надо же тебя как-то называть? Так что побудешь сквозняком!

В ответ была тишина. Я вздохнула, положила голову на подушку, накрылась одеялом с головой, чтобы он не видел моей улыбки. Вредный, капризный, обидчивый, иногда жестокий, но... Я снова улыбнулась, вспоминая руку, которая нежно проводила линию трепетной нежности по моей щеке и которую я пыталась поймать. Вспоминая смешивались с какими-то грезами, те перерастали в откровенный бред, а я чувствовала, как расслабляюсь и ...

Я проснулась от того, что по моей щеке осторожно водят пальцами. Понимаю, что стоит открыть глаза, как кого-то, как ветром сдует, поэтому старательно изображала спящую красавицу. Чья-то рука осторожно убирала локоны с моей щеки, нежно прикасалась к шее, едва ли не вызывая во мне сладкий озноб. Мне очень хотелось поймать ее, прижать к губам, но пусть думает, что я сплю... Ой, а вдруг он действительно убил свою жену? Пока мои мысли вертелись вокруг чужого брака, я почувствовала, как кто-то нежно прикоснулся пальцем к моим губам. Сомневаюсь. А вдруг он действительно охотился на людей? Нет, не верю! Мне подоткнули одеяло, а в голове промелькнула страшная мысль, что даже если он в свое время, взял на себя почетную миссию гриппа и подсократил численность населения, это было давно и неправда...

Проснулась я, когда на улице было совсем светло, сладко вдыхая предвкушение праздника. Напялив старую хламиду, взяв в руки ежиков, я потащила их в зал, осторожно приоткрывая дверь. Нужно их красиво расставить, пока не поздно...

— А вот и она! — послышался хохочущий мужской голос, а на меня смотрели разодетые гости, вокруг которых суетились слуги, поправляя хозяйские наряды.

— Как замечательно! — стали наперебой охать родители, разглядывая взъерошенную меня с коробочкой «подделок под поделки». — Не может быть! Неужели их сделали наши мальчики? Как мило! Вы только взгляните!

Я выгрузила ежиков с записками на стол, а родители бросились искать «своих». Принцы смотрели на ежиков так, что хотелось познакомить их: «Дорогие принцы, это — ежики, которых вы сделали! Дорогие ежики! Это — принцы, которые вас слепили!».

— Да он стоит целое состояние! Еще бы! Наш сын сделал его своими руками! — склонились над очередным «шедевром бессонной ночи» родители. С седовласого короля чуть не слетела корона. — Молодец, сынок! Твой дед, помнится, любил рисовать! Ты весь в него!

— Поверьте, матушка, это нелегко, — рассказывал Фердинанд Третий, глядя на своего ежа. — Но я делал его с любовью, для вас... И все время думал о нашем королевстве...

— Сыночек! — задыхалась от слез умиления скуластая брюнетка в синем платье, расшитом жемчугом, обнимая своего сына. — Он дороже всех бриллиантов! Несите золотой поднос! Бережно! Очень бережно! Его делал мой сын! Главное довести его в целости и сохранности! Если хоть одна веточка с него упадет, я вас всех казню!

— Горжусь! — потрепал по голове пузатый отец-король черноволосого Фердинанда. — Так, а где твоя корона? Почему ты не носишь корону? Не порядок!

— Какой-то у вас он корявый, — заметил худой, как жердь король с длинным носом, поглядывая, как очередные слуги благоговейно воздают почести моим ночным бдениям. — Осторожней! Несите осторожно! Если с ежиком что-то случится, то я вас повешу!

— Да как ты смеешь! — сверкнул глазами пузатый король, надвигая на лоб корону, сурово нахмутив брови. Он даже грудь выпятил, гневно глядя на своего оппонента, который тоже подбоченился и задрал голову, бросая взгляд, преисполненный высокомерия. Слуги ставили ежа на золотой поднос, боясь дыхнуть в сторону «шедевра». — Это — оскорбление государства! Оскорбив ежика, которого сделал мой сын, вы только что нанесли оскорбление всему королевству! Я требую извинений! Официальных! Немедленно!

— Извинений? — усмехнулся замкорощенный эксперт по ежам. — За что извиняться? Вы прекрасно понимаете, о чем я! Ваш ежик по сравнению с нашим ... уродец... Тут и так все понятно!

— Да как ваш язык повернулся! — негодовал пузатый, сжимая кулаки. — Оскорбить то, что делал мой сын своими руками! Я этого так не оставлю! Я объявляю вам войну! За оскорбление! Пошлите гонца! Пусть собирают войско! Ничего, сынок! Мы им покажем, где ежики зимуют! За нашего ежика мы кого угодно растопчем!

Слуги тощего короля тоже уже почти погрузили ежа на поднос, прикрывая платочком с золотой вышивкой.

— Вот что это за ежик? — ехидничал пузатый, тыкая в него пальцем. — Глаза косые! Видимо, с вашего прадеда лепили! Помню-помню его портрет! Норманд Косоглазый!

— Гонца, срочно! — заорал тощий, оборачиваясь на слугу, который застыл в состоянии услужливого идиотизма. — Пусть собирают всех! Не бывать такому, чтобы оскорбляли наших предков, нашу историю и нашего ежика! За такое вы ответите! Война!

У меня есть подозрение, что об истинных причинах столетней войны историки деликатно умолчали, пытаюсь пощадить здравый смысл!

— Может, не надо, — вмешалась я, мило улыбаясь, глядя, как мимо меня, словно падишаха несли очередной шедевр. Я впервые завидовала ежику, глядя, с каким трепетом, гордостью и помпезностью целая делегация слуг переносила его в сторону кареты. Ежик смотрел на меня глазками-бусинками, войдя во вкус красивой жизни, пока я пыталась утихомирить разбушевавшиеся стороны будущего вооруженного конфликта, к которому подключались остальные родители.

— По-моему, — лепетала я, понимая, что сознаваться нельзя ни в коем случае. — Они все хороши!

— Я вас очень благодарю, — заметил толстячок, провожая нехорошим взглядом «кровного врага». Рядом с ним стояла его негодующая супруга и две молчаливые девушки в коронах, опустив глаза и смиренно изучая наш начищенный до блеска пол. — Вы, хоть и молоды, но... Лучшего ректора мы и представить себе не могли. Мой сын столько рассказывал о вас! Примите мою благодарность за то, что...

— Заботитесь о нем, как о своем сыне, — уронила в платочек слезу королева, усиленно пытающаяся сохранить следы былой красоты. — Мы очень тронуты заботой! Поначалу, конечно, мы сомневались, но теперь понимаем, что сколько вы сделали для нашего мальчика... Ах, мой супруг куда более красноречивей меня...

Я чувствовала, как на губах появляется улыбка. Это так приятно, когда понимаешь, что твои усилия не прошли даром...

— Вы спасли нашего сына! — меня уже оттащили в сторону, а я предстала перед пухленькой королевой в алом наряде, рядом с которой терся сгорбленный старик. Позади супружеской четы молча стояла толстенькая, низкорослая, светловолосая девица в короне, опустив глаза и откровенно скучая. — Я даже не знаю, как благодарить вас за это... Лес... Ночь... Он все нам рассказал... Примите нашу благодарность! Просто слов не хватает выразить ее!

Я улыбалась, чувствуя, как в душе становится тепло-тепло. Оно действительно того стоило!

— Нет, ну вы посмотрите! Наша ректорша! — рассмеялся большой и толстый король, с которого чуть не слетела корона в тот момент, когда меня обняли. — Я — отец Айрона!

Примите мою благодарность! Я вообще не привык кого-то благодарить, но за спасение сына, за то, что заступились за него, эм... я бы пожаловал вам титул! Да! Как на счет ... эм... маркизы? И замок! Обязательно! За...

Меня уже тянули в другую сторону, а до меня доносилось: «Гербовая карета! Да! И право передачи титула по наследству!».

— Нет, я разгоняю все целителей! Толку от них никакого! Вы сумели исцелить моего дорогого сына от страшного заболевания! — передо мной стоял суровый король с окладистой бородой. — Немыслимо! Мои целители годами не могли его исцелить! Микстуры, припарки! А тут вы ... раз... И болезнь, как рукой сняло!

— Флориан у нас очень болезненный мальчик, — причитала сухонькая королева с припудренными на лице морщинам. По белилам стекала слеза, которую тут же вытирала служанка, нанося новый слой из золотой пудреницы. — С детства болел! Мы думали, что не выживет, но...

— Скажете по секрету рецепт, а то у меня спину тянет, — подмигнул мне король, улыбаясь и пожимая мою руку. — Поверьте, я осыплю вас золотом! Нет, ну надо же! Флориан теперь здоров! Как приятно знать, что мой сын теперь абсолютно здоровый!

Родители рассыпались в благодарностях, мимо меня проносили ежей, а я чувствовала, как по щекам едва ли не текут слезы какой-то странной радости.

— Не может такого быть! Молодец, Эрих! Вот это я понимаю! — басил какой-то король.

— Но если дела в королевстве идут неважно, то можно просто свалить все на министров! — распинался юношеский голос.

Впервые в моей жизни, исключая работу за «спасибо», меня действительно благодарили. И от этого на душе становилось так легко, так тепло и так светло, что я чуть не расплакалась от какого-то внезапного приступа вдохновения.

— Покажи ему! — послышалось за моей спиной вместе со звоном мечей. — Заходи слева! Давай, сынок! Так его!

Фердинанд первый дрался на мечах с каким-то слугой, который откровенно поддавался, но при этом делал вид, что сражается в полную силу.

— Ваше Величество! — подобострастно заметил слуга, когда его «урунили» на пол и «пронзили мечом», одержав полную и безоговорочную победу. — Ваш сын прирожденный фехтовальщик. Такого мастерства я еще никогда не видел!

Герой стоял, тяжело дыша и гордо вскинув голову. В его руках был меч, который упирался в грудь внезапно упавшего противника.

— Браво! Браво, сынок! — умилялась большая, массивная королева со скошенным подбородком, прижимая платочек к губам. Подле нее стояла молчаливая, тоненькая, как тростиночка девушка с короной, с улыбкой глядя брата.

— Министры! Да как они смеют! Я проверю! — негодовал бас позади меня. — Обворовывают казну? Я всегда подозревал, что они не чисты на руку! То-то я думаю, почему народ не доволен? Нужно проверить! Все проверить! Молодец, сынок!

Позади меня стоял красивый, словно сказочный король в роскошном синем одеянии, нахмурившись так, словно узнал о государственной измене, а перед ним стоял тот самый рыжий ловелас с «ручной кладью». Юстиниан с видом телеведущего скандального ток-шоу в красках описывая схему воровства из казны.

Гости разбредались по замку, переговариваясь и слушая рассказы принцев. Я заметила, что рядом с каждым были какие-то странные, одетые не по придворной моде, люди, которые постоянно оглядывались по сторонам.

— Где придворный маг? — слышался голос в конце коридора. — Пусть живет шевелит ногами! В этом замке есть темная сила! Пусть всегда будет начеку!

Я стояла и смотрела на портреты, мимо которых раньше носилась, не обращая внимания. Короли и королевы целыми семьями, так, словно листая чужой семейный альбом, обсуждали тот или иной портрет, отлично разбираясь в эпохах и моде.

— Видите голубую розу? — ко мне подошла королевская семья с целой свитой. — Это — символ несбыточной мечты. Ее рисуют на портретах тех девушек, которые мечтали выйти замуж за принца. Посмотрите на эту красавицу. У нее в руках — голубая роза.

Я уставилась на брюнетку с огромными, ясными глазами, сжимающую в руке красивую розу. Несколько капель крови проступило на ее тонких пальчиках, не смотря на то, что лицо у нее оставалось спокойным и каким-то отрешенным.

— А кровь означает, что она поплатилась жизнью за свою мечту, — заметил какой-то странный, я бы сказала, стремный мужчина в мантии, нехорошо улыбаясь в мою сторону. Обладая такой улыбкой, лучше избегать работы в дошкольных учреждениях. Казалось бы, в его лице нет ничего отталкивающего, если бы не тяжелый взгляд и улыбка, от которой по коже бегут мурашки.

Королевская семья прошла дальше, а маг в черном остался рядом, глядя на портреты.

— Приятно познакомиться, ректор. Маг, чародей при дворе Его Величества, короля... — прослушала я, краем уха, пытаюсь инстинктивно держаться подальше от этого типа. — Голубые розы столь редки и капризны, что их может позволить себе только королевский двор. Занимательно, что когда принц дарит влюбленной в него девушке голубую розу, это означает, что он намекает ей о том, что ее мечта никогда не сбудется.

Перед глазами промелькнула роза, которую мне принесли в качестве извинений и надбавки за вредность чужого характера.

— А если девушка не примет ее? — поинтересовалась я, стараясь не смотреть в сторону мага. — Например, не возьмет в руки?

— Это означает, что она готова сражаться за свою любовь до последнего! Всего-то! — рассмеялся маг, а у меня хватило смелости взглянуть на него. Он вовсе не такой зловещий, как мне показалось на первый взгляд. Я честно решила поделиться своим настроением, подарив ему пусть слегка натужную, но вполне искреннюю улыбку.

— А-а-а, — протянула я, крепко задумавшись и подозрительно приглядываясь к стенам.

— Поэтому, принц любой ценой и под любым предлогом пытается отдать ей эту розу... До встречи на балу!

Маг удалился, махнув мне на прощание рукой, а я осталась смотреть на портреты. Я действительно многого не знаю об этом мире и его традициях, но зато знаю одно наверняка! Мне нужно успеть искупаться и переодеться к балу, который вот — вот начнется!

Я влетела в кабинет, разве что не на крыльях, расцветая улыбкой истинного счастья. Мое отражение в пыльном и старинном зеркале светилось радостью. Я улыбалась черному шкафу с пыльными книгами и журналами, улыбалась массивному столу, все еще сохранившему разводы глины, улыбалась портретам хмурых ректоров, порхая по кабинету и не скрывая свою радость... Это так невероятно, когда тебе удастся то, что не удавалось твоим предшественникам! Даже туман за окном казался таким милым, не смотря на противное карканье ворон.

Ванна была наполнена горячей водой, а я намыливалась и смывала пену с волос. Еще немного времени, чтобы высохнуть и... Я вздохнула, пряча улыбку. Он хочет, чтобы я была красивой... По-настоящему красивой... Мой палец ковырял ободок ванной, пока я вспоминала тех молодых людей, чьи стандарты красоты измерялись старой футболкой, тусклыми волосами, засаленным, пропахшим жареной картошкой халатом, вечно орущих: «Ты куда вырядилась?». Я вытерлась, чувствуя, как улыбка все не сходит с моего лица, и стала натягивать платье...

Крак! Оно затрещало по швам и разошлось, обнажая еще больше прелестей за ту же цену! Прямо акции и скидки для любителей неглиже! Да что там скидки! Я посмотрела на грудь, которая вывалилась полностью. Тут прямо черная пятница! Я схватила мантию,

пытаясь застирать рукава, но жабо отвалилось, обнажая ветхие нити...

В дверь раздался стук, от которого я экстренно стала натягивать мантию.

— Кто там? — поинтересовалась я так, словно меня оторвали от очень важных документов.

— Все ждут вас! Без вас бал не начинаем! — произнес голос. Я стала быстро снимать мантию, чувствуя, как она расходится по шву... Все! Это была моя последняя одежда! Отлично! Просто замечательно! Теперь единственный доступный мне маскарадный костюм, — костюм Евы! А что? Срам можно смело прикрывать журналом!

— Без вас не начинаем! Негоже заставлять монархов ждать! — заметил чей-то слуга, барабана в дверь. Мой взгляд упал на белые простыни кровати... Говорят, что в замке живет привидение... Ну-ну!

Одну простыню, я обмотала вокруг груди, а другую накинула на плечи. Поверх мокрых волос я надела черную кружевную маску, удачно скрывающую круги под глазами от бессонных ночей. Судя по размеру ноги мадемуазель Шарман, могла запросто пнуть с пьедестала Золушку, поэтому я решила идти босиком, как и подобает маленькому привидению.

Самое страшное было сделать шаг в коридор, но стоило приоткрыть дверь, как чужие слуги тут же стали подобострастно восхищаться моим костюмом. Я вошла под дружные аплодисменты, чувствуя, как пол холодит ноги и как норовит упасть с меня нижняя простыня.

— Bravo! — выкрикнул чей-то женский голос. — Замечательный костюм! Это утопленница?

— Нет, — слегка смутилась я, чувствуя себя футболистом, набивающим на ноге репутацию. — Говорят, что в этой Академии полным-полно привидений! Так вот, следуя традиции, я решила нарядиться одним из них. Если честно я долго думала над костюмом, а потом решила, что скромность и традиции украшают ректора!

— Вот это выдумка! — восхитилась публика, а я слегка расслабилась.

Танцы чередовались разговорами, по залу разгуливали слуги с кубками, учтиво предлагая их всем присутствующим. Я тоже взяла кубок, сделала глоток и почувствовала, что маленькое привидение оживает.

— Ой, эти туфли так жмут! Я вам так завидую! Вы босиком! Ну это ж надо было так придумать! — жаловалась мне разодетая в пух и горностаи моложавая королева, а я чувствовала, что мои губы требуют срочного отпуска, в связи с застывшей на них улыбкой. Я не придумала ничего лучше, как подходить ко всем кучкам и с улыбкой произносить: «Благодарю вас за вашего сына!». По — крайней мере, так делал мой подслеповатый ЗАУЧ, рассыпаясь в благодарностях перед моими родителями «за столь чудесного мальчугана!».

Снова объявили танцы. Принцы долго и пристально осматривали руки своих девушек, а мне протянул руку очередной слуга, предлагая потанцевать. Привидение не танцевало, деликатно отказывая всем желающим и придерживая на груди простыню. Возле портьеры стояло нечто, отдаленно похожее на угрюмого некроманта в маске смерти. Взъерошенная смерть держала бокал, причмокивая и задумчиво глядя в сторону гостей.

Мне, как настоящему привидению, смерть, от которой шарахались все присутствующие, была как бы не страшна, поэтому я решила подойти поближе. Тем более, я уже догадываюсь, кто у нас спрятался под маской.

— Винсент? — поинтересовалась я, игнорируя косые взгляды, брошенные на встречу двух потусторонних существ.

— Я вот думаю... Тебе вино не горчит? Попробуй! — мне протянули свой бокал, откуда я сделала большой глоток, облизывая губы. — Привкус полыни...

Я еще раз облизала губы, пытаюсь понять, где в вине эта самая горечь. По сравнению с

тем, чем меня обычно поили, это было самое изумительное вино на свете...

— А вот мне горчит, — философски заметила Смерть, в тот момент, когда нас чуть не зацепили роскошными юбками танцующие пары. — И чувствуется небольшое послевкусие, похожее на лаванду... Но это — не лаванда...

Мимо нас осторожно шел слуга, с подноса которого мы сорвали еще один кубок. Винсент сделал глоток, причмокивая и отдавая мне бокал.

— И здесь так же... — вздохнул он. — Значит, все-таки яд у меня на днях пропал неспроста... Именно он... Я его чувствую!

— Что? — прыснула я вином на стену, глядя во все глаза на преподавателя по ядам, который, грел в руках свое пойло. — Вино отравлено? И ты молчал?

Красивая музыка лилась от придворных музыкантов, устроивших битву оркестров. Грянули духовые, пока я пыталась утащить смерть за портьеру и познакомить ее с ее тезкой!

— Да, сегодня утром я не досчитался четырех флаконов с концентрированным ядом, — исповедовалась перед смертью Смерть, пока я прижимала ее к стене.

— Сколько времени у нас есть? — шепотом наседала я, понимая, что занавеска, которая подозрительно и ритмично вздрагивает, невольно вызывает больше вопросов, чем ответов, но другого выхода не было.

— Этот яд начинает действовать через... сутки. Тошнота, головокружение, а потом остановка сердца, — услышала я приглушенное. Мои руки отпустили отвороты камзола, а я выдохнула. Время еще есть!

— Живо! Собираем всех преподавателей по залу! Никто не должен знать, что в моей академии травят гостей... Главное — не допустить паники! Иди в свой кабинет, ищи противоядие, а я соберу остальных! Все будет хорошо! Без паники! — скомандовала я, понимая, что последние слова я адресовала себе, чувствуя, как мое сердце качается на невидимых качелях, заставляя дрожать коленки и трястись руки. Я двинулась прочесывать зал в поисках педсостава.

Рядом с сухонькими мощами какого-то королевского родственника крутилась мадемуазель Шарман. Роскошно одетого, лысого и трясущегося старичка придерживали с двух сторон молчаливые слуги. Любовь поразила их, как insult, подкралась незаметно, как инфаркт миокарда...

— Молодой человек, — кокетливо приставала к «ловеласу» Шарман, зыряя куда-то в зал. — Не хотите ли сделать мне комплимент?

Разодетый старичок моргал белесыми глазами, глядя на кокетливые ужимки. — Да вы — шалунишка! — наиграно смеялась Шарман, прикрываясь веером и снова зыряя в ту таинственную сторону. — Умеете ухаживать за дамой! Да что вы говорите? Неужели? Затежник!

Дедушка пытался открыть рот, но у него ничего не получалось. Я видела, как у него тряслись руки, как нервничали слуги, глядя, как по дорогим штанам «затежника» растекается пятно «восторга». Да, с развлекательной программой у нас все в порядке.

— Ох, умеете вы соблазнять девушку! — кокетливо и нарочито громко хихикала Шарман, опять глядя куда-то и кого-то высматривая. Неподалеку мелькнул красный камзол. — Как на счет...

Она наклонилась к его уху, прикрыв губы веером, а потом жеманно отстранилась. Глаза старичка округлились, а потом он грохнулся на пол, сделал последние конвульсии и ...

— Да, — заметили родственники. — Сто лет, как-никак! А все еще ни одной юбки не пропустит!

Я схватила Шарман за сухонький локоть, она удивленно обернулась ко мне, глядя одним нормальным, а другим — слипшимся от кокетства глазом.

— Пойдемте, нужно срочно поговорить! — выдохнула я на ухо, глядя, как слуги суетятся вокруг дедушки.

— Я все еще сногшибательная женщина! Настолько сногшибательная, что мужчины вот так запросто падают к моим ногам... — гордо заметила Шарман, обмахиваясь веером.

К удивлению родственников дед зашевелил пальцами, протянул руку в сторону уходящей куртизанки-партизанки, которая гордо вскинула голову, чуть не уронив парик.

— Я вас только что бросила и разлюбила! — жеманно заметила Шарман, демонстративно удаляясь. — Вы для меня слишком темпераментны!

Я вытащила ее в коридор, где уже стоял задумчивый Винсент, а потом снова нырнула в толпу, улыбаясь всем, кого вижу. Девушки смотрели на кого-то в маске такими глазами, что я сразу догадалась, что это кто-то из наших. Маленькое привидение схватило героя дня холодной рукой, как бы намекая, что пора сменить высший свет на свет в конце туннеля!

— А можно я еще потрогаю ваш хвостик? — кокетливо закусил губу красавица в белом, томно глядя на «зайчика-лапочку». На меня смотрели холодные глаза, а под маской невинного зайчика была видна фирменная улыбка мерзавца.

— Люцио, — прошептала я, глядя на девушек, которые тихо млели до состояния, что их можно сливать в одну баночку и клеить этикетку: «Я собиралась любить тебя вечно!». — Давай в коридор, пушистик! Иначе я тебе хвост оторву! Давай, давай! Прыгай-прыгай!

— А как на счет поцеловать морковку? — меня приобняли за талию, склоняясь ко мне. Я ничего не имею против диет, но ... Так!

— Я просто проверил, материальна ты или нет, — сладко шепнули мне на ухо, дыша винными парами.

— Заяц, я сейчас тебе быстро косоглазие сделаю! Дуй в коридор! У нас проблема! — я вытолкала Люцио к остальным, снова ныряя в толпу и высматривая очередного красавца.

Я видела широкую спину, которая вызывала трепет у всех девушек, в особенности у скромных принцесс. Они скрывали свой румянец веерами, прятали глаза, чтобы тут же жадно впитаться взглядом в косую сажень в плечах, на которых покоились золотистые локоны. Я уже собиралась положить руку на плечо, как вдруг он обернулся и резко схватил меня.

— Попалась, девочка! — рассмеялся дракон в маске самого себя, опуская пустой бокал на золотой поднос. — Или ты у нас — рыцарь? Ну что ж... Если ты рыцарь, то я не против сразиться с тобой один на один... Поверь мне, в этой битве ты запросишь пощады... Но я не собираюсь быть милосердным!

Как же вы мне все дороги! Жаль, только ни один ломбард не принимает!

— Быстро у нас тут ЧП! — фыркнула я, отбиваясь и пытаюсь удержать простыню, под которую настойчиво пыталась залезть бессовестная драконья рука... — Давай быстрее!

Я волокла его за рукав в коридор, продолжая мило улыбаться гостям. Где-то я видела корсара, который мужественно бороздил море восхищенных девушек.

— Я не целую руку, на которой меньше золота, чем на моей, — шептал с придыханием покоритель морей, склоняясь к руке моложавой королевы, которая закусив губу, поглядывала в сторону захмелевшего супруга. «Не порядок! Я же говорю, что на охоте важен крупный зверь! Это же королевская охота!», — размахивал кубком ее супруг перед благодарными слушателями из числа особо приближенных.

— Так, дорогой мой! — прошипела я, улыбаясь королеве. — Ваше Величество, я беру ваш корабль на абордаж!

— Да ты что, — Робер склонился к моей щеке. — Неужели прямо на абордаж... А что будешь делать с пленниками твоей красоты?

— Сундук захлопни, а то сокровища выпадут! — скривилась я, таща его к выходу, и оглядываясь по сторонам в поисках Ардена.

— Хочешь, я покажу тебе, где лежит клад? — меня попытались обнять, пока я дарила дежурную улыбку всем вокруг.

— Лучше карту нарисуй острова свекровищ! — огрызнулась я, вытаскивая его в коридор. — Стоять здесь! Остался Арден... Так! Где-то я его видела!

И снова объявили танцы, я метнулась в зал, выискивая взглядом преподавателя по этикету... Его найти будет сложно... Я заметно нервничала, чувствуя, как сползает с меня дежурная улыбка, сдавая дежурство гримасе ужаса. Кажется, он... Прямо сейчас приглашает на танец какую-то придворную даму. Та нарочно отказывалась, гримасничала и кокетничала.

— Извините, — сладко заметила я, пробиваясь в сторону пары. — Простите! Я не нарочно! Ой, вы сегодня выглядите просто великолепно!

Я была у цели, слушая, как красавица нарочно отклоняет предложение, требуя еще больше комплиментов в свой адрес. За то время, пока она выпендривалась, можно было пройти полное медицинское обследование.

— Ну что, милая! Пока ты ломаешься, мы танцуем! — сладенько заметила я, хватая Ардена за рукав и волоча его по паркету, среди танцующих пар.

— Не обращайтесь внимания, — улыбалась я, глядя на изумленные взгляды. — Это новый танец! Называется «Это — моя добыча». Движения просты — хватаете мужика за ... За что дастся, а потом ... Ну впрочем, вы поняли...

— Я бы наказал тебя за такую дерзость, — на меня смотрели подернутые туманом серые глаза, а рука прижимала меня к себе. — И несоблюдение правил этикета! Думаю, что одного танца в качестве наказания будет вполне достаточно! Хотя, я сомневаюсь, что мы ограничимся только танцами...

Я понимаю, что еще немного и тут начнется такая дискотека, что хоть мертвых выноси, поэтому тянула Ардена в сторону коридора, обещая ему такие танцы с бубном, что позавидуют даже шаманы крайнего севера.

— Все в сборе? — я окинула взглядом маски, прищурилась и потащила делегацию в кабинет Винсента.

— Кто пил вино? — поинтересовалась я, пока Винсент рылся в своем шкафу.

— Да как вы могли подумать! Мы же — преподаватели! — возразил мне клуб трезвенников, язвенников и любителей здорового образа жизни, пока я с улыбкой пояснила, что так даже лучше, ибо противоядия на всех не хватит! Что тут началось... Особенно после слов растерянного Винсента, что противоядия сто процентов не хватит, ибо оно исчезло!

«Молодцы!» — появилась огромная надпись на стене. А потом кто-то подумал и написал: «Если что, умирать не так уж и больно! Но... приятного мало!».

— Да ищу я, ищу! — возмущался Винсент, отмахиваясь от кинжала, который Лючио приставил к его горлу. — Не мешайте! Есть несколько вариантов противоядий... Только они должны настаиваться примерно месяц!

Эта столь важная информация, порадовала и очень обнадежила всех присутствующих.

Глава четырнадцатая

Призрак любви

Дорогие родители! Я — классный руководитель! У нас все прекрасно! Нужны только шторы для класса, И новенький стенд, и картины, И как в магазине витрины, И краски, и лаки для парты, На стену — огромные карты, Два глобуса, тюль, ламинат, проектор и стенд для наград, Проектор, доска и экран, Не мне это нужно, а вам! На месте не мнется прогресс! Такой вот учебный процесс!

— Вот! Нашел рецепт! Тут всего лишь неделя! — как-то радостно заметил Винсент. — Это — самый быстрый рецепт! Других нет! Хотя... Можно попробовать дать им сырой ингредиент... Он тоже действует, правда вкус у него...

Винсент выволок мешок с каким-то коричневым содержимым... В тот момент, когда мешок раскрылся, где-то холодным потом облился Дед Мороз, глядя, как ребятишки канючат подарки. Возле мешка образовалась давка, а потом раздались такие комментарии, от которых хотелось отвести не только душу на ком-нибудь, но и впечатлительных детей на расстояние пару километров.

— Гадость! — заметила Шарман, разглядывая нечто коричневое и кривясь. — Что это?

— Фу! — кашлял Арден, прижимая платочек ко рту, пока рядом бледнел Робер, что-то мужественно разжевывая и сглатывая. Рядом морщился дракон, дыша, как после рюмки горячительного и пытаясь занюхать рукавом. Мадемуазель Шарман категорически заявляла, что лучше умереть, чем есть «это», закатывала глаза и истерику, но при этом, украдкой пытаясь прожевать противоядие.

— Вот поэтому приходится настаивать, — вздохнул Винсент, а я понимала, что придется настаивать на том, чтобы меня торжественно отправили на раннюю пенсию!

Я смотрела на сморщенную коричневую штуку на ладошке, напоминающую мою жизнь, а потом потянула ее в рот, понимая, что жить мне хочется, а жевать тем более... Тьфу! Я даже проглотить эту гадость не могу!

— Я же говорил, — зевнул Винсент, глядя на наши мучения. — Вот только не спрашивайте, что это...

Мысль о том, что парочка сотен трупов уютно лягут братской могилой шпрот на мою совесть, заставила меня похолодеть. Мой услужливый мозг, решил подкинуть мне пару идей, от которых сжался сначала желудок, потом самооценка, требуя подписать заявление на увольнение немедленно и задним числом! То, что эта гадость уже прошла клинические испытания чьим-то желудком, сомнений не вызвало. Пока где-то плакали, кололись и доедали кактус оголодавшие мышки, я с горечью осознала, что у нас теперь есть одна большая тайна на весь трудовой коллектив. И вообще, нужно было начинать учебный год со слов: «хлебнуть придется нам придется сполна...»

«Это — гриб», — появилась надпись на стене, заставив самооценку воспрянуть духом. «Но его название тебе не понравится! Так что лучше не спрашивай!», — зловеще дописал призрак, заставив содрогнуться мой несчастный желудок.

Можно, конечно, выйти и радостно сообщить всем: «господа, вы отравлены!» А потом прыткой белочкой пробежаться с корзиночкой среди гостей, предлагая побаловать желудок и нервную систему новым испытанием, искренне желая всем и каждому приятного аппетита. Тогда не мудрено будет, если к моей махровой халатности, допустившей такое безобразие, добавятся дизайнерские белые тапочки.

Где-то в воздухе витала идея организовать конкурсы на поедании этого грибочка, но тут же, где-то неподалеку витал запах скандала международного значения. «Гриб или черный ящик?» — мысленно спрашивала я, чувствуя себя маньяком-затейником. Так или иначе, правду нужно преподносить под правильным соусом!

— Сейчас мы объявим конкурс поваров! — сориентировалась я, вспоминая шоу. — И каждый должен продегустировать блюдо!

Я бросилась в зал, который гудел ульем, обсуждая будущую войну. К ней уже подключились и другие государства. Прямо на столе между угощениями подписывался и скреплялся печатками договор о «Военном Альянсе Ежиков».

— Дамы и Господа! Короли и Королевы! — выкрикнула я, улыбаясь. — Я вижу, что вы привезли с собой поваров! И все уже отведали изумительную кухню каждого королевства. Поэтому я хочу предложить вашим поварам сразиться в кулинарном поединке!

Все тут же обратили на меня внимание, захлопав глазами. Танцы уже наскучили, а тут я со своей культурной-программой.

— Призрак, — прошептала я, а рядом появилась маленькая надпись: «Что?».

— Мне нужна твоя помощь! Поможешь в оформлении конкурса? — елеяно попросила я, глядя, как меркнет надпись. — Там нужно совсем чуть-чуть... Совсем немножко... Чтобы было красиво и торжественно...

«А что мне за это будет?» — поинтересовался будущий дизайнер-оформитель-проектор и ответственный за спецэффекты по совместительству, требуя заслуженный гонорар.

— Мы тебе положим самую большую порцию! — попыталась заинтриговать я.

«Не пойдет!» — заставила меня задуматься надпись. Нет, если был бы кетчуп, то пошло бы, как дети в школу, а так...

— А что ты хочешь? — подозрительно прищурилась я, глядя на стену.

«Ты будешь слушать, что я тебе говорю!», — прочитала я, представляя, как пашу землю вокруг замка, отмываю коридоры Золушкой в предпоследней стадии эксплуатации и прочие идеи по разнообразию досуга, после которых хочется воскликнуть: «Ах, увольте меня!». И интенсивно замахать веером, в надежде улететь подальше от эксплуататора.

— Ладно, — нахмурилась я, но тут же расцвела улыбкой, обращенной к аудитории. — Я не шучу! Вы же всегда хотели знать, чей повар лучше?

На стене появилась надпись: «Конкурс поваров!», заставив всех дружно захлопать. Рядом с надписью появилась какая-то кашка, от которой идет пар.

— Что это? — шепотом сглотнула я, глядя на неаппетитный логотип.

«Пирог» — размашисто подписал картину очень скромный художник.

— Да, — я грустно посмотрела на шедевр кулинарии, за который оторвали бы руки любому дизайнеру меню. — Я знаю, почему ты злой. У тебя было действительно тяжелое детство!

Зал совещался, а я пыталась понять, нравится ли им моя идея. В итоге все сошлись на том, что идея — замечательная. Повара, которых срочно пригласили в зал, стояли в стойке смирно.

— Но... — улыбнулась я, глядя на будущих дегустаторов. — Наш конкурс будет называться...

На стене уже появилась надпись: «И бал в рот!». Ладно, хорошо, я почти согласна.

— У нас есть очень редкий, но очень полезный ингредиент! Еще никому не удавалось приготовить его так, чтобы все облизали пальчики! — распылялась я приторно сладким освежителем воздуха. — Так что это — настоящий вызов для кулинаров! Вы готовы защитить честь своего королевства? Готовы! Винсент! Неси мешок!

Пока вокруг мешка толпились гости, разглядывая грибы. Если бы я однажды разрабатывала план холодной мести, то, поверьте, в космосе было бы теплее.

— Это — редкий гриб, который называется... — улыбнулась я, пока повара пробовали на

вкус и гастрономически ужасались. В их глазах я уже была кем-то сродни кровожадного тамады, требующего моральных унижений в каждом конкурсе. Винсент развел руками, когда я уставилась вопросительно на него.

— Придумай какое-нибудь приличное для гриба название! — прошептала я, оборачиваясь.

«Подсос...» — проступило на стене.

— Эм? — сглотнула я, пытаюсь заслонить надпись на стене собой

«Что тебе не нравится? Подсосенник! Я просто сократил! Есть же подосиновики, есть подберезовики, а у нас — подсосенник!» — ответили мне.

— Я назову его своим именем! — орала маги, отсыпая себе условно съедобный гриб для будущих диссертаций. — Я первый напишу про него трактат! Руки прочь!

— Вы готовы? У вас есть... — я снова пытаюсь придать своему голосу нотки наигранной жизнерадостности, поглядывая на Винсента, который с грустью и обреченностью смотрел куда-то вниз.

— Эм... Время... до полшестого! — торжественно объявила я. — До полшестого мы ждем ваши шедевры, чтобы каждый из нас попробовал его и смог выбрать лучшего повара!

— Вообще-то, я показывал тебе, что до полуночи, — заметил Винсент. — На пальцах показывал. Ах, извините! Ладно, чем быстрее, тем лучше!

Повара нагребли грибов и удалились, оставив меня в мучительном ожидании. Начались танцы, а меня почему-то никто не приглашал. Я нервничала, переживала, глядя на танцующих гостей и на часы. Хоть бы получилось! Хоть бы получилось!

Пробило полшестого, а повара торжественно вносили закуску, которую поочередно пробовал каждый. Теперь я понимаю, что значит королевская гордость, когда видела довольные улыбки с которыми дегустируют новое блюдо, заставляя всех родственников и слуг принять посильное участие в очищении подноса.

— Вы точно уверены, что все попробовали? — игриво заметила я, понимая, что победила дружба. Дружба меня и смекалки. — А ну-ка, давайте! Все должны попробовать!

Я торжественно ела с каждого подноса, рассыпаясь в восхищении, заметила, что такого еще никогда не бывало, чтобы победили все повара сразу! Еще минут десять меня смело можно было назвать тем самым вазелином, который сглаживал шероховатости внешней политики. Результат вполне удовлетворил всех присутствующих, а кто-то даже распробовал, требуя, чтобы это блюдо прочно обосновалось в королевском меню!

Время летело незаметно, заставив меня немного расслабиться. Мы даже спели хором песню, которую разучивали, повергая всех присутствующих в овации и истерику. Как только мы закончили свой скудный репертуар, один из королей ударил ножом по кубку.

— Обычно приятно благодарить за бал после бала, но это было настолько чудесно, что мы решили поблагодарить вас прямо сейчас! — послышался голос, сопровождаемый звоном колокольчика.

Все смотрели на меня с улыбками, получая в ответ ту самую дежурную улыбку, которая намертво прилипла к моим губам.

— И этого бала не было бы, если бы не наша замечательная ректорша! — растроганно заметил чей-то отец, едва ли не утирая скупые слезы. — Поэтому мы решили подарить вам подарок! Внесите подарок! Дверь открылась, а на пороге появились слуги с большой, украшенной самоцветами, шкатулкой. Подарок от родительского комитета? Ничего себе! Я даже не думала, что их благодарность будет измеряться не только словами!

— Мы ошибались в вас, дорогая ректорша, — в центре зала, куда меня торжественно пригласили, стоял седовласый король. — Вы — лучший ректор, которого мы могли бы себе представить!

— Так заботиться о наших мальчиках! — растроганно заметила маленькая королева в синем, смахивая слезу и обнимая сына. — Мы тронуты! Они столько про вас рассказывали, поэтому...

— Мы решили отблагодарить вас! — закончил бородатый король, поднимая свой кубок. Слуги откинули крышку шкатулки, в которой лежало роскошное ожерелье. При виде такой красоты мне срочно захотелось обзавестись собственной сокровищницей! Невероятно! Я смотрела на игру самоцветов в золотой оправе, а потом переводила взгляд на улыбающихся родителей, преисполненных искренней благодарности.

— Примерьте его! — предложил толстый король, пока я протягивала руку к этому невероятному украшению. — Вы — украшение этой Академии.

Я взяла в руку холодную и тяжелую цепочку, глядя, как играют в руках огромные камни.

— Меряйте, дорогая наша! Не стесняйтесь! — меня подбодрили аплодисментами, а у меня по щеке потекла слеза, которую я не смогла удержать в порыве чувств. Я осторожно положила ожерелье себе на грудь, чувствуя, как дрожащие руки не могут справиться с застежкой.

— В этой Академии вам самое место, — улыбнулся тощий король, делая кому-то едва заметный знак.

— Поэтому вы останетесь здесь навсегда! — послышался голос магов, выходящих вперед и протягивающих ко мне руки. Ожерелье впилось в мою шею, а на лицах королей, королев, принцев и придворных блуждали довольные улыбки. Я чувствовала, как задыхаюсь, пытаюсь снять с себя подарок. Это какая-то шутка? Что происходит?

— Мы, конечно, ценим вас, но переживаем за наших мальчиков. Вы молодая, симпатичная, — слышала я голоса, чувствуя, что это — какой-то дурной сон. — А нам не нужен скандал с бастардами! Все девочки мечтают выйти замуж за принца... Тем более, что ваша Академия уже однажды показала себя не с лучшей стороны!

— Я не хочу... за... принца... — шептала я, падая на колени и пытаюсь снять эту золотую змею с шеи. Мои руки тянули удавку, но она не поддавалась!

— Это сейчас не хочешь. Потом захочешь, — со знанием дела заметил спокойный женский голос. — Знаем мы таких... Поэтому мы решили обезопасить наших мальчиков! Вы не подумайте, что это — проклятие! Это — просто мера предосторожности!

— Чтобы история не повторилась, чтобы принцем не обольстилась... — бубнели маги, а я чувствовала, как ожерелье нагревается, едва ли не обжигая кожу. По щекам текли слезы, в голове все перемешивалось, а перед глазами вертелись в дьявольской пляске улыбочивые лица, роскошные одеяния, блестящие драгоценностями, кубки и короны, сверкающие при свете тысячи свечей. Я пыталась сорвать с себя ожерелье, бросить его на пол и бежать, куда глаза глядят, но удушающий приступ кашля заставлял судорожно хватать воздух. Рядом с родителями я видела спокойные лица принцев...

— Мы заклинаем древней силой, любовь тебя сведет в могилу! — бубнели маги, пока я чувствовала, как по щекам текут слезы. «Да-да-да! Не хватало нам еще проблем с ректоршей! Еще окрутит принца, женит его на себе...», — поддакнул кто-то.

— Пей одиночество сполна, ведь жизнь — любви твоей цена, — слышались голоса, пока я пыталась сделать глубокий вдох. — Как только влюбишься — умрешь, конец бесславный свой найдешь... Если взаимность придет, то любимый тебя убьет!

Я стиснула зубы, делая рывок... Еще немного... Еще чуть-чуть... Перед глазами стояла пелена, сквозь которую сверкали драгоценные камни.

— Ни мертвый, ни живой проклятие не снимет! — выкрикнул кто-то, а я почувствовала, вокруг себя странный яркий свет, который окутывал меня с ног до головы, поднимая вверх. — Оно останется с тобой. И больше не покинет!

Свет рассеялся. Я лежала на полу, а у меня на шее было то самое ожерелье, сверкающее самоцветами. В голове все помутилось, а я до конца не понимала, что произошло... Перед глазами были носки, расшитых драгоценностями и кружевом туфелек, подолы

роскошных платьев, но никто не бросился меня поднимать с пола.

— Отличное вино! — заметил какой-то король будничным голосом, пока я пыталась опереться на дрожащие руки, чтобы встать. — Это из ваших королевских виноградников?

— О, да! Это — наша гордость! — рассмеялся бас, как ни в чем не бывало. — Слышал, что вы разрабатываете Северные Рудники? Ну как? Много добыли серебра? Серебро нынче в цене!

Я пыталась встать, но руки дрожали. На паркет упали капли слез.

— Великолепное платье! Ваш портной — просто умничка! — ворковал кто-то неподалеку, пока я пыталась отдышаться. — Невероятный фасон! А какая вышивка! Изумительно!

— Да что вы! Ваш портной — просто мастер! Я смотрю на ваш корсет и понимаю, что здесь наверняка вся королевская сокровищница! — смеялся кто-то из дам, пока я сглатывала и поднималась на ноги.

— Не вся, но.... Как говорила моя покойная матушка перед моей свадьбой, удачный брак, это когда на твоём корсете половина сокровищницы!

Меня мутило и шатало, по щекам градом текли слезы.

«Надо было еще сказать, чтобы к принцам близко не подходила!», — слышался визгливый женский голос. «Не переживайте, ваше величество! Она теперь ни к кому не подойдет!» — слова растворялись в оживленном гуле. Принесли новую закуску, которую все норовили попробовать.

— Отличный бал! Не чета, конечно тем, которые даем мы... Кстати, приглашаем вас через неделю! — весело смеялся кто-то неподалеку. — Там будет волшебное представление! Придворные маги у меня такие выдумщики!

Сотни голосов сливались в один протяжный гул. Гул перерастал в звон, а я дошла до стенок, опираясь на нее.

— С вами все в порядке? — поинтересовался бородатый король, протягивая мне кубок. — Вы что-то побледнели! Вы хорошо себя чувствуете, или вам нездоровится?

Я не вдумывалась в слова, идя вдоль стены и чувствуя приступы дурноты. Руки дрожали, ноги прогибались, а сердце, словно кто-то выжигал каленым железом.

— Эй, вы не переборщили? — подозрительно спросил кто-то позади меня. — Она какая-то бледная!

— Оклемается! — заметил еще один голос. — Это всегда так! Не обращайтесь внимания, Ваше Величество! Вы слишком много внимания уделяете какой-то простолюдинке!

— И то верно. Нищета нам не чета, — благодушно захохотал бас. — Так вот... На чем я остановился... Значит, мой почтенный предок решил однажды ввести закон о праве наследования по женской линии... А все почему, потому что ему предсказали, что он погибнет от рук своего сына! Слышали эту легенду?

Я вышла в коридор, тяжело дыша и почти ничего не видя перед глазами. Моя комната была совсем неподалеку, а я ковыляла, чувствуя, как внутри все переворачивается. Еще немножечко... Еще чуть-чуть... Дойти бы до комнаты...

Моя рука опустилась на ручку двери, но дверь была закрыта. Дрожащими руками я нашла на поясе ключ, вставила его в замочную скважину, а потом нырнула в темноту, обессиленно падая на кровать.

— Нееееет! — закричала я, задыхаясь и сжимая подушку. — Нееееет... За что? Что я им такого сделала? Я же... я... старалась... Я ничего им не сделала плохого... Они не имели права так со мной поступить... Что за несправедливость? ... За что обрекать меня на вечное одиночество? За что?... Я же говорила им, что меня не интересуют их наследники!

Перед глазами стояли принцы, которые молча, а кто-то даже с улыбкой смотрел на то, как я валяюсь на полу. Из груди вырвалось рыдание. Я задыхалась, захлебывалась своим горем, понимая, что для них какая-то букашка... Маленькая букашка, которую легко стряхнуть с платья одним движением руки... Маленький человечек, которого легко казнить или помиловать... Им плевать на мою судьбу, плевать на то, что я чувствую... Ладно, принцы! Но зачем лишать меня права любить и быть любимой? Я же могу полюбить не принца? Что значит «чтобы история не повторилась»? У меня что? На лице написано «мечтаю стать новой Золушкой»?

Как же это подло и бесчеловечно!

Я чувствовала, как десятки дорогих туфель просто взяли и растоптали мою жизнь, лишив ее чего-то важного... Я ... я... никогда никого не полюблю... Никогда... Я им жизнь, идиотам, спасла...

Я задыхалась, уткнувшись в одеяло, чувствуя, как слезы льются ручьем. Неужели, если я кого-то полюблю, то непременно умру? Где же я так провинилась? И хоть бы кто-нибудь утешил... Еще и преподаватели стояли молча! Могли бы заступиться! У меня такое чувство, словно меня предал весь мир!

В дверь настойчиво стучали. Я сглотнула, пытаюсь взять себя в руки.

— Кто там? — хрипло спросила я, сжимая одеяло. Неужели кто-то пришел меня утешить? Неужели кому-то не все равно, что я сейчас чувствую...

— Их величества и их высочества, желают видеть вас на заключительной части бала! — торжественно объявили мне. — Что им передать?

Маты, которые я паковала в чемоданы ненависти — вот что им передать! Звиздюля бандеролью! Я размазывала рукой слезы по горячим, пылающим щекам, вспоминая ту черную неблагодарность, которой мне отплатили за все... И ведь никто! Никто! Не пришел ко мне, зная, насколько мне плохо...

«Чего ноем?», — появилось на стене, расплываясь перед глазами.

— Ноем?!! — истерично заорала я, швыряя с ненавистью подушку в стену. — Ты это называешь «ноем»? Пошел вон отсюда! Тоже мне... Утешитель! Я кому сказала!

«Ну прокляли, и что с того?» — появилась надпись над упавшей подушкой. «Подушку подними. Тебе потом на ней спать!».

Я просто задыхалась от негодования, чувствуя, как дрожат руки и сердце.

— Прокляли? — я едва сдержала слезы, до боли кусая губы. — Да, прокляли! Прокляли! Навсегда! И теперь я никогда не смогу полюбить!

«Тебе такого не говорили, заметь!» — прочитала я, делая глубокий вдох.

— Никогда... — нервно дышала я, чувствуя, как слезы текут по щекам с новой силой. — Никогда... Страшное слово... Никогда... Меня никогда никто не обнимет... Никогда не поцелует... Никогда не...

«И этого тебе тоже не говорили! Не выдумывай!» — снова появилось на стене, а я уткнулась лицом в одеяло. Мои плечи вздрагивали, а из груди вырывалось на волю несчастное сердце... Бедное, бедное сердце... Теперь тебе нельзя любить... Понимаешь? Нельзя... Тебе запретили...

Сердце громко стучало, отдаваясь в ушах, негодуя против такого запрета.

— Я прошу тебя... Научись не любить... — простонала я, терзая одеяло. — Меня никто никогда не обнимет... Никогда не поцелует... А мое сердце навсегда превратится в камень... Да... В камень... Лучше умереть сейчас, чем жить с осознанием что никогда и никого...

«Тебе сказали, что любовь тебя убьет! Но тебе никто не запрещал любить! И тебя никто не запрещал любить! Как же с тобой тяжело!» — появлялось на стене.

— Лучше умереть... — прошептала я, роняя слезы и глядя в сторону окна странным и долгим взглядом. — Я так не хочу... Не хочу всю жизнь мучиться...

Мое сердце ухнуло вниз в тот момент, когда меня резко подняли, отрывая от одеяла, которое я все еще сжимала в темноте. Я едва стояла на ногах, тяжело дыша, а меня грубо и больно прижали к себе, обнимая так, что мои несчастные ребра чуть не ушли на больничный.

— Не обнимет, говоришь? — услышала я низкий и хриплый голос возле уха. В — И что? Ты уже все? Умерла? Давай, объявляй дату похорон!

Я боялась даже вздохнуть, чувствуя щекой мягкий бархат чужой одежды и стальную хватку. В комнате было темно, а мои руки уперлись в чужую грудь, пытаясь оттолкнуть от себя или притянуть к себе... Я еще не решила.

— Так, что у нас дальше по списку? — мою голову резко подняли и запрокинули назад, а через секунду я почувствовала внезапное и неожиданное прикосновение холодных губ к своим губам.

Я простонала, задыхаясь от смутения, чувствуя, как меня грубо целуют, придерживая мое лицо рукой, не давая мне возможности вырваться. Или у меня поднялась температура, или его губы действительно холодней льда...

— Клянись, что ничего с собой не сделаешь! — услышала я, чувствуя, как меня держат за подбородок. Мне совсем не нравился его тон. Я даже попыталась отстраниться, но меня крепко держали.

— Это — мое дело..., - я попыталась отвернуться, чувствуя, как мое лицо грубо развернули обратно. Я не могу понять, меня целуют или наказывают, потому что назвать такие поцелуи «романтикой» может только мазохист со стажем. Он целовал грубо и как-то жестоко, не давая даже права на вдох.

— Клянись, что ничего с собой не сделаешь! Повторяю второй раз! — меня крепко держали за подбородок, а я чувствовала, как слезы стекают по щекам.

— Это... — всхлипнула я, задыхаясь и закрывая глаза. — Это моя жизнь... Я делаю с ней то, что хочу... И никто... Никто... Не смеет мне приказывать...

— Ошибаешься! — я почувствовала, как чужие пальцы впиваются в мои волосы, а мое горячее от слез дыхание согревает холодные губы против моей воли. Я пыталась отстраниться, умоляла отпустить меня и не сжимать так больно, но стоило мне только попытаться высвободить руку, как ее тут же схватили и завели мне за спину. Вторую руку постигла та же участь. Меня снова держали за подбородок, пока я пыталась сделать глубокий вдох.

— Я повторяю в последний раз. Ты. Клянешься. Что. Будешь. Жить? — я чувствовала, как его пальцы больно впиваются в мою спину.

— Клянусь, — простонала я, чувствуя, как задыхаюсь. — Клянусь, что буду жить.

— Так, словно ничего не произошло! — твердили мне, а я почувствовала холодные пальцы на своих щеках. — Повторяй.

— Клянусь, что я буду жить, — скривилась я, набирая воздуха в грудь. — Словно ничего не произошло.

Через секунду меня отпустили, а потом прижали к себе, как ребенка, молча глядя по голове и по спине, успокаивая и не давая уйти. От такой нежности, становилось как-то не по себе...

— Все, — голос стал мягким и спокойным. А холодные губы поцеловали уголки моих глаз. — Прекращай плакать. Они не заслуживают того, чтобы видеть тебя в слезах. Ты вернешься в зал, как королева. Как будто ничего не произошло.

— Как... — всхлипнула я, прижавшись лбом к чужой груди. — Как королева? В простыне? Тебе — то самому не смешно?

— Кто сказал, что ты пойдешь на бал в простыне! Маски сняты. Маскарад окончен! — услышала я, а меня развернули к кровати, на которой лежало платье, от которого у меня перехватило дыхание. Роскошное, алое, расшитое драгоценностями настолько, что оно искрилось. На полу стояли туфли.

— В тон твоему ожерелью, — усмехнулся голос позади меня, пока я понимала, что такого платья я не видела ни у одной из королев на балу. Нет, платья гостей действительно были шикарными, но по сравнению с этим платьем, они казались драными наволочками. Такое чувство, что хозяин не просто подарил Добби носок, но предварительно слегка заштопал его и добавил пластмассовых бусинок.

Я обернулась, а позади никого не было. Бережно, боясь повредить красивую вышивку, вдыхая от изумления, я снимала с себя простыню, чтобы переодеться. Платье было тяжелым и роскошным! Вот это я понимаю, целая сокровищница! Я осторожно примерила туфли, расчесала волосы, заглядывая в зеркало, из которого на меня с изумлением смотрела какая-то сказочная королева.

Раздался требовательный стук в дверь.

— Вы там скоро? Осталось еще два танца! Вас срочно хотят видеть! Простолюдинке негоже заставлять королей и королев ждать! — послышался противный голос, а я подошла к двери и распахнула ее, заставив слуг отшатнуться. Медленно, чувствуя какое-то странное оцепенение, я прошла в зал. При виде меня стихла даже музыка. Чей-то бокал упал из рук.

Я молчала, глядя какими глазами смотрят на меня «заботливые родители», в один момент потерявшие дар речи. Оркестр пришел в себя раньше, поэтому выдал первые ноты. Вместо того, чтобы танцевать, все смотрели на меня. Музыка снова стихла.

— Это откуда у тебя такое платье? — послышался нервный голос. — Да как ты смеешь, простолюдинка, носить такой наряд! Чтобы какая-то простолюдинка нацепила на себя ...

По залу прокатилась буря негодования. Негодовали даже слуги, расхваливая платье своих господ, уверяя, что по сравнению с их платьями, мое — половая тряпка.

— Кто дал тебе право носить платья, не подходящие твоему положению! — разразилась криками толстая королева, скривившись так, словно только что глотнула уксуса. Она швырнула мне под ноги кубок с вином.

Крича и топая ногами, они не заметили, как одна за другой стали гаснуть свечи. Огромные двери с золотыми вензелями, аккуратно прикрылись. Я видела, как по лицу Винсента поползла странная улыбка. Мадемуазель Шарман тихо рассмеялась, пряча улыбку под облетевшим веером. Арден вскинул голову, однобоко улыбаясь, Лючио кивал, пряча глаза и улыбку, а Робер прикрыл улыбку рукой. Дракон закатил глаза и скрестил руки на груди.

— Я так и знал, — послышалось со стороны преподавателей, которые смотрели на меня странным взглядом.

В абсолютной тишине и полумраке я услышала шаги. Гости оборачивались, глядя на высокую фигуру в усыпанном драгоценностями камзоле и черной кружевной маске, спокойно идущую в мою сторону.

Мне молча подали руку в черной перчатке, на которую я смотрела с изумлением, осторожно, недоверчиво положив поверх нее свою. В зале царил тишина. Я видела золотистые волосы, которые ложились на черный камзол. Даже сквозь перчатку чувствовала холод чужой руки, пока меня медленно вели в центр зала. Оркестр выдул первую режущую ноту, а потом стал медленно входить в ритм. Музыка становилась все мягче и мягче. Я растерялась... Я не умею танцевать... Я не знаю, куда девать руки и...

Мои пальцы дрожали, а их молча успокаивали в своей руке. Я сглотнула и вцепилась в чужое плечо, лихорадочно семеня ногами... А еще мне совсем не нравились эти взгляды... И платье было хоть и невероятно красивым, но таким неудобным! И туфли тоже были неудобными... И паркет скользким... И атмосфера недоброжелательной... Наверное так оправдываются футболисты, не умеющие играть в футбол... Я запаздывала,

чувствуя себя бревном, которое таскают за собой по паркету... Иногда, чтобы войти в ритм, я спешила, сжимая чужую руку изо всех сил ... Но потом отвлекалась и понимала, что снова опаздываю. Мои ноги меня не слушались, двигаясь слишком медленно и как-то неуклюже. Я случайно наступила на чужую ногу, но меня погладили по руке пальцами, а потом стали осторожно гладить мою талию, успокаивая ... Через мгновение я почувствовала себя очень приближенной к его хозяйской персоне. Глубоко дыша, сопя от усердия и стиснув зубы, я продолжала семенить по паркету, под нежную и чертовски — грустную музыку, которую писал неизвестный композитор, вдохновленный скачками валютных рынков. Она то поднималась в игривый мажор надежды, то резко опускалась в тоскливый минор разочарования, минуя зловещие переходы, во время которых меня прижимали к себе, ведя по залу.

Я не чувствовала его дыхания, но чувствовала, как бережно держат мою руку, как молчаливой улыбкой прощают мои ошибки. «Давай, посмотри на него!» — убеждала себя, незаметно кусая губы. У меня не хватало смелости поднять глаза, чтобы встретиться взглядами. «Ну чего ты боишься?», — шептала я самой себе, чувствуя, как меня качает в чужих руках. Пуговицы, отделанные драгоценностями, воротник — стоечка с черным узором и черными сверкающими камнями, светло-русые волосы, лежащие на плечах, красивый подбородок, красиво очерченные губы и черное, глухое кружево маски, скрывающей даже цвет глаз... Пока я пыталась присмотреться получше, мне подарили насмешливую улыбку.

Музыка набирала обороты, заставляя нас кружиться еще быстрее, а потом резко стихла, завершаясь тяжелым аккордом. Улыбка, адресованная мне и...

Я дернулась, глядя, как мои руки обнимают тьму, как она рассыпается черным прахом, окутывая меня с ног до головы, а на пол падает черная маска...

Синие... У него синие глаза...

Глава пятнадцатая

В лесу что-то сдохло...

Хорошо, когда девушка умеет готовить.

Особенно, покушение!

Приятно, когда нежеланные гости вылетают пулей из твоего дома с криками: «Быстрее отсюда!», «Ноги нашей здесь не будет!», «Карету! Срочно подавайте карету!». Карету скорой помощи, желательно. Видимо план эвакуации был отработан заранее, поэтому негодующие гости столпились у входа.

— Мы еще родительское собрание будем проводить ежемесячно! — я всеми силами пыталась подбодрить пока еще присутствующих родителей. — Поверьте, это — не последний наш праздник! Как насчет бала через месяц?

Не знаю почему, но в эти моменты шаги эпично ускорялись. Я пыталась глазами ревнивой парикмахерши найти ту самую миниатюрную блондинку, которая оставляла заявку на стрижку «под ноль», а мимо меня с гордым видом прошла четырехногая королева в сопровождении фрейлин. Она явно спешила к выходу, но дверь была закрыта. Понимаю, что, возможно, это- первый кентавр, которого я видела в этом мире, но что-то меня смущало. Не хочу показаться не толерантной к представителям четвероногих меньшинств, но иметь передние ноги тридцать шестого, а задние сорок третьего — не так-то легко для самооценки. Я мало, что понимаю в моде кентавров, однако, как начинающий кутюрье, проявивший себя и смекалку в выборе маскарадного костюма, могу смело заметить, что сапоги на задние копыта и туфельки на передние — моветон!

Сердце сжималось от жалости, когда королева одергивала юбку, подозрительно оглядываясь по сторонам. А вдруг кто-то заметил? Ай-я-яй! Я бы тоже слегка стеснялась, если бы на задних ногах у меня была ярко выраженная плоскостопия.

— Простите, — сладенько улыбнулась я, подходя поближе. — А вы где такие сапоги красивые купили? Не подскажите адресочек?

— Да как ты смеешь! — занервничала королева, звонко чихнув местом, явно для этого не предназначенным.

— Мама! — послышался мужской шепот. — Мы там скоро, а то мне неудобно!

Это было так трогательно, что я чуть не пустила скупую слезу.

— Не подходи! — орала королева, а к моей груди сопровождающая ее охрана приставила мечи.

Мечи тут же вылетели из рук и со звоном упали на паркет. Я — то понимаю, почему она нервничает. Мне, как почетной акушерке, предстояло принять роды прямо в зале.

— Вылезай, — холодно заметила я, глядя, как нетерпеливо переминаются задние ноги. Несмотря на протесты, угрозы казни и санкции в мою сторону которые касались моего въезда на территорию королевства, куда я вообще не собиралась, мне удалось приподнять ее юбку.

— Поздравляю! — наигранно радостно сообщила я, глядя на ее бледное лицо с поджатыми губами. — У вас — мальчик! И, по-моему, он — идиот! Интересно, в кого он такой? А?

— Я не хочу, чтобы мой сын оставался в Академии! — протестовала мать, покуда из-под юбки у нее вылезал помятый и явно недоношенный до выхода сынок.

— И мне кажется, что его зовут Фердинандом! Вам нравится это имя? Давайте его так назовем! — заметила я, краем глаза отслеживая еще одну редкую представительницу парнокопытных меньшинств, одергивающую платье. Так, одного коня на скаку мы остановили!

Мимо меня проплыла походкой кавалериста странная дама в маске, прикрывая лицо

веером. Я все понимаю, но на таких плечах можно вынести не только тяготы бытовухи, но и среднестатистического мужика из горящей избы вместе с диваном! Легкой джазовой походкой кавалерист-девица собиралась уйти от меня в осень, но я была очень настойчивым кавалером.

— Девушка, а можно с вами познакомиться? — игриво заметила я, чувствуя, что театр абсурда решил приехать на гастроли в подведомственное мне учебное заведение прямо сегодня и прямо сейчас, давай прощальный концерт с полным аншлагом. Мне было крайне интересно, где красавица взяла ноги сорок пятого размера. Просто это место я буду обходить стороной!

— Ну что же вы стесняетесь? — ласково заметила я, глядя, как красавицу выискивает глазами целая делегация. — Вы разбиваете мне сердце!

Красавица зыркнула на меня так, словно хочет помимо сердца разбить что-то еще. Платье сползло на груди, обнажая меховой коврик. Я как раз хотела поговорить с ней о женском одиночестве... Красавица, которая шагала метровыми шагами, как «аристократки» в отечественных исторических фильмах, прорывалась к выходу, не желая проходить мой фейс-контроль. Одно неосторожное движение и сапог наступил на платье, заставив бедняжку растянуться на полу. Орала она мужским басом, покуда ожидавшая ее делегация, заметно нервничала.

— Тут девушке плохо, — я пребывала в том состоянии уставшего пофигизма, в котором мне можно спокойно сообщать очень плохие новости с каменным лицом. — Неужели здесь нет настоящих мужчин, которые помогут бедняжке? Смотрите, что бывает с женщинами, лишенными любви и ласки!

Красавица встала, чертыхаясь, пытаясь снова натянуть платье на волосатую грудь. Веер валялся на полу, а на ее лице со съехавшей маской проклевывалась щетина.

— Мы хотим забрать отсюда наших детей! — заорал толстый король, подлетая ко мне и пытаясь помочь подняться «девице». — И никто не имеет права нам мешать!

В зале слегка потемнело. Вот почему-то мне совсем не хочется думать, что где-то в местном мавзолее лежит тот завещал: «учиться, учиться и еще раз учиться».

— Принцы — сюда! Родители — отсюда! — произнесла я, показывая на то место, где уже толпилось «родильное отделение» и одна Мисс Выселенная из женского платья, отставшая от театра кабуки. Три, четыре... Пять... Так, где-то еще парочка.

Я снова пробежала глазами в поисках той самой блондинки. Она меня беспокоила куда больше, чем... Так, а это у нас кто? Слуги таскали сундуки, которые я требовала открыть немедленно, разворошив все вещи. Родители протестовали, требовали, что охрана обеспечила мне секир-башка немедленно, но охрана как-то не очень торопилась выполнять приказ. Еще бы! Те, кто очень хотел выслужиться перед начальством, со сломанными руками и выбитыми зубами были весьма не убедительны в своих угрозах.

— Открывайте! — потребовала я, глядя на вылезшие из орбит глаза слуг, нервно поглядывающих в сторону хозяев.

— Мы ключик потеряли! — голосом буратино заметил лакей, ставя сундук на пол. — Там просто специи, посуда, одежда... Там нет принцев!

— Хорошо, — вздохнула я. — Сбрось сундук с башни. Он прочный, закрыт, поэтому ...

— Нет! — на сундук грудью легли родственники, глядя на меня, как на маньяка. Тут же нашелся не только ключик, но и Айрон, прикрытый маминым платьем.

Я пересчитала принцев, отмечая, что не все решили сбежать их замка. Двенадцать. Кажется, все. Да, все!

— Да как вы смеете! — зарыдала толстая королева, отмахиваясь от руки служанки, которая тут же подсовывала ей под нос флакон. — Мало того, что мы привезли их сюда не по доброй воле! Если бы не угроза проклятия, мы бы никогда не отдали бы наших

деток, в эту ужасную Академию!

— Считайте это объявлением войны! — раздул ноздри тощий король, глядя на меня сурово. Брутальней его мог быть только чупа-чупс с нарисованными фломастером бровями!

— Объявление войны не прошло модерацию и было отклонено, — устало выдохнула я, глядя на девушек. Нет, ее среди гостей я не видела! У входа стоят Арден и Лючио. Робер и Винсент прочесывают замок. Мы должны найти эту девчонку. — Как вы не понимаете! Я хочу, чтобы они действительно стали теми самыми принцами, о которых слагают легенды! Чтобы они могли удержать власть в руках! Чтобы ... Да, впрочем, что я вам рассказываю! Дверь — там!

Дверь открылась настежь, выпуская родителей и их свиты.

Через полчаса передо мной в кабинете стоял рыжеволосый Юстиниан, всем своим видом подчеркивая, показывая восторг от того его девушка умеет отлично готовить. Особенно, покусение.

— Мы... познакомились с ней за месяц до моего отъезда в Академию... — вздохнул Юстиниан, пряча глаза. Арден стоял у окна, Лючио развалился в кресле, Робер откровенно зевал, а Винсент листал книгу. Элберт сидел задумчиво сортировал любовные записки, вытаскивая их из карманов. Мадемуазель Шарман нервно расхаживала по комнате, подтягивая корсет.

— Как ее зовут? — поинтересовалась я, продолжая допрос с пристрастием.

— Не знаю, — растеряно пожал плечами Юстиниан, опустив глаза. — Я не спрашивал!

— Правильно! — похлопал Лючио. — А зачем? Зачем принцу звать девушек! Они и сами прилипнут к нему! Ну-ну, продолжай, дружок...

— Я сказал ей, что уезжаю в Академию. Родителям пришло письмо. Она плакала, а я объяснял ей, что если я не поеду учиться в Академию, то ... то... наш род будет проклят! Все об этом знают... И тогда она сказала, что поедет со мной... И придумала идею с чемомоданом!

— В те времена, когда твой дед был еще молод и энергичен, — проскрипела Шарман, мечтательно вздыхая, — придворным красавицам давали имена и титулы! Как сейчас помню — маркиза — четыре раза, графиня — десять раз, а герцогиня — двадцать раз. Правда, титул ничего не давал, но приятно! Твой дед вообще считал, что его должны окружать исключительно титулованные лица и морды. Кошкам давали титул Маркизы. А собакам сразу Графа...

— То есть, ты о ней ничего не знаешь? — прокашлялась я, не обращая внимание на выдержки из чужой биографии. — Ни откуда она родом, ни кто ее родители, ни имени, ни того, где она была до того момента, пока вы с ней не познакомились?

— А зачем? — искренне удивился Юстиниан, глядя на меня так, словно я с луны свалилась, причем, вниз головой!

— Браво! — заметил Лючио. — А девочка, между прочим, наемная убийца! Подосланная к тебе специально!

— Да какая она убийца! — скривилась Шарман, обмахиваясь остатками перьев и топча мышь, выпавшую из парика. — Она просто хотела всех отравить, а потом написать ему записочку, мол, женишься на мне — получишь противоядие и корону! Я сама однажды по молодости так пошутила, когда очень замуж захотелось! Королева как раз скончалась, а я подумала, что пора бы и замуж сходить! А вдруг возьмут? Так что я получила...

— Ну? — перебил Робер, а все присутствующие оживились.

— Девять лет ссылки. А могли бы и голову отрубить! — погрустнела Шарман. — Нечего в браке делать, я вам скажу!

— Никакая она — не наемная убийца, — усмехнулся Робер. — Не говорите глупостей! Наверняка она просто позарилась на его корону, а потом, когда поняла, что на ней никто жениться не планирует, решила отравить его! И всех остальных заодно!

— Я даже не уверен, а была ли девочка... — вздохнул Винсент.

«Я не чувствую ее присутствия в замке!» — появилась надпись на стене.

— Либо ее нет, либо она воспользовалась какой-нибудь магической штукой, чтобы прикрыть себя! — постановил дракон, улыбаясь какой-то записке, а потом выбрасывая ее на пол.

— Будем искать твою любовь! — сардонически заметила я, чувствуя себя сотрудником службы знакомств с неприятностями.

Через полчаса над лесом кружил дракон, освещая пламенем небо, а замок, периодически отчитываясь о результатах, прочесывала делегация.

— У меня тут к тебе... — замялась Шарман, прокашлявшись. — Просьбочка есть одна... Помощь мне нужна... Понимаю, что просьба очень деликатная, но... Нет, я в своей жизни очаровала столько мужчин, что ты себе и представить не можешь, но тут... Я ... я... влюбилась.

Наверное, где-то прохудилась тучка с неприятностями.

— Что? — переспросила я, глядя в размазанные, как у дешевой пластмассовой куклы глаза. — Влюбилась?

— А что тут такого! Да! Вот не думала, что до такого дойдет, но... — нервничала Шарман, теребя в руках веер. — Но он не обращает на меня внимания! Я, значит, флиртую со всеми, а ему плевать! Имя его я назвать не могу...

Насколько я поняла, где-то в лесу тихо становится на грань вымирания все зверье, пытаюсь поделить страницы Красной Книги. Я прищурилась, глядя на выбеленное лицо, с которого тоннами осыпалась штукатурка. Двенадцать принцев, которые по идее мирно спали в своих кроватках, конкретно в этот момент должны были проснуться в холодном поту, оглядываясь по сторонам и хватаясь за сердца, стулья и мечи...

— Это продолжается уже... несколько лет, — негромко заметила Шарман, опустив глаза и ковыряя дырку в кружевном подоле.

Мне кажется, или я слышу, как выдыхают принцы. Зато где-то вострепонулись потревоженными суррикатами преподаватели, предчувствуя большую любовь. Интересно, кто же это? Мысленный Винсент подавился мышьяком, который пытался выпить трясущимися руками. Побледневший Арден, резко получил сердечный приступ. Робер прикинул, хватит ли денег откупиться, а Лючио включил режим ниндзя...

— Понимаешь, — облизала губы Шарман, поднимая на меня глаза. — Он не ... Ну... Не .... Как бы тебе так сказать... У него есть некоторые особенности.... А, впрочем, ты и сама догадаешься... Женскую интуицию еще никто не отменял... Так вот! Я хочу заранее предупредить тебя, чтобы ты не вздумала ему глазки строить! Учти, я — очень ревнива!

Внезапный, молниеносный, как удар кинжалом, приступ ревности, заставил меня оцепенеть от неожиданности. Я и сама не ожидала, глядя во все глаза на Шарман. Неужели? Неужели я ревную? Я чувствовала, как по телу пробежала необъяснимая холодная волна, заставив оцепенеть. Я впервые в жизни испугалась ревности...

— Ты его любишь? — безжизненным голосом спросила я, чувствуя, как сердце почему-то вздрагивает.

— Люблю... Уже много лет, как люблю, — трагично вздохнула Шарман. В этот момент она казалась такой маленькой, такой беззащитной и такой трогательной. — Как сюда попала, как увидела его, то все... Вот никогда не любила! Никогда! Королей я любила, но понарошку... Они меня понарошку, и я их понарошку... Вот как назвать, когда сердце щемит...

— Инфаркт? — встревоженно предположила я, понимая, что любви все возрасты покорны и покойны. — А как болит? Жжет? Колет? Пульсирует? Или на вдохе-выдохе?

— Ничего ты не понимаешь! Зря я тебе об этом рассказала! Раньше чаще видела, но хозяин его из замка выставил! Не поладили они с ним, — Шарман посмотрела в окно, а потом вздохнула. — Просьба есть у меня... Маленькая... Сама не дойду, поэтому...

Это было то самое ощущение, когда бросаешь на пол тяжелые сумки, снимаешь туфли на каблуке, неудобный лифчик, расстегиваешь юбку, чувствуя с каким удовольствием можешь выкатить обратно наеденный животик, распускаешь волосы, сдираешь с себя колготки.

Шарман полезла в декольте, вытряхнула оттуда два свернутых носка, несколько платков, два мотка пряжи и достала оттуда маленькую, надушенную едкими цветочными духами записочку, свернутую и перевязанную ленточкой, а потом стала паковать «грудь» обратно. Аккуратный бантик смотрелся так мило и трогательно, что я даже улыбнулась.

— Сможешь передать? Этим я не доверю! Хотела было доверить, а потом, как посмотрела — ну их! — фыркнула Шарман, пока я бережно принимала послание, примеряя на себя маску купидона. — Потом все — все — все расскажешь! Что сказал, как посмотрел... Все до мельчайших деталей!

Ночные поиски девицы успехом не увенчались. Предупреждать принцев о том, что где-то по замку разгуливает «вооружена и очень прекрасна», я пока не стала. Панику я посею вряд ли, а вот интерес вполне... Поэтому я быстро изобразила приказ: «Закрывать на ночь все двери и окна!», поставила росчерк и ознакомила каждого принца лично, ткнув его носом в инструкцию по безопасности.

Мое тело наконец-то приняло горизонтальное положение, а сверху на меня мягко легло одеяло, заставив сначала непроизвольно спрятать улыбку в подушку, а потом стиснуть зубы, вспоминая о проклятии.

Я не должна влюбляться... Ни в коем случае! Живут же пары, не любя? Сколько таких? Или один любит, а другой позволяет себя любить. Ну и что в этом такого? Обычное явление! Мама вышла замуж за папу только потому, что он показался «перспективным». Папа женился на маме, потому что все его друзья уже на тот момент были женаты, кушали вкусные супчики и домашнюю выпечку. Но родители никогда не любили друг друга, о чем открыто заявляли при первом же удобном случае.

— Я живу с твоим отцом ради тебя! — раздражённо отвечала мама на мой вопрос, помешивая суп и переворачивая оладушки. На кухне было душно и вкусно пахло ванилью. — Цени это! А то бы уже давно развелась! Нужно было не вестись на уговоры, а за Коленьку замуж выходить! И ведь предлагал же! Ешь, давай, а то остынет!

— Ну ты и скажешь! А тебя-то мы куда денем? — бурчал отец, пытаясь отодвинуть меня от телевизора. — Если бы не ты, то уже бы давно развелся! Сейчас наши пенальти пробивать будут! О! Косорылые! Да что ты будешь делать! Так, ты уроки сделала, почемучка?

Я помню солнечного зайчика, который учил вместе со мной уроки, пока в комнате бушевал скандал: «Только ради Насти!», «Если бы не Настя, то я бы уже давно...», «Ты не забывай про то, что у нас есть ребенок!», «А ты думаешь, что мне хочется жить с тобой? Я одна финансово Настю не потяну!», «Ребенок должен расти в полноценной семье! У него должны быть отец и мать!», «Не хочу, чтобы мою дочь воспитывал чужой мужик!».

Солнечный зайчик сидел рядом на обоях, а я закрывала уши руками, еще раз перечитывая условия задачи: «Из пункта А в пункт Б движется состав со скоростью 86 км/ч, а из пункта Б в пункт А движется второй состав со скоростью...».

Где-то в каком-то мире мамы целуют пап, а папы обнимают мам. Я не знаю, где находится этот мир, но реклама мне говорила, что он существует. Если судить по

рекламе, то счастливая семья вечно что-то жрет, получая от этого нехилое удовольствие. Счастливый папа нахваливает маму так, словно она не полуфабрикаты в микроволновку закинула, а лично бегала с топором за курицей. Счастливая мама нахваливает папу так, словно вместо майонеза он подарил ей бриллиантовое кольцо. Потом счастливые родители рассказывают друг другу о витаминках и микроэлементах, по очереди пичкая своих детей с ложечки. Когда им надоедает жрать, идеальная семья начинает стирать и прибираться с усердием, от которого маньяки чувствуют себя неудобно. В периоды скуки, они лечатся, жуя таблетки, пшикая в нос лекарством и поглощая ведрами сиропы, причем делают это так дружно, с песнями и плясками, что аж зависть берет. А когда денег перестает хватать, они радостно в обнимку, с ребенком на руках идут брать кредит!

Да, я тот самый человек, который любит смотреть рекламу, чтобы хоть на минутку забыть о том, что меня ведут за руки или сидят по обе стороны два человека, в чьих глазах читается: «Ты мне всю жизнь испоганил, и если бы не ребенок я бы уже давно...».

«Из пункта А в пункт Б...»

Мне снились два состава летящие по одним и тем же рельсам навстречу друг другу, неумолимо приближая решение задачи! Я стояла на рельсах, понимая, что нужно бежать! Справа летит поезд, слева летит поезд, а мои ноги примерзли и не двигаются! Сердце бешено колотится, я пытаюсь сделать хотя бы шаг в сторону, но не могу. Где-то в роскошном платье маячила Анна Каренина, трагично закидывая голову и прикрывая глаза рукой. «Ради Насти, ради Насти! Мы пожертвовали счастьем!» — чесался гусиным пером Александр Сергеевич Пушкин, поглядывая на золотые цепи, обвившие массивный дуб. Поезда приближались со страшной скоростью, заглушая все вокруг грохотом колес, а меня охватывал панический ужас. Еще мгновение и...

...и я проснулась, чувствуя, как першит в горле от собственного пронзительного крика. По телу пробежала судорожная волна дрожи, пока я трясущимися руками ощупывала лицо и шею, резко садясь и скидывая одеяло. Пока приходила в себя, я чувствовала, как незаметно оказываюсь в чужих объятьях, прижимая голову к чужой груди. Глубокий вдох и судорожный выдох отогнал призрак страшного сна...

— Все в порядке, — прокашлялась я, тяжело дыша. — Просто сон приснился... Он мне часто снится... С самого детства... Ничего страшного...

Я осторожно подняла руку, чувствуя, что очень хочу его обнять, но боюсь... Вот обниму, растаю, и что потом? Так я и застыла в глупой нерешительности, чувствуя, как меня гладят рукой по волосам, успокаивая на руках, как маленького ребенка. Я снова подняла руку с кровати, застыв в нерешительности... Ну ... мы же как бы... друзья? Для меня он — просто друг. Вот! Почему я не могу обнять его просто по — дружески? Мы же можем просто взять и обнять друга?

Наверное, нужно было кончать всех этих венценосных ублюдков вместе с их семейками. И этот фарс с Академией заодно! «Ищи среди королевских кровей, того кто снимет проклятие дверей!». Да тут даже слепому понятно, что ни один из них не способен даже штаны с первого раза надеть правильно и рубашку застегнуть. Даже смотреть не на что...

Я на секунду представил, как держу за горло очередного королевского щенка, который орет, что он — принц! Я представляю это бледное лицо, трясущиеся губы и перепуганный взгляд. «Не надо! Не убивай их!» — я вижу слезы, текущие по ее щекам и мольбу в глазах. «Прошу тебя! Пожалуйста!». Да, это так. Они живы исключительно потому, что она и любит. Сейчас она на них обижена, но все равно в ее взгляде читается нежность. И маленькая наивная девочка верит, что однажды они научатся быть настоящими принцами, полюбят ее, оценят ее усилия и будут ей благодарны за все.

Она всхлипнула, ворочаясь. Я смотрел на ее шею, чувствуя, как мне безумно хочется ее поцеловать... Не знаю, что это такое, но я целовал бы ее пальчики, губы, плечи... А пока лишь перебираю волосы, радуясь, что она еще не сбежала...

— Пользуешься тем, что я сильно устала? — сонно пробурчала она, когда я вел рукой по ее шее, огибая плечо, осторожно приспуская ветхое кружево старой ночной сорочки. Да, пользуюсь...

Она никак не может понять, что принцы не умеют любить, потому что с детства ожидают предательства. Они никогда не полюбят своих родителей, детей, наложниц, любовниц, жен, слуг, учителей потому, что с детства их учили любить только себя, потакая всем капризам.

Я гладил ее вздрагивающие плечи, слыша, как она сердито сопит у меня на груди. Такая теплая... Маленькая и теплая... И вот она уже пытается обнять меня... Опять передумала... Боится... Не бойся... Я прижимаю ее к себе, а она не сопротивляется, доверчиво свернувшись в клубочек.

Неужели уснула? Я осторожно веду рукой по ее плечу, едва касаясь пальцами ее кожи. Завязка на мерно вздымающейся груди вызывает у меня улыбку. Моя рука снова, как бы ненароком касается ее, слегка потянув за петельку. Мне кажется, что я окончательно запутался в этой петельке из двух тесемочек и в ее длинных волосах.

— Не надо, — жалобно пробурчала она, зевая. — Пожалуйста...

Перед моими глазами почему-то был тот зал, в котором должны были остаться кучи пепла, слетевшие короны, фамильные бриллианты. Я видел, как остатки платьев размокали от крови, а сквозь мои пальцы сочился пепел, оставшийся от ее фыркания, улыбки, летящей подушки, сопения, обид, решимости, капризов. Пепел, оставшийся от моей петельки, если бы я вмешался в ритуал... Да, я испугался, за то, что одно мое неверное движение и все что у меня останется от нее — этот пепел в руках...

Моя рука легла на ее обнаженное плечо, слегка опуская ее ночную рубашку... И что мне теперь с ней делать? Я прижал ее голову к своей груди, нежно проводя пальцами по ее плечу и нарочно цепляя драное кружево ночной сорочки.

Заплаканные глаза, трясущиеся плечи и губы. «Меня никто не полюбит...». И взгляд: «Мне уже нечего терять!». В этот момент я сам готов был прикончить ее на месте! Обнимать, целовать и прикончить на месте! Тише, тише, тише... Наверное, я слегка переборщил с объятиями, разбудив ее... Только задремала...

Все видят ее готовой в любой момент броситься вытаскивать очередного гаденыша, спасать, защищать. Кажется, что все уже уверены в том, что она всегда сможет найти выход из любой ситуации. И только я вижу, как она каждую ночь лежит, разбросав волосы по подушке, свернувшись на кровати, прячась под одеялом, сжавшись и вздрагивая от ночных шорохов. «Мне холодно!», — сквозь сон шепчет она, обнимая саму себя.

— Уходи, — слышалось тихое-тихое, жалобное-жалобное, молящее-молящее. Она почти спит. Я покачиваю ее, чувствуя, как она ерзает щекой по моей груди. Нет, главное, что сама прогоняет, и тут же устраивается поудобней.

— Пожалуйста, уходи... — шепчет она, сквозь сон, сжимая мою руку.

Я смотрел на часы. На улице было уже светло. Она съехала вниз, что-то бурча во сне и слегка подергиваясь. Нет, я, конечно, все понимаю, но есть что-то забавное в том, чтобы сидеть и уже пять часов угадывать, что ей может сниться. Я смотрел на ее приоткрытые губы, ресницы, которые вздрагивали во сне. Руки дернулись. Ага, от кого-то отбивается... А что? Она может! Так, поосторожней... Ай! Она что-то морщится и фыркает. Так! Где одеяло? ... Я смотрел на ее лицо, которое разглаживалось, и на котором проступала робкая, едва заметная улыбка, когда сверху на ее поджатые от холода ноги легло одеяло. Не могу понять, почему она улыбается? А потом я увидел свою руку, которая произвольно гладит ее по щеке... И она улыбается каждому прикосновению... Я тоже улыбаюсь, глядя, как осторожно, сам по себе развязывается тот самый бантик на ее вздымающейся груди, заставляя меня замереть и закрыть глаза, чтобы через секунду открыть их, видя, как ночная рубашка медленно сползает вниз... Вот как мне поцеловать ее так, чтобы она не проснулась? А?

Осторожно придерживая ее голову и мягко опуская ее на подушку, я почувствовал, как

она снова сжимается во сне, словно пытается спрятаться...

Тише... Тише... Я склонился над ней, поглаживая ее щеку и шею, проводя рукой по ее ключице, а потом, осторожно, опустил губы и спрятал поцелуй на ее шее... Едва-едва касаясь губами, я скользил по ее обнаженному плечу, проводя пальцами нежные линии по изгибам ее тела. Я прикладывал губы голубой венке на шее, чувствуя, как она пульсирует, целовал ее тонкое запястье, бережно приподнимая руку, и ловил ее пульс холодными губами.... Я могу слушать биение ее сердце бесконечно...

Понимаю, что так делать нельзя, но ... Я поднял глаза, глядя на ее лицо. Мои губы едва прикоснулись к ее теплым, сухим и полуоткрытым губам, нежно скользя по ним поцелуем. Вот как так можно, а? Ей скоро уже вставать! Как сложно удержаться на этой грани нежности, как сложно прикасаться к ней так, чтобы не разбудить ее, глядя на ее опущенные веки... И так каждую ночь. Моя рука лежала у нее на груди, а я чувствовал губами биение ее сердца, ловил его, целуя теплую кожу... Я оставил прощальный поцелуй, осторожно прикрывая его следы рубашкой, а потом с улыбкой смотрел, как бантик сам осторожно завязывается на ее груди, пряча мои поцелуи...

Она не захочет больше любить, потому что боится смерти. Я не умею любить, потому что с детства меня учили любить только себя.

«Перенести урок на три часа позже!» — пишу я на стене, вспоминая каждый поцелуй, спрятанный под рубашкой и одеялом.

Я проснулась, чувствуя, что еще одна такая ночь, и мне крышка. С трудом встав с мятой кровати, я сонно трясла головой.

— Доброе утро, Настя! — сладко зевнула я, глядя на свое мятое отражение в зеркале. — Пора продолжать почетную миссию «из соплежуха в мужика»! Так, что у нас по расписанию?

И тут мне на колени из ниоткуда упала голубая роза.

— Слушай, — фыркнула я, сбрасывая с колен гербарий на пол. — Понимаю, что ты любишь розы!

«Я ненавижу розы», — проступила надпись на стене, пока я пыталась расчесать волосы, вдыхая запах вареной картошечки на серебряном блюде.

«Я просто хочу сказать, что твоя мечта несбыточна!», — проступила на стене новая надпись, пока я продирала волосы и заспанные глаза. Где-то по замку разгуливал готовый inferнальный демотиватор, даря всем с утра заряд пессимизма.

— Слушай, и ежику понятно, что любить мне нельзя! — нервно огрызнулась я. — И не нужно напоминать мне об этом каждое утро! Слышишь, юный натуралист, не трави душу с утра, договорились? Нельзя, так нельзя! И что с того? Многие люди живут без любви!

«Твоя мечта сделать из них, как ты говоришь «настоящих принцев» несбыточна! Я хочу, чтобы ты с этим смирилась!», — заметила надпись на стене, пока я с остервенением вычесывала узел на волосах. «То, что ты видишь, и есть настоящие принцы!».

Я протяжно зевнула на зависть всем волкам в лесу, требовательно пиная шкаф.

Гардероб не выдержал и выпустил оттуда комок тряпок. Мне жалко новое платье! Ну не буду же я в нем ходить на уроки?

— Послушай, — закатила глаза я, начиная утренние раскопки. — Я действительно хочу сделать из них тех самых прекрасных принцев, о которых пишут сказки! Или на худой конец — приличных королей! Может, Академия — это их единственный шанс! Кстати...

Я даже остановилась, присматриваясь к стенам с подозрением.

— А что означала первая роза? — я прищурилась, но ответа не последовало. Женская

проницательность пожала плечами и развела руками, а потом махнула, мол, не заморачивайся!

Я снова стала рыться, пока не откопала мешковатые и короткие штаны, сапоги на два размера больше и рубаху. Сверху я накинула ту самую черную хламиду. Я уже видела себя на обложке модного журнала «Рыболов». Понимаю, что фигуры делятся на два типа — «девяносто, шестьдесят, девяносто» или «плачь в уголке», а огромная несуразная пушистая хламида на голосе тело безбожно щекочет мои «плачь в уголке» и нервишки всех любителей моды.

— Тык-дык! Тык — дык! — с потолка посыпалась штукатурка, а на трюмо рухнул кусок алебастровой лепнины.

Внезапно мне показалось, что затряслись сначала стены замка, а потом мои поджилки. Раздался такой грохот, от которого складывалось впечатление, что неподалеку проходит слоновий забег.

— Тык-дык! Тык — дык!

Я смотрела на потолок, понимая, что если там проходит скачка, то сейчас туда поднимется одинокий торрент и устроит массовую раздачу! Не дожидаясь следующего заезда, я пулей вылетела из кабинета, глядя, как сотрясаются портреты, и лопаются штукатурка от этого таинственного «тык-дык». Это что происходит? Я мчалась по коридору, забыв про то, что у меня на столе стынет завтрак... Топот стих... Одна из дверей восточной галереи была приоткрыта... Я услышала стук по полу и требовательный голос Ардена: «Всем вернуться обратно на позиции!». Я сначала не поняла, а потом послышался такой ужасающий скрежет, что пришлось распахнуть дверь...

— Итак, господа. Вы — будущие короли. А короли, как известно, должны уметь поднимать боевой дух своей армии. Стратегии ведения войны мы рассмотрим на последующих уроках, а сегодня мы будем учиться поднимать боевой дух. Все принесли мечи? — Арден стоял возле окна, опираясь на трость. — Седлайте коней!

Коней? Откуда у нас тут кони? Хотя, правильней было бы спросить, откуда у нас принцы?

Принцы перевернули стулья, оседлали их, положив руки на спинки. Рядом на паркете валялись мечи.

— Ваша задача — поднять боевой дух армии! Показать всем, что вам не жалко своей жизни ради вашего королевства! Итак, сделайте мужественные лица! — вздохнул Арден, а принцы тут же вскинули головы, прищурились и надменно искривили рты. — Брови нахмурьте. Впереди ваши враги! Не думайте о том, что через час, день, месяц или год — это ваши лучшие союзники и друзья. Страшней! Еще! Домашнее задание — потренироваться перед зеркалом! Да так, чтобы сами себя боялись!

Трость ударила об пол, пока принцы тренировали «мужественный взгляд».

— Отлично, — хрипловато выдохнул Арден, пока куда-то в сумрачную даль смотрело целое войско принцев, оседлавших стулья. — Берите в руки мечи! Поднимайте над головой! Смотрите, чтобы меч не упал вам на голову! Опустили меч... Теперь резко подняли его! Молодой человек, попрошу вас не пачкать стул... Мне просто на секунду показалось, судя по тому, как у вас глаза выкатились из орбит, что вы перепутали боевого коня и ночной горшок. Еще раз. Опустили меч и резко подняли вверх! Не забывайте делать мужественное лицо! Молодой человек, вы переигрываете! Вашего лица могут испугаться даже союзники! Еще раз!

Принцы грозно восседали на стульях, хмурили брови и с ненавистью смотрели вперед. А потом выбрасывали руку вверх вместе с мечом.

— Сойдет! Для ополчения в самый раз. Запомните три боевых клича: «За наше королевство!», «Победа или смерть!» и «Враг будет разбит!». Учтите, кричать нужно очень храбро и громко! — Арден прищурился, глядя на принцев. Где-то триста спартанцев срочно требовали римейк «12 засранцев». — Начинайте! За наше королевство! Победа или смерть! Враг будет разбит!

Теперь я знаю, куда их посылать если что! В атаку! Гениально! Вот не зря принцы пели в хоре! Орала они так, словно объявили стекла в кабинете личными врагами.

— А теперь, дорогие мои, слушайте сюда внимательно, — Арден усмехнулся и понизил голос. — После этого клича не вздумайте бросаться сразу в бой. Ваша задача, осторожно развернуть коня и посмотреть на войско, оценив его настрой. Вы должны заранее поговорить с военачальником, чтобы убедиться в том, что ваше войско идет в наступление! Это — очень распространенная ошибка, из-за которой я теперь преподаю в Академии. Был один идиот... И, кажется, вы уже догадываетесь, какими были его последние слова. Если войско вам ответило криком, то кричите «Все за мной!» или «Все в бой!». Пробуем!

Принцы хмурили брови, вскидывали меч, орала, как резаные, а потом гордо оборачивались, гарцуя на стульях, чтобы завершить триумфальным: «Все за мной!».

— Помните, ваша задача — вовремя отстать от наступления, дав возможность войскам столкнуться лбами! Остальное — они сделают сами! Куда скачешь на передовую? Ой, извините, вам можно! У вас есть брат! Он если что займет престол! Можете скакать вперед, и даже впереди войска, — подавляя зевок, заметил Арден. — На чем я остановился? Не забывайте подбадривать войско криками! Ваша задача — проскакать десять метров вперед, а потом столько же назад! Тренируемся! Скачем вот до этой черты. Главное, чтобы никто не догадался, что вы не собираетесь участвовать в сражении! Вам понятно?

Никогда не думала, что однажды увижу гарцующее на стульях по залу войско, воинственно орущее, подбадривающее друг друга мотивирующими криками!

— Заступил за черту! — заметил Арден, показывая ленту на полу. — Считаю, что тебя убили. Перед битвой вы должны подойти к военачальнику, и он расскажет вам о том, куда вам можно доскакать, чтобы не поймать стрелу противника. Ваша задача — просто сделать рывок, а потом вернуться в шатер. Обязательно проконтролируйте, чтобы у слуги был с собой бурдюк с кровью. По окончании битвы, слышав сигнал: «Победа!», вы выливаете на себя кровь, льете ее на меч, седлаете коня и триумфально скачете вдоль войска! Вам понятно? В бой!

— А если мы отступаем? — воодушевленно поинтересовался Айрон, подающий надежды в командовании военной операцией и лишаящий надежд сохранить головы сослуживцев по стульно-конному взводу.

— Если отступаем, то вас уже там не будет, поверьте мне! — закатил глаза Арден, пока принцы жаловались на то, что стулья жесткие, а у них болят попы.

Они снова с грохотом тащили стулья на старт, а потом устраивали заезды с воинственными кличами, пока Айрон не растянулся на полу, лежа поверх обломков стула.

— У меня коня убили, — жалобно простонал он, потирая ушибленный локоть.

— Молодец! Это был третий загнанный конь на сегодня! Берите еще одного и в бой! — усмехнулся командующий конно-оральным полком, скрестив руки на груди. — Последний заезд!

Двенадцать здоровых лбов скакали, грохоча стульями, и орала, размахивая мечами, пока я тихо подыхала от хохота, зажимая рот рукой, вслушиваясь в воинственный «тык-дык». Они были такими мужественными, что у меня чуть слеза не навернулась от умиления. Приятно, когда мужчина умеет качать не только права, но и пресс по утрам! Вперед вырвался Фредерик, размахивая мечом так, что чуть не снес головы остальным. Орала он очень воинственно, словно за ним и вправду стояло целое войско. На секунду я представила, как перед конным войском гарцует на стуле по грязи очередной принц, пытаюсь приподнять упавший боевой дух!

«Мы едем-едем-едем в далекие края! Берем с собою войско и больше ничего!» — что-то внутри меня аккомпанировало скачком. Я чувствовала, как дрожит пол, и сотрясаются стены.

— Может, предложить им игрушечных лошадок? — сурово заметила я, не выдержав и все-таки сделав замечание, когда со стены слетел портрет какой-то пышнотелой красавицы в мехах. — Я имею в виду палку с лошадиной головой! Просто снизу штукатурка сыплется, а на капитальный ремонт у нас никто не сдавал! Или скачите на улице! Не хватало, чтобы потолок обвалился!

На этой оптимистичной ноте закончился столь познавательный урок, а я достала расписание из кармана. Отлично, сейчас урок Элберта! Как удачно все складывается! Я что-то забыла... Очень важное... Записка!!! Нужно отдать ее!

Нет, я, конечно, понимаю, что любовь — это страшная сила... В лесу, кроме неприятностей, у нас живет дракон. Но дракона она видела вчера на балу, и могла бы передать ему записку! Да и ... Я на секунду представила их вместе... Если не дракон, то кто тогда? Она скрывает его имя не просто так! Хм... И тут я вспомнила, что в лесу обитает странный облезлый мужик «Здороваться не учили!». Точно он! Тайнственный возлюбленный найден! А еще говорят, что у меня нет женской интуиции и проницательности!

Я бросилась в комнату, схватила со стола записку, выглянула в окно, глядя, как стайка принцев ковыляет на урок под предводительством дракона, а потом бегом понеслась по коридору, пытаясь догнать делегацию.

В лесу было зябко и прохладно, а я брела к полянке, откуда уже слышали крики возмущений.

— Итак, детишки, — на поляне лежал огромный ящер, зевая и уставившись страшным глазами на вооруженных до зубов и закованных в латы принцев. — Сегодня мы будем учиться ... Вот хотел сказать слово «побеждать», но глядя, как у вас трясутся коленки, «побежать» дракона. Мало ли, вдруг отец очередной принцессы или сама принцесса заявит, что выйдет замуж только при условии, что ей на блюде принесут голову дракона? А ваши политические интересы срочно требуют свадьбы?

Принцы храбрились, глядя на блестящую черную чешую.

— Ну что ж, завтрак, приступай по одному! — улыбнулся зубастой улыбкой преподаватель. — Эй, чего ты ежишься? Дождик капает? Бедненький! Не сахарный, не растаешь! Давай, десерт! Иди сюда! Нападай!

Юстиниан взял меч и мужественно пошел «нападать». За десять шагов на него напал ужас, едва ли не заставив выронить их рук меч.

— Ы-ы-ы-а-а-а-а! — бросился в атаку герой. Меч звякнул о чешую и отлетел в сторону.

— Ай-я-яй, ты меня убиваешь! — сладко зевнул дракон. — Убиваешь своей тупостью и оптимизмом! Пышь-пышь! Трупик, отходи в сторонку. Трупики собираются возле дерева. Там у нас что? Правильно! Кладбище моих нервов! Ну! Гарнирчик? Ты хочешь попробовать? Давай!

Темноволосый Фердинанд взял меч и решил зайти сзади.

— Правильно, молодец! Посмотри туда, откуда явятся миру твои останки! Тебе что сказали? Голову принести! Пышь-пышь! Трупик, иди на кладбище моих нервов! — дракон клацнул зубами, а Фердинанд опешил от неожиданности и выронил меч. — Следующее блюдо!

Фредерик бросился на драконью морду, колотя по ней мечом как ударник рок-группы. А потом он бросился в сторону хвоста...

— Еще один... Я прямо представляю картину! Дорогая принцесса! Голову не принес, зато вот тебе мешок доказательств, что дракон обделался при виде меня! — зевнул Элберт. — Все, на кладбище, герой! Я тебя уже хвостом в лепешку стер! Я кому объяснял, что слабое место у дракона находит на шее! И удар нужно наносить сверху! Хорошо, упрощаем задачу. Я делаю вид, что сплю!

Целая делегация скалолазов поочередно штурмовали дракона, который изображал, что он спит.

— Эй, салатик! Почеши левее! Да! Да! Какой ты молодец! Ладно, накину бал на экзамене! — не выдержал дракон, пока по нему пытался вскарабкаться Гарольд, воинственно крича, срываясь вниз, и снова цепляясь руками за драконью чешую. — Я уже не то, что проснулся! Я уже даже позавтракал. Тобой!

— Слушай, — заметила я, подходя к Элберту и глядя на унылое «кладбище», переводящее дух после эпической битвы. — У меня к тебе просьба есть! Ты знаешь, где этот сумасшедший в лесу живет?

— Бывший ректор? — зевнул дракон, радуя меня очередным фактом биографии возлюбленного Шарман. — Знаю.

— Проводишь? — попросила я, делая самое милое личико. — Очень нужно с ним поговорить!

И тут глаза дракона стали хитрыми-хитрыми. «Ты видал, как я его!» — хвастались принцы друг перед другом, а я сжимала в кармане письмо, в ожидании решения.

— Давай договоримся, — на меня смотрели самые коварные на свете драконьи глаза. Он даже лапу под голову подложил, с интересом глядя на меня. — Если тебе удастся меня победить, то... я провожу тебя... А вот если нет, то ты даешь мне слово, что сегодняшний вечер мы проведем вместе... Я же обещал показать тебе свои сокровища?

Мысли о том, что драконов недолюбливают не просто так, стали посещать мою голову все чаще и чаще. С другой стороны, блуждать по лесу в одиночку мне не очень хотелось. В голове зрел коварный и вероломный план победы...

— Хорошо! — согласилась я, глядя, как расцветает зубастой улыбкой дракон. — Давай!

Я пошла в сторону принцев, взяла самый легкий и маленький меч. Пока я делала вид, что выбираю оружие, горкой валявшееся на земле, я сгребала пыль и распахивала ее по карманам. Оторвав украдкой клочок ветхой рубахи, я собрала еще одну приличную горсть. Попытка — не пытка!

Я двигалась на смеющегося дракона, размахивая мечом, а потом резко бросила ему глаза горсть пыли, видя как он мотает головой, трет лапами морду и чихает огнем. Воспользовавшись заминкой, я вскарабкалась на него сверху, обдирая руки о жесткую чешую. Я точно не знала, куда нужно приставлять меч, но на всякий случай уперла его в драконью шею. Если бы не слетевший сапог и порванная хламида, я выглядела бы очень солидно.

— Ах ты, маленькая... — ругался дракон, кашляя и пытаясь проморгаться и принимая человеческий облик. — Ладно, я отведу тебя туда, куда ты просила! Урок окончен! Так, поддержи!

Дракон снял камзол, отдал его мне, отряхивая рубашку и протирая глаза, а потом потянулся за камзолом. У него на руке была повязана старая, изрядно потрёпанная и вылинявшая ленточка.

— Что смотришь? Это подарок! — у меня вырвали камзол, бережно пряча ленточку в рукаве. Мы шли по лесу, пока я старалась запомнить дорогу...

— Очередная красавица подарила? Принцесса? — зевнула я, проверяя записку в кармане.

— Ну, можно и так сказать, — улыбнулся Элберт. — Много лет назад... Тебе интересно? Ну хорошо... Много лет назад в одном лесу я услышал детский плач... На полянке сидела маленькая девочка и рыдала. Рядом с ней лежала пустая корзинка, в которой болталась горстка ягод. Я сначала подумал, что она заблудилась, но нет... Чумазая оборванка лет восьми всхлипывала над корзинкой, грязными пальцами перебирая ягодки. «Кушать хочу!» — рыдала она, баюкая на груди свою корзинку.

Я представила картинку, глядя на красивый профиль дракона. Что-то не заметила за ним актов благотворительности.

— Она плакала потому, что была голодна. И правда. Лохмотья, а под ними — кожа да

кости. Я спросил, почему она не ест ягоды, на что она с ответила, что эти ягоды поделит между младшими. И она не съест ни одной, потому что малышам не хватит... Что-то во мне тогда дрогнуло, и я отвел ее к себе, дал еды, но она отщипнула от хлеба только маленький кусочек и положила в рот. «Если сосать крошечку, то кажется, что сытая!» — пояснила она мне, глядя взрослыми глазами. «Я так всегда делаю, когда кушать хочется! Меня мама научила! А теперь я старшая! Теперь я должна быть вместо мамы и папы!» — гордо заявила она. Я помню, как она бережно складывала хлеб, мясо и сыр в корзинку, прижимая еду к себе, как сокровища. Она даже поцеловала хлеб, роняя на него слезы.

Я представляла, как голодный ребенок целует хлеб, и почувствовала, а по моей щеке скатилась слеза.

— Я решил помочь ей, даже предложил ей взять золото из моей сокровищницы, но она посмотрела на меня странным взглядом. «Главное богатство, как учила меня мама, это — хлебушек!» — поясняла мне малышка, собирая со стола все крошечки пальцем и ссыпая их в платок. Я подумал, что она — не самый умный ребенок. На деньги, которые я предлагал, можно купить столько хлеба, сколько хватит накормить весь поселок. «Глупый! — вздохнула девочка, прижимая хлебушек и глядя на меня голодными глазами. — Деньги могут отнять! Как только узнают, что у нас есть деньги, их отнимут! Король, министры, староста, соседи! А хлебушек никто не отнимет! Мы просто его съедим и никому не скажем!». Я смотрел на ребенка со взрослыми глазами, который предпочел всем сокровищам хлеб, и думал о том, что, возможно, я действительно глуп... «Вот представь себе! — вздохнул ребенок, удивляясь моей «глупости», — Ты очутился там, где ничегошеньки нет! Что бы ты взял с собой? Я бы взяла хлеб и воду! Зачем мне деньги там, где ничегошеньки нет и ничегошеньки нельзя купить? Так что настоящее богатство — это хлеб!».

Я ревела, утирая слезы и шмыгая носом, представляя храбрую малютку, которая учит дракона, что деньги — это не самое главное в жизни.

— А она знала, кто ты? — спросила я, растирая глаза и чувствовала, что готова пожертвовать своей зарплатой в пользу приюта для сирот.

— Нет, — усмехнулся дракон. — Я ей не стал говорить... Зато вывел ее из леса! А через день она пришла, принесла мне в чумазах руках вот эту ленточку. Я тогда усмехнулся, отказавшись от подарка, но она положила ее на стол. «Глупый! Сокровище — это не то, чего у тебя много, и с чем ты легко можешь расстаться! Сокровище, как говорила моя мама, это — единственное ценное, что у тебя есть! Я дарю тебе мое единственное сокровище!» — тихо произнесла девочка, опустив ленточку на стол. Она ушла, а я смотрел на эту ленточку, понимая, что она подарила мне больше, чем я ей. Странная мысль, для дракона, у которого пещера ломится от золота, не так ли?

Я уже ревела белугой, понимая, что готова прямо сейчас удочерить эту малышку.

— Я хотел забрать ее... Решил, что вырву ее из мира нищеты. Она будет одета, как принцесса, она никогда больше не узнает голода. Малышка будет спать на пуховых перинах, кушать из золотой посуды... Честно, готов был забрать ее вместе с ее братьями и сестрами. Я принял решение... Через три дня я спустился в деревню и стал спрашивать о ней, а мне сказали, что староста решил продать сирот в услужение и рабство. Селяне рассказывали, как она кричала, когда ее пытались разлучить с семьей. Я готов был выкупить ее за любые деньги, но ее след потерялся...

— А как ее звали? — всхлипнула я, чувствуя, что вытрясу из дракона душу.

— Знаешь, о чем я жалею? О том, что не спросил ее имя... Я много лет искал свою девочку, — дракон смотрел куда-то в сторону гор. — Много лет я искал мою маленькую ленточку. Я спрашивал у всех, не видели ли они девочку лет восьми...

— Эм... — я посмотрела на дракона взглядом человека, который сейчас доступным языком пояснит наивной детворе, что нет беспроцентных кредитов, деда мороза и ипотеки без первого взноса. — Ты много лет искал девочку лет восьми? Вот, не хочу тебя огорчать... Но... Сколько лет назад это было?

— Ты о чем? — нахмурился дракон. Мне кажется, что он начал что-то подозревать. — Не

помню... У нас, у драконов, нет такого понятия, как время. Мы не считаем годы... Я все равно найду ее... Я в это верю!

— Как бы так тебе сказать, чтобы тебя не сильно расстроить... Эм... Спустя двадцать лет нужно искать не восьмилетнюю девочку, а двадцати восьмилетнюю девушку..., - я была осторожна, как сапер на минном поле чужой самооценки. — А если это было ... ну... например, сто лет назад, то...

Я смотрела на лицо дракона, который вспомнил математику, и понимала, что язык мой — враг мой. Он смотрел на меня так, словно я только что действительно убила его.

— Но я верю, что ты обязательно найдешь ее, — улыбнулась я, надеясь приободрить его, но на меня смотрели так, словно целый мир с грохотом рухнул, а осколок мечты больно ранил душу. — Элберт!

— Тебе прямо и направо. Там будет большое дерево, — глухо заметил дракон, словно не видя меня. — Не ошибешься...

— Элберт! — взмолилась я, глядя в его глаза. — А вдруг это было совсем недавно? Лет двадцать назад? Или тридцать?

— Я посчитал... Это было больше ста лет назад, — услышала я голос. Да, для того, чтобы убить дракона, не обязательно быть рыцарем, как показывает практика. Он обернулся драконом и взлетел, даже не обернувшись.

— Ну вот зачем, — хныкала я, укоряя себя и чувствуя, как жар стыда, подкатывает к моим щекам. — Зачем я это ляпнула... Может, он только и жил надеждой ее встретить... Хотя, с другой стороны, нет ничего страшнее ложных иллюзий...

Ноги вынесли меня к огромному даже по меркам этого векового леса дереву, рядом с которым был собран из даров природы ветхий, но большой шалаш, как бы намекая на то, что начало рая с милым уже положено. Причем, криво.

— Тук-тук! — я изобразила стук, слыша, как внутри шалаша кто-то кряхтит. Я натянула на себя улыбку, которой научилась у коммивояжеров. «Кто ходит в гости по утрам? Кто нам приносит всякий хлам?», — мысленно прокручивала я, вслушиваясь в шорох, который доносился из будущего рая.

— Входите в кабинет! — послышался суровый голос, а я почувствовала себя девушкой на побегушках, мнущейся возле начальственной двери. — Только дверями не хлопать!

Я отогнула какую-то тряпку, вступая в сакральный мир, благоухающий брутальным ароматом немытого тела. В этот момент я очень скептически относилась к этому шаткому эдему. Я опустила тряпочку, глядя, как сквозь дырявую крышу падают лучи света.

— Я же сказал! — сурово заметил счастливый лохматый владелец самостроя. — Не хлопать дверьми! Выйди, постучи, и зайди снова!

Глава шестнадцатая

С милым рай и в шалаше...

Я умею обеспечить семью.

Неприятностями.

Я закатила глаза, снова выходя из шалаша и раздраженно сдувая прядь волос с лица. Набрав воздуха в грудь, я торжественно изобразила одинокого ленивого дятла. Из шалаша раздалось сиплое и высокомерное: «Войдите!». Я осторожно отогнула ветошь, опуская ее так, словно пытаюсь попасть домой после удачного дня рождения подруги, повторяя себе: «Веди себя как обычно!», слыша, как в комнате ворочаются родители.

— Ну вот опять! А ноги вытирать тебя не учили? — насупился дед, пока я смотрела на мусор, устилающий пол его шалаша. Молча сопя, я снова отогнула «дверь» и стала демонстративно шоркать ногами по траве. Вот так всегда! Пришла любовь, вся такая счастливая, радостная, просто влетела на крыльях, а тут раздается гнусавое: «Стучаться надо! А ноги вытирать не учили?». Нет, Купидону, определенно проще, чем мне, ибо он поражает дистанционно...

— Достаточно! Присаживайся! Только дверью не хлопай! Не в шалаше живешь! — на меня смотрел грязный, заросший дед в лохмотьях и белесыми рыбьими глазами навывкате, спрятанными под кустистыми седыми бровями. — Здраваться тебя не научили! И что за неподобающий вид! Ты в кабинет к ректору пришел!

Я шумно втянула воздух, чувствуя, что мой словарный запас, который может емко охарактеризовать ситуацию, очень просится наружу. Амуру имени меня срочно нужен противогаз!

— Я вызывал тебя! Твое поведение просто безобразно! Ты — позор Академии! Ты проявил неуважение к ректору! — авторитетно заявил «пострадавший», пугая меня, вестнику любви, своим половым детерминизмом.

— У меня для вас письмо! — терпеливо и доброжелательно заметила я, и протягивая ему послание. В следующий раз пусть расписывается в получении!

— Хм... — прищурился «ректор», сопя и насупив кустистые брови. Он почесался и снова уставился на бантик с некоторым подозрением. — Это — очень важное письмо! Я его ждал!

Уже легче! Я — то думала, что придется на пальцах объяснять ему про тычинки и пестики, а тут он сам, кажется, догадался по кокетливому бантику о цели моего визита. Нет, я бы сейчас с удовольствием занюхала бы конвертом, чтобы иметь возможность продолжить разговор.

— Оставляйте! — властно кивнул мне дед, хватая письмо, поворачиваясь ко мне спиной и ковыляя в сторону разошедшегося ведра. Он уселся на него поудобней, развернул письмо, даже не читая и стал мять его в руках...

— Хорошая бумага! Сейчас я ее подпишу! — радостно бухтел дед, пытаясь помять ее как следует, но я бросилась к нему и выхватила из рук послание.

— А прочитать? — возмутилась я до глубины души столь циничным отношениям к чужим чувствам.

— Я никогда не читаю бумаг! Я их просто подписываю! — заявил мне «ректор», сопя от негодования. — Читать — вредно для зрения!

— Давайте я вам ее прочитаю. Мне зрения не жалко, — я развернула бумажку, сглотнула и начала читать вслух, пытаясь передать все чувства. — Милый, любимый, единственный... Я постоянно думаю о тебе. С того момента, когда я впервые увидела тебя, уже не могу забыть...

Хм... Я тоже до сих пор под впечатлением от нашей первой встречи.

— Ты снишься мне, и я не нахожу себе места... Даже стая ворон за окном кажется мне...

— Ворон? — дед дернулся, а потом затряс головой, расставляя руки, словно крылья. — Я — ворон! Кар-р-р! Кар-р-р! У меня повредили крыло! Кар-р-р! Я пытался взлететь... Залезал на самое высокое дерево!

Он поднял руку, за которой стелились грязные лохмотья, намекая мне, что не подлая гравитация, а именно дыра в «крыле» не дает ему, бедняжке, стать местным Икаром. Где-то переглядывались братья Райт, Монгольфье и остальные покорители неба, скорбно отщипывая от своих лавров букетик на могилу новатора.

— Короче, — сглотнула я, пятясь назад и глядя, как «герой-любовник» размахивает руками, свирепо вращая глазами. — Тебя любят!

— Кар-р-р! Моя госпожа! Моя хозяйка! — орал дед, пытаясь улететь. Я, конечно, понимаю, что любовь окрыляет, но почему-то мне казалось, что это — образное выражение.

— Моя госпожа! Я предан тебе! — дергался бывший ректор, который решил взять дополнительные часы «налета». — Моя королева! Моя богиня! Забери меня! Я — твой верный слуга! Кар-р-р!

Я осторожно вышла из «кабинета ректора», стараясь не «хлопать» дверью, и ускоренным шагом двинулась обратно, чувствуя, что оглядываться и сбавлять темпы мне почему-то не хочется. Я шла по лесу, с одной стороны радуясь, что благодаря купидону имени меня, два влюбленных сердца смогут объединиться, а с другой стороны я было стойкое впечатление, что пора открывать «Шалаш 2», разбирая психологические отклонения всех участников недостроя имени «Большой и Чистой»!

Немного отдышавшись и сбавив шаг, я смотрела на черные башни замка, на замшелые стены и понимала, что расколдовать его может только капитальный ремонт. Уже темно, а я ловила себя на мысли о том, что снова мысленно танцую, вспоминая, как дрожала от напряжения моя рука. Тадам! Тададам!

Я вальсировала, слыша хруст сучьев под ногами и шорох листьев. Тадам! Тарам! Словно меня околдовали, я закрываю глаза и вижу его улыбку и синие глаза. Я ловлю себя на мысли, что все мы смертельно больны, а любовь — это всего лишь анестезия, которая притупляет страх, боль и отчаяние. Любовь — это сладкое лекарство, которое мы пьем маленькой ложечкой, на секунду растворяя горечь несбыточных грез и поражений.

Может быть, кто-то скажет мне, что принцы — неисправимы; что после всего, что они со мной сделали, я должна обрасти шкурой ненависти и научиться выть при мысли о том, что мне еще с ними нянчиться, но я действительно хочу вырвать их из мира приторной лести, розовых соплей, фальши, лицемерия и зализанной самооценки.

Может потому, что мой отец когда-то занимал неплохую должность, а все вокруг называли меня «маленькой принцессой»? Помню, как носились со мной в детском саду, как на каждом утреннике давали самую лучшую роль, как дети спешили со мной подружиться, хвалили мои платья и игрушки. Все вокруг говорили о том, какая я красивая, замечательная и талантливая. Помню, знакомые восхищались, сюсюкались, а я принимала лесть и желание «подмазаться к папе» за безмерную любовь к моей маленькой персоне. Мне было плевать, сколько стоит кукла, мне было все равно, сколько стоят платья, пальтишка, конфеты, я лишь удивлялась, почему родители Саши не могут купить ей такую же красавицу вместо ее лысого, разукрашенного фломастерами пупса, а родители Сережи зашивают его куртку. Это же некрасиво, когда на рукаве заплатка! Мы такие вещи просто выбрасываем! А Лена однажды сказала, что дома нет даже хлеба. Но что я тогда возьми да и ляпни что-то вроде: «Ешьте конфеты. Они вкуснее!» Я искренне недоумевала, как это в доме может не быть конфет, печенья, апельсинов? Как? Это продолжалось до того самого дня, когда папу сместили с должности. Я не понимала, что происходит, сплевывая на дорогое пальтишко грязный, мартовский снег под злорадные крики бывших «друзей». В этот день я стала «просто Настей». Настей, которой больше не будут «натягивать оценочки», Настей, у которой не осталось подруг, Настей, которую дома ждет обычная гречка, Настей, которая может надеяться только на себя.

Принцы уверены в том, что их счастье будет длиться вечно, что они никогда не столкнутся с реальными трудностями. И я в это верила, швыряя в стенку кисловатый апельсин, отрезая волосы дорожкой кукле и смеясь над старыми туфлями одноклассницы — сироты, которую воспитывает бабушка.

— Я хочу, — прошептала я, отгоняя чувство мучительного стыда за прошлое, кутая руки в хламиду и выдыхая пар. — Я хочу, чтобы принцы убедились в том, что корона — всего лишь украшение для головы. Чтобы они перестали думать короной... Я не хочу, чтобы они все потеряли, как я. Просто, я хочу, чтобы они наконец-то перестали быть принцами, оставаясь при этом принцами. Как-то так!

Я сглотнула, зябко кутаясь и открывая дверь замка. Возле моего кабинета стояла Мадемуазель Шарман, воровато оглядываясь и бросая на меня взгляд шпиона из дешевого боевика.

— Ну как? — прошептала она, с надеждой глядя на меня. — Отдала? Как он? Что сказал? Что с ним? Все рассказывай!

Я поджала губы, а потом выдала самую оптимистичную из всех улыбок, аккуратно преподнося действительность.

— Он был рад! — улыбалась я, глядя, как меняется выражение лица Шарман. Она сморщилась, как грецкий орех. Ее белую, отштукатуренную макияжем щеку прорезал канал слезы, — Сказал, что долго ждал письмо... Он говорил, что вы — королева, богиня, госпожа и хозяйка! А еще он повредил крыло...

— Неужели!!! — воскликнула Шарман, глядя на меня с таким страданием, словно дата похорон уже назначена, а я лишь уточнила детали. — Крыло? Бедненький! Как же ему больно... Слушай!

Она посмотрела на меня с такой мольбой, что из одноразового купидона — волонтера, я стала превращаться в профессиональную сваху.

— Понимаешь, я очень переживаю... Хочу с ним встретиться, но... Но мои женские чары на него почему-то не действуют! — воскликнула Шарман, сжимая в руках платочек. — Может, я чего — то не понимаю... Но... Могла бы ты... оказать мне одну услугу...

Я чувствовала, что кто-то уже выстилает коврой дорожкой моих добрых дел кратчайший путь в ад...

— За определенное вознаграждение... Скажем так, я знаю то, чего не знают другие, — Шарман подмигнула мне так, что у нее склеились ресницы на глазу. — Я хочу пойти на свидание... Чтобы закрепить результат, я должна знать, что нравится мужчинам... Я — то знаю, но ... боюсь ошибиться... У меня нет права на ошибку! Мы должны тщательно подготовиться!

У меня, конечно, есть предположение, что нашему герою — любовнику может понравиться смиренная рубашка, кусок мыла и бритва, но с подарками мы пока не будем торопиться.

— Слушай, — осторожно и деликатно заметила я, понимая, что слава победителя драконов, почему-то сильно испортила мне настроение. — Ты точно уверена, что он тебе нужен? Мне показалось, что он тебя... недостойн! Мужчина, который не решается сделать первый шаг...

— Он просто очень робкий! — с мечтательной улыбкой вздохнула Шарман, собрав руки на груди. — Стеснительный!

— Понимаю, что с милым рай и в шалаше... А там ... у него... Дует... Холодно, — объясняла я, представляя обитель любви из веток, говна и палок.

— Обнимет — будет тепло! — отмахнулась Шарман, пока я пыталась воззвать если не к ее разуму, то хотя бы к ревматизму.

— Мне показалось, что вы — разные. Слишком разные! — продолжала я, чувствуя, что премию «Демотиватор Академии» мы честно поделим с призраком пополам.

— Глупости все это, — возразила Шарман, витая в облаках любви. — Поговори с нашими! Я хочу узнать все, что может понравиться мужчине! Одежда, цвет губ... Разузнай все, что только можно! Что может ему понравиться? Аккуратно, деликатно... Чтобы они ничего не заподозрили... Мы должны сразить его наповал!

Родители научили меня конспирации, а жизнь — контрацепции, поэтому я поклялась быть самой осторожностью в данном вопросе. Шарман удалилась, а я вернулась в свой кабинет, постанывая при виде привычной горы свежих писем. Я плюхнулась в кресло и села их разбирать.

«После того инцидента, когда вы не позволили забрать нашего сына, унизили наше достоинство обыском, указом Его Величества, вы признаны на территории нашего королевства — государственной преступницей! При пересечении границы, вам отрубят голову! С уважением Его Величество Гордон Пятый».

Замечательно! Всегда мечтала потерять голову от местных красот! Я распечатала еще одно письмо: «... нанесли оскорбление в нашем лице всему королевству! В случае, если вы пересечете его границы, вас заточат в тюрьму без права помилования!».

Скромненько, мрачненько и со вкусом! Гуманизм — наше все! Письма следовали одно за другим... «... вас ждет виселица, стоит вам только пересечь наши границы, за чудовищный акт унижения!», «... посадят вас на кол (привселюдно)...», «... линчуют...», «... закуют в колодки и заморят голодом...», «... забьют камнями на главной площади...», «... четвертуют...», «... утопят в море...»!

Ух-ты! Я теперь знаю, где есть море! Какая прелесть! Что у нас тут дальше? «... подвергнут пыткам и замуруют в стену...». Ничего, ничего! Зато буду, как за каменной стеной! «... отдадут на растерзание диким зверям на потеху публике...». Какая прелесть! Желательно оголодавшим хомячкам! И... «... затравят собаками...».

Я молча взяла чистые листы, написала и растиражировала одну и ту же фразу: «Не дождетесь!», поставила свою роспись и запаковала в конверты. Отпуск превращался в отпуск грехов... «А кто приедет к нам, тот сразу ахнет! И для кого-то жареным запахнет!», — пропело что-то внутри меня, и тут я подозрительно принялась. Пахло горелым... Я снова принялась, срываясь с кресла... Выйдя в коридор, я почувствовала, что запах никуда не исчез, и даже наоборот, подозрительно усилился...

Я шла по коридору, принявшись, понимая, что очень скоро рядом с шалашиком предыдущего ректора будет стоять еще один, уже мой. А если это действительно пожар, то рай в шалаше придется искать всем!

— Чувствуешь запах? — поинтересовалась я, оглядываясь по сторонам.

«Спасибо, что напомнила мне, что я не дышу! Твоя тактичность приводит меня в восторг!», — проступило обиженное на стене.

— Отлично! Можно экономить на духах! — отозвалась я, снова принявшись. А у нас случайно ничего не горит? Ну мало ли? Вдруг ты на плиту молоко поставил? Нет? Не ставил?

Я быстрым шагом шла в сторону башни принцев, а потом распахнула дверь, чувствуя, как в легкие ворвался горький и противный дым, застилая глаза и разъедая их!

— Ты чего мне не сказал! — заорала я, бросаясь внутрь, но чувствуя, как меня удерживают за плечи.

— Я не могу контролировать весь замок сразу, — слышался голос, пока я отчаянно вырывалась.

— Буди преподавателей! — орала я, видя, как валит едкий дым и горит странное, голубоватое пламя. — Вода! Сможешь принести воды?

Стоило только полить огонь водой, как он к моему ужасу разгорелся еще ярче и сильнее, словно в ведре была не обычная вода, а керосин...

— Ничего себе! — шарахнулась я, округляя глаза. Я бросилась туда, откуда валил дым, в

надежде, что еще удастся кого-то спасти...

— Не позволю тебе рисковать своей жизнью! — кричали на меня, пока я отчаянно вырывалась. Наверное, жертвы маньяка орут слегка потише.

— Я что тебе сказал, противная девчонка? Не позволю! — слышала я голос, чувствуя, как меня держат в железных тисках. — Полезешь в огонь — я лично убью тебя! Ты меня поняла?

На крик уже сбегались преподаватели. «Ее в башню не пускать! Под страхом смерти!», — появилось на стене, а я почувствовала, что свободна, чуть не потеряв равновесие. Из клубов дыма вытаскивали принцев.

— Живы, — вздохнул с каким-то сожалением Винсент. — Дыма наглотались... Ничего, придут в себя...

Три... Четыре... Пять... Шесть... Семь... Восемь... Девять... Десять. Десять?

Я смотрела, как из Башни валит густой сизый дым. Десять...

— Понятно, — прокашлялся Лючио. — Магический огонь. Придется ждать, когда сам погаснет! Так, куда пошла! Я жить хочу!

Я втянула воздух сквозь зубы и на пальцах показала цифру «два».

— Два принца! Два! — я чувствовала, как меня тянут за хламиду. — Я не позволю им умереть!

— Стоять! К дальним комнатам не пройти! Там огонь! Остановись! — меня тянули назад. — Я туда больше не сунусь!

— Согласен, — откашлялся Робер, разглядывая обгоревший манжет, пока Арден отряхивал камзол, накинутый поверх сорочки. — Не хватало, чтобы я жизнью рисковал ради каких-то принцев!

— Пусти! — прошипела я. Одно резкое движение, и в руках «спасителя» очутился кусочек плешивого чебурашки, а я бросилась в дым. Глаза сразу стало разъедать, я закрыла нос рукавом, наощупь пробираясь по лестнице. Еще немножечко! Еще чуть-чуть! Ощупывая руками стены и чувствуя, как кружится голова, я ступила в коридор, в котором полыхало голубое пламя. Вот тебе и праздничная передача с салютом и шампанским! А слезы на глазах от едкого дыма — чем не радость? Двери комнат были настежь открыты, на полу валялось сброшенное впопыхах одеяло, которым я пыталась сбить огонь, чтобы пробраться дальше. Я бросилась сквозь огонь, туша на себе одежду. Передо мною были две закрытые двери и густой черный дым, который выедал глаза. Из одной двери вырывалось такое пламя, что я бросилась ко второй, пытаясь ее выломать.

— Кто там? — простонал голос за дверью, вселяя в меня надежду.

— Открывай! — взмолилась я, барабанив, что есть мочи и чувствуя нарастающий жар. Мне кажется, что у меня обгорели волосы.

— Я не могу... Там огонь! И дышать нечем! — послышался кашель и слабый голос. — Часть крыши рухнула...

— Давай, мой хороший, — умоляла я, барабанив в дверь. — Попробуй прорваться сквозь пламя. Возьми одеяло и попробуй слегка потушить его... Давай, маленький мой... Давай... Я верю в тебя! Кхе!

Я надрывно кашляла, закрывая рукавом лицо и чувствуя приступы дурноты. Только бы не потерять сознание! Только бы не потерять сознание! За дверью слышался шум, а я покачивалась, стараясь глубоко не дышать. Дверь открылась, а на пороге, прислоняясь к дверному косяку, устоял Фердинанд. Он кашлял, оседая на пол.

— Ты видела? — задыхался перепачканный в саже принц. — Видела? Я смог...

— Конечно, видела! Ты — молодец! — кашляла я, глядя, как горит его комната и хлопает

створка открытого окна. — Давай, мой хороший! Вставай! Сейчас мы выберемся!

Я попыталась закинуть его руку на плечо и встать, но было тяжело, поэтому я осела со своей ношей на пол...

— Давай-давай, — причитала я, задыхаясь от дыма. — Встал!!! Я кому сказала!!! Так, не вздумай! Я тебе не позволяю умирать! Тебе еще народ грабить... Тебе еще идиотские указы издавать... Тебе еще казну спустить на развлечения предстоит! Давай! Поднимайся!

Фердинанд открыл глаза, задыхаясь и кашляя, но мужественно попытался подняться...

— Я не смогу! — прошептал он, все-таки вставая и ковыляя вместе со мной к огненному завалу.

— Я не могу... Нет... — с паническим ужасом прошептал он, глядя на голубой огонек. Мы подобрались к горящей балке. — Не смогу... Я не... Это — магическое пламя! Оно... оно... Оно сожжет меня заживо... Это ведь — магия!

Я осмотрелась по сторонам, чувствуя, как в бело-сизом мареве ничего не могу разглядеть... Дрожащими руками я сняла сережку из уха.

— Знаешь, что это такое? — прошептала я, вкладывая сережку ему в трясущуюся руку. — Она — волшебная! Ты думаешь, как я сюда добралась? Благодаря этим серьгам! Магический огонь не причинит тебе вреда... Мне их подарил один колдун. Ты его не знаешь...

Принц посмотрел на меня странным взглядом, давась кашлем, а потом сжал сережку.

— Точно? — спросил он, снова надрывно кашляя. Я никогда не видела в глазах человека столько ужаса.

— Стала бы я тебе лгать? Я же ректор! Когда я говорила, что у вас будет по два-три урока в день, я что? Солгала? — натурально возмутилась я, чувствуя, как силы меня покидают.

— А ты как? — удивился принц, глядя на пламя и сжимая кулак. Пламя разгоралось все сильнее, поэтому я нервничала, натягивая одежду на нос.

— Эм... Ну у меня же одна осталась? — прокашлялась я, глядя, как он покачнулся, взял разбег и перелетел через огонь.

— Ничего себе! — послышался удивленный голос по ту сторону пламени. — И правда, волшебная!

— Спускайся, — прокашлялась я, чувствуя, что в голове все перемешивается и плывет... — Я тебя потом догоню! Только на лестнице осторожней!

Раздался треск и грохот. Прямо передо мной обрушилась горящая крыша, заставив меня прижаться к стенке. Ай! Горячая! Я услышала сквозь потрескивания древесины, как что-то громынуло. С каждой каплей дождя пламя разгоралось все сильнее, а я металась, словно загнанный зверь, чувствуя, что дышать стало немного легче. Мой взгляд упал на дверь, откуда вырывались огромные языки огня. В случае чего я всегда могу сказать, где открылся филиал ада! На щеках проступили слезы, а удушающий комок рыданий лишил последних сил. Он все-таки погиб... Флориан... Один из моих принцев погиб... Не уберегла... Я не заслуживаю быть ректором! Не заслуживаю! Погиб... Надо было раньше делать обход... Вот приди я на десять минут раньше... Я бы успела... успела...

Я обхватила голову руками, слыша, как надо мной трещит крыша, в сквозь пелену слез маячило пламя, преграждающее дорогу к спасению.

— Я рада.... — выдохнула я, кусая губы, задыхаясь от слез и мечась в поисках островка спасения. — Рада, что сумела спасти хотя бы одного... Хоть одного... Нужно выбирать! Нельзя раскисать! Может, прыгнуть через огонь? Пламя слишком высокое... А если попробовать пробраться в комнату и вылезти в окно? Так... Так... Так... Безвыходных ситуаций не бывает!

Пламя подбиралось ко мне, заставляя отползать подальше, загнав меня в тупик.

— Просто бывают выходы, которые не устраивают! — прокашлялась я, чувствуя спиной раскаленную стену. Прямо как на уроке литературы, когда учитель с какой-то необъяснимой гордостью изрек: «... в горящую избу войдет!», восхваляя «тех самых женщин, которые не чета нынешним профурсеткам»! Из всего класса только я задала вопрос: «А выйдет ли?». На что мне ответили: «что если и выйдет, то только замуж!».

Я инстинктивно дернулась, когда справа от меня рухнули обгоревшие доски. Остатки крыши надо мной затрещали, а я поняла, что прятаться уже некуда... Пламя было настолько высоким, что я бы не рискнула прыгать через него... Из дверного проема вырывалось такое пламя, словно там поселился огнедышащий дракон! Ничего себе! Даже камень горит!!! Кхе-кхе!

А если попробовать через крышу? Я посмотрела вверх, видя, как сквозь дыры обрушений, она полыхает факелом. Плохая идея... В этот момент меня что-то кольнуло. И ведь самое страшное заключается в том, смерти плевать, люблю я кого-то или нет, умру я, вспоминая поцелуи, или кусая губы от одиночества ... Почему-то сейчас проклятие кажется просто чьей-то злой шуткой...

Эта мысль заставила меня улыбнуться приближающемуся огненному смерчу.

Нет, все-таки рискну! Вдруг удастся прорваться? Я встала, чувствуя, как дрожат колени. Знать бы наверняка... Ладно! Если что, на одного призрака в Академии станет больше!

Я сжала кулаки, глядя на пламя, зажмурилась и дернулась вперед.

— Люблю... — прошептала я, чтобы придать себе храбрости. Как только мое тело дернулось в сторону огненной стены, меня резко схватили за руку и больно дернули назад.

— Куда??? — послышался знакомый хриплый голос. — Там сплошное пламя! Ты совсем рехнулась? Хочешь умереть — подожди! Я вытащу тебя, а потом задушу своими руками!

Я не знала, плакать или смеяться! И тут я почувствовала, как меня обнимают, нежно поглаживая мое лицо руками.

— Ненавижу тебя! Задушу собственными руками! — орал мне на ухо, не забывая нежно гладить и вытирать сажу с лица. Что-то сверху снова подозрительно затрещало! Меня резко подняли на руки, заставив прижаться к груди. — Убью... Вот просто возьму и прикончу на месте!

Я прижималась к нему, терлась о его камзол, видя как рука прикрывая меня от огня.

— Не знаю, что с тобой сделаю! — слышала я, успокоившись и не веря своему счастью, особенно в тот момент, когда его рука проводила по моим волосам. — Вот поверь мне...

Треск и грохот позади, заставили меня вздрогнуть. Тьма окутывала огонь, гася его и расчищая нам путь.

— Мне плевать на принцев! Слышишь! Плевать на них! — донеслось до меня в тот момент, когда меня снова заслонили от пламени. — Живы они, мертвы ли они... Мне на них плевать! После того, что они сделали, они живы лишь по одной причине! Потому что ты возишься с ними! Вот не хотел я идти сюда! Не хотел! Знаешь, скольких сил это стоило....

Меня несли на руках по коридору, с ноги разбивая завалы. В одном из треснувших зеркал, украшавших коридор башни принцев, я увидела наше отражение. Ой! Какой кошмар! Ай-я-яй! Из зеркала на меня смотрело настоящее чудовище. Я сжалась, чувствуя себя как-то неуютно. У чудовища было лицо, перемазанное в саже, взъерошенные волосы и порванная одежда. Такое чувство, что это чудовище держали в каких-то подземных казематах, где из развлечений были только пытки и лечебное голодание. Зато это несчастное чудовище держал на руках бледный красавец с роскошными, чистыми золотистыми волосами и синими-синими, как бездна океана глазами. Одет он был с иголочки, и выглядел настолько безупречно, что я бы не стала знакомить его с подругами. Правда, на лице красавца читалось такое негодование, что

чудовище погрузнело, понимая, что в этой сказке расколдовывают его. Точнее, ее. Нет, у чудовища была надежда, что ее расколдует горячая ванна, здоровый сон, расчесанные волосы и платье, потому что на любовь надежды было мало. Взгляд красавца об этом красноречиво свидетельствовал!

Призрак положил руку на стену, и стена послушно обнажила черный зев прохода. Мы выбрались из башни по пыльной винтовой лестнице.

— Я так понимаю, что тебе очень хочется умереть! — на меня смотрели ледяным взглядом, поставив на ноги после того, как мы преодолели последнюю ступеньку. — Я тебе что сказал? Не лезть! Говорил? Говорил.

— Вместо того, чтобы меня ругать, лучше бы нашел эту девчонку! — гневно бросила я, кашляя и пытаясь отдышаться. — Теперь я не буду с ней церемониться. Просто голову откручу! Пожар — это я ее рук дело!

— Я же сказал, что не чувствую ее присутствия в замке! — его синие глаза полыхали похлеще того пламени.

— Но кто-то же поджог башню? — прокашлялась я, указывая рукой на винтовую лестницу потайного прохода. — Или хочешь сказать, что она сама по себе загорелась?

— Если я сказал, что не чувствую ее присутствия в замке, значит, ее здесь нет! Или она пользуется магией! И я не смогу ее обнаружить! — мы смотрели друг на друга не самыми добрыми взглядами. Самое страшное, что в этот момент мне безумно хотелось броситься ему на шею. Я вдохнула, выдохнула, понимая, что в гневе наговорила лишнего.

— Прости... — сглотнула я, снова надрывно кашляя и пытаюсь взять его за руку, но стоило мне дотронуться до нее, она стала растворяться в воздухе. Он исчез, подарив мне напоследок такой взгляд, от которого хотелось прикинуться очень крепко спящей красавицей.

Я толкнула потайную дверь, удивляя всех своим появлением.

— Ничего себе! Потайной проход! А мы о нем не знали! — переглядывались преподаватели, пока принцы уныло сидели вдоль дальней стены. Я поджала губы, покачав головой.

— Там вся комната в огне... Один погиб, — хрипло выдохнула я, понимая, что слишком устала. Остатки нервной системы осаждало войско неприятностей, и она держалась из последних сил.

— Да ладно тебе! — усмехнулся Лючио, похлопав меня по плечу, пристально глядя на стену и запоминая место. — Ну погиб, и что? Знаешь, тут постоянно дохли. То один, то другой. Не бери в голову!

— Не понимаю, чего ты вообще переживаешь? — зевнул Робер, поглядывая на перепуганных учеников. — Напишешь грустное письмо... Дорогие родители, спешу сообщить вам скорбную весть о том, что ваш сын пал смертью храбрых...

— Только подвигов побольше придумай! Я тебе подскажу формулировочки! Мол, сам бросился в огонь спасать... И так далее. Сам! Везде подчеркивай, что сам..., - коварным обольстителем нашептывал Лючио. — Помни, что любой идиотизм можно превратить в героизм!

— В конце, согласно правилам этикета, обязательно выражаешь соболезнования от лица всей Академии, вспоминаешь, каким замечательным он был, как опустели без него стены, какого способного и талантливого ученика мы лишились, — вздохнул Арден, равнодушно поглядывая в сторону башни. — И, в знак скорби, указываешь, что объявлен недельный траур, а портрет принца отныне украсит нашу доску почета. Память о нем будет жить в веках, а он сам будет висеть в траурной рамочке в галерее «Идиотов».

— Арден! Галерея «Героев»! — проскрипела Шарман, хлопая одним недокрашенным глазом. — Славный был... Симпатичный! Кстати, я бы ему дала...

Все посмотрели на Шарман.

— Диплом! — усмехнулась старая куртизанка. — Я имею в виду, скончался — как бы окончил...

Я смотрела на преподавателей, которые нехорошими улыбками оценили идею выдавать дипломы посмертно. Поступило предложение выдавать выжившим красные дипломы, а посмертные дипломы сделать синими, как бы намекая и символизируя...

Мой взгляд упал на горстку несчастных принцев, которые понуро сидели вдоль стены. Мне показалось, что огонь постепенно стихал, а дыма стало намного меньше.

— Если нам объявят войну? — негромко поинтересовалась я, пытаюсь осознать, где заканчивается трагизм и начинается цинизм.

— Конечно, будут угрожать войной! Истерики устраивать! Орать будут, проклинать! Бесценная моя, нас уже столько раз проклинали, что тебе и не снилось! Пока ты плетешься в хвосте со своим единственным проклятием! — смеялся Робер, снова поглядывая на погорельцев, с которыми нехотя возился Винсент, пинком тормоза каждого и проверяя самочувствие. — Идиотизм иногда бывает наследственным. Частенько после смерти сына-идиота, сюда с войском приходит папаша— идиот. «Стереть Академию с лица земли!» — самонадеянно орет он, отправляя армию на штурм. Опыт показал, что через лес проходит только четверть армии, потом к ним радостно слетает знакомиться Элберт. Но больше всех не повезло тем храбрецам, которые врываются в гостеприимно незапертые двери! Мы называем это «День открытых дверей»! Обычно им так нравится в замке, что они остаются в нем навсегда.

— То, что ты видела, и то, что он может — это две абсолютно разные вещи, — проскрипела Шарман, глядя на меня со снисходительной улыбкой.

— Почему вы так легко говорите о смерти? — я смотрела в их глаза, понимая, что смерть человека — это трагедия для тех, кто его знал, любил и кому он был дорог.

— Слушай, — рассмеялся Робер, подходя ко мне, поглаживая по плечам. — Ты — же умная девочка. Смерть, бесценная моя, повсюду! Я видел в своей жизни столько смертей, что меня уже не впечатляет! Мы все не просто видели, но иногда даже сами причиняли ее... Арден — бывший военачальник. Он целые армии складывал трупами на поле боя. Он должен впечатляться смертью какого-то идиота? Да он сам попал сюда из-за такого же венценосного идиота, решившего срочно войти в историю, как герой, возглавив наступление! Пока принц с героическими криками входил в историю, конь благополучно споткнулся и упал, а седок сломал шею. До этого Арден не проиграл ни одного сражения! Ни одного! Наступление на противника и наступление смерти героически совпало. Смерть принца морально подкосило войско, обеспечив полное и безоговорочное поражение. Смешно то, что Ардена бросили в темницу не за смерть принца, а за то, что проиграл бой. Видите ли, удар по королевскому самолюбию! Его семью убили, а его прокля...

— Робер! — Арден смотрел на него тяжелым взглядом, от которого сразу становилось неуютно. Я почему-то видела, как он гордо восседает на коне в доспехах, как объезжает войско, как проводит блестящие операции. Овеянный славой полководец, перед которым падали не только города, но и женщины...

— На чем я остановился? Винсент! Вот тебе пример! Далеко ходить не надо! Работал на королевской службе. Назревал мятеж, из-за неподъемных налогов на сбор новой армии. Министры и король посовещались и решили, что людей нужно чем-то отвлечь от праведного гнева. Они отдали приказ изготовить особый яд. Этот яд вылили во все колодцы. Действовал он, правда, всего лишь три часа, но за эти три часа вымерла четверть населения крупных городов. В основном женщины, старики и дети. Кстати, наш друг был уверен, что яд нужен в военных целях, для того, чтобы отравить воду, поступающую в осажденную крепость. Рецепт Винсент успел уничтожить, но где-то просочилась информация, поэтому добрый король тут же нашел крайнего! Винсента прокляли, бросили в темницу, попытались заставить его восстановить рецепт, но наш унылый друг сбежал, притворившись мертвым...

Я смотрела на Винсента, который молча достал часы, спокойно шаря в кармане в

поисках какой-то малюсенькой склянки. Он вынул зубами пробку и сделал глоток, кривясь и кашляя.

— Лючио! Думаю, что он тебе не рассказывал, но я расскажу, с его позволения! Наш дорогой Лючио из опальной семьи. Кажется, кто-то донес королю о якобы готовящемся покушении, точно указав пальчиком, кто именно его готовил. Вырезали всех, включая младенцев в колыбели, спасся только наш дорогой друг. Вместо того, чтобы сбежать, под чужим именем Лючио поступил на королевскую службу, стал профессиональным убийцей, а потом решил вести свою игру. Отомстив одному королю, он надеялся, что следующий будет чуть лучше, но, увы... Он писал истории королевств, но каждый раз понимал, что ничего не меняется... А потом он умудрился не очень осторожно отправить на тот свет одного монарха. Так Лючио оказался в Академии, проклятый, но живой, — заключил Робер, пока я смотрела, как Лючио смеется, качая головой.

— А что ты хотел, малыш! Я же говорил, что я — историк. Просто скромный историк, — мне подарили фирменную улыбку мерзавца. — Автор шести книг по истории, которую писал кровью главных героев.

— У меня все проще. Король не умел жить по средствам, поэтому привык спускать казну на всякую чепуху. Но больше всего на свете, он мечтал войти в историю и затмить предков. Так у нас благополучно завалилась «самая высокая башня в мире», огромной ямой закончилось путешествие к центру земли, а море не стало плескаться возле дворца, не смотря на то, что ров копали очень усердно. Его прозвали Бедным за талант спустить казну в считанные дни, а потом занимать деньги у придворных. Однажды у короля разыгралась совесть, глядя на те суммы, которые он мне задолжал, поэтому меня тут же объявили врагом народа, проклинали, конфисковали все имущество и приговорили к смертной казни за то, что не стал занимать денег на чужую войну. Королевская совесть — это отдельная дисциплина, как видишь, — рассмеялся Робер, глядя на меня снисходительно.

Шарман тяжело вздохнула.

— Ах, да, я совсем забыл! Прекрасная Шарман! Первая красавица! Знаешь, как стать первой красавицей? Совсем не сложно! Уничтожь тех, кто красивее и успешней, пока они не уничтожили тебя! Король погорюет, погорюет, а потом забудет свою предыдущую любовницу, но уже в твоих объятиях. Эта женщина — вершила политику. Думаешь, что странами правили короли? Нет! Странами правила она. Тебе никто не рассказывал, что за глаза ее называли «Постельной Королевой»? Не всем это нравилось, поэтому ей частенько приходилось менять королевства и королей. Но однажды она решила помочь одной красавице, беременной от принца, покинуть замок до того, как наивной дурочке публично вырежут из чрева бастарда, оставив истекать кровью на лобном месте, — заметил Робер, глядя на старуху с улыбкой. — За жалость, доброту и милосердие она и поплатилась...

— Значит, это — просто месть! — глубоко вздохнула я, глядя, как пламя погасло. Принцы оплакивали свои пожитки, и скулили, сбившись в кучу. — А вас не смущает тот факт, что не эти принцы виновны в ваших бедах? Не они, а их отцы, деды, родственники...

— Я бы даже сказал прадеды, — усмехнулся Лючио, но тут же поймал нехорошие взгляды и пожал плечами. — Молчу...

— Может, когда-нибудь, мы и простим..., - с высокомерной усмешкой заметил Арден. — Но вот забыть, вряд ли получится... Мы бы простили, если бы кому-нибудь из них удалось бы...

Преподаватели переглянулись, а потом посмотрели на принцев.

— ... доказать, что он действительно достоин называться принцем! — спешно закончил мысль Робер, нехорошо глядя на Ардена. — Но, как говорят, что раз ты ничего не стоишь, то и жизнь твоя ничего не стоит. Увы...

— Человеческая жизнь — бесценна, — прокашлялась я, чувствуя, как сжимается сердце при мысли о том, что сегодня мы потеряли одну жизнь.

— Да, жизнь бесценна... — рассмеялся Лючио. — Но только если это — твоя жизнь!

Плюнь на их жизни, малыш. Не будь глупой и упрямой. Не трепи себе нервы. Твоя задача — писать бумажки, поэтому не бери на себя больше, чем можешь потянуть. Сиди, дуй щеки, тренируй каллиграфический почерк и улыбайся. Кстати, пиши письмо родителям как можно быстрее! А не то возмущаться будут, почему сразу не сообщили! Если принцы тебя опередят, то возникнет очень неприятная ситуация. Мол, пытались скрыть и так далее...

— Хватит мне зубы заговаривать! — отмахнулся я, глядя на погорельцев. Преподаватели мне не явно что-то не договаривают. — Нам нужно решить, где разместить принцев! Придется как-то разобрать завалы... И найти эту проклятую девчонку! Она в замке! Это ее рук дело!

— Снимай первый и второй вопрос с повестки, — вздохнул Робер, поворачивая меня в сторону башни.

И тут я заметила, что следы копоти исчезают! Завал на лестнице разбирается само по себе. Обугленные и почерневшие доски снова превращаются в свежие, словно только что выпиленные. Обгоревшие гобелены, украсившие вход в башню чудесным образом стали превращаться в цельные полотна, словно невидимые швеи дошивают поверженного дракона со скоростью, которой позавидует любая швейная машинка. Копоть исчезала, а я смотрела и не верила своим глазам.

— Ничего себе! Как это? — шептала я, делая шаг в башню. Словно не было никакого пожара. Все те же стены, лестница... Я поднималась вверх, глядя на красную ковровую дорожку, устилавшую ступени и коридор. Ни единого напоминания о трагедии. Двери были приоткрыты, в комнатах лежали вещи принцев в целости и сохранности. Зеркало, которое я помню треснувшим, снова стало цельным, поблескивая старинным золотом рамы. Не может быть!

За мной шла целая делегация, гадко хихикая и переговариваясь. Преподаватели улыбались, переглядываясь, пока я ощупывала стены. Вот здесь я помню был завал из обвалившейся крыши... А здесь рухнула перегородка...

— Ничего себе! — изумлялись принцы, трогая двери своих комнат. — Колдовство! Кому рассказать — не поверят! Значит, легенды не врут! Он действительно проклят и заколдован!

Принцы разошлись по комнатам, а я отправилась к себе отмыться и писать самое страшное в своей жизни письмо. Я долго не могла подобрать слов, расхаживая по комнате и поглядывая в сторону ветхого шкафа. На глаза попался корешок книги «Пособие придворного карьериста». Я дернула его, придерживая шкаф, открыла и нервно усмехнулась. Сто обращений к особе королевской крови, тысяча изысканных комплиментов, тысяча сравнений, которые позволяют вам стать фаворитом... Я долистала плесневелый страницы до красивого заголовка «соболезнований по поводу кончины и утраты».

«Ах, если бы можно было измерить наше (мое) горе. Мы (я) отныне безутешен и навечно облачны (ен) в траур, в знак скорби. Клянусь, что буду носить его до конца жизни!».

Что-то как-то уж слишком пафосно для моего скудного гардероба.

«У меня больше не осталось слез! Ах, если б можно было бы измерить мои слезы, то получилось бы настоящее море, в котором навеки утонула радость и счастье!»

Я стиснула зубы и написала письмо, для верности, переписывая все понравившиеся варианты. Десять из них я добавила в самое начало письма, а двенадцать — в конец.

Письмо исчезло со стола, а я взяла чистый лист бумаги и, чтобы хоть немного облегчить совесть, написала: «Инструкция по пожарной безопасности». Через двадцать минут я отложила стопку бумаг и вывела новый заголовок «Инструкция по технике безопасности!».

Через полчаса я собрала всех в том самом зале, в котором переживали пожар.

— Сегодня погиб один из учеников, поэтому я разработала инструкции по пожарной безопасности и по технике безопасности. Вы все дружно распишетесь и обязуетесь

соблюдать! Пункт первый! В случае пропажи ингредиентов, флаконов и обнаружении чего-то подозрительного — сразу же сообщать мне! Пункт второй! В случае угрозы жизни и здоровья — постараться как можно скорее покинуть опасное место и позвать на помощь! заявила я, шурша бумажкой. — В свободное от занятий время принцы должны держаться группами по два человека!

— Держаться по двое, чтобы пока одного убивают, другой успел убежать? — поинтересовался Лючио, пытаясь сдержать ядовитую улыбку. — Одним ударом сразу двух зайцев! Браво!

— Не перебивайте! Пункт три! В случае опасности — собраться в главном зале! Не поддаваться панике! — зачитывала я, чуть не выронив часть листов.

— Это, чтобы опасности удобней было настигнуть всех сразу? — поинтересовался Робер, поднимая брови. — Простите, молчу...

— Пункт четыре! Преподаватели обязаны дать... — прокашлялась я, ища в стопке продолжение.

— Вот с этим пунктом я согласна! — усмехнулась Шарман, посылая воздушный поцелуй в сторону принцев, которые скривились и побледнели.

— ... дать мне знать, если увидят, услышат, унюхают что-то подозрительное. В любое время дня и ночи! — сурово произнесла я, читая пункт за пунктом, понимая, что подобные инструкции пишутся кровью. — Завтра я нарисую план эвакуации! Поверьте, однажды это спасет вам жизнь!

— Человек хватается за бумажку, с целью либо облегчиться, либо облегчить свою совесть, — усмехнулся Лючио, неохотно ставя свою роспись, похожую на кардиограмму умирающего. — С облегчением, дорогая ректорша! Надеюсь, что тебе действительно полегчало!

— Письменную речь изобрели тогда, когда слова обесценились, — хмуро вздохнул Арден, выводя красивый каллиграфический автограф после пламенной речи, что его слова вполне достаточно и подписываться вовсе необязательно.

— Не можешь нести ответственность — переложи ее на бумагу, — скривился Робер, оставляя свой вензель. Перед тем как подписать, он перечитал ее раз пять, перевернул, посмотрел сквозь бумагу на свечу. — Так проще, согласен.

— Самый страшный убийца — это не нож. Это — бумага! — отмахнулся Винсент, рисуя какую-то микроскопическую закорючку в уголке листа.

— Чем больше бумаги, тем чище панталоны! — недовольно прокашлялась Шарман, с видом императрицы рисуя замысловатый вензель.

Притихшие принцы расписывались по очереди, зевая и жалобно глядя на меня, мол, оно нам надо?

— Почтим Флориана минутой молчания... — глухо произнесла я, свернув инструкции в трубочку, склонив голову в знак скорби. А ведь совсем недавно он показывал мне свой прыщик... Переживал, что умрет от неведомой болезни... Бедный мальчик... И пусть он старше меня лет на десять, для меня он все равно — ученик.

Краем уха я слышала, как со скрипом отворилась дверь, а к нам приближались чьи-то шаги.

— Я что сказала? Почтим минутой молчания! Это не значит, что нужно бегать туда-сю..., - мои глаза округлились, глядя на удивленного «покойничка» с мешком. — А... эм...

— А что это вы тут делаете? — поинтересовался «покойный» Флориан, осматривая наше скорбное собрание. — Я просто решил запастись... Мыши, обычно ночью бегают... Днем их сложно выследить... Я вычислил, что в башне Вороньей Королевы их больше всего!

Я молча подошла и залепила ему такую пощечину, от которой чуть не рухнул весь замок.

— У нас тут поджог был! — орала я, глядя, как Флориан не понимает в чем дело. Еще бы! Башня восстановлена, все целы и невредимы. — Я уже твоим родителям письмо отправила о том, что ты погиб при пожаре, а тебя, оказывается, в комнате не было!

Принцы и преподаватели со смехом разбрелись по комнатам, обсуждая чудесное воскрешение, зато я на всякий случай обошла каждую спальню, чтобы убедиться, что все в порядке. Последней была комната Флориана, откуда разило продуктами мышинной жизнедеятельности. На столе у него мирно стояла толстая синяя свеча, голубое пламя которой подрагивало на сквозняке приоткрытого окна. Я смотрела на это пламя, а потом медленно переводила взгляд на принца, который сосредоточенно натирал свой прыщик по часовой стрелке.

— Вижу, тебе понравилась свеча, которую мне привезли родители? Это — не обычный огонь, а волшебный! — похвастался Флориан, пока ветер трепал занавеску над пламенем. — Заметь, он ярче в десять раз! У нас в замке все свечи такие! Маги говорят, что они — самые безопасные! Чтобы потушить ее, нужно сказать волшебные слова... Вот поэтому они самые безо...

Порыв ветра распахнул окно, завалили свечу на стол, а я резко подняла ее, вспоминая десяток таких волшебных заклинаний посыла, от которых покраснели бы даже маститые маги. Слова складывались в персональную инструкцию по пожарной безопасности. «В каждой строчке только точки после букв х, п, е...». Я мысленно понимала, что нашей хромающей дисциплине нужен железный костыль или инвалидное кресло. А лучше кровать, на которую я сейчас обессиленно рухну, искренне сочувствуя воспитателям круглосуточных детских садов и комендантам общежитий. «Комендантский час», «вечерняя переключка», «утренняя линейка» — вертелось у меня в голове, пока я, зевая, ковыляла в свою комнату... Да-да, утренней линейкой... По рукам! И обязательная зарядка в виде утренней пробежки от разъяренной меня! Дракон им покажется просто лапчочкой! Да!

И тут меня что-то кольнуло. Я осмотрелась по сторонам, глядя на стены и полумрак.

— Прости, — устало выдохнула я, сдирая с себя сапоги. — Не обижайся... Девчонка тут не при чем... Этот дурак оставил свою волшебную свечку рядом с открытым окном и ушел за мышинными какашками. И тут два варианта — либо порыв ветра перевернул ее, либо загорелась занавеска...

Я снова осмотрелась по сторонам, с надеждой, что мне ответят.

— Согласна, была не права... И даже не поблагодарила тебя за спасение, — замялась я, кусая губы и снова осматриваясь по сторонам. Быстренько черкнув пару строк о том, что принц таки жив, здоров и тревога была ложной, я тяжело вздохнула и упала в лицо в подушку. «Принцы откосили от армии. Одним глазом!» — последнее, что промелькнуло в сознании, когда я зарывалась в ворох одеял.

Мне снилось, что я — спящая красавица, над которой склонился принц. Я даже чувствовала, как его локоны щекожут мою шею и грудь, как его пальцы нежно-нежно гладят мои щеки, заставляя наслаждаться каждым прикосновением. Мне кажется, что так прикасаются только к самым любимым, самым дорогим, боясь разбудить и потревожить чужой сон, поддавшись внезапному нежному порыву. Это было так чудесно, что мне даже не хотелось просыпаться... Принц что-то говорил мне, но я не разбираю слов. Наверняка что-то искреннее и теплое. Слова, в которые можно укутаться, которые греют лучше самого дорогого одеяла... Я мечтала завернуться в эту нежность, даря сонную улыбку своей волшебной фантазии... Мое сердце сладко екнуло, когда он прикоснулся к моим губам сначала пальцами, проводя по ним, словно дразня, а потом склонился, чтобы поцеловать. В момент самого сладкого и нежного поцелуя на свете, мое сердце расцвело восторгом и нежностью... Я умоляла себя не просыпаться, надеялась, что этот чудесный сон не оборвется звоном утреннего колокола и... никогда не закончится. Я чувствовала, как принц гладит мою руку. Он, словно прощается... Да! Он прощается!

Я смотрел, как она обнимает себя во сне, вздрагивая и постанывая. Ну не успел я

ответить... Не успел... Слишком много сил потратил... Она уже спит, набросив на себя одеяло... Я осторожно провел рукой по ее лицу, боясь что моя нежность разбудит ее. Она даже не заметила, когда я осторожно присел на кровать... Я наклонился, поглаживая ее по волосам. Обычно она начинала ворочаться, ерзать и кряхтеть, но сейчас лежала и тихо вздрагивала во сне.

— Я не должен был говорить тебе о том, что задушу своими руками. Я действительно был зол и испугался за тебя, — прошептал я, осторожно убирая волосы с ее лица и склоняясь к ее губам. На секунду я застыл, чувствуя ее дыхание на своей щеке. — Прости меня за неосторожные слова...

Я целовал ее так нежно, как только мог, чувствуя на губах теплый ветерок ее дыхания и вплетая пальцы в ее спутанные волосы. Не могу остановиться, чувствуя тепло ее губ, ловя каждый ее вдох и выдох. В этот момент мне кажется, что я жив, что тоже умею дышать, что сердце в груди бьется, так же как и прежде и мой вечный холод согревается ее теплом.

— Прости меня, — шепчу я, покрывая осторожными поцелуями ее лицо и улыбаясь. — Я наговорил лишнего... Я не должен был такое говорить... Не должен... Ну хоть раз бы улыбнулась во сне...

Я прижался лбом к ее лбу, поглаживая пальцами ее теплую сонную щеку.

— Улыбнись, — шептал я, закрыв глаза. Моя рука лежала поверх ее руки, нежно поглаживая теплые пальцы. — Я бы многое отдал за твою улыбку. Постоянно нервничаешь, переживаешь, вредничаешь, ругаешься, но так редко искренне улыбаешься... Я действительно понял, насколько страшна смерть, но не тогда, когда сам почувствовал ее дыхание, а в тот момент, когда она посмотрела пустыми глазницами на тебя... Не хочу ломать твою жизнь, поэтому больше не потревожу... Но я буду за тобой наблюдать из темноты, защищать, оберегать, следовать за тобой по пятам... Я допустил ошибку... Нужно было и дальше оставаться для тебя бестелесным духом... Так было бы намного проще... Я же вижу, как ты на меня смотришь... И теперь сам боюсь, что этот взгляд будет стоить тебе жизни...

Я почувствовал, как ее рука схватила мою и сжала. Она спит. Просто спит и держит меня за руку. Схватила и не отпускает! Маленькая ручка держит меня крепко-крепко. Так крепко не держат ни одни цепи, оковы, кандалы...

Она переворачивается на другой бок, потянув меня за собой, заставив лечь рядом, уткнувшись лицом в ее волосы. Я обнимал ее, чувствуя, как она во сне сжимает мою руку все сильнее, прижимает ее к своей груди и согревает своим дыханием.

— Не согреешь, — едва слышно шепчу я, поглаживая ее пальцы. — Ты уже никогда их не согреешь...

— А если я попробую? — раздался шепот, а мою руку сжали изо всех сил, не давая мне исчезнуть. Она повернулась, не выпуская моей руки, и сонно посмотрела мне в глаза, положив свою теплую руку мне на щеку.

Я целовал каждый ее пальчик, который гладил меня по щеке.

— Губы холодные... — с мучительным сожалением прошептала она, привставая на кровати. — Почему они такие холодные?

— Может, потому что я — неживой? — шепчу ей на ухо, обнимая так, словно кто-то пытается вырвать ее из моих рук. Она держит меня и целует, а я понимаю, что не могу уйти...

— Не вздумай уходить, — шепотом умоляет она, заглядывая мне в глаза. — Не вздумай! Только посмей! Я придушу тебя! Собственными руками!

— Ты можешь жить долго и счастливо..., - отвечаю ей, глядя, как она сжимает мое горло и плачет.

— Слушай меня внимательно! — в ее глазах сверкнули слезы какой-то детской обиды. — Я могу умереть в любой момент! Вне зависимости от того, люблю я или нет! Я это только

что поняла! Может, завтра мне портрет на голову упадет! Или опять пожар! Да у нас тут, что ни день, то приключение!

— Хочу сказать тебе, что это — на редкость спокойное начало года для нашей Академии, — смеюсь я, глядя на ее решимость. — Обычно уже три — четыре труп ...

— Не перебивай меня! — обиделась она, тяжело дыша и прижавшись лбом к моей груди. — Мне страшно... Мне действительно страшно... Я боюсь...

Я сжал ее, чувствуя, что крепче уже нельзя.

— Не бойся, — утешаю я, гладя ее по голове, как ребенка. — Думаю, что сумею тебя защитить... В этом замке я сделаю все возможное...

— Я боюсь, — судорожно вздохнула она, положив руку мне на сердце. — Вот обидно, да? Бегать от любви, а самой умереть от кирпича, упавшего на голову в тот момент, как приняла решение прожить всю жизнь без любви? Вот сколько мне отмеряно судьбой, пусть столько и будет! Только... Поклянись мне, что никуда не уйдешь! Что ты не будешь прятаться в темноте! Поклянись, что я буду засыпать и просыпаться от твоего поцелуя...

Я уже клялся, целуя ее в макушку, и видя, как она прижимается ко мне и трется носом о мою одежду, схватив меня мертвой хваткой. Что-то раньше я не замечал за собой подобного... Обычно все было намного проще. Один щелчок пальцев и любая красавица радостно бежит в твои объятия, клянется в неземной любви, обещает любить тебя вечно и уверяет, что готова на все, начиная спешно раздеваться! Да, были времена...

— Может, поспишь? — шепчу я, целуя ее губы и чувствуя, как она прерывисто дышит, обвивая мою шею руками. С ее плеча съезжает рубашка, обнажая место для поцелуя. — Просто отдохнешь... А я побуду с тобой... Что значит «нет»? Не упрямясь! Ложись спать...

Я ее сейчас растерзаю. Клянусь... Только нежно... Очень нежно... Вот что она творит? Бессовестная! Я прикоснулся губами к ее плечу, чувствуя, как меня обвивают руками, не отпуская.

— Может, ты не знала, но ты и так засыпаешь от поцелуя и просыпаешься от поцелуя, — шепчу я, смеясь и снова целуя плечо, пытаюсь поправить ее рубашку. — Ты что задумала?

Она смотрела на меня с улыбкой, положив руки на обтрепавшийся бантик-завязку и поигрывая им.

— Не надо, — я смотрю на ее руку, которая теребит завязку, и не могу оторвать взгляда. — Вот зачем ты так?

Я видел, как он медленно тянет вниз тесьму, а потом привстает, давая рубашке шанс упасть с ее плеч.

— Вот сейчас я очень боюсь сделать тебе больно, — мои пальцы касаются ее кожи, а я целую ее шею.

— Я хочу умереть сегодня, — ее шепот тонул в подушках. — Чтобы завтра... проснуться живой...

Я приподнял ее, боясь, что слишком мало поцелуев, слишком мало нежности, слишком мало ласки. Моя рука скользила по изгибам ее тела, а она что-то шептала, задыхаясь, словно в горячке.

— Тебе больно? — шептал я, целуя ее задыхающиеся губы и прижимая к себе ее вздрагивающее тело.

— Я умираю, — прошептала она, едва дыша. — Вот теперь умираю... Ты ... меня ... убил...

Я лежала, чувствуя, как меня прижимают к себе. Скоро рассвет, а мне совсем не хочется спать.

— Знаешь, — с улыбкой шепчу я, подползая поближе к его уху, и чувствуя, как его рука поглаживает мой спину. — Я не боюсь смерти потому, что когда умру, я стану таким же призраком как и ты... Мы будем вдвоем жить в этом замке. Я тоже буду писать на стенах нецензурные слова, правда у меня плохой почерк... И эта мысль меня почему-то согревает... Как там говорят? И пока смерть не разлучит нас! Так вот... Тот, кто придумал это, ошибся...

— Ты тоже ошибаешься, — меня держали в объятиях, положив поверх себя и завернув в одеяло. — Призраков не существует.

— И мне кто это говорит? А? — удивилась я, накручивая на палец прядь его волос. Да, я не торопилась бы знакомить его с подругами. Познакомь его с подругами, останешься без подруг.

— Призраков не существует. После смерти люди не становятся призраками, — глухо произнес он, глядя на меня синими глазами. Я смотрела ему в глаза, чувствуя, как замираю.

— То есть... — я боялась шелохнуться, а потом прищурилась, не сводя с него взгляда, боясь даже лишний раз вздохнуть. — Ты — не призрак... И ты... Ты... не умер?

Я выдохнула, отводя взгляд и чувствуя, как меня обнимают все сильнее в тот момент, когда сердце начало колотиться, как сумасшедшее.

— Ты не умер... — медленно прошептала я, подозрительно глядя ему в глаза. — Не мертв... Ты... Ты тоже проклят? Это — не смерть! Это какое-то проклятие, не так ли?

И тут я почувствовала, как растворяются руки, как растворяется в предутреннем сумраке его улыбка.

Я лежала на подушке, глядя в потолок и чувствуя, как мое сердце бешено колотится, а руки нервно дрожат в тот момент, когда я пытаюсь натянуть на себя одеяло.

«Есть у меня свое проклятие. Оно цветет, как зла цветы. И замерев в твоих объятиях, я осознал, что это — ты...» — увидела я надпись на стене, чувствуя, как в душе все переворачивается. Такое чувство, что в душе вселенная разрывается на тысячи звезд, мерцание которых затмевает все вокруг. И где-то среди них ярко — ярко вспыхнула звезда необъяснимой, но такой ослепительной надежды. Проклятие можно снять!

Глава семнадцатая

Голубая кровь, голубая...

У лекарств есть преимущество перед людьми.

Их принимают такими, какими они есть.

Я решила немного поваляться, сладенько потягиваясь и нежась под одеялом. Кто бы мог подумать, что все обернется именно так? Это надо было столько выяснять отношения, что наконец-то выяснить, что они очень похожи на ...

Стоило мне еще раз со стоном зевка потянуться, как в дверь раздался такой стук, словно кто-то принес стенобитное орудие и теперь отчаянно штурмует крепость врага. Я вскочила с кровати, экстренно хватая свою одежду. Мне кажется, что я даже штаны умудрилась надеть задом наперед!

— Открывайте! — раздалось голоса, а за дверью слышались такие рыдания, словно кто-то умер. — Где его тело! Где тело наследного принца?

— А! — я зажала рот рукой, понимая, что радостное письмо с глубочайшими, как Марианская впадина извинениями, так и не попало в руки безутешных родителей. Значит, у меня есть повод порадовать их хорошей новостью!

Я причесалась, открыла дверь, глядя на человек пятьдесят, облаченных в траур. Они ввалились ко мне без особых церемоний, дружно завывая в разных тональностях.

«Нюхательные соли!» — истерично причитала королева в черном кружеве, закатывая красные глаза и протягивая дрожащую и дражайшую руку в сторону суетящихся слуганок.

«Мы все глубоко скорбим об утрате! В знак нашей скорби мы будем облачены в траур до конца наших дней! Вся моя семья до седьмого колена будет носить траур по Его Высочеству!» — пылко убеждал какой-то разодетый пузатый дядька с блестящей от пота залысиной. Не знаю, как на счет короля и траура, но что-то мне подсказывало, что мы с ним вполне могли бы обсудить одну и ту же книгу.

Скорбящий прикладывал к глазам свой платок, в знак вселенской скорби, но при этом глаза его были холодными и сухими. Остальной курятник наперебой охал, меряясь глубиной своего горя.

— Где тело нашего сына? — дрожащим голосом произнесла королева, пока король стойчески молчал. Его кадык ходил туда-сюда, а губы сжимались в тонкую ниточку гордых страданий.

— Вы, главное не волнуйтесь! — улыбнулась я, глядя на сумрачные лица родителей и плакальчиков. — Произошло недоразумение. Ваш Флориан жив и здоров. Просто вчера был пожар, его комната сгорела, но, как выяснилось, он ... эм... сидел всю ночь в библиотеке за учебниками, чтобы стать достойными королем... Флориан — это гордость Академии! Самый старательный ученик! Он постоянно ходит в библиотеку...

«За мышинными какашками!» — подсказывали мне услужливые воспоминания, от которых я отмахивалась.

— Мы не думали, что он настолько усердно учится, что приходит в библиотеку даже ночью! Так что у нас все в порядке, тревога оказалась ложной! — бодренько вещала я, соревнуясь в излучаемом оптимизме с телеведущими. — Не переживайте! А вы разве не получили мое второе письмо?

— Какое второе письмо? Где Флориан? — прищурился на меня отец, пока мать приводили в чувство. — Мы, как только узнали о гибели наследника, сразу же бросились в Академию! А теперь вы утверждаете, что он жив?

Вот не могу понять, почему мне показалось, что они даже слегка разочарованы? Я сбегала за Флорианом, по пути объяснив ему, в чем дело. Он почему-то даже

обрадовался, узнав, что его заочно «похоронили». Пока мы шли, он с наслаждением расписывал собственные несостоявшиеся, но очень торжественные похороны, толпу безутешных придворных, смакуя слово «потеря».

При виде «павшего», плач приутих. Все смотрели на принца, который светился от счастья, глядя на заплаканные и изумленные глаза матери и целую группу рыдальной поддержки.

— Я хочу убедиться, что передо мною мой единокровный сын! Что это — не обман! А то в Академии много всякой магической ... этой... как ее... чепухи... Вы слышали? Мой сын по ночам сидит, и не где-нибудь, а в библиотеке! В библиотеке! Да никогда он не интересовался книгами! У нас в роду никто не интересовался этими писульками! — процедил король. «Никто-никто!» — закивали придворные. «Охотой — да, женщинами — да, а вот книгами — никогда!».

Сумрачная мадам в черном, похожая на старуху Шапокляк, подошла к королю и стала что-то ему шептать, искоса поглядывая на нас. Король хмурил брови, сунул язык, кивал, придворные приутихли, повернув уши в сторону «конфиденциального разговора».

— Хорошо, — медленно и достаточно громко изрекло Его Величество, слушая шепот и снова хмурясь. — И что вы предлагаете? Проверить? Думаете, что сын, все-таки не мой? Хм... Неужели он хранится в Академии? Думал, что это — просто легенда! Тогда я хочу проверить немедленно!!! Это приказ!!!

«Не думаю, что вам стоит это делать», — увидела я надпись на стене. В этот момент невидимая нить сдавила мою шею, а я видела, как пальцы колдуньи едва заметно шевелятся.

— Мы не хотим прибегать к угрозам! Это — приказ короля! — хрипловато заметила ведьма, держа в другой руке заклинание наготове. — Но ее жизнь зависит от того, сможем ли мы воспользоваться артефактом!

«Хорошо. Можете воспользоваться медальоном. За последствия не ручаюсь», — прочитала я на стене. Требую, чтобы меня снова прокляли, причем так, чтобы от моего поцелуя любой мужик превращался в жабу! Я буду работать не покладая губ!

«Следуйте за ректором!», — появилась надпись, когда невидимый ошейник спал. «Ключи возьми!» — появилась маленькая светящаяся записка-напоминание на столе.

Мы шли по коридорам мрачной процессией. Рядом со мной шел Флориан, чуть позади король и королева, а дальше тянулся унылый клин придворных.

— Это он, — шептала королева, вне себя от счастья. — Он жив! Ну что я? Своего Флориана не узнаю? Ни к чему эти проверки!

— Молчи! — сурово и скупое отрезал король, решительно шагая вперед. — Сейчас я все узнаю! Хочу убедиться своими глазами! А то до меня долетают некоторые слухи про тебя и твоего кузена...

Благодаря появляющимся на стенах указателям мы миновали несколько залов и коридоров, выйдя к черной двери, на которой было написано: «Мы никогда не забудем их подвиги!». Я долго искала ключ, слыша, как позади меня нервничает целый королевский двор, вспоминая того самого красавца-кузена и еще человек десять, якобы питающих симпатию к местным органам власти в лице ее величества. Наконец-то дверь открылась, а мы очутились в галерее, украшенной белыми цветами, сухими венками и портретами. Справа от меня был изображен белокурый красавец лет двадцати восьми. Гордый взгляд, мужественный изгиб бровей, сверкающая корона и меч, украшенный огромным изумрудом. Он был настолько красив, что дух захватывало, а грустные глаза с полуопущенным уголком вызвали щемящее чувство идеала. Такие внешние данные очень способствовали развитию спорта среди женского населения страны. А некоторым, особо симпатичным «бегуньям за принцем» явно перепал спарринг с укладыванием оных на лопатки.

«Принц Керед. Погиб, сражаясь с драконом. Он героически бросился в бой за честь

своей принцессы, проявив отвагу, мужество и героизм...», — мельком прочитала я, поражаясь количеству портретов и маленькому букету цветов, украшенному белой ленточкой и брошкой. Цветы были сухими, а взгляд принца — печальным. «Я люблю тебя...», — гласила маленькая записочка, которую чья-то заботливая рука приткнула в уголок рамы. В хрустальных витринах лежали мечи, плащи, какие-то личные вещи... Я видела смятый кружевной платочек, который покоился на одной из витрин, словно случайно оставленный или нарочно забытый.

Что это было? Знак притворной скорби или истинное горе? Портреты провожали меня взглядами, а я старалась не смотреть на них, но мой взгляд снова и снова возвращался к красивым и мужественным лицам, прочно вошедшим в историю Академии.

На пьедестале из черного камня стоял черный ларец, а над ним были золотом написаны стихи:

В чьих жилах течет кровь королей, Дстойный корону примерить, Возьми медальон, как можно скорей, И свет пусть сомненья развеет! Так было, так есть, и так будет всегда! Долой самозванцев, мой друг! И помни, что кровь королей — не вода! А слово — не просто звук!

Я откинула тяжелую крышку, ожидая увидеть нечто такое, что затмит все ювелирки вместе взятые. На всякий случай я даже зажмурилась, ожидая торжественные хоралы и яркий свет, но ничего не было. Даже как — то обидно. На черной бархатной подушке лежала висюлька, сделанная так, словно где-то неподалеку потерялся ценник: «Все по пятьдесят рублей!». Некрасивая, почерневшая от времени цепочка венчалась грубым и неряшливым медальоном с мутной стекляшкой. Я почему-то вспомнила про распродажи на сайтах любителей покупать дешево и ждать долго, в то время, как в полуподвальном помещении завода онлайн ширпотреба явно пожимал плечами главный технолог: «А что вы хотели за такие деньги?».

Магичка с благоговейный трепетом, наколдовав себе черные перчатки, взяла висюльку в руки.

— Это — легендарный артефакт, который вершил судьбы мира! — негромко произнесла она, показывая его всем присутствующим. — Именно благодаря ему удалось определить самозванца в эпоху мертвых драконов! Именно благодаря ему король Альбрехт узнал, что один из его сыновей, который был назначен наследником, — бастард! И престол перешел ко второму сыну, в чьих жилах текла кровь отца своего! Ваше Высочество, возьмите его в руку...

Медальон, шурша звеньями цепочки, в абсолютной тишине лег в протянутую руку Флориана. Тишина не прерывалась даже всхлипами, пока все, затаив дыхание, смотрели на принца. Прошло несколько секунд... и магичка отрицательно покачала головой.

— Очень жаль, Ваше Величество, — негромко произнесла она. — Но лучше поздно, чем никогда...

Глаза королевы — матери расширились от ужаса, она глотала воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Придворные переглядывались и перешептывались, а служанки демонстративно сделали шаг в сторону, оставив королеву одну. На пол упал мешочек с какой-то травой и солью, но никто не спешил его поднимать.

— Это твой сын! Твой!!! — орала королева, глядя на то, как мрачнеет лицо короля-отца. Казалось, он ее не слышал, глядя на медальон в руке Флориана.

— Судьба этого ублюдка меня больше не волнует, — гордо изрек король, сжимая губы. Я видела, как у него дергается глаз. — Ты мне больше не сын. Ты никогда им не был!

Он тяжело вздохнул, глядя на Флориана помертвевшим взглядом.

— Подумать только, столько лет я воспитывал ребенка, будучи уверенным, что в его жилах течет моя кровь! — голос отца-короля был хриплым.

— Послушайте! — вмешалась я, глядя на то, как затравлено озирается по сторонам королева, как Флориан покачивается, сжимая в руках безделушку, разрушившую сразу три жизни, — Возможно, этот медальон разрядился? Вдруг он уже не работает? Магия

выветрилась? Может, вы сначала сами его попробуете взять в руку! Вдруг он просто сломался?

— Я видел достаточно. Прекратите, иначе я прикажу вас казнить на месте! Моя кровь не вызывает сомнений! Сомнение в чистоте моей крови — это государственная измена! — закричал король, сжимая кулаки. Придворные попятились. — Заруби себе на носу, пока тебя не зарубили на месте! Еще одно слово, грязная мерзавка, и я прикажу уничтожить тебя!

«Этот тот самый случай, когда мне приятно напоминать о себе!» — проступило на стене. Королева, которая только пришла в себя, снова покачнулась, глядя мутными глазами на всех нас...

— Матушка!!! — закричал Флориан, глядя, как бедная королева оседает на пол, среди расступившихся слуг. Ее роскошная корона со звоном упала на пол, покотившись под ноги королю. — Матушка!!!

И тут же к его горлу устремилось сразу три меча, заставив отшатнуться. Королева распростерлась на полу без чувств, а король смерил ее тело презрительным взглядом, а потом наклонился, поднял корону и задумчиво посмотрел на сверкающие камни.

— Стой на месте, ублюдок! Королеву по приезду заточить в башню. Всех ее прихвостней — отлучить от дворца. Еще не поздно найти ту, которая в законном браке родит мне моего ребенка! Я предательства не прощу! Траур не снимайте! Людям объявите, что принц героически погиб, королева от горя сошла с ума. Держите рты на замке! — выдохнул король. Создавалось впечатление, что Флориан мысленно ждал, когда король домоет руки, чтобы забрать кусок мыла и веревку.

Тут же к Его Величеству подлетел толстячок, нехорошим взглядом поглядывая в нашу сторону.

— Ваше Величество! Я предлагаю не только считать его мертвым, но и... — нашептывал толстяк королю, поглядывая на Флориана. — Если у вас будет свой ребенок, то этот ублюдок может вызвать осложнения, когда внезапно появится в королевстве... Люди его помнят... И считают законным наследником... Я считаю, что его нужно убить! И ректоршу тоже! Нам свидетели не нужны!

«Еще раз напоминаю, что я все еще здесь. Для особо приближенных и одаренных, я намекаю, что я здесь всегда», — засветились буквы.

Толстяк обвел глазами свиту, взглянул на мага, а потом снова зашептал.

— Подумайте сами... Он в любой момент может поднять мятеж против вас... Как говорится, корону нужно отбирать с головой! — распылялся особо приближенный. — Нельзя оставлять его в живых! Это обернется дурно для вас, Ваше Величество! Если вы не можете, то я к вашим услугам! Дайте мне право...

Король посмотрел на охрану, а потом на Флориана. В зале царило напряжение, и слышались сдавленные рыдания королевы, которая умоляла принести ей воды. «Заткнись! Ты уже здесь никто!» — послышался голос, преисполненный отвращения.

— Пусть живет, — негромко произнес король, разворачиваясь и идя прочь.

Я слышала, как в тишине стихали шаги, видела, как стоял, покачиваясь бледный, как покойник, Флориан, сжимая в руке злосчастный медальон.

— Я... пойду собирать вещи, — прошептал он, не поднимая глаз. — Это же — Академия Прекрасных Принцев? А я, как выяснилось, никакой не принц! Так что мне здесь делать нечего!

— Никто тебя не выгоняет! — я вцепилась в него, поворачивая его голову к себе. — Ты можешь находиться здесь столько, сколько тебе нужно...

— А смысл? — задыхался Флориан, по его щеке потекла слеза. — Смысл мне здесь оставаться? Учиться править государством, которого у меня нет и никогда не будет? Учиться носить корону, которая мне не достанется? Лучше умереть...

— Дурак ты! — я отвесила пощечину, пытаюсь привести в чувство того, кто за минуту потерял все. — Здесь у тебя есть крыша над головой и еда! Я считаю, что ты должен остаться в Академии! Получи образование, добейся всего сам! У тебя есть лучшие учителя! В твоём распоряжении — целая библиотека! Если бы ты хоть раз поднял голову от мышиного говна, то увидел бы книги! Кто ещё может похвастаться тем, что у него лучшее образование, которое только можно себе представить? Все, короны нет! Но осталась голова! Так что думай головой! Ты можешь всего добиться сам! Можешь строить свою жизнь, как тебе захочется, жениться на той, которую полюбишь, а не на той, на которую укажут пальцами твои родители! Ты теперь свободен!

Флориан тяжело вздохнул, явно не радуясь открывшимся перспективам.

— Никто не узнает о том, что произошло, — немного успокоилась я, глядя ему в глаза. — Никто, кроме нас. Слышишь? Все здесь будет считать тебя принцем! Я сохраню все это в тайне, и тебе не советую говорить об этом!

«Идиот, у тебя забрали корону, но сохранили самое важное — голову, которой можно думать! И советую думать о том, как жить дальше! Не ты — первый! Не ты — последний!» — появилось на стене.

Бывший принц сглотнул и прошептал, что лучше пойдет в свою комнату и все обдумает. Он бросил мне на руки проклятую безделушку, но я не успела ее поймать, поэтому древний артефакт со звоном упал на пол. Дверь за ним захлопнулась, а я подняла камень. Стоило мне только взять его в руку, как он вспыхнул ярчайшим, ослепительным светом, заставив меня рефлекторно выбросить его на пол и отойти подальше.

— Он сломан! — закричала я, разглядывая свою руку. — Просто сломан! Во мне нет ни капли королевской крови! И быть не может! Я вообще не из этого мира! Как во мне течь быть королевская кровь? А? Да у меня в роду одни крестьяне, рабочие и колхозники!

Я подняла медальона он снова вспыхнул так, словно я держу в руках упавшую звезду.

— Нет, ты посмотри на это! — истерично смеялась я, щурясь от света. — Да это бред какой-то! Нет, главное, на принца не сработал, а на меня работает! Думаю, что стоит догнать короля и все ему показать!

«Нет!» — появилось на стене.

— Хорошо, тогда я скажу Флориану! Он-то должен знать? — я чуть не бросилась следом за принцем, как на стене проступило еще одно: «Нет!»

Я разочарованно посмотрела на дверь и швырнула злосчастную безделушку на подушку, с грохотом захлопнув ларец.

«Поклянись, что никому об этом не расскажешь! Клянись! Прямо сейчас!» — появилось на стене.

— Я и так бы никому ничего не рассказала, — выдохнула я, глядя на золотую надпись. — Клянусь, что о том, что здесь произошло, будем знать только мы... Бедный мальчик...

Я долго рассматривала лица покойных принцев, надеясь на то, что не увижу здесь знакомых портретов, а потом закрыла зал и отправилась в свою комнату, возле которой вертелась Шарман, сжимая в руках листик.

— Ты прямо, как особа королевских кровей! — скрипучим и недовольным голосом заметила она, рассматривая меня с ног до головы. — Вот и верь после этого твоему слову! Пришлось самой все думать! Вот! Читай! Еще ни один мужчина не устоял перед стихами, написанными влюбленной женщиной! Помнится, был у меня один коронованный любитель поэзии. Собрал вокруг себя поэтов, которые наперебой восхваляли его величие. Там того величия, как выяснилось... Пятнадцать секунд величия, зато трехтомник од!

Мне протянули свернутый листочек.

— Вы умеете писать стихи? — поинтересовалась я, глядя на старую куртизанку-партизанку, скрывающую свой талант.

— Захочешь спать с королем — научишься! Я чуть голову не потеряла от него! — бормотала Шарман, пока я пыталась честно взять свои слова обратно, относительно стихов.

Пускай твердят, что ты не любишь, Роскошных залов и убранств, О, боги, ты меня погубишь. Как погубил уже не раз. Ладонь мою сожми скорее. Я больше чувств не удержу. Ты должен быть мой друг смелее, БЯ тебе счастье покажу. Если «я люблю» скажу... С тобой, любимый мне не страшно. Нет крыльев больше у мечты. И пусть твердят, что все напрасно, Мою любовь хранят цветы. Его черты, его походку, Ты будешь помнить много лет...

Там было еще три листа, которые я мельком пробежала глазами.

— Отличные стихи, — похвалила я, улыбаясь. — Отнесу, как только будет возможность!

— Нет, я думала, ты еще разочек его прочитаешь, — Шарман смотрела на меня так, словно только что вошла в список лучших поэтов современности. — А то в прошлый раз меня чуть не казнили за то, что из заглавных букв получилось слово «ДУРАК». А я ведь и не заметила! Как там было: «Дороже вас на свете нет. Украдкой слезы утираю, Рукой своей даю обет, Ах, как любить вас? Кто же знает?».

Я смотрела на первые буквы стихотворения: «Проклятье снимет любовь. Замок заколдован».

— Отнеси его, как можно скорее! Я вся трепещу от волнения! Пусть ответит так быстро, как только сможет! — Шарман достала платочек и высморкалась. — Мне не терпится знать его ответ. Только никому ничего не говори!

Я посмотрела на нее, понимая, что хитрющая старушенция, скорее всего, выдумала всю историю с неземной любовью, поэтому отложила письмо в долгий ящик. Я долго искала в библиотеке ректора что-то, что могло бы дать мне подсказку, но ничего кроме отчетов, скучных книг о правилах поведения и придворном этикете я не нашла.

В дверь постучали, заставив меня оторваться от каких-то советов для начинающего придворного. Уже стемнело, а я понимала, что последнее время я — девушка кроссворд, мечта превратить рабочую вертикаль в сонную горизонталь.

— Дайте мне ключи от библиотеки и тренировочного зала, — на пороге стоял Флориан, решительно протягивая руку, в которую я с гордостью вложила два ключа.

На столе лежала огромная книженция «Проклятия и оскорбления, допустимые придворным этикетом», а поверх нее лежала уцелевшая половина книги «Проклятия короной», в которой какая-то завистливая личность повествовала о тяготах роскоши, богатства и абсолютной власти.

Свеча догорала, а мне на плечи легли руки, обнимая меня и заставляя откинуть голову назад, чтобы встретить желанный поцелуй. Его руки сжали меня, а я слышала шепот:

— Я так понимаю, что Шарман оказалась хитрей. Недооценил я женское коварство. Поклянись мне, что ты этого не станешь делать! — я почувствовала, как меня прижимают к себе, не давая возможности закрыть книгу и прикрыть записку-закладку. — Поклянись мне, что ты не будешь пытаться снять проклятие!

Я молча сопела, пробегая глазами записку.

— Девочка моя, — меня слегка отпустили, шепча мне на ухо. — Я прошу тебя, поклянись мне, дай слово, пообещай, что не станешь пытаться лезть во все это. Я очень прошу тебя...

— Не могу обещать, — я погладила его по руке. — Хотя, могу пообещать, если ты мне сам все расскажешь...

— Не расскажу, — насмешливо прошептали мне, а я увидела, как его рука захлопнула раскрытую книгу, а потом скользнула по моему плечу.

— А ты знаешь, что отвлекаешь меня от работы? — заметила я, едва заметно улыбаясь. —

Это на тебя не похоже...

— А что на меня похоже? — сладко прошептали мне на ухо. — Что там тебя Шарман просила? Узнать, что нравится мужчине? Мне вот интересно, а почему ты у меня не спросила?

— Эм..., - я осторожно закрывала рукой ящик стола, чувствуя, как целуют мои плечи, спуская с них рубашку. — Я не смогла спросить...

— А что тебе мешало? — меня поцеловали в висок, поднимая на руки и усаживая на стол, поверх книг, нераспечатанных писем и документов, которые творческим беспорядком украшали стол.

— Хорошо, что нравится тебе? — начала я, чувствуя, как меня целуют, осторожно гася свечу. Я отвечала на поцелуи, выжидая паузы, чтобы продолжить свой вопрос, — Нет, ну ты так и не отве...

Меня снова поцеловали.

— Вообще-то, я работаю! — шепотом заметила я, поглаживая его грудь и оглядываясь на дверь. — Вдруг кто-то войдет? Мало ли? Я просто ду...

Я боялась оторвать губы от чужих холодных губ. Ректорский стол в своей жизни видел многое, но, что-то мне подсказывает, что не все... Далеко не все... Меня придерживали за талию, пока я пыталась одной рукой отодвинуться письма и книги. Мне кажется, или я перевернула чернильницу? Впрочем, так ей и надо! Я задыхалась, положив руки на его плечи и глядя затуманенным взглядом на расстегнутый камзол. В огне перевернутой свечи сгорали родительские письма, а мне было глубоко плевать. Если честно, то в этот момент мне было бы все равно, даже если бы за моей спиной сгорела вся Академия.

Из сладких грез меня резко выдернул упрямый и громкий стук в дверь, которая тут же бесцеремонно открылась!

Призрак исчез, а я сползла со стола со скоростью звука, лихорадочно пытаюсь погасить огонь на столе увесистым талмудом.

На пороге стояла делегация из венценосных родителей и их подбобоистных прихвостней, щурясь на меня так презрительно, как посматривают на соседей у которых в кое-то веков наладилась личная жизнь в ущерб ночной тишине.

— У нас есть конфиденциальный разговор! — изрек один худосочный папаша, поправляя корону, которая упорно съезжала со вспотевшей лысины. Я выразительно посмотрела на целый табор разодетых слуг, телохранителей и придворных. Где-то прищурились все агенты, шпионы, секретные службы, понимая, что такой конспирации им еще учиться и учиться. Эти придворные были странные, я бы даже сказала, молчаливые. Вместо того, чтобы яростно негодовать, они молча смотрели сначала на меня, а потом бросали нервные взгляды вокруг.

— По поводу? — я пыталась взять себя в руки, чувствуя, как сердце все еще колотится от увлекательного процесса, предшествующего стуку в дверь.

— До нас дошли слухи, — начал обрюзгший старик в короне, нехорошим взглядом поглядывая на королеву, которая годилась ему в дочери. — Что в одной королевской семье есть самозванец!

— Не может быть! — натурально удивилась я, словно мне только что открыли если не Америку, то счет в банке на кругленькую сумму. — Как же так? Я ничего об этом не знаю!

Как выяснилось, подлые слухи сначала бежали, потом шли, а под конец ползли в нужные уши, причем за рекордный срок, установив тем самым мировой рекорд.

— У нас в каждом дворце есть свои шпионы! Тем более, сейчас идет самая кровопролитная из всех войн — Война Ежиков! Четыре королевства заключили альянс! — произнес тощий и длинный король, делая самый воинственный взгляд, словно лично, на стульчике обскакал свое войско перед последним боем.

— Вам, простолюдинке, не понять, что значит чистота королевской крови! — вмешался толстый и бородатый король, пока мне казалось, что «голубая кровь» — это не образное выражение, а тонкий намек на профессиональную ориентацию. — Мы должны знать, наши это сыновья, или нет! Вопрос государственной важности!

— Послушайте, — я присела в кресло, сложив кончики пальцев. Еще не хватало, чтобы дурацкий, бракованный медальон сломал еще несколько жизней! — Неужели этот так важно? Чья кровь, какая кровь, какая группа, сколько лейкоцитов, эритроцитов и так далее? Они все ваши дети! Вы их учили, воспитывали! Я, со своей стороны, сделаю все возможное, чтобы они стали достойными королями! Не знаю, откуда у вас сомнения, ведь они похожи на вас, как две капли воды! Неужели вам этого недостаточно?

— Нет! — почти хором ответили мне короли, пока королевы скорбно молчали. — Не достаточно! Мы должны знать правду! От этого зависит судьба страны!

— Допустим, мне вот интересно, а что вы собираетесь делать, если мальчик, ну... — я посмотрела на побледневших королев. — Не ваш?

— Казню самозванца и его мать на месте! — заорал тощий король, глядя на съезжившуюся от страха королеву. — Бастарды и самозванцы должны быть казнены! Немедленно! Это — угроза монархии! Угроза престолу!

— Послушайте, — я упорно гнула свою линию, но меня перебивали, махали руками, пытаюсь достучаться до меня короной. — Вы... Да выслушайте меня! Вы не у себя дома!

— Нет, это — возмутительно! Мы обязаны знать правду! — орали короли, пока придворные скорбно молчали. Мне казалось, что именно рога позволяют короне не падать с упрямой головы, но свои выводы я держала при себе, глядя на несчастных королев.

— Мы не хотим, чтобы повторилась история с бастардом и вороньей королевой! — возмутился длинный, гневно сопя. Не нравятся мне эти придворные, очень не нравятся.

— А что это за история? — наигранно удивилась я, пытаюсь тянуть время.

— Вы что? Не слышали историю, как одна простолюдинка влюбилась в бастарда, стала вороньей королевой, чтобы посадить его на престол, обманом убив законного короля? Или вы не слышали историю о том, как бастард уничтожил законного короля? — удивились присутствующие. — Между прочим, кто как не вы, должны знать эту историю наизусть!

— А можно поподробней? — снова заметила я, пытаюсь придумать предлог, который сохранит сразу несколько жизней.

— Мы что? Пришли вас развлекать? — возмутился старик, скривившись, как урюк. — Медальон! Быстро! Мы хотим знать правду!

— Нет! — я встала из-за стола, глядя на разбушевавшийся родительский комитет. Пока я становилась на дыбы, все чаще из уст разгневанных монархов звучало слово «дыба». Взгляды бессовестных родителей свидетельствовали о том, что они тут же готовы скинуться на нужды Академии. Пока все нормальные директора получают скромные плазмы и компьютеры, я получу звиздюля и нервотрепку в ассортименте. Есть предчувствие, что в конце «мучебного» года мне торжественно скинутся на наемного убийцу. И самое страшно, что я могу очень обрадоваться этому скромному подарку. Я подошла к двери и закрыла ее на ключ, прислонившись спиной к ней.

— Я приказываю! — орал худосочный король в синей мантии, потрясая кулаком.

— Нет! — я чувствовала себя тем самым айсбергом, на который напоролся роскошный «Титаник». — Нет! Нет! Нет! И еще раз нет! Медальон вы не получите! Успокойтесь! Это — ваши дети! Эм... Мы уже всех проверили! Все ваши!

Где-то мне поддакивали акушерки, аисты и капуста.

— При нас проверяйте! И если мне вдруг покажется, что это — не мой сын, то я... Я..., — негодовал старик, размахивая руками. На лице его королевы застыло выражение, похожее на посмертную маску. — Мы обыщем всю Академию, пока не докопаемся до

правды! На кону государственные интересы!

— Называть «мужское тщеславие» государственным интересом — это слишком смело! — не выдержала я, чувствуя, что атмосфера накаляется до предела, а успокоить их никак не получается. — Какая разница, ваши это сыновья или не ваши по крови! Это — ваши дети! Они считают вас отцами! Стране без разницы, кто усядется на трон! Просто государственные интересы, очень похожи на ваш собственный эгоизм и самолюбие!

— Мои интересы — это интересы государства! Казнить ее за дерзость! — не выдержал маленький сутулый король с кустистыми бровями, стоя рядом с высокой, статной королевой. — Немедленно! Артефакт забрать! Думаешь, мы не были готовы к отказу?

— Схватить ее! Попытать! Я не уеду отсюда, пока не узнаю правду! — визжал старик, невежливо тыкая в меня пальцем. Один из магов тут же сгреб меня в охапку и приставил искрящиеся пальцы к моей шее. По кивку его головы, остальные приготовились к бою, осматриваясь по сторонам.

— Ее жизнь сейчас висит на волоске. Одно движение моей руки, и будешь собирать ее веником! — выкрикнул в пустоту маг, осматриваясь по сторонам. — Ну, выходи! Или тебе плевать на ее жизнь?

— Не надо! — шептала я, чувствуя, как покрываюсь холодным и липким потом в тот момент, когда рука с заклинанием приближалась ко мне. — Я прошу тебя... Не обращай внимания... Я не хочу, чтобы ты рисковал...

Мой взгляд был прикован к магам, которые явно выжидали, прищуриваясь в темные углы кабинета.

— Ха! Я же говорил, что не прощу оскорбления! — усмехнулся тщедушный венценосный родитель, потирая руки. Не помню, чтобы в школах родительские собрания были столь увлекательными.

— Пожалуйста, не надо... — шептала я, глядя на стены, качая головой, пока родительский комитет решил покачать права. — Я прошу тебя... Не делай глупостей... Не вздумай появляться...

Мысль о том, что ему могут причинить вред, заставляла меня кусать губы и сжимать кулаки. Я мысленно просила его не показываться, умоляла, упрашивала. Может, я ничего не смыслю в местных охотниках за привидениями, но рисковать не хочу. Передача «Из жизни привидений», куда обычно звонят экзальтированные личности поделиться своим опытом общения с потусторонним, тихонечко покраснел бы и поставил возрастной ценз, если бы я вдруг решила поделиться своим скромным опытом. «Пожалуйста... Только не появляйся...», — шептала я одними губами, пока маги нервничали.

Нервничали они недолго, в абсолютной тишине все услышали негромкий голос, от которого бдительность резко превратилась в «бздительность».

— Мне это порядком надоело. Вы не у себя дома, — из темноты кабинета вышел знакомый силуэт и уселся в мое кресло. — Интересно, что делает короля королем? Может, корона?

Призрак щелкнул пальцами, и из сгустка тьмы ему на голову опустилась сверкающая драгоценными камнями корона. Я смотрела на него и понимала, что именно такого принца ждет сердце каждой девушки, до глубокой старости веря, что он все-таки придет. Но он — не принц, да и корона — наверняка иллюзия. Но как же она ему идет...

— Может, замок? — усмехнулся он, пока я любовалась его бледным лицом с невероятными, синими, как океан, глазами. — Замок у меня есть.

Все смотрели на него в гробовой тишине. Маги недоверчиво переглянулись.

— Или, может быть, тронный зал? — абсолютно спокойно заметил призрак, сделав жест рукой. Стол отодвинулся и ударился об стену, роняя по пути бумаги на пол. Маги напряглись. Некоторые погасили заклинания, переглядываясь между собой, делая шаг назад.

Я видела, как у тощего короля нервно заходил кадык. «Зима близко!» — испуганно прошептали мурашки, пробегая дружным стадом по моей спине.

— По-моему достаточно доказательств? Придворных звать не буду. Они сейчас заняты. Учат ваших недоумков! — насмешливо заметил призрак. Не знаю, обратили ли внимание другие, но я отчетливо видела сгусток тьмы, который клубился в его левой руке. Хотя нет, маги заметили. Маг, который держал меня, погасил заклинание, делая шаг назад и потянув меня за собой. Некоторые продолжали целиться в призрак, а я смотрела на насмешливую улыбку, которая не сходила с его губ.

— Никакой он не король! — визгливо заорал тощий, тыкая пальцем в сторону моего трона. — Если нацепил корону, то это не значит, что ты — король! У тебя нет армии!

— А зачем мне армия? — я видела, как удивленно приподнялись брови. — Армия нужна только трусам. Они взваливают себя непосильным бременем на плечи народа, и прячут свое трусливое тельце за спинами солдат. При желании я и сам могу неплохо расправиться с теми, кто мне не нравится. И, поверьте, к вам я симпатии не испытываю. Вы мне глубоко не симпатичны.

— Убейте его! — заорал старикан, трясаясь от гнева, и не забывая пятиться за спины магов.

— Я еще не закончил, — я видела тень улыбки на его бледном лице. — Не люблю, когда меня перебивают. Не хотите быть перебитыми — не перебивайте!

Один молодой чародей, сжимая в руках огонь, приподнял руку. «Не вздумай!» — послышались в тревожной и звенящей, как натянутые струны нервов, тишине голоса других магов. Не могу понять, почему они все так занервничали. Сгусток тьмы в руке опутывал кисть призрака черным туманом, а он просто любовался, как сочатся дымчатые нити сквозь пальцы.

— Отпусти ее, — прошептал кто-то неподалеку. — Лучше отпусти... Легенды не лгут... Если с ней что-то случится, то живыми мы отсюда не уйдем... Вот зря мы сюда пришли... Зря... Надо доложить магическому совету... Как можно скорее...

— А где гарантия, что он отпустит нас? — послышался шепот, а я почувствовала, как хватка слегка ослабла.

— Вот чего не знаю, того не знаю. Но рисковать не хочу... — я слышала переговоры за своей спиной, чувствуя, что меня едва придерживают.

— Я так понимаю, что замок покинуть он не сможет, поэтому предлагаю тащить ее к выходу. Пока ректорша у нас, он нас не тронет..., — шепотом предложил какой-то гений. — Я слышал о нем... Но не думал, что...

— Так что делаем? — перебил его еще один голос, пока меня выставили вперед, словно живой щит. — Решайте быстрее...

— А кто он? — шепотом поинтересовалась я, глядя на то, как расцветает на бледных губах красивая улыбка. Призрак даже подложил руку под голову, как бы внимательно и очень заинтересованно слушая разговор.

— Меньше знаешь — крепче спишь! — прошипели на меня нервные маги, дергая назад.

— Так чего вы медлите! — раздался визгливый и капризный голос старикашки. — Я готов щедро заплатить тому, кто отправит его обратно и очистит Академию от этой мерзости!

Пошел торг, который медленно подбирался к королевской дочери и половине царства в придачу. Но либо дела в королевствах шли не самым лучшим образом, либо королевна была далеко не первой красавицей, но желающих померяться силами с хозяином замка с каждой минутой становилось все меньше и меньше Тьма, скользящая между пальцами, разрасталась, окутывая руку до локтя.

— Не вздумай! — отчетливо произнес кто-то слева, но тут же пол под ногами резко покачнулся, я чуть не потеряла равновесие. А из пола проросли черные побеги с

огромными шипами.

— Это все-таки он! — задохнулся от ужаса кто-то, а я услышала глухой удар об дверь.

— Сделайте же что-нибудь! — верещал старикан, пока остальные короли орали на разные голоса: «Рубите их, живо!».

— Дверь! — послышались удары и испуганный голос. — Она заросла! Черные побеги не трогали только испуганных королей, правда, один из них зацепил кружево на платье, но испуганная женщина бросилась к стене, вжимаясь в нее так, словно ее загнали в угол. Я видела, как вздымалась ее грудь, затянутая тугим корсетом, как искривилось в маске ужаса бледное лицо. Послышался пронзительный крик боли, а на пол со звоном упал первый меч. Побег обвивал руку телохранителя, впиваясь шипами в его кожу. Мечи стали падать на землю, а маги, пытались выжигать их волшебным пламенем.

— Если только волос с ее головы упадет, отсюда живым не выйдет никто, — слышала я голос, который тут же перебил пронзительный крик прямо на ухо. Хватка слегка ослабла, заставив покачнуться, а черная лоза с шипами, змеей обвивала горло мага. Он попытался ее содрать с шеи окровавленной рукой, но у него ничего не получалось.

— Убейте его! Уничтожьте! — хрипло орал толстяк, размахивая руками, которые обвивали лозы. Правда, «оружие в терновнике» не очень спешили выслуживаться перед начальством.

Меня держали за волосы, пытаюсь сотворить заклинание. Маг дернул меня к себе, а я почувствовала, как по моей щеке скользнула колючка, оставляя обжигающую ссадину, к которой я прикоснулась, разглядывая пальцы, окрашенные собственной кровью.

— Вот вам и цена королевского слова. Пустой звук. Мне кажется, вы слегка запутались. И мне очень интересно, как вы собираетесь выпутываться из этой колючей ситуации, — улыбка сползла с лица призрака, как только он увидел кровь на моей руке. Колючка, которая только что оставила ссадину на моей щеке тут же превратилась в голубой бутон, раскрываясь огромной голубой розой. Она прикоснулась к моей щеке прохладным лепестком, как бы прося прощение за то, что сделала. Я поднесла окровавленную руку к другой колючке. Стоило мне прикоснуться, как она превратилась в еще одну удивительную розу, раскрываясь во мгновение ока сочными и яркими лепестками. На визжащей и очень пессимистической ноте, раздавшейся из клубка ветвей, заканчивалось наше маленькое родительское собрание.

— Невероятно, — восхищенно прошептала я, глядя на бледное лицо автора этого цветника и превращая колючку в еще одну розу. Какая-то полудетская радость, рожденная от мысли, что впервые в жизни я действительно вижу чудесную, невероятную и очень красивую магию, заставила мою душу затрепетать от неуместного восторга. — Как ты это делаешь?

Призрак молчал, глядя на цветы, а я не могла понять, что не так?

— Не может быть! — сипел клубок колючек. — Не может быть! Неужели проклятие можно снять?

Мое сердце дрогнуло, когда я прикоснулась к следующей колючке, но вдруг мою руку поймали, крепко сжимая в своей. Я видела, как призрак медленно подносит ее к своим губам. Я смотрела на сверкающие бриллианты его короны, которые играли на свету ослепительными бликами.

— А теперь — убирайтесь отсюда, — меня прижали к себе так, словно только что поймали на краю пропасти. Лозы исчезли, дверь открылась настежь.

— Вы за это поплатитесь! — кричал старикан, поправляя на голове свою корону и угрожая сухоньким расцарапанным кулаком. — Даю слово короля!

— Уходим! Быстро! Нужно сообщить в магический совет! — маги пятились к выходу, с ужасом глядя в нашу сторону.

— Артефакт! — бухтел толстяк, с ужасом ощупывая ссадины на лице, но его уже тащили к выходу. — Мне нужен артефакт! Я должен...

О произошедшем напоминали только распахнутые настежь двери, капли крови на полу, и лепестки роз, которые шевелил сквозняк. Корона исчезла так же быстро, как и появилась, стол вернулся на свое место, а разбросанные по полу бумаги легли ровными стопками.

Меня долго успокаивали, а я прижимала к лицу его руки, чувствуя губами леденящий холод. Я обнимала своего принца, прижимая к себе, вплетая руку в его красивые волосы. Я согревала дыханием его ладони, терлась об них лицом, прижимала их к груди, но все было зря. Сердце в его груди молчало.

— Не могу... Не могу согреть... — сглотнула я, разглядывая его руку пытаюсь согреть ее в своих. — Я бы многое отдала, чтобы сердце снова забилося... Тебе не очень понравится то, что я скажу, но если бы был хотя бы призрачный шанс вернуть тебя к жизни, я бы... Я бы, наверное, всем бы рискнула... Скажи мне, я прошу тебя, скажи мне, что шанс есть... Маги сказали, что проклятие можно снять... И если бы ты мне все рассказал, то...

Мое лицо взяли в ладони, приподняли его, требуя смотреть в глаза.

— Вот именно поэтому я тебе ничего, никогда не расскажу. Шарман я предупредил. Все преподаватели предупреждены. В этом замке никто под страхом смерти ничего тебе не расскажет. Ты об этом никогда не узнаешь, даже если очень захочешь. А если вдруг тебе удастся об этом узнать, то, поверь мне, я скорее запру тебя в башне, нежели позволю что-то предпринять. Я не позволю тебе умереть. Ты меня слышишь? Не позволю. Я пойду на все, чтобы тебе помешать!

— Ну вот опять! — возмутилась я, хватая его за руку и чувствуя, как он сжимает мою руку в своей руке так, словно я с мечом наперевес уже бросаюсь во всех тяжкие приключения. — Да неужели сложно сказать мне, что здесь вообще происходит? Почему я должна догадываться? Хватит с меня этих загадок и тайн! Если от меня что-то зависит, то...

И тут я почувствовала, как он наклонился и стал целовать, не давая мне сказать ни слова. Меня подняли на руки и бросили на кровать. И в этот момент, проведя рукой по привычной простыне, я почувствовала что-то странное. Я держала в руках лепесток голубой розы. Я сдвигала лепестки с лица, понимая, что вся кровать просто усеяна ими.

— Разожми пальцы, — я слышала голос, чувствуя, как в мою руку пытаются что-то вложить, а в кожу впиваются шипы розы.

— И не мечтай! — я бросила проклятую розу на пол. — Даже не думай!

Призрак поднял мою руку, целуя каждую царапину, словно вымаливая прощение.

— Это не считается, — обиженно прошептала я, глядя на цветок, который лежал на полу. — Я не приняла розу! Слышишь! Не приняла!

— Я никуда не уйду... Я всегда буду с тобой, хочешь ты этого или нет... Только поклянись, что ты никогда не станешь пытаться снять проклятие!

И тут я дернулась вперед, боднув его головой и прислушиваясь.

— Тише... — прошептала я, понимая, что только что отчетливо слышала крики. Сползая с кровати, я метнулась к двери, вылетая пулей в коридор. Мимо меня пронеслось нечто настолько страшное, что я сначала не поверила своим глазами. Огромная тварь нырнула во тьму, аккуратно в тот момент, когда снова раздалось истеричное: «Помогите! Спасите!».

Глава восемнадцатая

Контактный зоопарк

Если неприятности тебя не устраивают, их всегда можно устроить другим

Меня парализовал страх. Сердце до сих пор колотилось в пятках, после того, как я своими глазами видела огромную, уродливую тварь, отдаленно напоминающую льва, исчезнувшую в темноте. Мои глаза с ужасом смотрели во тьму коридора, а дрожащие руки впились в дверную ручку, на которой безвольно повисло мое скованное страхом тельце. Я тоже человек и тоже имею право бояться!

— Помогите! — снова раздалось где-то в зловещей темноте. Я резко выдохнула, чтобы прийти в себя, а потом бросилась по коридору. Мне казалось, что за мной гонится целое стадо кровожадных чудовищ. Инстинкт самосохранения погонял меня, как ездовую собаку, заставляя мысленно переключать скорости.

— Что это? — шептала я на бегу, впиваясь глазами в стены.

«Хороший вопрос!», — проступило на стене, а я влетела в галерею. Мне навстречу вылетел Айрон, оглядываясь и трясясь.

— Там... там девушка! — верещал Айрон, задыхаясь и оглядываясь. — Де-де-девушка!

Он тыкал пальцем куда-то позади себя. Судя по глазам, личная жизнь у принца налаживалась, причем, в штаны и в объемах, регламентированных желудком.

— Де-де-вушка! — заикался Айрон, затравленно оглядываясь и ощущая свою шею. — Де... Кхе! В белом платье...

Складывалось впечатление, что юный принц недавно назначил свидание красавице, с которой познакомился в интернете, наивно веря, что погнутые дверные косяки — это смелое дизайнерское решение архитекторов.

— Она подошла ко мне... — отчаянно жестикулировал принц, надрывно кашляя. — А потом, как набросится! И как начнет душить!

Первый мужик на моей памяти, который жалуется на то, что девушки сами на него вешаются!

— Я еле отбился! — шептал Айрон, показывая свою шею. — Она красивая... Высокая.... Черные волосы, белое платье... Стоит и улыбается! Я... решил сказать ей комплимент... Шарманка говорила, что раз видишь девушку, то нужно сказать ей что-то приятное... Глаза у нее такие красивые, большие, синие... А носик такой вздернутый... И губы просто ... ну... невероятные. И мне так хотелось ее поцеловать.... Я и сказал... В ваших глазах хочется утопиться, на носу повеситься, а во рту задохнуться... А красавица вдруг перестала улыбаться...

«Молодец, мужик! Так держать!», — высветилось на стене. А меня смущало, что описанный портрет совсем не похож на портрет разыскиваемой отравительницы.

— Ну ... я решил исправить ситуацию... И сказал.... Что она похожа на мою любимую кобылу... Я имел в виду, красивые, большие и выразительные глаза... Это — самая красивая кобыла, которую я когда-либо видел! А... девушка... девушка бросилась на меня... И начала душить... Не могу понять за что? — лепетал Айрон, а я уже посматривала в конец коридора и прислушивалась, в надежде услышать цоканье полыхающей праведным гневом девицы. «Если что — я его подержу!», — кивала женская солидарность в сторону «гуру соблазнения», вспоминая, как один добрый малый решил сделать мне изысканный комплимент, заметив, что мои глаза очень идут моей попе. Попа ему, разумеется, подмигивать не стала, а я до сих пор пытаюсь понять, это была угроза натянуть зрачки на филей, или же все-таки признак восхищения?

— У нее были такие зубы! — вздрогнул Айрон, округляя глаза и пряча руками мокрое пятно на штанах. — Она открыла пасть, а там... Там... Я бросился бежать...

«Я к этому отношения не имею!», — появилось на стене, пока я утешала ловеласа, поглядывая в темноту. Стоило мне успокоиться и списать чудовище на больное и разбушевавшееся воображение, а крики — на страшный сон пикапера, как вдруг послышался еще один пронзительный крик!

Мы с Айроном бросились в его сторону, минуя длинную галерею и крутую лестницу. Выбежав в огромный зал с гобеленами, мы увидели картинку, от которой хотелось тихо прикрыть дверь, броситься в комнату, спрятаться под одеяло и орать.

В углу забились два брата — Фредерик и Фердинанд. Младший оттаскивал старшего, который лежал без сознания, а перед ними стоял лев с хвостом, напоминающим ядовитый хвост скорпиона. Младший схватил дрожащими руками подсвечник, размахивая им перед носом чудища. Темные волосы «запасного принца» разметались, сутулая спина вздымалась от испуганного дыхания.

— Что здесь про... — произнесла я, глядя во все глаза на чудовище. Чудовище повернулось ко мне, а из лохматой гривы на меня смотрело человеческое лицо с милыми голубыми глазами. Я, была человеком очень толерантным, поэтому искренне считала, даже если у тебя тело льва и хвост скорпиона — это не причина не выдавать тебе паспорт и обижать в очереди. Но толерантность, как и все хорошее однажды заканчивается. И это «однажды» наступило конкретно в тот момент, когда чудовище раскрыло пасть, усеянную такими зубами, что фотограф искренне не рекомендовал клиенту улыбаться. В глазах вспыхнул яркий голубой огонь, заставивший меня сделать шаг назад и тоже схватить подсвечник, прикрывая собой Айрона.

Тварь метнулась на меня, демонстрируя свою оскаленную пасть, но ее тут же отмело в сторону. Из пола потянулись знакомые побеги, опоясывая тело чудовища, которое извивалось и шипело, пытаясь ужалить ветки своим хвостом и разорвать клыками и когтями. Если это — наш новый домашний питомец, то лоток придется выносить не за ним, а за мной.

Черные шипы впивались в чудище, заставляя изворачиваться все сильнее, а потом ... оно исчезло. Если мое терпение измеряется каплями, то наверняка это — успокоительное по инструкции.

— Все целы? — я бросилась к принцам, пиная в дальний угол бутылку, валяющуюся на полу.

— Д-д-да, — хватал воздух Фердинанд, оседая по стене и стуча зубами. Из его дрожащих рук выпал кованный подсвечник. Он тут же схватил брата за руку и сжал ее.

— Очнись... Очнись..., - шептал он, глядя перепуганными глазами на распростертое тело старшего брата.

Фредерик простонал и с трудом открыл глаза.

— Т-т-ты.... Ты меня спас? — как-то неуверенно прошептал он, глядя на свою руку в руке брата. — Я... я... думал, что ты был бы рад, если бы... со мной что-то случилось... Корона тогда бы досталась ... тебе...

— Корона? На кой она мне? Нам с тобой, по ходу, она уже не светит! Могли бы и предупредить! Неужели ... Неужели от нас захотели избавиться? — бормотал Фредерик, все еще задыхаясь от ужаса. — Оно точно сдохло? Его нет?

— Конкретно сейчас, — процедила я, прищуриваясь. — Вашим жизням угрожает, куда большая опасность, чем тварь! А ну быстро говорите, что случилось! Или я задушу вас своими руками!

«Если у тебя не хватит сил, я с удовольствием продолжу начатое тобой дело!» — промелькнула надпись на стене.

— Мы ничего не знаем... — нервничал Фердинанд, поглядывая на брата. — Мы решили осмотреть замок, а потом... потом на нас бросилось это чудище!

Я посмотрела на бутылку, тяжело вздохнула. Напиться до таких чертиков нужно еще и умудриться!

— Я, конечно, понимаю, что с картой замка без бутылки не разберешься, — я подняла пустую бутылку. Если это был Джин, то где-то по замку бегают Тоник. Я его видела своими глазами!

— Собираем всех! Нужно предупредить об опасности! — скомандовала я. «Предупрежден — значит, вооружен!» — вертелась в голове народная мудрость, но один взгляд на принцев свидетельствовал о том, что народные мудрости не распространяются на венценосных особ. Есть у меня предчувствие, что это — прощальный подарок одной делегации. Или происки той неугомонной девицы.

— За мной! Нельзя разгуливать по замку в одиночестве! — я бросилась по коридору, слыша, как за мной бегут три запыхавшихся принца.

Дверь в кабинет была открыта настежь, а я слышала лязганье металла. На полу валялись мечи и щиты, тяжелые шторы были порезаны, портреты — разбиты.

— Помогите! — задышался голос, а я увидела рыцарей, которые надвигаются за загнанного в угол и растрепанного Флориана. Он сжимал в руках меч, сплевывал волосы и ... боролся за свою жизнь.

— Доспехи внезапно ожили! — задышался Флориан, неумело отражая удары. Меч вылетел из его рук, когда массивный доспех обрушил свой удар.

Лозы с шипами обвили руку пустотелого рыцаря, когда тот занес меч перед триумфальным ударом. Флориан задышался, но тут же по полу к нему скользнул другой меч.

— Держи! — Фредерик пустил по полу оружие, которое не долетело ровно на два метра. Флориан метнулся за мечом, а доспех, увитый колючими ветками, со звоном разлетелся по залу. Внезапно все доспехи, стоящие вдоль стены стали подавать признаки жизни. Рыцари выхватили оружие и бросились мстить за «павшего товарища».

— Бросай меч! Иди сюда! — закричала я, глядя на целый отряд, решивший изрубить Флориана в капусту.

— Я не хочу отступать! — прорычал бывший принц, пытаясь увернуться от чужого меча. Нападающих было слишком много! Он не справится!

«Я же говорил — идиот!», — появилось на стене, а второй доспех уже оплетали лозы.

— Иди сюда!!! Живо!!! — рявкнула я, а Флориан бросился вдоль стены.

— Ты цел? — прокашлялась я, чувствуя приступы хрипоты и дурноты. — Ладно, у нас что ни день, то неприятность! Но это уже слишком!

— Замок... — шептал Флориан, глядя как поверженные шипами доспехи распадаются на части, а к нашим ногам покатился пустой шлем. — Он заколдован! Он и вправду заколдован!

«Да что ты говоришь? Неужели?», — появилось на стене, когда доспехи снова стали собираться в полноценные единицы военной техники. Мы закрыли дверь, подпирая ее своими телами, а по полу уже ползли лозы, помогая нам в этом нелегком деле. Я слышала, как мечи бьются об дверь, заставляя меня вздрагивать от каждого удара.

Послышался грохот, и мимо нас с криками и воплями пронеслось целое стадо перепуганных принцев. С такой скоростью и прытью, с такими задорными криками и круглыми глазами, что кони были явно лишними. Мне хотелось рефлекторно крикнуть: «Не бегать!», а через секунду стало понятно, что нужно было кричать: «Здороваться надо!». Пожелание «здоровья» было бы очень уместным, ибо за ними шустро, расширяя проходы замка и границы воображения, полз огромный, зеленый и страшный дракон. Я не поверила своим глазам, инстинктивно дергая заросшую дверь. Рыцари показались мне мальчиками-одуванчиками по сравнению со свирепыми глазами и полыхающей огненным вихрем пастью.

— Д-д-дракон, — обреченно пискнул Айрон, тихо сползая вниз по стеночке и закатывая глаза.

Я дернула его за руку, пытаюсь поднять, пока Фердинанд и Фредерик решили дружно изобразить героев, но в месте от подвига весьма отдаленном, дружно переуступая мне право войти в историю, вступив в схватку с огромным зеленым бедствием. Голова отказывалась что-то понимать, а при мысли о том, что в замке обитает целый зоопарк, мечтающий стать контактным за счет знакомства с его перепуганными обитателями, мне становилось дурно.

— Вставай! — нервно простонала я, дергая Айрона, который решил прикинутьсядохлым в самый удачный момент. Мои крики привлекли внимание зубастого жюри, и я сразу же получила первое место в номинации «единственная для дракона», взяла гранд-при «самая сладенькая» и медальку «за особые заслуги перед кишечником»! Пока что это был предварительный результат, но до «переварительного» было рукой подать!

Я дергала Айрона, пытаюсь оттащить его, но принц настолько впечатлился, что лежал обмякшим и тяжелым тельцем, подпирая стеночку.

Между мной и драконом выросла стена колючек, которая пыталась опутать чудовище. К моему ужасу дракон разметал их с легкостью, но новые лозы тянулись к нему, пытаюсь удержать на месте. Дракон дышал огнем, выжигая растительность, которая снова появлялась на месте пепла.

— Бросай принца! — послышался хриплый голос, а я все еще пыталась поставить Айрона на ноги, а потом поняла, что это бесполезно и волоком потащила принца по коридору.

— Давай его сюда! — послышался голос, а меня оттолкнул Арден с мечом в руке. Растрепанный, в порванной рубашке и свежей ссадиной на лице, он закинул принца на плечо, пока дракон пробирался сквозь растущий дендрарий, гневно поливая пламенем все вокруг.

— Не спрашивай. Я ничего не знаю, — прохрипел Арден, пока я бежала, оглядываясь и нервничая. Раздался грохот, заставивший полы покачнуться. С потолка градом посыпалась мозаика. Если крыша едет с таким грохотом, то я знать не хочу, что бывает, когда ее сносит! Где призрак? С ним все в порядке? Сердце понимала абсурдность ситуации, но все равно тревожилось.

«Да с вами я, с вами!», — проступило беглое на стене, когда я притормозила, кусая губы. — «Я обвалил потолок!».

— В зал! — Арден резко остановился, дергая огромные, массивные двери и недовольно рвякая: «Открывай! Свои!».

Нас пустили в зал, где на полу вдоль стены сидели принцы, которых я тут же пересчитала, успокаиваясь. Бедняги паниковали, требовали срочно отправить их домой, затравлено оглядывались по сторонам и рассказывали друг другу такие ужасы, что где-то сосали перья Братья Гримм, радуясь возможности пополнить свои сказки увлекательными сюжетами, и тихо выдыхал Достоевский, выступая соавтором, вклинивая везде заветное слово. Не мудрено, что все сказки были чем-то похожи. «Идиот и дракон», «идиот и какая-то странная девушка», «идиот и «мама роди меня обратно!»». Пока принцы рассказывали об ужасах, поглядывая на дверь, преподаватели пребывали в полной боевой готовности.

Лючио стоял в рубаше и штанах босиком, сжимая в руках кинжал, ненакрашенная Шарман, прижимала к груди свой обугленный парик. Робер расхаживал по комнате, положив руку на эфес тонкого меча, Винсент тоскливо смотрел на разорванную сумку и пересчитывал флаконы.

— Что происходит? Кто они? Откуда? — пристали ко мне с вопросом все, кому не лень. Спрашивали так, словно я уже успела не просто познакомиться со всеми, но и подружиться. И вот уже зеленый дракон рассказывает мне о своей тяжелой жизни, химера с телом льва сетует на то, что никто ее не ценит, и по секрету делится детскими комплексами, а какая-то зубастая красавица рекомендует мне своего стоматолога и парикмахера.

— Вот у них и спросите! — рявкнула я и указала на запертую дверь, подрабатывая на полставки пресс-секретарем местной нечисти.

— Откуда они? — меня тряс Фердинанд Третий. — Что им надо?

Пока что я назначила главным ответчиком на вопрос «откуда?» верблюда, а в качестве основного требования выставила шоколад. Поверьте, я тоже не прочь узнать, откуда взялась вся эта хтоническая живность! Но при этом интересоваться поголовьем и численностью мне как-то не хотелось.

— Итак, — сглотнула я, пока жизнь и опыт разводили руками. — У меня есть три версии. Первая. Сегодняшние гости. Вторая. Девчонка. Третья. Кто-то принес с собой парочку хомячков, которые от вкусной и здоровой пищи резко прибавили в росте и весе. Может, у кого-то есть еще варианты?

— Мантикоры были уничтожены больше сотни лет назад. Их пустили на ингредиенты. Их яд смертелен, а противоядия почти не действуют, поэтому представляет особую ценность. А я сегодня точно видел чудовище с головой человека, телом льва и ядовитым хвостом, — заметил Винсент с таким сожалением, словно живи он сто лет назад, то первым бы бегал с табличкой «Спасите вымирающий вид!» или «Оставьте мне хоть одну!».

— Я сегодня своими глазами видел грифона. Их тоже, как бы, истребили пару веков назад, — усмехнулся Лючио. — Помнится, у моего деда был коготь грифона. Он использовал его в качестве охотничьего рога!

Отлично! Их уже в природе нет, зато они есть у нас! Природа вздохнула с облегчением, а я вот как-то не очень.

— А еще их не берет оружие, — задумчиво заметил Лючио, с сожалением рассматривая свой кинжал. — Прямое попадание кинжала. Ни крови, ничего...

Поздравляю! Они еще и бессмертные! Приходите к нам учиться, чтоб потом всю жизнь лечиться!

— Мы все умрем!!! — не выдержал Юстиниан, обнимая голову руками. — Мы... Мы... умрем!!!

Словно вирус гриппа в переполненном автобусе распространялась паника. Я тяжело выдохнула, понимая, что тут есть два варианта — либо успокоиться, либо упокоиться.

— Умрем!!! Погибнем!!! — рыдал и задыхался Фердинанд второй, пока рядом скулила остальная братия. Изба-рыдальня превратилась в избу — страдальню. Паника переросла в истерию. «Да прекратите вы, наконец!», — возмущался Лючио. «Ноете, как девчонки!» — фыркал и морщился Робер. «И это — принцы? Тишина! Я кому сказал!» — бровь Ардена поднялась вверх, а он рассказывал, сколько трупов повидал на своем веку, небрежно сообщая, что послужной список в любой момент может пополниться еще двенадцатью нытиками-дезертирами. «Бедные девушки! Перевелся мужик! Кончился!» — закатывала глаза Шарман. «Нас всех убьют!!!» — задыхался кто-то в общей агонии.

— Никого не убьют! — кричала я, пытаюсь тряхнуть за плечи ближайшего истерика. — Если будете соблюдать технику безопасности, вас не убьют! Мы постараемся вас защитить...

— Я срочно пишу родителям, чтобы они меня забрали! Мне страшно! — рыдал пришедший в себя Айрон, захлебываясь рыданиями. Я пыталась их уговорить, предпринимала попытки поговорить с каждым, но меня не слышали, трясясь как чихухуа на силиконовой груди хозяйки.

— Молчать! — послышался низкий и хриплый голос, от которого даже у меня занервничали коленки. — Слушать меня внимательно! Зарубите себе на короне — самое страшное в этом замке — я! И сейчас вы в этом убедитесь!

Из тьмы шагнул призрак, глядя на притихших принцев, которые с изумлением рассматривали хозяина. Он был в черном камзоле, без маски, и, судя по взгляду, негодовал. В этот момент дракон показался мне таким лапочкой, а рыцари — просто

зайчиками!

— Еще один всхлип, и я своими руками убью нытика! Слушать меня внимательно! Жизнь каждого из вас ничего не стоит, поэтому защищать ее вам придется самостоятельно. Ни одно письмо родителям не отправится. Вы все остаетесь здесь. Вам всем придется смотреть в глаза опасности, которую вы принесли в мой замок! — призрак обвел взглядом принцев, а потом бросил на пол бутылку. — С этого дня каждый из вас имеет право носить с собой оружие. Умеете вы им пользоваться или нет — ваши проблемы! Арден! Выдай им оружие! Можете спать здесь или у себя. Мне откровенно все равно!

— Но... здесь же нет подушек и одеял... — заволновались принцы. — И перин нет...

— Ваши проблемы. Научились жить — научитесь выживать, — отрезал призрак. — Не хотите спать здесь — марш по комнатам! Запомните! Вы никому не нужны! Никто в этом замке не станет вас защищать!

— Но мы же наследные принцы! — возмутились ученики, задышав от ужаса. — Мы унаследуем корону!

— Мой отец этого так не оставит!!! — заорал Фердинанд Третий. — Я напишу письмо, что меня забрали отсюда как можно скорее!

— В этой бутылке было запечатано проклятие. Проклятие, которое не успокоится, пока не уничтожит вас, всех кто вам дорог, и тех, кто попытается вас защитить. Кто-то очень позаботился о том, чтобы, покинув Академию, вы унесли его с собой, а через пару дней опустели все престолы, — зловеще произнес призрак, слегка сощутив глаза. — Это проклятие невозможно снять.

— Вы лжете! — испуганно выкрикнул Феордан, сжимая рукоять меча. — Проклятие может снять любой маг!

— Маги не снимают проклятие. Маги помогают выполнить условия с наименьшими потерями! — заметил призрак, зажигая в руке черное пламя. — Ну что ж! Поздравляю вас! Теперь вы уже не принцы. Никому, даже вашей драгоценной родне, вы теперь не нужны. Как только они узнают о том, что вы — прокляты и представляете опасность для них, они сами прикончат вас на месте. Или бросят здесь, в Академии, вычеркнув из списка наследников!

В зале повисла тишина.

— И плевать, чистокровные вы наследники или нет, — закончил призрак, нехорошо глядя на принцев. — Когда ваши родители узнают, им будет проще родить запасного наследника.

— Мог бы и помягче им об этом сообщить! — прошептала я, глядя на ужас, застывший в глазах несчастных.

— Академия обязана нас защищать! — орали принцы наперебой. Но взгляд призрака намекал, что перебьются, если не сами, то им помогут.

— Академия. Но не я, не преподаватели, и не ректор. Разговор окончен! Мне просто уже надоело слушать ваше нытье. Если вы — девчонки, то научитесь хотя бы делать красивые реверансы! — прозвучало в гробовой тишине.

Через пару мгновений послышались звуки, идеально подходящие под озвучку старинных гравюр «лечение — путь мучения», где отпиливали конечности, пускали кровушку и развлекались в теплой компании болельщиков и группы поддержки, цепко держащих пациента во избежание сбегания. Инквизиторы скорбно опустили глаза, пока средневековые эскулапы твердо положили концы сначала на страдания, а потом страданиям бедолаг.

— Я предлагаю проверить кровь каждого, — негромко заметил Арден, поправляя манжеты. — Если среди них есть тот, кто нам нужен, то, думаю, что вопрос решится очень быстро. «В тринадцатый год, тринадцать кровей». Скорее всего, в ком-то течет две королевских крови.... Так что я за артефактом...

— Какой вопрос? — прищурилась я, поглядывая в сторону учеников. Мне категорически не нравился его тон.

— Даже не думай, — хмуро произнес хозяин замка. — Я перекрыл вход в зал мертвых. Попробуйте только. Пусть все остается так, как есть.

— То есть вы хотите сказать, что мы тоже застряли здесь навечно? — процедил Робер. — Мы учили этих идиотов год за годом ради того, чтобы «все осталось, как есть»? Сколько столетий мы мечтали о том, что однажды снова сможем жить, как прежде! И все напрасно? Ирония...

— Молчать! Еще одно слово, — предупредил призрак, обводя взглядом присутствующих.

Я смотрела на преподавателей, которые опустили глаза, тяжело вздыхая.

— Я отказываюсь учить! — начал забастовку Арден, хмуро глядя на принцев. — Я учил лишь потому, что была надежда! А сейчас я понимаю, что все это бессмысленно. Надежды нет.

— Кровь утеряна давно, — гнусаво промурчал на какой-то протяжный и грустный мотив Лючио, усмехаясь и глядя на принцев. — Превратившись в сад из роз... Сладость лепестков — вино... А роса, как горечь слез... Надо бросать это дело. Я никому ничем не обязан. Я не собираюсь всю оставшуюся жизнь быть преподавателем... Я был убийцей, был наемником, был шпионом! Помнится, что однажды в сердцах сказал, будучи начальником тайной канцелярии, что у меня — самая неблагодарная работа на свете! Оказывается, нет! Есть еще более неблагодарная работа! И, кажется, я на ней работаю!

— У меня из-за них такое состояние, словно под глазами у меня вся сокровищница! — скривился Робер. — Я так понимаю, что хозяин смирился... И предлагает смириться нам...

— Смириться с неизбежным, — задумчиво заметил Винсент, роясь в сумке. — Пойдемте спать! Я не собираюсь торчать здесь всю ночь.

— Не боишься? — сардонически усмехнулся Робер, положив руку на эфес и глядя на безоружного Винсента. — Там один укус смертелен...

— Бедная мантикора. После укуса она вымрет окончательно, — грустно улыбнулся Винсент, доставая флакон и делая большой глоток. — Пошел я мириться... Спокойной ночи!

— Чтобы смириться с неприятностями, нужно для начала объявить им войну! — недовольным голосом проскрипела Шарман, пытаясь привести свой парик в порядок. — Беру свои слова обратно! Последний мужик вымер лет двести назад! Хотя, некоторые источники утверждают, что раньше!

— Вы что? Не будете нас учить защищаться? — задохнулся Айрон, сжимая в руках меч и глядя, как преподаватели направились к двери. — Вы вот так вот просто... уходите?

— Хорошо, последний урок. Даже не думайте выставлять караульных! — зевнул Арден, глядя на когорта несчастных. — Или дозорных! Пусть неприятности застанут вас спящими и врасплох! Урок окончен. Кто доживет до завтра — молодец! Так и быть, поставлю вам пятерочку.

— Держитесь вместе, чтобы дракону далеко бегать не пришлось. Если сожрет, то всех сразу! — усмехнулся Лючио. — Поверьте, он будет вам очень благодарен! Те, кто доживет до завтра — получит три. Потому что на пять знают боги, на четыре знаю я, а вам остаются тройки и двойки! Налетайте, разбирайте!

Винсент молча помахал рукой, а Робер посмотрел на принцев таким взглядом, от которого сводило не только дебет с кредитом, но и челюсти.

— Да как вы можете! — я достала и обдула свой ректорский авторитет, заграждая собой дверь.

— Легко и с превеликим удовольствием! — с усмешкой заметил Лючио, одаривая меня

улыбкой мерзавца. — Ты — то чего паникуешь? Иди спать! Тебе ли переживать? Кто-кто, а ты защищена лучше, чем все мы вместе взятые. Он за тебя не то что мантикору, он дракона по коридору размажет... Давай, сдвигайся! Я не собираюсь торчать здесь всю ночь!

Принцы с ужасом смотрели на процессию, которая молча покидала комнату. Меня бесцеремонно, но осторожно сдвинули с дороги, выдернули меч-засов и спокойно отправились по комнатам.

— Я так понимаю, что поэт из меня не очень, — грустно вздохнула Шарман, глядя на меня снизу вверх. — Отнесешь любимому. Думаю, что он поймет... Я ... я действительно верила в то, что однажды все изменится к лучшему... Но сейчас, понимаю, что надежды нет...

Она ушла, сунув мне в руку записку с бантиком, а я осталась вместе с поникшими принцами.

— Только не уходите! — заныли принцы, делая жалобные глаза, в надежде, что во мне вот-вот включится невидимый тумблер «Мать-Тереза». — Пожалуйста... Не оставляйте нас одних...

Мило, когда тебя упрашивают остаться двенадцать вооруженных мужиков. Обидно, что это решение продиктовано не чистым сердцем, и даже не изнывающим от любопытства мерилом мужественности. Мужчины всегда провожали женский филей заинтересованными взглядами, любопытствуя, сколько проблем и неприятностей на нем помещается. Если раньше они оценивали количество проблем и свою способность их решать, то сейчас прикидывают, осталось ли свободное место, чтобы повесить туда еще свои проблемы, дабы счастливая обладательница вплотную занялась их решением.

Вот так всегда. Как только приходят неприятности — каждый сам по себе. Я положила руку на дверную ручку. «Иди спать!» — проступило на стене.

— Не уходите... Пожалуйста..., - скулили принцы, затравленно оглядываясь по сторонам.

«Я кому сказал! Иди в комнату! Тебе нужно отдохнуть!» — снова проступило на стене. Я тяжело вздохнула, посмотрела на принцев, понимая, что после того, что со мной сделали их драгоценные родители, можно радостно хрустеть попкорном и сёрбовать кока-колу, глядя, как на экране жизни разворачивается настоящий фильм ужасов с ними в главной роли.

«Если ты не будешь спать в своей кровати, и останешься здесь, то...», — появилось на стене. «Умоляем!» — слышалось за спиной.

— Ты хочешь поставить мне выбор? — прошептала я, чувствуя, что такого сложного выбора в моей жизни еще не было. Выбирать между любовью и долгом приходится не только тем, кто решил занять деньги у родственников. Где-то женская логика нашептывала мне о том, что мужчина должен уметь себя защитить, а если не сумел — освободи генофонд. И, вроде бы, все логично, но ...

— Ребята! — зевнула я, улыбаясь мысли о том, что клятвенно обещала родителям не спать с их детьми. — За мной! Живо!

Репутации конец, кто поверит, тот — подлец!

— Я кому сказала! — я дернула дверь и высунулась в коридор. Еще не хватало, чтобы одно недопривидение, горячо любимое и чертовски вредное, надумало ставить мне условия. — Быстро-быстро-быстро! Живей!

В коридоре было тихо и спокойно. Я шла мимо портретов, которые бледными и очень одухотворенными лицами следили за нашим триумфальным шествием. Женская логика против мужской психики — один — ноль. На меня с портрета смотрела развратная девица, оголив почти все, что можно было оголить, сжимая в руках голубую розу. Вот не могу понять, она мне сейчас завидует мне, или осуждает? Ей, бедняжке, принц не достался, а у меня их целых двенадцать!

— Не отстаем! Возьмитесь за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке! — я

чувствовала себя воспитательницей детского сада, решившего вывести не только группу на прогулку, но и одного призрака из себя. Он даже иногда «молчал» от негодования, долго и тщательно подбирая слова, пока наша вереница дошла до поворота. Я прислонилась к стене, выглянула, внимательно вглядываясь в коридор.

— Все чисто! — голосом уборщицы заметила я, опасливо минуя темные углы. Мой «принцеп» старался не отставать, а кто-то даже слегка воспрянул духом, мужественно размахивая мечом. Я дошла до кабинета, приоткрыла дверь, стараясь не читать то, что мне пишут на стенах. Ода моей сообразительности уже не вмещала в себя обычные слова, срочно требуя подкрепление в виде слов, которые стыдливо стирают уборщицы с туалетного кафеля. Когда человек говорит, что идет до конца, я уже не сомневаюсь, на что конкретно его посылали...

— Так! — по-хозяйски прокашлялась я, прикидывая, как бы расположить принцев в кабинете. Утоптанная ковровая дорожка пока что вполне походила на матрас. — Документы не трогать! По ящикам не лазить — руки оторву! Располагайтесь!

— А подушки и одеяла? — грустно заметила какая-то венценосная непосредственность. Я вспомнила, что у меня две подушки и два одеяла, но, мысли о сквозняках и отсутствии отопления разбудили во мне такого Доктора Жмо, что даже Доктор Зло отказался бы здороваться со мной за руку.

— Если что — кричите! — инструктировала я, зевая и глядя на то, как принцы неохотно размещаются на полу. Я даже закрыла дверь на засов, чтобы слухи и сплетни о том, что любвеобильная ректорша завела себе гарем, расползлись еще быстрее.

— Поставь на место! — возмутилась я, глядя на мою чернильницу в руках Эриха. — Я же сказала — ничего не трогать! Иначе будете ночевать в коридоре! Спокойной ночи, Брендон, Эрих, Фредерик, Фредерик, Фредерик, Фердинанд, Айрон, Юстиниан, Феордан, Элиан, Гарольд и Флориан!

Я открыла дверь в свои покои, закрыла ее на засов, доползла до кровати и с размаху упала в альковы мягкой перины. Усталость свидетельствовала о том, что если какая-то веселая реликтовая живность, все-таки отважится откусить от меня кусочек, то отвес обнаружится только ближе к полудню.

— Вот скажи мне, — послышался хриплый голос, а по моим волосам скользнула холодная рука. — У тебя совесть природой заложена?

— Да-а-а, — зевнула я, накрываясь одеялом и пряча улыбку в подушке. — Природа сразу отнесла ее в ломбард.

Через пять минут я примостилась поудобней на чужом плече, чувствуя, как рука легла мне на талию и прижала меня к себе так, словно на меня уже кто-то облизывается в темноте.

Я проснулась от того, что в соседней комнате что-то упало, кто-то на кого-то зашикал, а через пару мгновений послышались приглушенные голоса.

— ... мне кормилица рассказывала историю... — отчетливо прошептал кто-то. — Я так понимаю, что это про призрака... Говорят, что раньше было тринадцать королевств, и он правил тринадцатым....

Я наострила уши, делая вид, что сплю.

— Так вот, — заявил неизвестный рассказчик, но тут же что-то грянуло и все зашипели: «Тише!». — У него была фаворитка... Красавица... Однажды, ему донесли, что из ее покоев тайком, под покровом ночи, пробирались трое любовников...

Я сглотнула, чувствуя, как грудь призрака дернулась, от непроизвольного смеха.

— Король усмехнулся и наутро повелел сшить для нее самое красивое и дорогое платье из всех, которые только можно себе представить. На ее шею надели самые роскошные драгоценности. Король взял ее за руку и сказал ей, что отныне они будут вместе навсегда, что он принял решение о том, что действительно любит ее и готов идти на жертвы..., - продолжал рассказчик с театральными паузами под нетерпеливое

«нуканье».

Я едва слышно прокашлялась.

— Тихе! Мне уже самому интересно! — прошептали мне на ухо. Я скептически подняла бровь, а меня прижали к себе, поправляя одеяло.

— Она была уверена, что король решил сделать ее своей королевой, и сейчас объявит при всем народе, что женится. Люди были празднично одеты, бросали цветы и улыбались. Стоило королю и его возлюбленной взойти на украшенные розами пьедестал, как король сжал ее руку и улыбнулся. «Позовите палача!» — крикнул он, а охрана уже оцепила площадь. Девушка сразу все поняла, заметалась, стала умолять пощадить ее... Красавица упала на колени, целовала ему руку, заглядывала в глаза и клялась, что невиновна. Она уверяла, что это больше никогда не повторится. В ее дрожащие руки вложили букет из голубых роз, которые росли в королевском саду, а потом нежно поцеловали в висок, — зловещим голосом повествовал рассказчик, а потом снова что-то звякнуло. — Да брось ты меч! Сейчас всех разбудишь!

— А вдруг сейчас на нас что-то выскочит? — послышался другой голос. — Надо быть наготове. Мы же... как бы... караульные...

— На чем я остановился? Ах, да! — спохватился рассказчик, смакуя подробности. — Девушка до последнего верила, что он передумает, но король собственноручно накинул ей на шею веревку, целуя ее мокрые от щек слезы. «Прошу тебя! Пощади! Прости меня...», — шептала она, заглядывая прекрасными глазами в глаза короля. «Да, любимая, я тебя прощаю!» — произнес король, целуя ее в губы. Сколько радости было в ее глазах, сколько счастья, но тут же люк под ней распахнулся, она забилась в конвульсиях и умерла... Король дождался ее кончины, снял ее тело, и поцеловал ее, прижимая к себе, а потом повелел сделать для нее под замком роскошную гробницу... Через два часа после похорон, он спустился в подземелье к своей возлюбленной, и больше никто никогда его не видел...

По губам призрака ползла такая улыбка, словно пять минут назад он перевешал весь неверный гарем. Я нехорошо прищурилась, чувствуя, как по моей шее ползет его холодная рука.

— Да, любимая, я тебя прощаю, — зловеще прошептал призрак, а потом поцеловал в висок, тихо смеясь и натягивая на меня одеяло. А мне было как-то не смешно, пока я сопоставляла легенды и понимала, что если хоть одна из них содержит толику правды, то я имею дело с личностью разносторонней и очень занимательной.

— Я слышал другую историю. Мне ее рассказала старая служанка маменьки... Она рассказывала, что его задушила одна красавица за то, что он приказал казнить всю ее семью... Заговор плели... — философски заметил второй голос, подавляя зевок. Я с интересом посмотрела на призрака, тихонько подкрадываясь пальцами к его горлу. На меня взглянули так сурово, что я чуть не передумала, а потом поймали мою «удушающую» руку и поцеловали.

— Они теперь всегда будут за тобой таскаться? — прошептали мне. — Знаешь, мне проще их поубивать, чтобы не мучились!

— Не вздумай! — заметила я, снова осуществляя поползновения, но уже совсем с другой целью. Вот чем его не устраивает девушка с «принцем»? У Белоснежки было семь гномов, но принц ей и слова не сказал! Понимаю, когда над принцем нависают, глядя хмуро и многообещающе семь богатырей, как бы намекая на то, что пойманный на акте некрофилии принц просто обязан жениться на объекте вожделения. В рейтинге «принцессы с прицепом», я застряла где-то между Элизой и ее одиннадцатью лебедями и Али Бабой с его разбойниками, гипотетически понимая, почему большинство сказок про принца начинаются со слов: «Жила — была бедная сиротка, и не было у нее никого-никого!».

— Ложись спать, — меня поймали, а потом улеглись головой на мою грудь. — Почему-то мне очень хочется поцеловать то место, каким ты думаешь!

Это был тот самый случай, когда голова твердо решила снять с себя всю ответственность

за мыслительный процесс и последствия принятых решений. «Я здесь вообще не при чем!», — твердила она, отрешившись от любой мозговой активности, и показывая приказ о делегировании полномочий другим полушариям.

— Так чем же ты думала, когда притащила в кабинет своих принцев? — прошептали мне, приподнимаясь и заглядывая в глаза.

— Сердцем, — прошептала я, тяжело вздохнув. Но призрак так не думал... Он придерживался другой мысли, которая мне почему-то очень понравилась! Мыши, по сравнению с нами, казались топающими слонами, а я молча кусала губы, понимая, что двенадцать принцев и стоны дадут не просто почву, а целую плантацию для сплетен.

Я глубоко вздохнула, обняла его голову, вплетая пальцы в волосы, а сама лежала, глядя, как ночь за окном сменяется туманным и промозглым утром, и думала. Туманная серость навевала странные мысли о том, что легенды просто так не появляются... Неужели правда настолько ужасна, что может заставить меня бежать без оглядки, пытаюсь забыть все, как страшный сон? Я нащупала в кармане висящей на спинке кровати хламиды записку, поглядывая в сторону верхушек деревьев, на которых клоками висел туман. «Ка-а-ар!» — разносилось раздражающее на лесом, а я лежала и смотрела на старинный портрет какого-то косоглазого ректора в напыщенном парике и в знакомой хламиде, чувствуя, как слипаются от усталости мои глаза... Многоуважаемый, волчок, если будете посягать на мой бочок, будьте так любезны — не будите!

В лесу было зябко и прохладно, над верхушками деревьев кружились черные силуэты ворон, хрипло и радостно возвещающие о том, что заколдованный замок наконец-то стал проклятым.

Знакомая тропинка вела меня сквозь промозглый туман, а мокрые веточки норовили выколоть мне глазик. «Присмотрю за принцами одним глазком!» — ехидничал инстинкт самосохранения. «Неправда! За ними глаз да глаз нужен!», — бухтела я, чувствуя, как ноги скользят по мокрой опавшей листве к знакомому шалашу.

Я осторожно постучала по соседнему дереву три раза и даже суеверно сплюнула через левое плечо, как бы отгоняя от себя мысли о карьерном росте до лесного сумасшедшего.

— Ка-а-ар! — раздалось сиплое сверху, а я подняла голову и увидела сидящего на ветке бывшего ректора. — Ка-а-ар!

Он попытался взлететь, раскинув руки, но тут же чебурахнулся прямо на траву, благо было не высоко.

— Кр-р-рыло! — ворчал он, поднимаясь и пытаюсь натянуть обратно свои порванные ветками лохмотья. — Ка-а-ар!

На тощей, немой груди была цепочка с красивым старинным ключом.

— Ка-а-ар! Кто ты? — на меня подозрительно прищурились.

— Почтовый голубь! — фыркнула я, доставая записку. — Итак, у нас тут снова любовное послание, но на этот раз вас любовно посылают!

Я пробежала глазами строки, чувствуя, как щемит сердце: «Любимый, пусть счастье взаимности было недолгим, но я хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя... Улетай отсюда, как можно скорее... Прошу тебя, умоляю. Улетай... И чем дальше, тем лучше! Когда будешь делать круг над замком, знай, я смотрю в окно!»

Я краем глаза взглянула на местного Икара, который по птичьему вертел головой, как бы внимательно слушая о воздушном коридоре.

«Знай, любимый, что мое сердце улетает вместе с тобой. А если у меня не останется сердца, то смерть мне будет не страшна! Легкого крыла тебе! Помни, что однажды, я сгорела в твоём пламени и стала отблеском в твоей чешуе! Шарман»

Я еще раз перечитала последнее предложение, пока мозг прикидывал, где бы раздобыть хоть капельку женской интуиции.

— Где живет дракон? — сглотнула я, глядя на сумасшедшего, который пытался взлететь обратно на дерево, подпрыгивая на месте, но в ответ мне послышалось лишь раздраженное неудачей «Ка-а-ар!».

— Дракон где?!!! — заорала я, сменив наигранно-доброжелательный тон вежливой кассирши на вопль разъяренного покупателя. — Отвечай!!!

Ректор дернул головой, так, словно в шею его укусила пчела, удивленно заморгал и...

— Здраваться не учили? — сурово спросил он, хмуря брови. — Ты как себя ведешь в присутствии ректора?

— Уважаемый ректор, — я изобразила самую провинившуюся ученицу, мысленно посылая сумасшедшего туда, где бы он стал «глубокоуважаемым». — Не подскажите ли вы мне дорогу к дракону?

— Хм, — ректор вскинул голову. — К тому дракону, который терроризирует окрестности?

— Да! — спешно ответила я так, словно отдаю честь. — Именно к нему!

— Сражаться? Ну-ну, — заметил ректор так, что я почти поверила в его нормальность. — А не мелковат ли ты для дракона, принц?

— Я — низкокалорийный принц! Диетический! — отозвалась я ну очень воинственно.

— А где твой меч, принц? — прищурился ректор, глядя на мой наряд от кутюр без купюр. — Без меча ты никуда не пойдешь? Что я скажу твоим родителям, если дракон тебя испепелит? А кто тебя тушить будет?

Меч — лучшее средство для борьбы с огнем! А тушить, если что, меня будет дракон. С луком и морковкой! Я подняла какую-то палку, сделала грозный вид, словно только что этой палкой разогнала темное воинство и прицельными ударами спасла мир от размножения главгадов. Нет, главгад, конечно, остался в живых, но империю зла в наследство он уже никогда и никому не оставит.

— Совсем другое дело! — обрадовался ректор, пока я потрясала палкой на зависть неандертальцам. — Дракон живет там!

Он показал мне рукой на горный хребет, застывший в молочном мареве тумана. Ничего, не так уж и далеко. Километров десять.

— Эм, а номер пещеры? Индекс? Отличительные знаки? — уныло поинтересовалась я, понимая, что искать придется долго. Дракон — единственный, кто может мне рассказать о проклятии. Сегодня с утра должен был быть его урок, но он не пришел. Так что если дракон не идет к рыцарю, то рыцарь идет к дракону.

Ректор дернулся и снова попытался улететь, проклиная тот день, когда ему перебили крыло. Все с ним понятно!

Я поплелась в сторону гор. Вот не просто так все молчат! Там явно что-то нечисто!

Лес становился все гуще, а я уже миновала башню, откуда торчали лохмы принцессы, миновала чарусу, обходя ее вдоль деревьев и, на всякий случай, цепляясь за сучья. Я добрела до руин, на которых сидели угрюмые вороны, нехорошими взглядами глядя на меня.

— Кар-р-р! — хрипло каркнула птица, сидевшая на фрагменте уцелевшей кладки. — Кар-р-р!

— Слушайте, обиженки! — заявила я, сжимая в руках палку. — Вас никто в постель к Вороньей Королеве не толкал, если легенды не врут! И не надо на меня так смотреть! Кыш! Кыш отсюда! Я не шучу!

Один, особо наглый представитель заколдованного мужского пола, спикировал на меня,

но тут же отхватил. Видимо где-то есть духи «Мужская солидарность», потому что на меня тут же бросились остальные. Я, награждая их ударами палкой, бросилась бежать по полю, преследуемая огромной стаей. Под конец резвого «тык-дык», я споткнулась об корягу и почувствовала, как кубарем лечу вниз, падая на сухую листву. Сердце бешено колотилось, а я лежала, чувствуя, как она подо мной зашевелилась.

— Элберт! — обрадовалась я, задыхаясь и пытаюсь прийти в себя после падения. — Ну, наконец-то! А я-то думала, что ты уже улетел!

— А, это ты... — сумрачно отозвался дракон убитым голосом. — Зачем пришла?

— Академия проклята! — выпалила я, слезая вниз и глядя в глаза дракона.

— Что мне до вашей Академии... Она умерла... Это было сто тридцать четыре года назад. Я точно все посчитал, — вздохнул дракон, глядя в небо. — Люди столько не живут... Я узнавал... А я-то думал, что всегда успею ее найти...

— Послушай, — я поджала губы и сжав кулаки. — Мне действительно очень жаль...

— Нет, ну как так можно было. Я вот думаю, что если бы нашел ее, взял в жены, то она бы прожила столько же, сколько и я, — Элберт снова прилег мордой на листву, а она разлетелась от его дыхания. — Вот скажи мне, ректорша... Почему вы так мало живете?

Я положила руку ему на морду, поглаживая холодную чешую, но он обиженно скинул ее.

— Послушай, Элберт, — осторожно начала я, стряхивая сухой листок с его морды. — Жизнь продолжается... Я понимаю боль твоей утраты... Понимаю, что ты потерял смысл жизни...

— Нельзя привязываться к людям, — философски заметил дракон, не слушая меня. — От них одни разочарование и несварение... Гнилые вы... Вот я к тебе со всей душой, а ты...

— Кстати, о несварении! Ты почему на урок не явился? — поинтересовалась я, вспоминая расписание и перевода тему.

— И преподавать я больше не буду... Не вижу смысла... — зевнул Элберт, хандря на полную катушку моих нервов и набивая себе цену. — Не ценят меня на работе... А я, между прочим, последний дракон в этих краях... Вот уйду, что будете делать? Вот где вы еще одного дракона найдете?

На меня посмотрели взглядом амурского тигра — импотента.

У-у-у! Как все запущено! В этом мире проще встретить дракона, чем квалифицированного мозгоправа, поэтому придется прибегнуть к народной медицине и прописать «Звиздюлин». Я так понимаю, что драконы принимают это волшебное лекарство в основном перед едой, а мне надо, чтобы после.

— Уже нашли, — сообщила я голосом генерального директора, на всякий случай, отходя подальше. Этот мир научил меня одному простому правилу. Никогда ничего не проси у дракона! Никогда и ничего! — Я как раз пришла тебе об этом сообщить, чтобы ты написал заявление на увольнение! Незаменимых драконов, как выяснилось, нет! Нас устраивает в новом преподавателе абсолютно все. Цвет, размер, пламя...

Элберт поднял голову, глядя на меня так, словно я превратилась в Пиноккио, и вот-вот проткну ему глаз своим растущим носом.

— Мы даже проводили открытый урок! — заявила я голосом начальства, которое уже разместило объявление о том, что на еще не освободившийся стул требуется новая попа. — И, знаешь что? Наш новый дракон оказался куда профессиональней. Один урок, и принцы сразу поняли, что такое настоящий дракон! Кстати, наш новый преподаватель сейчас в замке! Сегодня ночью у нас было собеседование!

Ага, которое, чуть не закончилось кофе-брыком. Но не будем о грустном. У каждого — своя методика преподавания. Новый дракон берет дорого, но объясняет доходчиво.

— Откуда? — резво осведомился Элберт, глядя на меня с подозрением. Я все понимаю,

но он — моя единственная надежда. Главное, чтобы «последняя надежда» об этом не узнал!

— Сам пришел, — пожала плечами я, сжимая в кармане записку и делая вид, что собираюсь уходить. — Так что ты тут оставайся. Тоскуй себе на здоровье... Очень приятно было с тобой работать, но...

— Стоять! — дракон тут же принял облик человека, глядя на меня все с тем же подозрением. — Ты куда? А как же я?

Я уже шла, пытаюсь скрыть улыбку. Понимаю, что неэтично. Зато дешево, надежно и практично!

— погоди! — меня дернули за плечо, развернули к себе лицом и заглянули в глаза. — Так ты не шутишь? Неужели в замке новый дракон?

— Да, у нас в связи с проклятием, произошла образовательная реформа, — авторитетно заявила я, пытаюсь оттереть грязь с рукава. — Теперь только практика. Никакой теории! Все максимально приближено к реальным условиям... Очень эффективно получается!

— В связи с проклятием? Что-то я не помню, чтобы проклятие вызывало новых драконов. Говори! Что происходит? — меня схватили и не отпускали.

— Да, так, — буднично заметила я. — Нас просто еще раз проклинали. Кстати, а что ты знаешь о предыдущем проклятии?

— Понятно. Меня удивляет другое. Меня удивляет то, что он приказал тебе ничего не рассказывать. Обычно и дня не проходит, как новенький уже в курсе! — на меня посмотрели так, словно решили расстрелять в упор. — Про проклятие я, разумеется, слышал краем уха... Мне-то он, конечно, не указ, да и характерами мы с ним не всегда сходимся. Наверное, поэтому я не живу в замке. Но тут дело явно не чисто. Хорошо, я расскажу тебе все, что знаю... Только по пути в замок. Хочу своими глазами во всем убедиться.

— Если что, ты мне ничего не говорил! — закивала я. — Ни слова. Я ничего не знаю!

— Хорошо. Замок заколдован. Я всех тонкостей не знаю, но знаю лишь то, что заклятие построено таким образом, что как только оно спадет, спадут и остальные заклятия, проклятия и так далее. «И все заклятья будут сняты!». Как-то так. Не помню дословно. То есть, если снять главное проклятие, то снимутся и все остальные, причем, не только с замка, но и со всех его обитателей. Так что сюда стекались все проклятые, причем не просто проклятые, а именно теми проклятиями, которые нельзя снять никаким другим способом. Насколько мне известно, проклятие замка держится на особой крови, которая должна течь в жилах особы королевского происхождения. Дескать, пророчество было. Вот поэтому мы и возимся с принцами, в надежде, что кто-нибудь из них окажется тем самым, особенным.

— А как это проверяют? — прошептала я, с ужасом понимая, что вся эта история с Академией — ширма, благодаря которой пытаются снять проклятие.

— Артефактом, который хранится в замке. Он сделан на основе нужной крови. Эти венценосные идиоты уверены, что медальон проверяет наследников престола, но на самом деле он определяет наличие только одной крови. Его использовали тогда, когда короли первых династий приходились друг другу родственниками, но революции, интриги и дворцовые перевороты сделали свое дело. Ни в одном из принцев нет той самой нужной крови, каким бы генеалогическим древом, они бы не хвастались, — тоскливо ответил дракон, когда на горизонте забрезжили руины, засиженные воронами.

При виде нас наглые птицы взлетели в воздух, оглушительно каркая и пикируя в нашу сторону.

— Смотри! — усмехнулся Элберт, обернувшись драконом. Одна струя огня в сторону стаи, и стая превратилась в горстку черного пепла. Уцелевшие птицы отлетели подальше. И тут пепел стал собираться в перья, а через пару мгновений в небо взмыла все та же стая ворон, пронзительно каркая и негодуя.

— Ничего себе, — сглотнула я, пока вороны держались от нас на почтительном расстоянии, провожая громкими и зловещими проклятиями. — Но, знаешь ли, новый дракон тоже очень профессиональный! Мне даже кажется, что у него струя огня ярче что ли... Так что там по поводу проклятия?

— Я краем уха слышал, что есть способ снять проклятие, — зевнул Элберт. — Убить последнего чистокровного, прямого наследника нужной крови в этом мире. Того, на кого укажет артефакт... В чьих руках он загорится, тот фактически обречен.

Что? Убить того, на кого покажет артефакт?

Я даже на секунду остановилась, пытаюсь унять подпрыгнувшее сердце, которое срочно требовало бежать, куда глаза глядят подальше от этого дружелюбного оплота образовательных услуг. Над вершинами деревьев красовались унылые и мрачные башни «альма — матов на нее не хватает», а за мной по пятам крался липкий и неприятный холодок, норовя облюбовать мою взмокшую спину.

— Его смерть в стенах Академии снимет главное проклятие, снимет все проклятия, которые были наложены после, а так же проклятия со всех обитателей... — продолжал Элберт, а я чувствовала, как у меня дрожат руки.

Так вот почему нельзя никому рассказывать о том, что медальон засветился в моих руках!

У меня на глазах выступили слезы. Вот почему любимый ничего мне не рассказывал, молчал и требовал, чтобы я хранила тайну... Сердце сделало несколько отчетливых глухих ударов, заставивших меня проглотить тревожный ком в горле. «Человеческая жизнь ничего не стоит!» — пронеслось в голове, а по моей спине пробежал табун холодных мурашек с криками: «Спасайся, кто может!». Преподаватели годами ждут, когда проклятие с замка будет снято, а вместе с ним снимутся и их проклятия, а тут такая возможность... «Ничего личного!» — пронеслись в голове голоса тех, кто отправил на тот свет десятки, а то и сотни людей. Спокойно, хладнокровно и безжалостно, преследуя собственные интересы. Но как такое может быть, чтобы я, человек вообще из другого мира, оказался именно тем, кто нужен? Откуда во мне, почетном пролетарии, королевская кровь? Хотя...

Бабушка! А вот теперь мне очень интересно, а кто, собственно, мой дедушка, которого я никогда не видела! Где-то опиралась на костыль хронология, разводя культиями: «Пода-айте, кто-нибудь, доказательства!».

— Чего молчишь? Расстроилась? — усмехнулся дракон на ступенях замка. — Ну да, ты ведь тоже проклятая... Короче, сидеть тебе здесь — не пересидеть! Как, собственно, и всем.

Расстроилась? Это — явно не то слово! Почерневшие стены замка снова стали выглядеть зловеще, заставляя меня поежиться, открывая дверь.

— Да ладно тебе! — Элберт обнял меня. — Мы же как-то живем? Живем! К тому же пока ты здесь и на тебе лежит проклятие — ты, фактически не стареешь. Не бери в голову!

«Я что-то не понял! — промелькнула надпись во всю стену. — Что дракон делает в замке? У нас с ним была договоренность!»

— Договоренность? Ты называешь это договоренностью? — усмехнулся Элберт, разглядывая надпись. — Ты вышвырнул меня из замка, после того, как мы с тобой поругались, и я чуть не сжег его!

«Радость моя, я задушил бы тебя своими руками за то, что ты притащила в замок того, кто однажды чуть не разнес его! Он имеет права находиться в замке только на время урока! Убери от нее руки, иначе я обломаю тебе крылья!», — снова проступило на стене, пока меня удерживали в объятиях.

— Ну-ну, — нехорошим голосом заметил Элберт, еще сильнее прижимая меня к себе. — Да, славный был тогда поединок! Хочешь повторить? Я требую реванша!

— Так, все! Прекращайте! — я оттолкнула дракона и посмотрела на стену. Ага, еще не

хватало лайков и комментариев на стене! — Я считаю, что Элберт должен находиться в замке. Нам нужна любая помощь! Он будет учить принцев защищаться! Пожалуй, это — единственный предмет, который им сейчас жизненно необходим! А заодно и нашего второго дракона посмотрит! Мало ли, а вдруг самочка? Ой, кстати, Элберт! Это — тебе!

Я протянула ему записку, которую он перечитал с равнодушным взглядом, смял и бросил на пол.

— Опять Шарманка развлекается! — усмехнулся дракон, зевая и пиная бумажку по залу. — Помнится, она Ардену глазки строила, потом Лючио, а сейчас, я так понимаю, что моя очередь. Ничего, переживет! Где эти недомерки? Сегодня будет долгий урок!

Я видел, как они вместе идут по коридору, как моя девочка оглядывается по сторонам, а Элберт все норовит положить ей руку на талию. В тот момент, когда его рука тянется к ней, я понимаю, что меня начинают пожирать невидимое пламя и боль, почти осязаемая, но при этом настолько дикая и страшная, что хочется немедленно ее прекратить. Почему она позволяет себя обнимать? Неужели я в ней ошибся? Неужели она не понимает, что каждый такой жест разрывает мое сердце на части?

— Смотри! — услышал я ее голос, а она взяла дракона за руку и потащила к гобелену. — Вот он! Точно такой же дракон! Один в один! Зелененький он был! Представьте себе, представьте себе... Зелененький он был!

— Это- вообще не дракон! — фыркнул Элберт, насмешливо глядя на гобелен. — У драконов не такой узор чешуи! Это раз! Посмотри на пластины! Это что за чудовище? А крылья? Ты драконов никогда не видела? Вот эта огромная тушка и два птичьих крылышка? Ты как себе представляешь его полет? На кой этому чудику вообще крылья?

— Ну у того дракона тоже крылья были маленькие! — спорила она, а я снова видел, как его рука подбирается к ее талии, разжигая во мне пламя. Я сгораю в нем, я сгораю от ее улыбки, сгораю от каждого ее взгляда.

— Тебе что? Раздеться и показать, какими бывают драконы? — рассмеялся Элберт. — Я, конечно, могу... Вот только не в замке... Приходи ко мне в пещеру, а я с удовольствием тебе все-все-все покажу. И жезл, который обещал показать тогда в лесу... Все никак не могу забыть наше с тобой свидание...

— Так! Ты урок собираешься вести или нет? — перебила она, ведя его в кабинет, где сидели перепуганные принцы, которые сразу воспрянули духом, едва завидев Элберта.

— Я хочу научиться защищаться! — кричали они наперебой. — Покажите приемы! Помните, вы показывали, как нужно отбивать атаку? И про дракона еще раз повторите! Все слабые места!

— Так, я их забираю в зал. Пока я рядом, с ними ничего не случится, — усмехнулся Элберт, а она осталась одна, глядя на закрывшуюся за последним принцем дверь. Тут дверь снова открылась, в нее влетел рыжий с криками: «Меч забыл!!!», а потом улизнул догонять.

— Что не так? — крикнула она, оглядываясь по сторонам. — Нам нужен был преподаватель, который научит принцев защищаться! Кто-то же должен их учить?

На пару мгновений она замолчала, рассерженно сдувая волосы с лица. Любимая ждет ответа, а я чувствую, словно меня оплетают колючие ветки роз, вонзаясь в сердце каждой иголкой. Пьянящий, сладкий запах и боль, от которой хочется забыться, обволакивает меня, а я понимаю, что сгораю изнутри. Не знаю, что ей сказать... Я ведь никогда не думал, что любовь способна причинять такую боль... Ее глаза, ее волосы, ямочки на щеках, когда она улыбается. Я знаю каждый ее жест, каждый взгляд, но в этот момент мне кажется, что все это принадлежит не мне, а кому-то другому.

— Ты думаешь, мне охота была тащиться к дракону и договариваться с ним? Или принцы так и будут сидеть в моем кабинете до скончания века? — обиженно заметила она, подходя к столу, на котором лежала грудa писем. Распечатав первое письмо, потом

второе, она процедила сквозь зубы:

— Они что? Сговорились? Какие каникулы? Мы еще и месяца не отучились! Забрать принца? Ага, сейчас, размечтались!

Я смотрел на нее, чувствуя, как мое сердце разрывается на части, а дурманный запах розы, который я ненавижу, словно призрачное воспоминание, заставляет задыхаться. И в этом дурмане, среди лепестков, я видел лишь ее...

— Понятно, обиделся! Обиделся за то, что я притащила дракона в замок! — прозвучал ее раздраженный голос. Она швырнула письма на стол и расправила ногой загнутый угол коврой дорожки. — Ну извини, лучше я ничего придумать не смогла! Или тебе хочется самому возиться с принцами?

Она еще что-то говорила, хмурилась, откидывала голову, качала ею, а я молчал. Не знаю, что ей сказать... Горьким дурманом недоверия, от которого все плывет перед глазами, терпким ядом сомнения, от которого нет противоядия, разливается по телу, каждый ее поворот головы, каждый взгляд и каждое слово... Не важно, что она говорит... Огонь, который раньше согревал меня, теперь выжигает изнутри, ослепляя дымом ревности.

Ну вот опять! Обиделся! Я старалась, не хотела, чтобы у меня в кабинете жили принцы! Никто преподавать не хочет, один Элберт согласился, а тут что? Обида! И судя по тишине — смертельная!

Я прошла по коридору в зал, глядя как принцы тренируются. Никогда еще ученики так не стремились к знаниям.

— А левая у тебя что? Уже перебита? — орал дракон, бросая презрительный взгляд пары принцев, которые отрабатывали удары. — Что это она у тебя веревочкой висит? Эй, Омлетик! Полегче! Быстро выдохнешься! Главное не количество ударов, а качество! Лучше меньше, но прицельно, чем ... Кто тебя так учил меч держать, Бульончик? Тебе же его выбьют ногой из уже сломанной руки! Один удар и тебе просто сломают руку! ... Так, левее... Эх, ты, Каша! А ну быстро поднял меч, пока я этого не видел! Позор на мою чешую! О! Молодец, Десертик! Вполне неплохо! Супчик! Ты чего скис? Что значит «нечестно?». В бою не бывает «честно»! Лучше потом труп врага мораль прочитаешь о «честности» и «нечестности»! А это у нас тут Салатик с Котлеткой сражаются! Салатик, давай подсечку, чтобы Котлетка знал, как правильно ноги ставить!

Я смотрела на идиллию учебного процесса и прогресса, понимая, что долгожданное чудо произошло. Вот мечтаешь о чем-то важном, думаешь об этом сутки напролет, а ничего не происходит. Но стоит перестать мечтать, как на тебе! Держи свое чудо! Получи, распишись! А ты смотришь на подарок судьбы, и понимаешь, что буквально вчера, позавчера, месяц назад был готов душу из дьявола вытрясти за него, а теперь ... Теперь ты вежливо и растерянно улыбаешься подарку, который осталось молча поставить на полочку жизни.

Не смотря на отголосок радости в моем сердце, я ловила себя на мысли, что снова и снова пробегаю взглядом по стенам. Ну напиши... Хватит обижаться... Ты же сам все понимаешь...

— Прошу тебя, — едва слышно прошептала я, краем глаза следя за поединками и вслушиваясь в лязганье мечей. — Не надо, не обижайся... Ну хоть смайлик нарисуй... Хоть что-нибудь...

Внезапный прилив теплоты и нежности наполнил мою грудь, заставив глубоко вздохнуть и стиснуть зубы. Я на секунду уставилась, не мигая, на какую-то статую, не замечая, как она расплывается перед глазами. Призрак объятий, поцелуи и шепот, от которого срочно захотелось обнять и не отпускать никогда, заставили сердце дрогнуть. Оно простучало что-то вроде: «Помириться!», успокаивая меня.

— А можно еще немного позаниматься! Вы обещали показать прием, когда ты как бы уклоняешься от удара, но при этом наносишь свой, — вывел меня из задумчивости

запыхавшийся голос Эриха.

Я вышла из зала в коридор, слыша, как Элберт объясняет, куда ставить ногу и как правильно наклониться, чтобы осталось пространство для маневра.

Пока в Академии было светло, мне казалось, что ничего не произошло. Я еще раз осмотрелась по сторонам, в надежде, что обиды прошли, а мне сейчас выскажут все. Я честно ждала этого. И тут в конце коридора я увидела знакомый силуэт.

Непроизвольно улыбаясь и ускоряя шаг, я мысленно проговаривала все, что хочу ему сказать. Да, возможно, стоило посоветоваться, не отрицаю! Но, думаю, что тут и глиняному ежику понятно, что лучше так, чем сидеть няньками над сокращающимся поголовьем наследников!

На меня смотрели любимые синие глаза. Красивые волосы были разложены по плечам, а синий камзол с брошью смотрелся просто великолепно, заставляя сердце трепетать от нежности.

— Знаешь, — сглотнула я, опуская глаза. — Прости, что не посоветовалась... Понимаю, что у вас старые обиды друг на друга... А еще он распускает руки, что мне категорически не нравится!

Я подняла взгляд, чувствуя, как его рука расправляет мои волосы, заставляя сердце умирать от счастья и переполняющей теплоты.

— Не обижайся, — прошептала я, заглядывая с нескрываемой нежностью в синие озера глаз. Я улыбалась, чувствуя, как плещется через край та самая нежность, выливаясь слезами счастья. Я робко положила руку поверх его руки, проводящей осторожную линию по дорожке только что скатившейся слезы. — Я счастлива, что встретила тебя... И не хочу, чтобы мы обижались друг на друга по пустякам... Я не хочу ругаться, ссориться и выяснять отношения...

Его рука легла мне на грудь, а сердце подталкивало меня сказать что-то очень важное. То самое чувство, когда хочешь раскрыть кому-то самую большую тайну на свете, а потом понимаешь, что это вовсе и не тайна, что тебя уже давным-давно выдал твой взгляд, голос и прикосновения.

— Я, — прошептала я, сглатывая и глядя ему в глаза. — Я... я... люблю тебя...

И в этот момент мир дернулся, сердце упало в пятки, я почувствовала, как мне не хватает воздуха, а моя спина больно соприкоснулась со стеной. Кхе! Кхе! Его рука держала меня за горло стальной хваткой, а я судорожно цеплялась за холодную руку, не понимая в чем дело. Воздух... Я не могу дышать... Рука, которая только что гладила мои волосы и смахивала слезинки, превратилась в железные тиски. Не может быть! Он не может так поступить!

— Что... Кхе! ... Ты! — задыхалась я, чувствуя, как мою шею сжимают так, что глаза чуть не вылезли из орбит. Мои ноги висели в воздухе, а на меня спокойно и равнодушно смотрели синие глаза, пока я судорожно пыталась разжать холодные пальцы. — Ты... Ты... Кхе! Помо... Помоги... те...

Глоток воздуха! Хоть глоток! Я открывала рот, как рыба, выброшенная на сушу... Не могу вдохнуть... Сердце колотило панику, сознание плыло, а в голове бил набат пульса. Как же больно... Как больно...

— Ты что творишь! — послышалось вдалеке вместе с топотом ног, но все плыло перед глазами, а темнота озарилась яркой вспышкой. Я ничего не прошу... Только глоток воздуха... Помогите... Адская боль в шее, огненные круги перед глазами, а в ушах шумит так, словно дождь падает на тысячу барабанов. Боль и страх разливались черной, всепоглощающей тоской и унынием, что хотелось молча уйти в серость проливного дождя.

— Лю... — выдавила я, видя новую вспышку и пламя, которые отразилась в синих, холодных, равнодушных и мертвых глазах.

Глава девятнадцатая

Проклятье заколдованного замка

— Видел фильм «Потрет Дориана Грея?».

А черт! Проклятый т9!

— Она не дышит! — кричали прямо на ухо, пока я смотрел на ее посиневшую шею. — Не дышит! Она умерла!

Я держал руку на ее шее, чувствуя, сколько сил отнимает у меня заклинание. Ее тело судорожно дернулось, а голубой свет, который струился из моих дрожащих пальцев в тревожной тишине, озарял обугленный коридор.

— Дыши, моя маленькая, — шептал я, глядя как огромный синяк на шее медленно проходит, а ее тело еще раз сжимается в конвульсиях. Ее лицо посинело, а руки безвольно раскинулись, словно крылья подбитой птицы. — Дыши, моя девочка...

Я гладил ее по щеке, глядя на закрытые глаза и умолял, чтобы она жила... Просто жила... У меня нет жизни, чтобы отдать ее ... А если бы была, я бы отдал не раздумывая за один единственный вздох... Я поднял тонкую холодную руку, покрывая поцелуями и умоляя ее открыть глаза.

— Нет, вы видели! — изумлялся кто-то за спиной. — Видели? Никогда в жизни такого не видел... Никогда!

Давай, девочка моя, давай... Не хочу тебя потерять... Она снова дернулась и... судорожно проглотила воздух. Моя девочка хватала его так жадно, с такими страшными хрипами, а я чувствовал, как голубой свет на кончиках моих пальцев меркнет. Сделал все, то мог... Увы, я — не целитель... Хорошо, хоть вспомнил заклинание... Теперь остается только ждать...

— Ее точно можно переносить? — поинтересовался кто-то под руку, когда я осторожно поднимал ее тело на руках. Такая маленькая, такая худенькая... Кожа да кости...

— Вы что думаете? Я оставлю лежать ее на холодном полу в коридоре? — я прижимал поникшую голову к своей груди, шепча ей на каждом шагу, что все будет хорошо, что она поправится. Не знаю, слышит ли она меня, но в какие-то моменты мне казалось, что я шепчу сам себе, успокаиваю себя, прижимаясь губами к ее лбу.

— С дороги! — процедил я, отодвигая плечом стадо этих недоумков, которые панически суеились вокруг и не знали, что делать.

— Вот это был магический поединок! Двое против одного! — восхищался какой-то идиот, чье имя я так и не удосужился выучить за ненадобностью. — Ты видел? Видел, как учитель обернулся драконом! А потом! Я сначала тоже не понял, как так получилось!

Она хрипло простонала и съежилась, а я прижал ее к себе, дрожащими руками. «Главное, чтобы ей не было больно!» — шептал я сам себе, чувствуя, как мои руки до боли прижимают к груди драгоценную ношу.

— Все будет хорошо, моя маленькая... — повторял я, целуя ее холодный и липкий от пота лоб. — Двери! Открыли быстро двери!

— Да-да, сейчас! — передо мной распахнули двери ее комнаты, а я прикрыл ее голову рукой, чувствуя, что не могу унять дрожь. Бережно, словно фарфоровую куклу, я опустил ее тело на кровать, глядя как разметались по подушке длинные волосы.

— Все вон отсюда! Обсуждать будете потом! — рявкнул я, отшвыривая любопытных от двери и с грохотом закрывая ее.

Ее рука свисала с кровати, в отчаянии я схватил ее, прижимая к своим губам и целуя каждый холодный пальчик. Я гладил свою щеку ее рукой, в надежде вымолить прощение за то, что не успел защитить ее от самого себя...

— Маленькая моя, — шептал я, снова и снова целуя ее безвольную руку. По ее щеке скатилась слеза, которую я поймал поцелуем. — Только не плач... Не надо... Не надо... Я никогда бы не причинил тебе боль...

Пламя, которое бушевало в груди еще полчаса назад, сменилось льдом. Я пытался согреть ее руку в своих, понимая, что это бесполезно. Она хрипло дышала, а я убирал волосы с ее лица, гладил по щеке, боясь прикоснуться к шее. Я вслушивался в судорожные вздохи-хрипы, а когда не слышал их, то наклонялся к ней, считая каждое мгновение тишины, умоляя ее вдохнуть.

— Пустите! — раздалось скрипучее за дверью. — И что? Что значит, не входить? Мне можно!

Дверь открылась, на пороге стояла сгорбленная воинственная Шарман, ругаясь с кем-то в коридоре: «Тринадцать мужиков! Тринадцать! И ни один не смог защитить! Принц-принц! Лошадка деревянная, носок в гульфике и замок воздушный! Да я бы, такому как ты, и по большой любви не дала! Даже если бы ты остался последним мужиком на свете! Морковкой бы тебе, мытой!».

— Зачем пришла? — я хмуро смотрел на нее, пока все дружно пытались доказать, что тоже героически сражались. Дверь со скрипом закрылась за спиной Шарман и наступила тишина.

— Я слышала о том, что произошло... — прокряхтела она, подходя ближе и глядя на тело. — И что? Убьешь меня за то, что я посмела войти? Послушай меня, она ничего не знает. Она уверена, что это был ты... И, наверное, было бы лучше, если бы первым, кого она увидела, был бы кто-то другой... Тот, который попытается ей все объяснить!

Я молчал, глядя на маленькую, сгорбленную фигурку старухи, которая обмахивалась веером и тяжело вздыхала.

— Подумай сам, хозяин... Понимаю, что тебе хочется побыть с ней и все такое, но лучше будет, если ей сначала все объяснят! — скрипела Шарман, а потом шумно вздохнула, глядя мне в глаза. — Бедная! Раньше у нее был один идиот, а теперь целых два одинаковых! Выбирай любого! Женская мечта!

— Не смешно! — процедил я, чувствуя, как холодная рука моей девочки зашевелилась и сжала мою руку, заставив меня склониться и прикоснуться к ней губами, шепча, что «все хорошо, что она в безопасности, что больше она и шагу не ступит без меня...».

— Нет, ну а что я такого сказала? — хмыкнула Шарман, пытаясь вытряхнуть мышь из парика. — Два одинаковых любовника — мечта любой женщины! А уж если их зовут одинаково, то вообще сказка! Помнится, у одного герцога ... как там его... Эх! Совсем забыла! Родились эти... двойняшки или близнецы... Он увидел их и стал орать: «Один — мой, другой — не мой! Второго нагуляла жена!». Не может, дескать, у него быть сразу двое детей! Так и рассказывал мне сказки всю ночь, мол, убью неверную! Задушу! Да ладно тебе, не смотри на меня так... Она — девочка умная, все поймет... Только дай ей время...

Моя девочка заворочалась, судорожно глотая воздух, а потом ее рука потянулась к своему горлу.

— Тише, тише, — встревоженно шептал я, глядя на то, как она проводит рукой по своей шее, а потом бессильно опускает ее в недра одеяла. — Все хорошо... Ты в безопасности...

Не знаю, как еще успокоить ее, поэтому просто держу ее руку, поглаживая и пытаюсь согреть.

— Вот так, еще немного и проклятие было бы снято, — слышалось скрипучее и насмешливое рядом. — А ведь похожа... Очень похожа... Я что? Не узнаю ее? Столько лет прошло ... Похожи они, почти одно лицо... Поэтому и рассказывала ей про проклятье, пока ты не вмешался... Знаю, что ты отпустил ту ректоршу с ребенком, хотя мог бы и положить конец проклятию... Вот она... Твоя награда твое милосердие... Дочь, внучка, правнучка... Не знаю, кем она приходится той ректорше...

— Моя награда за милосердие? — прошептал я, вглядываясь в бледное лицо «награды».

Ее губы дрогнули, а я оставил на них поцелуй, поглаживая ее бледную щеку. — Хороша награда! Каково это знать, что смерть любимой снимет проклятие?

— Но ведь есть и другой способ, — усмехнулась Шарман, приклеивая обратно отпавшую мушку.

— И ты думаешь, что я вот так вот просто, — я чувствовал, как в груди разгорается пламя. Волна ненависти к миру накатывает и душит меня. — Позволю ей погибнуть? Никто! Ни один принц не смог сделать это! Раньше, когда нужная кровь текла в каждом втором, сколько из них смогли? Ни один! Думай, о чем говоришь!

В моей руке лежала тонкая рука, глядя на которую ненависть сменилась безграничной нежностью. Нельзя так любить человека... Нельзя... Нельзя так любить ту, которую можешь потерять в любой момент...

— Я не позволю этой руке взять в меч, — качая головой, шептал я, любясь тонкими пальчиками и вспоминая их прикосновение. Она снова пыталась ощупать свою шею, кряхтя и вздрагивая. — Тише, маленькая... Шарман, лучше уйди, мы сами разберемся...

Я гладил холодный лоб, слыша, как за Шарман закрылась дверь. Не знаю, сколько провел времени, сжимая тонкую руку, но черная мгла за окном сменилась туманным утром.

— Тихо спит моя любовь в венчике из роз..., — прошептал я, вставая на колени рядом с ней и вглядываясь в ее лицо. Ее ресницы едва заметно дрогнули. — Ночь прошла, проходит сон — царство вечных грез... День наступит, сквозь окно хлынет яркий свет... Просыпайся и встречай новый свой рассвет...

Я осторожно наклонился и увидел, как она открыла глаза. На секунду они затуманились нежностью, а потом она дернулась и закричала...

Меня по щеке кто-то гладил, я слышала шепот, похожий на песню. Тьма постепенно отпускала меня из своих объятий, а сквозь прикрытые веки бил яркий свет. Нет! Не надо! Я хочу еще побыть в темноте... В темноте не видно слез. В ней легко оплакивать свою любовь, легко представлять, что это — всего лишь сон... Что угодно, но только не правда! Что-то внутри нашептывало мне, что все кончено. Не важно, что это было — часть проклятия, обида, ревность. Я не прощу. Никогда не прощу.

Мои веки дрогнули, выпуская яркий, режущий свет, а через секунду в мутном мареве я снова увидела синие глаза, которые смотрели на меня в упор.

— Нет! Нет! — закричала я, пытаюсь выбраться и оттолкнуть. Мой хриплый, похожим на воронье карканье, голос испугал меня еще больше, чем синие глаза. Сердце бешено колотилось, пока я отбивалась от объятий, не прекращая кричать. — Не надо! Ты снова хочешь меня задушить! Помогите!

Ко мне тянулась рука, мне что-то говорили, а я с ужасом смотрела на нее, начиная задыхаться, прикрывая руками горло.

— Пожалуйста... Не надо... — шептала я, забившись в угол. — Не трогай меня! Чудовище! Убери руку! Не прикасайся ко мне!

«Жива!» — хлынули в распахнувшуюся дверь радостные крики, а в дверном проеме застыла Шарман, за спиной виднелись принцы и преподаватели.

— Она жива! — радовался кто-то из принцев. — Ура! Жива!

— Я же говорила, — закатила глаза старая куртизанка, с оханьем ковыляя к нам. — Я предупреждала! Как там говорил один умник в короне? Зачем слушать женщину? У нее же мозгов меньше, чем у курицы! А при этом не умел ни читать, ни писать! Тоже мне, грамотей! А вот еще один! Что смотришь? Я сейчас с тобой не как с хозяином, а как с мужиком разговариваю! Не трогай ее пока!

Я сглотнула, ощупывая горло и глядя на зависшую в нерешительности руку.

— Это был не он! — заорал кто-то из принцев, пытаясь подпрыгнуть, чтобы посмотреть, что происходит в комнате. — Их двое было! Один тебя душил, а второй пытался спасти! Мы тоже тебя спасали! И другие преподаватели! Даже дракон помогал! Еле тебя отбили!

— Да-а-а, — закатила глаза Шарман, присаживаясь на угол кровати и глядя на радостного «информатора». — Вот пытаюсь понять, в кого ты такой грамотей уродился. Твой же дед и слова связать не мог! Брысь, спасатель! Помню, как ты орал громче всех, когда споткнулся о свой меч!

Шарман тяжело вздохнула, а дверь с размаху захлопнулась. Я почему-то боюсь повернуться и посмотреть влево. Мой взгляд упорно смотрит куда угодно, но только не на него.

— Правду тебе сказали. Не он это был... Не он. Он бы тебе никогда зла не причинил! — на меня смотрели выцветшие и какие-то по-старчески блеклые глаза, а густо намазанные брови хмурились.

Я смотрела на протянутую в мою сторону руку, вспоминая мертвые глаза, ужас, который сковал все тело бессильной судорогой и боль, предвестницу забытья и темноты. Дверь снова распахнулась, а на пороге стоял Айрон, отчаянно жестикулируя.

— Он был, как та девушка, которая пыталась меня задушить! — показывал Айрон, сжимая рукой свою шею. — Стоит, молчит, в него дракон пламя пускает, а ему хоть бы хны!

Я набралась смелости и встретила взглядом с синевой чужих глаз, чувствуя, как сквозь ужас и страх пробивается то, с чем я мучительно сражалась в своей собственной тьме. Эти глаза смотрят на меня так, словно от моего решения зависит судьба мира, а сердце предательски начинает искать оправдания. А вдруг это — действительно проклятие? Быть может, это часть проклятия, наложенного на замок и его обитателей? Вдруг его просто переклинило? Вдруг это — сон? Вдруг я чего-то знаю? Сердце, словно профессиональный адвокат, искало тысячи оправданий. И находило их на десятки лет вперед. Бесстрашное сердце доставало факты и аргументы в пользу той или иной версии, а я закусил губу, чувствуя, что оно готово простить то, что прощать нельзя.

Я вздохнула, чувствуя, как приподнимаю руку, чтобы вложить ее в чужую, но тут меня что-то кольнуло. Рука зависла в воздухе, а я смотрела на присутствующих... А где гарантия, что он их не запугал? Вдруг это действительно был он, а теперь мне все дружно лгут под страхом смерти?

Я отдернула руку, прижимая ее к груди обводя подозрительным взглядом присутствующих.

— Вот не могу понять, а почему это вы все дружно бросились его оправдывать? Или он вам сказал? — подозрительно прошептала я, даже не понимая, спрашиваю ли я, или констатирую факт. Сомневаюсь, что кто-то сознается, но мой взгляд пытался уловить хоть малейшую подсказку.

— Как я и говорила! Она никому не верит! — усмехнулась Шарман, слегка сощурившись. — Думает, что ты запугал нас! Элберт!

Голос ее на секунду дрогнул, заставив меня вспомнить скомканную записку, растоптанную чужим сапогом.

Сквозь расступившуюся толпу прошел мрачный дракон, глядя на меня своими страшными глазами с поперечным зрачком и усмехаясь.

— Ну что я должен сказать? Они не лгут! Мы с призраком пытались тебя отбить, но то, что тебя держало, неплохо владеет магией! Я бы сказал, что настолько неплохо, что спасти пришлось не только тебя, но и твоих воинственных недомерков. Так что это был не он, а его копия! Собственно вся история...

Я смотрела в глаза дракону, переводила взгляд на Шарман, боясь снова встретиться

глазами с призраком.

— Оставьте ее одну, — вздохнула Шарман, а призрак опустил руку, не сводя с меня глаз. Я подтащила к себе одеяло, глядя на столпившихся в моей комнате.

— Да, — прошептала я, кашляя и пытаюсь вернуть голосу прежнюю звонкость. — Я ... Я хочу побыть одна... Дайте мне ... время...

Все ушли, призрак исчез, а на пороге стояли Фредерик и Фердинанд. Вид у них был такой, словно они несли покаяние, но растеряли по дороге.

— Ты первый! — толкнул брата светловолосый.

— Нет, ты! Ты же старший! — отмахнулся темноволосый принц. — Давай! Тебе же отец дал бутылку...

— Короче, — осмотрелся по сторонам Фредерик, понижая голос до шепота. — Это отец дал нам бутылку после бала. Рядом стоял маг, который сказал нам, что наша задача — просто открыть ее. Он сказал, что нам ничего не угрожает, и что очень скоро мы станем наследниками целой Империи... Он ничего не говорил нам, что там внутри, но когда я чуть не выронил ее, отец осмотрелся по сторонам и прошипел, мол, осторожнее, болван!

— Мы ее спрятали, а потом... — негромко продолжил Фердинанд, пока его брат нервно кусал губы. — Потом открыли ее. Мы даже мечи с собой не брали! Маг сказал, что нам ничего не будет! Дескать, для проклятия бралась кровь отца, и нам, если мы не бастарды, ничего не угрожает! Вот и все, что мы знаем!

— Нам кажется, — продолжил Фредерик, едва заметно беря за руку брата. — Что дело в страхе...

— Ты хочешь сказать, что каждый видит то, чего боится больше всего на свете? Его страх становится явью? — я помотала головой, понимая, что за мной уже выехали санитары. — Хорошо! Спасибо, что сказали. Лучше поздно, чем никогда. Я никому ничего не скажу, и ... думаю, что наказывать вас никто не...

И тут послышался крик «Мама!», который заставил меня вскочить на ноги и покачнуться.

— Мы... мы выставляли караульных! — проглотил Фредерик, бледнея и бросаясь к двери.

Топот ног удалялся, а я едва нашла в себе силы подняться и пойти следом, опираясь руками о стену. Только родителей нам не хватало!

Крик «Папа!» заставил меня ускорить шаг. Голова кружилась, во рту слиплось, но я продолжала идти. Мне показалось, что кричали со стороны главного зала, поэтому улитка в моем лице ускорила, как могла, глядя на спины, столпившихся зрителей.

— Дайте пройти! — прошептала я, чувствуя, что мне еще рано вставать с постели. Я оступилась, но меня поддержала невидимая сила, не давая упасть.

В холле стояли король и королева, напротив них стоял изумленный Юстиниан, делая шаг вперед.

— Вы приехали, чтобы забрать меня? Я прошу вас, заберите меня! Я не хочу здесь больше оставаться! Академия проклята! — радостно закричал принц. Меня одну смущает, что родители явились без привычной свиты? Ни магов, ни телохранителей, ни слуг!

— Не подходи! — закричал кто-то, опередив меня на долю секунды, а королева подняла на нас равнодушный взгляд.

Внезапно на Юстиниана из ниоткуда бросилась фигурка в черном, сверкнув кинжалом.

— Не подходи к ним! — кричал женский голос. — Это — не они!

Король замахнулся мечом, Юстиниан растерялся, выронил свой меч и попятился. Зато маленькая фигурка ловко отразила удар. Сила удара отбросила ее к королеве и тут же

фигурка сникла. Королева подняла на нас спокойный и отрешенный взгляд, а фигурка в черном упала на колени. В руках королевы был кинжал, с которого на пол упали капли крови.

— Чего стоите! — прокашлялась я, но тут же родители исчезли, а Юстиниан, бросил меч и подполз к ... той самой девочке, которой якобы в замке нет. Из-под черного капюшона выбивались светлые пряди волос. Да! Это она!

— Ты как, — шептал он, глядя на свои окровавленные руки. — Кто —нибудь! Помогите ей!

Я сбежала вниз по ступенькам, чувствуя, как несколько раз чуть не упала, если бы меня не поддержали... По полу растекалась лужа крови, заставляя отшатнуться

— Меня... зовут... Нэтта, — шептала блондиночка, окровавленными губами. — Нэтта...

— Нэтта, — скривился Юстиниан, а по его щекам стекали слезы. Девочка попыталась поднять руку, чтобы стереть их, но не смогла. — Нэтта... Не умирай, пожалуйста... Я... Я... Я готов жениться на тебе! Выходи за меня замуж... Я...

— Говорила мне... гадалка, — прокашлялась кровью девушка, не сводя глаз с любимого. — Что я умру принцессой... Видимо... Она не солгала... Не плачь... Я хотела, как лучше... Помнишь, ты обещал, что женишься... на мне, когда станешь королем и завоюешь соседние королевства... Давал королевское слово... Я... хотела никогда ... с тобой больше не расставаться... Прости меня... Я взяла яд... И противоядие... Для тебя... Я бы никогда не причинила тебе боль... Просто... Просто я хотела...

— Помогите ей! — задыхался Юстиниан, глядя на нас заплаканными глазами, но Винсент лишь покачал головой, а Шарман закусила губу. — Нэтта... Нэтта... Она ведь будет жить? Будет? ... Ей можно помочь! Ей ведь можно помочь?

Но все молчали.

— Ректорша... — прошептала девушка, заметив меня и протянув мне руку. — Ректорша...

Я присела на колени рядом, чувствуя, как окровавленная рука ложится поверх моей руки.

— Верь любимому, как верила я... Я была там... Их двое... Два одинаковых... Только камзолы разные... — шептала Нэтта, а по ее подбородку текла кровь. — Берегитесь тех, кто молчит... Они ходят по замку... Портреты... Это ... портреты...

Ее рука потянулась за какой-то цепочкой и распахнутым медальоном, заляпанным кровью. С медальона на меня смотрел мужественный король, обнажив меч, и королева с кинжалом в руках.

— Верь ему, но не своим...

Договорить она не успела, а ее рука упала в кровь.

— Я люблю тебя! — зарыдал Юстиниан, прижимая девочку к себе. — Люблю! Слышишь! Люблю! Нэтточка! Нэ...

Мое сердце оборвалось, а я отвернулась, чтобы не смотреть. Смотреть на такое просто невыносимо. «Нэтта!», — звал надрывный и севший голос. «Она... Она умерла?». Ему никто не ответил.

Я покачнулась, чувствуя приступ дурноты. В ушах все еще звенел вопрос, на который я не в силах была ответить. Скажите ему, кто-нибудь! Просто скажите! Просто я не могу... Я чувствовала руку, которая поддерживает меня, обнимая, чувствовала щекой камзол. А сердце плакало, смеялось, кричало и разрывалось: «Я верило! Я знало! Я пыталось до тебя достучаться!».

— Унесите девочку, — услышала я хриплый голос, пока мою голову прижимали так, чтобы я ничего не видела.

— Не-е-ет! — истерично заорал Юстиниан. — Нет! Не надо! Я ... Я ее не отдам!

Но за спиной послышалась возня, а я чувствовала, как рука закрывала мне глаза.

— Не-е-ет! — крик превратился в вой.

— Чего разнылся? Она умерла! — послышался насмешливый и усталый голос Лючио. — Сам виноват! Нечего сопли на кулак мотать! Как бы не обесценивалась местная валюта, но ей далеко до королевского слова!

— Я... Я... — рыдал Юстиниан, пока кто-то шептал ему: «Пойдем!», но он кричал и требовал не трогать его.

— Вот вам, пожалуй, и урок! — усмехнулся голос Ардена. — Перед тем, как раздавать направо и налево королевские...

— Не надо! Молчите! Ничего не говорите! — выл Юстиниан, пока его пытались успокоить. — Уйдите! Не трогайте меня! Нэтта!

Заслышав странный шум, я отпрянула от груди любимого, который не давал возможности повернуться и посмотреть, что происходит. Юстиниан вскочил на ноги и топтал медальон, задыхаясь от рыданий.

— Портреты! — дернулась я, приходя в себя. — Если портреты уничтожить в замке они восстановятся? А если вынести их и сжечь? Выносите портреты! Гобелены! Статуи! Все! Чтобы стены были пустыми!

Я набралась решимости, взяла себя в руки, стараясь не смотреть на пятно крови, и направилась к двери, пока принцы и преподаватели срывали золоченые рамы со стен, ломали их ногами и выносили на улицу.

— Мы сожжем их! — шептала я, спускаясь по лестнице и глядя на то, как во дворе уже сваливают кучу. — Все, до единого! Элберт! Поджигай!

Элберт обернулся драконом, а потом полыхнул пламенем в растущую на глазах кучу. Какой-то солидный бородач с усами, застрявшими между «кисой» и «Буденным», съезжился, а холст тут же прорвали языки пламени. Рамы трескали, я стояла у основания лестницы, глядя как выносят все новые и новые лица. Кто-то даже тащил натюрморт со сливами и виноградом.

— Эм... — заметила я, глядя на аппетитные лакомства в исполнении художника-гурмана. — Вообще-то, это — не портрет...

— А вдруг? — Гарольд посмотрел на меня такими глазами, словно уже встречался с кровожадными сливами. — Мало ли?

Мимо меня несли какое-то полотнище в виде вековых дубов.

— А..., - напряглась я, а мне молча пальцем ткнули в какую-то человекообразную блоху, застывшему перед величием природы.

— Ну... Хорошо, ладно, — соглашалась я, глядя с облегчением как из замка выволакивают огромное батальное полотнище.

— Вот она! — кричал Айрон, сбегая вниз по ступенькам и таща в руках огромный портрет брюнетки в белом. — Я нашел ее! Это она чуть меня не задушила...

Брюнетка корчилась в пламени, а сверху на нее упал скомканный гобелен с мантикорой. Я смотрела на каждый портрет, вглядываясь в каждое лицо, которое отправляли в огонь. Пламя поднималось все выше и выше, а портреты трескались, корчились, словно живые. Огонь пожирал кусок обугленной рамы, оставшейся после какого-то ректора, позолота слезала и пузырилась, и тут же сверху упал портрет какой-то рыженькой красавицы с голубой розой в руках. Огонь плясал в ее волосах и кокетливой улыбке, запечатленной неизвестным, но очень талантливым художником.

— Вот! — в огонь полетел еще один портрет, но уже супружеской четы, а в глазах

Юстиниана виднелись отблески огня. — За нее... Он протянул руку и бросил в огонь свою золотую цепочку с фамильным гербом. Огонь пожирал портреты короля и королевы, радостно перескакивая на зеленого дракона.

— Помогите! Кто-нибудь! Я тут целое полчище врагов тащу! — слышалось из замка, а Юстиниан, смахнув слезы, бросился помогать вытаскивать огромную сцену сражения метр на два. — Держите ее! Левее! Меня не защемите!

На улице сгущались сумерки, а костер все горел, поднимаясь снопом искр в небо. Над лесом вопили вороны, а мы стояли и смотрели на пламя, как зачарованные.

— А это что? — возмутился Робер, срывая что-то с шеи Флориана. В огонь полетел золотой медальон, украшенный замысловатым гербом с единорогом. — Не хватало, чтобы твои родители меня по ночам душить наведывались!

Раздался усталый смешок, а я безотрывно смотрела в огонь, понимая, что среди головешек и догорающих углей нет того самого портрета в синем камзоле... «Гори, гори! Костер мой пионерский!» — шептала я, глядя на то, как пламя медленно стихает, как алыми звездами разлетаются искры под натиском поднявшегося ветра. Последний всполох осветил лица, и мы побрели в замок.

Я поднималась по лестнице, чувствуя, что мои волосы насквозь пропахли дымом, а меня встречают опустевшие стены.

— Да ладно, — хлопал по плечу Юстиниана, вспотевший и испачканный сажей Фредерик. — Потом в честь нее дворец построишь! Или, как наш прадед, орден учредил! Государственную награду!

— Балладу закажи! — вмешался Айрон. — Красивую! Ты уже состаришься и умрешь, а баллада останется!

— Мы... это... Поспим в зале для тренировок! Только подушки и одеяло возьмем! — вздохнул Флориан, обращаясь ко мне и поглядывая на остальных. — Нельзя его одного оставлять! Караульных мы все равно выставим! Мало ли! А вдруг? Все, как нас учили!

Я равнодушно кивала, чувствуя, чужую, невидимую руку, которая держит меня и не дает покачиваться от усталости.

Зал опустел, все разбрелось, а положила свою руку поверх чужой руки, которая тут же стала видимой.

— Я всегда с тобой. Ни на шаг не отпущу... — прошептали мне на ухо. — Больше ни на шаг... Куда бы ты не шла, я буду рядом...

— Где твой портрет? — прошептала я, стараясь не смотреть на растоптанную кровь. — Его не было среди сгоревших...

— Он лежит у меня на груди... Это — виньетка... Золотая виньетка, которую нарисовали незадолго до ..., — слышала я, чувствуя, как меня несут по лестнице вверх. — Я не могу даже взять ее в руку...

Она свернулась котенком на моей груди. На секунду мне показалось, что она спит, как вдруг...

— Из галереи идиотов все портреты вынесли?! — я вглядывался в ее перепуганные в ореоле растрепанных волос. — Или как обычно про нее забыли?!!

— Да, — смеюсь я, а она выдыхает и снова медленно опускается на мою грудь. Я сам помню, как срывал портреты, а принцы таскали их во двор. Моя рука поглаживала ее плечо, пока она, прикрывая глаза, снова устраивалась поудобней на моей груди.

— Хорошо, — проворочалась она, тяжело вздыхая и накрываясь одеялом. Через минуту она снова дернулась, скинув одеяло на пол.

— А тот гобелен три на четыре со стены в галерее? Где моль съела принцессу раньше дракона? — она уставилась на меня так, словно дракон уже дышит ей в спину. А я смотрю на нее с улыбкой и нежно глажу ее по голове, протягивая руку за одеялом.

— Его Арден снял, — отвечаю, а она снова с облегчением выдыхает, удовлетворенно укладываясь и нервно поглаживает мою грудь сквозь рубашку. — Я вот, правда, не помню, на счет гобелена со стадом разъяренных единорогов...

Договорить я не успел, она взметнулась вверх фурией, глядя на меня круглыми, как блюдца глазами.

— Еще не хватало, чтобы у меня тут конюшня была! Нет, я, конечно, понимаю, что единороги иногда бывают очень няшные и кawaiiные, — возмущалась она, порываясь тут же бежать и сдирать гобелен, которого отродясь в замке не было. Я с усмешкой удерживал ее, глядя как она негодует и расписывает будущее в хлеву. Слова «няшный» и «kawaiiный» заставили меня задуматься. Насколько я помню, «няшей» старые охотники называли грязь с тиной, а на счет «kawaiiных» — тут я вообще терялся в догадках.

— Тише, тише, тише, — я успокаивал мою фурию. — Я пошутил, не было у нас гобелена со стадом разъяренных единорогов. Я просто пошутил... Правда, есть те части замка о которых даже я не знаю, есть тайные переходы, потайные комнаты, но, будем надеяться, что их решили просто не украшать... Все-все-все... Что могли, то...

И тут она застыла на месте, подозрительно прислушиваясь и прикладывая палец к губам. Я тоже прислушался, слыша, как под кроватью что-то шевелится.

— Нет, ну ты слышишь? Кто-то топает! — сглотнула она, пытаясь свеситься с кровати и проверить, пока я ее удерживал. — Подкроватьное чудовище было на гобеленах?

Через пару мгновений, моя девочка слетела с кровати, бросилась в кабинет, откуда вернулась уже с мечом, воинственно глядя на кровать.

— А вдруг просто крыса? — заметил я, заклинанием отодвигая кровать в сторону. Моя девочка побледнела. А вы что думали? Это она с подсвечником на мантикору готова броситься, а если крыса то все, визгу на весь замок!

— Тебе не крыс! Тебе любовников бояться надо! — вздохнула она, схватившись за меч двумя руками и на всякий случай, отойдя к стене. — Хоть бы не крыса! Только не крыса! Крысу я не переживу!

Кровать отъехала, обнажая пыль, грязь и ... Лично я не выдержал, глядя на глиняного корявого и очень кровожадного ежика из веток и палок, который воинственно пробирался в сторону «создательницы». В косых глазах-бусинках читались сразу все претензии, а он так смешно ковылял, что я уже не мог остановиться. Это самый воинственный ежик из всех ежей, которых я когда-либо видел!

— Он говорит тебе «мама» и хочет на ручки! — простонал я, пока она перехватывала меч.

— Уничтожь его! — моя девочка отвернулась, скорбно прикрыв глаза. — Я специально сделала запасного, на случай, если какой-нибудь упадет и сломается!

Воинственное чудовище продвигалось к нам явно с целью прикончить все живое вокруг. Оно пыталось укунить за ногу, допрыгнуть до шеи, но ... рот был не предусмотрен изначально, а лапы разной длины не позволяли ему даже нормально передвигаться, поэтому чудовище заваливалось на один бок.

— Любимая, — я сдерживался, как мог, глядя на потуги ежика уничтожить своего создателя. И, судя по тому, что одна лапа волочилась по полу, а косые ассиметричные глаза, смотрели на нас с презрением, я его ... не могу сказать, что всецело поддерживаю, но ... в чем-то понимаю!

— Молчи!!! — возмущалась моя девочка, постанывая и глядя на свое «чудовище». — Сделай же что-нибудь!

Она уже спала, спрятавшись на моей груди, а я лежал и с улыбкой слушал, как в ящике

ее стола скребется самый несчастный ежик на свете.

Не успела я потянуться и зевнуть, как мою дверь решили выбить сразу десяток ног, при этом деликатно интересуясь: «А можно войти?».

— Родители идут сюда! С войсками! Они хотят забрать нас! — кричали наперебой принцы, заваливаясь в мою спальню. На столе лежала свежая грудa писем, а принцы размахивали своими конвертами. Я схватила первое попавшееся и прочитала вслух: «Мало того, что на территории нашего королевства вы объявлены государственной преступницей, так еще и похитили, удерживаете силой наследника нашего престола!». Я посмотрела под окно, но батареи и наручников не увидела. Погодите, погодите! Еще немного похолодает, и я с удовольствием прикую себя к источнику централизованного отопления! Мой взгляд упал на принцев, в надежде увидеть того самого, несчастного узника моей совести! Не переживайте, дорогие родители, совесть у меня маленькая, все не поместится! «Вы морите его голодом». Я принялась, пытаюсь понять, от кого конкретно пахнет голодом. «Околдовали!!!». Я внимательно посмотрела на заколдованных, пытаюсь понять, считается ли «Контузия» заклинанием?

— Мы просто написали, что приехать не сможем! — наперебой начали принцы, глядя, как я разворачиваю письмо за письмом. Альянс Ежиков уже марширует сюда, сопя от негодования. — И на каникулы не хотим! Что мы учимся!

«Письмо, которое мы получили от нашего сына — писал не наш сын! Хотя почерк его! Отвечайте! Где наш мальчик?» — читала я следующее послание, нервно поглядывая в окно.

— Мы не поедem домой! Мы не хотим, чтобы кто-то из родных погиб! — доказывали мне принцы, тыча в лицо бумажками. — Я написал про проклятие и про портреты, но они...

Ну да, я уже вижу: «Нельзя было отправлять наследного принца в эту ужасную Академию! Он сошел с ума!». А где-то дружно маршируют Ежики и их оппоненты, встав под знамена родительского комитета и заставляя меня тревожно всматриваться в туман.

— Разберемся, — я сморщилась, потерла виски, краем глаза поглядывая в окно. — Марш на урок! Итак, что мы имеем? Мы имеем неприятности!

«Не мы их, а они нас!», — проступило на стене, заставляя меня невольно согласиться.

Я стояла и смотрела в окно, тревожно вглядываясь в очертания гор. Где-то дружно в сторону Академии марширует родительское собрание. И, судя по эмоциональным оттенкам писем, явно не с целью сдать на ремонт. Ожидали взятку, а получили по голове. Отличная альтернатива.

Думаю, что если им все объяснить, то вопрос решится очень быстро. Достаточно с ним просто поговорить, обрисовать в красках ситуацию, сказать, что «этого я так не оставлю!», и все решится мирным путем! Я понимаю, что они волнуются, переживают. Они же родители... Их тоже с одной стороны можно понять!

Я положила руку на холодное стекло, ловя себя на мысли, что судьба, словно, пытается подвести меня к чему-то. Она и раньше подводила меня, и не раз... Причем, в самый ответственный момент. Мои пальцы скользнули по стеклу, а колени начали прогибаться. Как же я благодарна любимому за то, что он ничего мне не говорит, ничего не рассказывает. Иначе бы моя совесть сожрала меня заживо, оставив на десерт малодушие и трусость! Как говорила моя бабушка: «Не боятся только идиоты, не сомневаются только дураки!».

Неожиданно мне на плечo легла рука, заставив вздрогнуть. Я обернулась и ...

— Ты меня любишь? — спросила я в лоб, прикидывая пути возможного отступления. Призрак молчал.

— Помогите... — заорала я, бросаясь к столу, но меня тут же поймали за руку.

— Тише! — прошептали мне. — Это я... Просто вопрос застав врасплох... Я даже слегка растерялся...

— Ка-а-ар! — слышалось вдалеке. — Ка-а-ар!

Я резко обернулась, едва заслышав недовольное карканье ворон, взметнувшихся черной тучей над поникшим лесом. Несколько птиц упало вниз, а я посмотрела на часы. Это был тот самый случай, когда родители явились вовремя. Призрак смотрел в окно вместе со мной, а из-под земли вокруг замка пробивались черные колючие побеги. Они оплетали древние стены, сплетались между собой, образуя черные, колючие, непролазные заросли, окружающие замок по периметру.

Дверь кабинета распахнулась, на пороге стояли перепуганные принцы, нервно переглядываясь. Еще бы! Из леса показались закованные в доспехи рыцари. Некоторые тащили раненых. За считанные минуты под замок стекались живые, серебристые реки, пестря знаменами.

— Вон наши! — как-то жизнерадостно заметил кто-то из принцев, подходя к огромному, грязному окну. С высоты четвертого этажа было отчетливо видно, как разрозненные отряды формировали целые колонны, марширующие по направлению к главному входу.

Заросли вокруг замка слегка поумерили пыл, как бы намекая, что у нас не все дома, в связи с чем, незванным гостям мы официально не рады.

— Слушайте сюда! — слышался крик, а вдоль войск проскакала консервная баночка на коне, вызывая волнение среди стройных рядов. За баночкой развеялся алый плащ, а на шлеме виднелась корона. — Ректорша удерживает принцев силой! Она взяла их в заложники! Вчера мне пришло письмо от нее, в котором она требует выкуп за каждого наследника! Мы должны забрать наших детей из этой проклятой Академии как можно скорее!

Крик захлебнулся в гулком и многочисленном: «Ура-а-а!». От этого «ура-а-а!» задрожали стекла в рассохшихся рамах, заставив меня сглотнуть и задуматься, а чему здесь, собственно, радуются?

— Ты смотри! — прошептал Фредерик, опираясь на спину брата. — Отец! Что он творит?

— Кажется, догадываюсь, — шепотом сглотнул брат, опасливо поглядывая на меня. — Это он их надоумил забрать всех из Академии. Я уверен, что это была его идея привести сюда войско. Ему выгодно, чтобы проклятие уничтожило всех, принцев, королей, королей, придворных... Он говорил, что хочет стать императором...

— В отместку за то, что мы решили защитить наших детей от ее посягательств, — распылился военачальник. — Она стала требовать...

— И много я за вас требую? — обиженно удивилась самая требовательная женщина на свете, слыша, как перешептываются растерянные «заложники» ее совести, тыкая пальцами в «своих». — Мне вот просто интересно!

— Как мы раньше до этого не додумались! — сокрушался подоспевший Робер, глядя на меня с укором. — Если что, пятерочки — по пять тысяч, а двоечники — по две! Хотя, у нас тут в среднем по три тысячи со скидкой получается! Не смотрит на меня так! Я всегда спешу на выручку. Особенно, если она прилична, и не нужно платить налоги.

— Молчи! Куда тебе с твоим проклятием «нищеты»? Только пыль в глаза и можешь пускать! У тебя даже зарплата долго не задерживается, несмотря на то, что тратить ее здесь негде! — прокашлялась Шарман, кутаясь в дырявую шаль и стряхивая что-то с плеча. — Пошла вон отсюда, мошь! Ишь, ты! Раньше мужчины ко мне летели, словно бабочки к огню, а сейчас по мне мошь ползает!

— Это те же бабочки, — едко заметил Лючио, выглядывая в окно. — Правда, они старенькие... Старость — не радость! Не повезло тебе!

— И это мне говорит тот, кого проклинали на вечную неудачу? Ох, не ценят и не берегут люди то, что дается им бесплатно, — вздохнула Шарман, осторожно выглядывая в окно. — В том числе и любовь!

— И почему нынче любовь? — усмехнулся Арден, шумно вздыхая.

— Ой-ой-ой! Любовь — это война характеров, так что тебе, проклятому на вечное поражение, она точно по карману! — ядовито усмехнулась Шарман. — Вчера была любовь большая, но по пять. А сегодня маленькая, но по три. Поэтому потри и не мечтай!

— Да тихо вы! Я не слышу, что они там говорят! — возмутилась я, гневно зыря на гостей и «жителей» моего кабинета. Перед войском стояли короли и королевы, растерянно рассматривая заросли и о чем-то совещаясь.

— Мы должны забрать наших детей! Чего бы нам это не стоило! Они издеваются над наследными принцами! Алчная ректорша требует за них выкуп в размере тысячи золотых за каждого! Тысячи! Вы только вдумайтесь! Вот ее письмо! — консервная баночка с короной на голове достала какую-то бумажку и махнула ею перед носом остальных родителей.

— Мы готовы заплатить, лишь бы с нашим мальчиком ничего не случилось! — закричали из толпы родителей, и это предложение горячо поддержало большинство.

— Поверьте моему королевскому слову! — возразил инициатор родительского собрания, пока его конь опасливо пятился подальше от зарослей. — Что бы она вам не сказала! Какую бы историю не рассказывала! Не верьте ей! Ни единому слову! Как только увидите — сразу стреляйте на поражение! Чего она заслужила?

— Меча! — дружно закричали воины, ошетилившиеся острыми иголками. Да, мячики нам нужны, а то спортзал как-то пустоват...

— Щита! — снова выпалили воины, поднимая вверх гербовые щиты и потрясая ими. На некоторых из них красовался увитый лентами ежик. Да, и от противопожарного щита тоже не откажусь! Пока смерть нас не оштрафовала!

— Лука! — заорали задние ряды. Согласна, надо как-то разнообразить скучное меню почетного бюджетника.

— Копья! — выкрикнули фланги. Вот и работайте за свое копьё сами, если такие грамотные! А то, как ни старайся — ни копья в кармане!

— Она околдовала принцев! Не верьте им, а лучше сразу везите домой! — хрипловато заорал глава родительского комитета, объявившего крестовый поход против единственной системы образования. Еще бы! Расписываться крестиком — наше все!

— Это касается и вас, маги! Чего она заслужила?

— Плазму! — закричал кто-то из магов, тронув меня до глубины души таким широким жестом. В небо взметнулись вспышки, похожие на шаровые молнии.

Ой, не стоило! Она же дорогая! Тем более, мы уже как-то на пальцах привыкли все объяснять!

— Мы ее повесим! — выкрикивал король, а его крикам вторило сразу несколько армий.

Какая прелесть! Даже на установку мое плазмочки раскошелиться не надо! А гардины можете повесить? Нет, я просто интересуюсь!

— Их часы сочтены! — охрип оратор, мотивируя и без того воодушевленное войско.

— У меня есть хорошая новость! — едко заметила я, заметно нервничая. — Наши часы сочтены, поэтому переработки больше не будет!

Не представляю, что было бы, если бы я, на полном серьезе, предложила скинуться на пластилин! Или того хуже — заикнулась про контрактную форму обучения! Мои «бюджетники» нервничали, шептались, глядя из окна на родителей.

— На стекла не налегать! — рявкнула я, а то яблочко от яблоньки упадет в метрах десяти!

Не знаю, какое государство спонсирует нашу Академию, но мне последнее время кажется, что генеральным спонсором выступает моя нервная система, закаленная в боях за образовательный прогресс.

— Кровопролитная война ежеиков прекратилась! Теперь мы — не враги! Теперь мы — союзники! Жгите заросли! Рубите заросли! Мы должны любой ценой прорваться в Академию! — приказал глава родительского комитета, воинственно размахивая мечом. — Наши дети — это самое дорогое, что у нас есть! И мы не отдадим их никому! Если они еще живы!

«... зато наши лучше обмундированы! На ваших — только кираса, а у нас полный комплект!», «... у наших мечи намного лучше, чем у ваших! Один воин стоит десятка ваших!» — доносились приглушенные голоса.

Принцы смотрели вниз с восхищением, словно дети, увидевшие на витрине игрушечных солдатиков.

— Люблю смотреть на сражения! Вот стану королем — постоянно буду воевать! Это сначала меня как бы не признают, скажут, что я — не такой легендарный, как мой отец, но стоит мне одержать победу, как все тут же поймут, что я — настоящий король! Как говорил мой дед: «Солдаты мечтают о войне!», — мечтательно вздохнул Айрон прямо мне на ухо.

— Иди сюда! — я нервно дернула его к себе, а посмотрела на притихших и прильнувших к окну принцев. Лучники пустили град стрел в заросли, а следом за ними с места устремилась конница. — Смотри внимательно! Видишь, в зарослях колючек бьется человек? А где-то сидят его бедные дети, которые еще не знают, что их отец уже мертв. Он никогда не придет, не обнимет, не возьмет их на руки. Где-то причитает несчастная жена, молится, чтобы он вернулся живым. Но ее молитвы уже бесполезны! Он мертв. Правда, она об этом еще не знает... Где-то просит судьбу пощадить единственного сына его седая мать. Больше у нее никого нет... А она все складывает сухонькие ручки и просит оградить сыночка от стрел, мечей, копий... И пока вы триумфально въезжаете в город, овеянные славой, тысячи несчастных семей не радуются победе, потому что знают, какую цену заплатили за нее!

— Bravo! — похлопал Арден. — Давай, продолжай! Пусть они в будущем распустят свои армии!

— Умные люди придумали слово «дипломатия», — проскрипела Шарман, а потом посмотрела на Ардена и принцев. — Но вас об этом забыли предупредить! И их, видимо, тоже!

Маги бросали заклинания, но колючки снова восстанавливались, связывая самых упорных и затаскивая их в свою гущу. Воины изображали садовников, кромсая поросль, но та вырастала снова, хватая за горло и руки, заставляя бросить меч.

— Берегите природу! — усмехнулся призрак. — Мать вашу!

— Кстати, о птичках! Где Элберт? — занервничала я, наблюдая, как природа в кое-то веков решила постоять за себя. — Где дракон?

Я осмотрелась по сторонам, в надежде, что если колючки не выдержат, дракон быстро превратит родительское собрание идиотов в школьную столовую.

— Дракон с ума сошел! — наперебой заорали принцы, вспомнив, зачем вломились в мой кабинет. — Мы как раз шли вам рассказать, но тут такое... Мы занимались, отрабатывали защиту, дверь была открыта, а потом Элберт закричал: «Постой!», и бросился куда-то по коридору... Мы пытались его остановить...

Последняя фраза была произнесена с такой гордостью, а мне продемонстрировали свежие синяки.

— Там была принцесса невероятной красоты! — выкрикнули из задних рядов, напирая на возмущенные такой наглостью передние.

— Элберт! — заорала я, бросаясь к двери. Значит, не все портреты уничтожили! —

Давайте разделимся, по четверо! Так будет быстрее. Если что — кричите! Если найдете — кричите!

— Идите, идите, — Шарман спрятала глаза. — А я лучше посмотрю... Как там тост был? Да чтобы поля так рожали, чтобы сады так плодоносили, чтобы рудники так не иссякали, как природа рождает идиотов!

Я выбежала за дверь, прислушиваясь к привычной тишине.

— Туда! Мы видели, как он пошел в ту сторону! — заметил Феордан, а мы миновали опустевший коридор, превратившийся из изящного барокко в унылый декаданс. Мы открывали все двери подряд, звали по имени, как вдруг услышали знакомый голос. Я приложила палец к губам, осторожно приоткрывая скрипучую дверь сумрачного зала.

— Я так долго искал тебя, — в голосе дракона чувствовала не свойственная ему радость, а сам он разлегся на полу, расправив огромные черные крылья. — Ты себе не представляешь, как я рад... Знаешь, мне одна ведьма сказала, что я найду тебя в Академии. Я ведь не проклят, как другие. Я просто ждал тебя... Ведьма тогда сказала, что я тебя не узнаю, но видишь, девочка моя, узнал. Сразу узнал...

Миниатюрная девица в синем платье, с застывшей на лице кокетливой усмешкой, честно пыталась задушить дракона, но тот просто жутковато улыбался оскаленной пастью, снисходительно глядя на все ее потуги.

— Ты мне часто снилась ночами... Я каждый день думал о тебе ... Вспоминал тот хлеб, который дал тебе в тот день, и твои слова... Я еще не встречал такую, как ты... Знаешь, я сначала подумал, что это — ректорша, но потом понял, что нет... И вот теперь я наконец-то счастлив! — разглагольствовал Элберт, наслаждаясь всеми девичьими потугами.

Маленькая фигурка стояла так, словно обнимала дракона, а мы не знали, плакать или смеяться.

— Я люблю тебя! — вздохнул Элберт, к радости девушки оборачиваясь человеком. Она попыталась допрыгнуть до его шеи, но разница в росте давала о себе знать. Девица смотрела немигающим взглядом и улыбалась. Что-то в ее лице и платье мне показалось знакомым. Где-то я видела ее портрет! Только вот где, в упор не помню!

— Элберт! Элберт! Это — проклятье! — закричала я, бросаясь в сторону дракономучительницы. — Элберт! Это — не она! Просто похожа!

Принцы и преподаватели бросились за мной, но не спасать дракона, а оттащить меня, ибо тот взгляд, который я поймала на себе, не предвещал ничего хорошего!

— Не трогайте ее! — через мгновение Элберт обернулся драконом, оскалил страшную пасть и уставился на нас. — Я не позволю к ней прикоснуться! Если хотя бы один волос упадет с ее головы, поверьте, я никого не пощажу! Я слишком долго ждал ее!

— Тише, тише, — прошептала я, давая знак убрать мечи и отойти всем подальше. — Элберт! Я за тебя очень счастлива! Ты неверишь как! Прими мои самые искренние поздравления! Согласна, мы слегка погорячились. Мы же не знали, что это — она, не так ли? Пока ты сам нам не сказал... Как ее зовут? Может, познакомишь нас?

Когда же наконец дойдет ли до него, что это — просто чей-то портрет! «Бесполезно! Его уже не переубедить!», — прошептал кто-то за моей спиной.

— Мне все равно, как ее зовут! — тряхнул головой дракон, глядя на девушку с такой любовью и нежностью, что мне стало как-то не по себе. — Главное, что я нашел ее... Хочешь на ручки? Я столько лет мечтал тебя обнять!

— Не подходи к нему, — услышала я знакомый голос. — Не вздумай...

— Убери всех из зала, — прошептала я, — Я отвлекаю внимание, ты опутываешь дракона... Я хочу, чтобы девушка переключилась на меня... А потом ты ее уничтожаешь. Но так, чтобы дракон не видел, иначе озверее!

— Пропустите! — слышался скрипучий голос, а в зал вошла Шарман, глядя на эту

идиллическую картину. В ее сухоньких ручках был меч.

— Нельзя вам доверить спасение дракона! — вздохнула она и тут же обомлела, глядя на девушку.

— Не вздумай прикасаться к ней, старуха! — процедил дракон, нехорошо прищуриваясь на меч. — Эта девочка — самое дорогое, что у меня есть! Я не позволю тебе даже близко к ней подойти...

Шарман стояла и смотрела на миниатюрную красавицу, а со звоном меч выпал из ее сморщенных рук. Девушка смотрела на нее, не мигая, пока Шарман тянула сухонькую ручку в ее сторону.

— Не прикасайся к ней! — заорал дракон, поливая пламенем стену. — Я не позволю прикоснуться к моей девочке!

По щеке Шарман скатилась слеза, а накрашенные губы предательски дрогнули. Теперь я вспомнила, где я ее видела! Этот портрет висел в комнате Шарман.

— Элберт, — прошептала старуха, делая шаг к нему. — Элберт... Это же я! Элберт! Значит... Значит, это был не сон! А я-то думаю, почему именно ты... Так вот оно что...

— Руки прочь! — дракон хотел броситься, но его тут же оплели колючки, зажимая ему пасть. Он дергался, пытаясь расправить крылья, раздирал ветки когтями, но они опутывали его, не давая двинуться с места. Девушка медленно к Шарман, я пыталась оттащить старуху, но та смотрела, словно зачарованная.

— Это же я... — шептала старая куртизанка. — Это же я... Не может быть!

Через мгновение девушка все с той же кокетливой усмешкой сжимала ее горло.

Впервые я решила поработать на круглосуточной линии доверия для самоубийц и людей, попавших в сложную жизненную ситуацию, потому как спасти от самой себя, мне еще никого не доводилось.

— Держи дракона! — кричала я, а мне на помощь уже спешила целая делегация. — Не дай ему выр...

Договорить я не успела, чувствуя, как меня отбрасывает к стене с такой силой, что в голове помутилось, а я едва ли не потеряла сознание.

— Я же сказа..., — прокашлялась я, пытаясь встать, но тут же увидела знакомую фигуру в синем камзоле, швыряющую в меня огненный шар. Невидимая сила снова отбросила меня подальше от ослепительной вспышки. Принцы стали приходить в себя с ужасом пытаясь отползти и оттянуть подальше тех, кто лежал на полу... Надеюсь, что все живы. В двойника полетел кинжал, но прошел сквозь него, войдя в стену.

— Уходим, живо! — слышался голос Ардена, который вытаскивал чье-то тело. — Быстро отсюда! Тебе что? Особое приглашение! Робер! Возьми, а то не дотащит! Винсент! А! Ты здесь!

Неподалеку на полу лежала Шарман, к ней бросился Фредерик, но его тут же отмело заклинанием, ударив о стену. Дракон ревел, пытаясь освободить морду, но колючки прижимали его к полу, зато двойник твердо решил пополнить местную, пока еще не изобретенную газету, объявлениями «В Академию срочно требуется...», следующими сразу после свежих некрологов.

— Быстро отсюда! — слышался знакомый голос, а я почувствовала, как на меня сыплется штукатурка. — Хватай Шарман и беги! Заберите ее! Быстро!

Я доползла до Шарман, видя спину любимого и слыша рев дракона: «Убийца! Отнял ее у меня!».

— Тише, тише, — шептала я, пытаясь прощупать пульс и заглядывая в бледное, сморщенное лицо.

— Я кому сказал!!! Я не могу защищать вас и удерживать их одновременно!!! — звенело у меня в ушах, когда я тащила Шарман по полу в сторону двери. Он справится. Я в этом уверена. У него все получится. Позади послышался рев и что-то с треском обрушилось, заставляя кашлять от внезапно поднявшейся пыли. Еще немножко! Меня ослепила ярчайшая вспышка, заставив на секунду остановиться. Я даже боюсь смотреть в ту сторону... Пламя, которое вырвалось из освободившейся пасти дракона рассыпалось, наткнувшись на невидимый щит, прикрывающий нас с Шарман.

— Элберт... — шептала она, пытаясь приподнять руку. — Элберт...

Я обернулась у самой двери на грохот, который заставил мое сердце подпрыгнуть. Обезумевший дракон метался и ревел, поливая все вокруг огнем. А в нас откуда-то справа летели шары, разбиваясь светящимися брызгами об невидимый купол.

Лючио схватил на руки Шарман, в тот момент, когда любимый отступал к стене. Из темных углов к нему струилась черным дымом тьма под оглушительный драконий рев.

— Люблю тебя, — коротко произнес призрак, повернув ко мне голову и едва заметно усмехнувшись. — Всегда. Прощай!

Глава двадцатая

Земля круглая, глаза квадратные

— Чудовище бросилось на меня, но я оказалась ловчее и прикончила его!

— А как же дедушка?

— Это и был твой дедушка!

Сердце рухнуло вниз, на глазах выступили слезы, я хотела броситься к нему, но меня схватили за плечи, оттаскивая подальше от эпицентра.

— Пустите! Пустите! — задыхалась я, отбиваясь от тех, кто пытался меня удержать. — Люблю тебя! Лю...

На секунду стало темно, словно весь мрак собрался в одном зале, а потом все озарила ослепительная вспышка, словно только что упала звезда.

— Быстрее! — меня тащили по коридору. По стенам шли трещины, а башня медленно складывалась, погребая под собой все... — Давай! Анастасия! Ититьтвоюмать! Ты куда?

Перед глазами все расплылось, в ушах стоял тот самый противный звон, сквозь который прорывались голоса. «... все живы?», «... просто без сознания!», «... придет в себя!».

Я понимала, что меня трясут за плечо, но самое странное, что ничего в этот момент не чувствовала. «... как она?» — я видела чужие перепуганные лица, одна реальность накладывалась на другую, смешивалась и растворялась в той самой вспышке, застывшей перед глазами.

— Эй! Ну скажи хоть что-нибудь! — меня снова трясли, а я не мигая смотрела на чужие лица, сквозь которые видела другое лицо. Я пыталась поднять руку, чтобы отмахнуться от того, кто шлепал меня по щекам, пытаюсь заглянуть в глаза. «О! Очнулся! Я же говорил, что запах этого зелья приводит в чувство даже мертвых!» — слышалось сквозь шум и чей-то надрывный кашель.

— Эй! — дергали меня, а силуэт в белом сиянии таял.

«Ушиб! Жить будешь!» — прорывалось сквозь звенящую тишину. Слова «люблю» и «прощай» звенели в голове, пока мне под нос совали какую-то дрянь. Он не мог погибнуть... Не мог... Он же и так, неживой... Звон постепенно стихал, а меня пробирал до дрожи отвращения запах прелых носков, кошачьей мочи и еще чего-то настолько мерзкого, что хотелось сесть на диету раз и навсегда.

— Ну вот! Молодец! — меня трясли, снова и снова заставляя нюхать флакон. — Давай, малыш, давай! Времени немного! ... Давай, малыш! Давай! Возвращайся в наш мерзкий мир!

Я неуверенно встала, рассеянно глядя на принцев, которые уже пришли в себя, а потом бросилась к окну, чтобы отдышаться, чувствуя подступающие приступы дурноты. Вокруг замка была все та же колючая стена.

— Нет! — шептала я, задыхаясь от слез и глядя на его заклинание, которое медленно таяло, радуя родительский комитет и воодушевляя захватчиков.

— Когда погибает маг, — услышала я слабый голос Шарман, которую усадили в кресло. — Исчезает и заклинание. Он действительно умирает, но раз стена стоит, он еще жив...

Я бросилась к ней, обнимая и рыдая, пока она гладила меня сухой и слабой рукой по голове.

— Время еще есть, — прошептала она, пока по моим щекам катились слезы, а я терлась об пыльное кружево ее обветшалого наряда. — Но немного... Держи... Он просил тебе отдать, если с ним что-то случится...

Я судорожно вздохнула, глядя на странную подвеску. Бронзовая цепь, бронзовое основание, а внутри — маленькая роза с которой, вопреки законам физики, упал второй лепесток.

— Надо готовиться к обороне! — слышался суровый и холодный голос Ардена.

— Тише! — прошипела змеей Шарман, тяжело вздыхая. — Девочка и так натерпелась. Дайте ей время, чтобы она пришла в себя... Тише, все, жив он, жив... А вы чего столпились, как стошнились? Давайте, идите, воюйте, готовьтесь! А то без бабы даже оборону замка не можете организовать! Арден! Возьми командование на себя!

Я всхлипывала, медленно приходя в себя и чувствуя, как у меня трясутся руки и не унимается сердце. На моей ладони лежала изумительно красоты роза, на которую я тупо уставилась, пока меня гладили по голове, как маленькую.

— Почему ты не уничтожила свой портрет? — прошептала я, тяжело дыша.

— Это все, что у меня осталось от былой молодости и красоты. Я каждый раз просыпаюсь утром и говорю себе, что сегодня новый день, что однажды снова верну себе то, что отняло у меня проклятье... — горько усмехнулась Шарман. — Я повторяю себе, что надежда есть, что однажды солнечный лучик озарит замок, и я снова стану собой.

— То есть, — я подняла голову и оторвалась от розы. — То есть... Ты... Ты не старая? Сколько тебе?

— Двадцать восемь, если ты об этом. Мне уже больше ста лет двадцать восемь. Так меня наградили за одно доброе дело. Не скажу, что вела себя, как порядочная женщина, не скажу, что те, кто стояли на моем пути, не сходили раньше времени в могилу, но однажды моя судьба изменилась...

— Надо его спасти, — нервно шептала я, порываясь встать. — Нет времени слушать истории... У нас каждая минута на счету! Ты знаешь, медальон засветился в моих руках, так что...

— Да знаю я. С первого дня знала, как увидела тебя... Ты на нее очень похожа... — слышала я скрипучий голос, и чувствовала, как меня удерживают руки. — На свою... прапрабабушку!

— Бабушку? — удивилась я, вспоминая черно-белые фотографии ее молодости, которые она показывала в старом пыльном альбоме. Мне почему-то всегда казалось, что на старых фотографиях все похожи друг на друга.

— Значит, у вас время течет иначе. Любопытно, — задумалась Шарман, а уголок ее накрашенных губ дрогнул. — Твоя бабушка была ректором Академии Прекрасных Принцев. Здесь раньше преподавали другие люди, я их плохо помню. Несколько магов, которых проклинали, один рыцарь и ... Уже не забыла ... Помню, как подышал, но забыла, как зовут... Это ж надо! Никто не хотел быть ректором, поэтому маги предложили воспользоваться заклинанием, чтобы найти подходящую кандидатуру, а тут возьми и выбрось на пол твою бабку, будь она неладна!

Бабка твоя пробыла ректором полгода, а потом возьми да и влюбись в принца! Говорила, что как впервые увидела, так все... Пропала... Красавец, что сказать? Они тайно встречались в лесу, а в замке делали вид, что не знают друг друга. Принц клялся в вечной любви, целовал руки, признавался в чувствах, а потом... Потом артефакт указал на него. Дескать, он — единственный, кто может снять проклятье. Ему объяснили, что нужно делать, но принц испугался. Он не захотел рисковать своей жизнью и умолял твою бабку помочь ему сбежать из Академии, давал слово, что женится на ней, как только они доберутся до его земель. И пусть она — неблагородных кровей, но его отец даст согласие на брак, как только узнает, что именно она спасла жизнь наследнику... Дескать, есть такая традиция. На самом деле никакой традиции нет, иначе бы у меня был гарем! Но твоя бабка местных традиций не знала, а в сказки верила, поэтому согласилась!

— А она, случайно в этот момент не была..., - у меня закрались нехорошие подозрения,

но Шарман продолжила.

— Не знаю как, но они сумели покинуть замок под покровом ночи, пробраться через лес, выйти к горному перевалу. Во время долгого пути, принц клялся, что как только они переступят порог замка, он тут же объявит о помолвке. И даже если отец будет против, то принц что-нибудь придумает! — вздохнула Шарман, а ее губы дрогнули в горькой усмешке. — Они прибыли во дворец, где принца встретили с почестями. Прямо с порога он заявил, что девка ему не нужна, и пусть катится обратно, что никакой свадьбы не будет. Бабка твоя кричала, что любит его, что ждет их ребенка, а принц, услышав это, испугался и сказал, что этими словами она подписала себе смертный приговор! Дескать, нужна она была ему исключительно потому, что в Академии ему было скучно, а он привык к женскому обществу. И для того, чтобы помочь ему сбежать!

— Как можно было так поступить? Она же любила его! — меня просто передернуло от омерзения. Я, конечно, грешила, что с родственниками мне не повезло, но их слава меркнет в свете походов ... дедушки.

— Я мало в жизни видела добра. Но однажды, в детстве, когда мы умирали от голода, из леса вышел красивый и высокий мужчина... И только сейчас я поняла, что это был Элберт... Я смотрела на него и думала, что он — какое — то божество. В тот момент, когда он просто так протянул мне головку сыра, фунта три мяса и огромный каравай хлеба, я поверила в то, что добро действительно существует. Я была так счастлива, что даже его лица не запомнила, все на хлеб смотрела, дуреха. Боялась, что исчезнет, боялась, что до дома не донесу. Мне казалось, что добрые боги решили помочь мне, и всю свою жизнь, засыпая в объятиях разных мужчин, я представляла, что это он меня обнимает. Так было проще. И ни одна живая душа не знала о моей тайне. Я улыбалась королям так, как улыбалась бы ему, я целовала их так, как целовала бы его. Я молилась ему, когда было тяжело, плакалась ему, когда было невмоготу, — голос Шарман дрогнул. — А однажды решила заказать портрет. Художник просидел месяц, а толку? Лица-то я не помню... И рисковать было не страшно, мол, все равно после смерти с ним встречусь...

Она подарила мне такую улыбку, а я молча обняла ее, чувствуя, как вздрагивают ее сутулые плечи.

— Я подкупила стражу, вывела твою бабку нерадивую из замка, сунула ей деньги и посадила в карету, — продолжила Шарман, утирая слезу дырявым платочком. — Бабка твоя сказала, что возвращается в Академию. Как только узнали о побеге, принц потребовал доставить ее голову ко дворцу, вырезать из чрева ребенка или убить на месте, убедившись что бастард мертв. Меня, разумеется, сдали с потрохами. Но я уже в этот момент устремлялась к границе королевства, везя с собой все самое ценное — наряды, золотишко, личные вещи. Мне пришлось свернуть с дороги, ибо этот мерзавец и его папаша «пару вздохов и вся ваша» выставили стражу у всех границ. На каждом дереве висели наши портреты, нас разыскивали дено и ночью... Свернув с главной дороги возле самой границы, я увидела перевернутую карету, и твою бабку, лежащую в грязи. Кучер, узнав о том, что может пострадать — сбежал, оставив ее одну. Она гнала изо всех сил, пока лошадь не выдохлась и не перевернула карету. Помню, как принимала роды под проливным дождем, укрывшись под большим деревом и накрыв ее своим плащом. Помню, как она кричала, а я умоляла ее кричать потише, чтобы нас не нашли солдаты, которые прочесывали каждый дом и каждую пядь земли этого сраного королевства.

Я с ужасом представляла себе, как моя бедная бабушка рожает, вокруг бушует гроза и завывает ветер. Она никогда не рассказывала мне этого, даже словечком не обмолвилась... Слезы выступили на глазах, когда я представляла, как две несчастные женщины держат на руках, завернутого в плащ ребенка. Как одна тащит другую в карету...

— Рано еще плакать! Она была слишком слаба, чтобы править каретой. «В Академию! В Академию!» — металась в бреду несчастная. Я остановилась в поле, чтобы проверить, живы ли мать и ребенок, она подняла глаза и спросила, почему у меня седые волосы. Я сначала подумала, что ей почудилось, а потом внимательно посмотрела на свое отражение и ахнула. На моем лице были морщины, а мои руки покрывались старческими пятнами. Меня прокляли не снимаемым проклятием, отняли молодость и красоту, — прошептала Шарман. — «Я все исправлю! Все исправлю! Мне нужно в Академию!» —

шептала твоя бабка. И о чудо! Дозорные пропустили нас, потому что я выменяла карету и роскошных коней на телегу и жалкую клячу, под сено спрятали вещи, а сам переоделись в какие-то лохмотья. Дескать, везу дочку и внучку показать родне... Чудеса действительно случаются! Но принц не успокоился. Он собрал войско, попросил помощи у соседей и двинулся на Академию.

— И все ради одного ребенка? — я просто задыхалась от негодования. — Ну отпустил бы с миром! Зачем же так?

— Бастарды — угроза короне, — усмехнулась Шарман, глядя на меня. — Их истребляют вместе с матерями. Все бояться, что повторится одна нехорошая история! О чем это я? А! Мы добрались до замка, который мне сразу не понравился. Я думала, что ее ждет радушный прием, но не тут — то было. Ей были не рады, она порывалась отомстить, а я хотела уехать со спокойной совестью. Но сюда пришел принц с войском и магами. Да, они прошли через лес с потерями, но сумели сохранить боеспособность. Нам оставалось надеяться только на чудо, думала я...

— Ага, еще бы! Чудо! Я заплатил за это чудо сполна! И то, что войско прошло через лес — далеко не заслуга принца, который бросился на передовую! Так что случайности — не случайны. Этот гаденыш мне категорически не нравился, может, поэтому я поставил его на передовую, — заметил Арден, а потом поднял на нас глаза. — Отчитываюсь. Мы заколотили все окна, завалили дверь, приготовили несколько рубежей обороны, сделали несколько ловушек. Но ты сама помнишь, я не смогу выиграть больше ни одну битву, так что сильно не надейтесь. «В любви, и в жизни и в сражении — во всем потерпишь поражение!». Но буду удерживать столько, сколько смогу.

— Значит, ты в тот день вел войско? А я и не знала... Ладно, принц погиб, — усмехнулась Шарман, тяжело вздыхая. — Сломал шею, когда конь запутался в зарослях. Войско бросилось на штурм, но тут появился ... Элберт. Так сказать, спустился с гор к раннему завтраку, повергнув нападающих в ужас и панику. А потом сверху на уцелевших завалилась башня. Битва была окончена.

— Нет, это еще не конец! — заметил Винсент, появляясь в дверном проеме. — Папаша-король стал грабить свой народ, чтобы собрать новую армию и отомстить за смерть сына. Но по факту новые земли интересовали его куда больше, чем наследник. Наследника он мог заделать и нового, а земли на дороге не валяются. Народ был возмущен, назревал мятеж, и они под предлогом войны обратились ко мне. «Нам нужен такой яд, который убьет все живое в осажденном замке!», — как сейчас помню. Чтобы замести следы, меня прокляли и бросили в темницу. «И в твоей жизни день настанет, когда тебя твой яд достанет!». В камере я слышал разговоры стражников, что неделю назад одному узнику удалось сбежать, притворившись мертвым.

— За идею потом поблаговаришь! — заметил Арден, усмехаясь. — У меня выбора не было.

— На военную кампанию не хватало денег, — заметил Робер, входя в зал. — Поэтому папаша-король вспомнил о брате своей покойной супруги, при чьем дворе я состоял министром. У нас в казне денег не было отродясь! Мы же башенки строили и так далее, но договоренности — дело чести. Так что я оказался в опале, мое имущество конфисковали, а за мою голову объявили награду, причем, сразу в двух королевствах. Но я был куда предусмотрительней, поэтому заранее вывез и надежно спрятал всю свою казну. Так что денег на войну твоему прадеду не обломилось. Был дипломатический скандал со взаимными обвинениями и угрозами...

— Заметь, не пустыми, раз меня вежливо попросили слегка изменить историю, освободив соседний престол. И закончилась эта история в тот момент, когда я вонзил нож в сердце твоего дорогого прадедушки, — усмехнулся Лючио. — За что и поплатился, схлопотав свое проклятье.

— Не правда! На этом история не закончилась. Узнав о гибели целой династии, преподаватели решили убить ребенка, так якобы, он был последним носителем нужной крови в этом мире. Смерть твоей матери должна была снять проклятие. Как бы так помягче выразиться? Старый педсостав и новый педсостав слегка не ладили друг с другом в этом вопросе. Я бы даже сказала, очень не ладили! Произошла небольшая стычка. Хозяин прикончил магов, а мы — остальных. Мы надеялись на то, что когда

ребенок подрастет, он сумеет снять проклятие и планировали с детства обучать малышку всему, чем знаем, а заодно и подождать, когда все уляжется. Но твоя бабка оказалась хитрее, поэтому обманула нас и исчезла вместе с младенцем, — закончила Шарман.

Я молчала, глядя на преподавателей. С розы срывался второй лепесток, но мне нечего было сказать им. Страшная цепочка событий, которая началась с фальшивого «Я тебя люблю», разрушила столько жизней.

— И мне что? — мой голос сорвался. — Что мне теперь делать?

— Иди за нами! Пока заклинание удерживает, мы покажем тебе вход в подземелья, — произнес Лючио. — Давай, живо!

— Я с вами! Отсиделась, отошла, так что как-нибудь доковыляю! — прокричала Шарман, вставая с кресла.

Мы двинулись по коридору, миновали галерею, дошли до зала посмертной славы идиотов, дверь которого была распахнута настежь. На стенах были только гвозди, одна витрина была разбита. Мы дошли до пьедестала, на котором лежала шкатулка и уперлись в стену с золотой надписью.

— Вот дверь, ведущая вниз. Надрежь руку, чтобы открыть ее! — Лючио протянул кинжал, а я сморщилась, вспоминая, как однажды рассекла себе руку кухонным ножом в попытке разделать мерзлую курицу.

— Ай! — скривилась я, глядя на кровь на ладони и поднося ее к серой стене. Внезапно стена засветилась, а меня отбросила в сторону невидимая сила.

— Кровь сработала, но Хозяин закрыл ей проход магией. Раньше такого не было! — заметил Арден, пока я потирала ушибленный об витрину локоть. — Плохо дело... Среди нас нет магов. А просить мага напрокат как-то не хочется...

— Значит, пробуем по — другому! — вздохнула Шарман, нехорошим взглядом буравя остальных. — Тебе надо в лес! Помнишь, где руины? Там, есть потайная дверь...

— Давайте я еще раз попробую! — я снова подошла к стене и приложила к ней руку, чувствуя, как меня снова отбрасывает назад.

— Ключ от руин всегда хранился у ректора, — вздохнула Шарман, а я помчалась по коридорам в свой кабинет, вытирая окровавленную руку об штаны.

Где он может быть? Я вытряхнула все ящики, перевернула стеллаж. Подоспели еще ящички, которые тут же принялись перетряхивать книги, бросая бумаги на пол.

— Хм... В стенах нет тайника... Говорю точно, — заметил Лючио, простукивая каждый кирпич, пока я рылась в столе, вытряхивая из него бумаги, огрызки, книги и ежика, решившего продолжить свою бессрочную миссию по уничтожению меня.

— Ищем! У меня все равно выхода нет! — прокричала я, вытаскивая второй тяжеленный ящик и переворачивая его на стол.

Внезапно в окно постучали, а створка распахнулась. На подоконнике сидел огромный черный ворон. В клюве у него болталась знакомая цепочка.

— Не может быть, — прошептала я, чувствуя, как часть книг, старых журналов и бумаг падает мне на ноги. — Неужели?

Ворон бросил на подоконник ту самую безделушку, при помощи которой я сюда попала.

— Как? — сглотнула я, подходя к подоконнику и не веря своим глазам. Я смотрела на намеки судьбы, которая впервые в жизни удосужилась прямым текстом заявить, что у меня ничего не выйдет, и что лучше просто взять и отправиться домой, в свою квартиру, забыть Академию как страшный сон, как однажды уже сделала моя добрая бабушка... В одной руке у меня был зажат медальон возврата, а в другой роза, уронившая третий лепесток. Я глубоко вздохнула, закусила губу, чувствуя, как дрожат руки. Есть два пути.

Есть выбор. И сейчас я должна выбрать для себя.

— О! Смотрите-ка! Стишки! Это кто у нас тут такой талантливый? — рассмеялся Робер, выражением зачитывая знакомые строчки. — Ну-ка сознавайтесь!

Птица расхаживала по подоконнику, а потом сделала вид, что пытается взлететь, пронзительно каркая. Она расправляла крылья, а я на секунду замерла, пытаюсь вспомнить, где я это уже видела... Ворон раскрыл одно крыло и стал хромать, глядя на меня черными бусинками глаз.

— Я знаю, где ключ! — закричала я, сбивая с ног Робера, который уже вошел во вкус пафосного ценителя поэзии. — Ключ у бывшего ректора! Ключ у того сумасшедшего, который живет в лесу и возомнил себя вороном! Он болтается у него на шее! Мне нужно выйти ...

Я посмотрела в окно, глядя на море людей. Они рубили лес, пытаюсь сделать какое-то подобие лестниц под чутким руководством родительского комитета.

— ... из замка, — закончила я, глядя на почти готовую лестницу, которую пытались перекинуть через колючие заросли. — Только вот не знаю, как...

— Есть боковая дверь. Дверь для слуг, — произнес Арден, прикидывая, достанет ли лестница до ближайшего окна, или нет? — Но она, кажется, завалена... Наглухо!

— Кстати, как там принцы? — спросила я, нервничая и с опаской поглядывая вниз. Может, попробовать спуститься на веревке? «Четвертый — пятый этаж!» — орал инстинкт самосохранения, когда я прикидывала, хватит ли у меня сил спуститься... Окна, которые находились ниже полностью заросли колючками! Даже если я смогу спуститься, как потом вернуться обратно? Хороший вопрос!

— А что им будет? Это не их, это нас убивать пришли! — хмыкнул Лючио. — Я предлагаю веревку. Как там в песне? При должной сноровке и длинной веревке... Тарам-пам-пам!

— Это ты про самоубийство? — я искоса посмотрела на преподавателя по придворным интригам.

— Почему же! Это песенка про ловкого шпиона! — обиделся Лючио.

— А я предлагаю дракона. Что ему та башня? Так что скоро оклемается, — заметила Шарман, но тут же начался ожесточенный спор, который сводился к заботе о моем драгоценном, но уже весьма пошатнувшемся, здоровье.

— Давайте дракона! А если не согласится, то веревку! — обреченно вздохнула я. Главное — не думать о плохом. Главное не думать о времени. Я все успею, у меня все получится. Что бы мне ни говорили!

Я бросилась по коридору в сторону завалов, пытаюсь сдвинуть плиту, но плита была неподъемной, поэтому я схватилась за камни помельче и стала отбрасывать их в сторону.

— Зовите принцев! — процедила я, откатывая огромный камень с кряхтением и всхлипом. — Пусть помогают!

Мы разгребали завалы, отбрасывали камни, пока один камень упорно не захотел выкорчевываться.

— Несите меч! — потребовала я, вытирая об себя руки и смахивая пот. Я вытащила из кармана розу, которая уронила пятый лепесток, заставляя мое сердце тревожно сжаться. — Давайте, в ту дырочку! Сейчас попробуем сдвинуть эти круглые каму...

— В какую дырочку?! Какие круглые камушки?! — заорал страшный голос, а принцы дернулись и через мгновение оказались в конце коридора. Мы прижимались к стене, глядя как вниз поехали плиты и камни. Дракон лежал на спине, хвостом в нашу сторону, а я стыдливо прятала меч за спину. Наверное, не самый лучший способ для мужчины очнуться, когда какая-то сволочь, пытается лишить тебя самого дорогого, что у тебя есть...

— А правда ли дракончики появляются из яиц? — стали интересоваться любопытные принцы. — Интересно, а как их высиживают?

— Я еще не решила, оторвать их или все-таки отсидеть! — пробурчала Шарман, бросая маленькие камушки на пол.

— Элберт! — закричала я, глядя как дракон приходит в себя и мотает головой, стряхивая с себя пыль и мусор. — Нужна твоя помощь! Я тебя прошу... По человечески!

— И это после того, как вы убили мою девочку!!! — на меня смотрел страшный драконий глаз. — Ты просишь о помощи?!!

— Да жива она, жива! — сообщила я, на всякий случай, пятясь назад. Нет! Веревка была отличной идеей! Просто замечательной! Зря мы от нее так просто отказались! — Просто твоя девочка заколдована. То, что ты видел, всего лишь ее портрет! Девочка жива, и если у нас все получится, то скоро вы будете вместе! Элберт, ради всего святого, выручи, а? Элберт... Ну не упрямься!

Дракон смотрел на меня с презрением и ненавистью, а я закатила глаза.

— Так — Элберт — не вариант! Хотели как лучше, — заметила я, отряхиваясь и проверяя мою драгоценную розу. — А получилось, как всегда! Теперь я понимаю, почему драконов недолюбливают! Ведь знала же, что он не согласится.

Я развернулась и пошла по коридору, прислушиваясь к шороху за спиной.

— Жаль, что без него мы не успеем..., - заметила я, подмигивая преподавателям.

— Согласен. Жаль будет девочку! Она так ждала его! — продолжил Лючио, отряхивая руки и проверяя кинжалы. — Если мы не успеем, то навсегда останемся проклятыми или нас всех перебьют!

— Сам себе счастье испортил! — заметил Арден, пока я прислушивалась и старалась «уходить» помедленней. — Сейчас попробуем привязать тебя и спустить вниз...

— Главное, чтобы веревка не оборвалась! — вставил Робер, а мы уже поравнялись с принцами.

— Стоять! — послышался рев позади нас, заставив мое сердце триумфально ёкнуть. — Я согласен вам помочь, если вы вернете мне мою девочку!

— Да нет! — скривилась я, глядя на дракона, в котором стойко формирую комплекс мужской неполноценности. — На него положиться нельзя! Как на человека нельзя. Как на мужчину — не хочется! Он нас чуть не убил! Так что обойдемся без его помощи! Будь, что будет!

— Значит так? Да? — возмутился дракон. — Что значит, на меня как на мужчину положиться не хочется?

— Есть мужчины — каменные стены, а ты у нас, дружок, — выдохнула я, сжимая розу. — Кривой штaketник!

— Хорошо! Прощайте! — внезапно произнес дракон, как-то слегка нарушая всю прелесть моего сценария. — Не хочу больше здесь оставаться!

— Э..., - застыла на месте я, глядя, как дракон расправляет крылья и взлетает, обрушивая остатки башни. — Что-то я немного другого ожидала... Эм... Ладно, ищите веревку! Пусть принцы отвлекают внимание!

Последняя фраза прозвучала так, словно следом за веревкой принесут брусок очень хозяйственного мыла, как бы подчеркивая, что я — хозяйка Академии.

Веревка упала из окна, уцепившись одним концом за колонну, а другим, уходя вглубь черных колючих зарослей. Один взгляд вниз обеспечил мне легкое недомогание и головокружение, которые показались мне симптомами болезни с орально-летальным исходом.

Где-то слышалось визгливое: «Не стрелять! Это же наши дети!» и грубое: «Не верьте ни единому их слову! Не верьте! Они околдованы!». Где-то внутри меня протрубили трубы, забили невидимые барабаны и...

— Злая ректорша удерживает нас здесь силой! — скулили на все лады принцы, высываясь из окон. — Она требует за нас деньги! Много денег! Мы не доедаем!

Они мяукали так жалобно, как котята, которых бросила бессовестная кошка. Нет, ну а почему бы мне, как порядочной и законопослушной учительнице, не уйти в бизнес? А? В моих мыслях моя протянутая за подаванием рука превращается в требовательную руку, в которую нужно что-то вложить, перед тем, как я добросовестно начну вкладывать знания в пустые головы. Что только не придумаешь, чтобы себя успокоить! Мама!

А я на секунду закрыла глаза, и свесила ноги с подоконника. Картинка покачнулась и поплыла, заставив меня судорожно вцепиться в веревку.

— Смотри, веревку не раскачивай! — предупредил сверху Арден.

— Вниз не смотри! Представь, что высота маленькая, а под тобой зеленая лужайка или стог сена, — Лючио держал меня за одежду, когда я неуклюже начала обхватывать веревку ногами.

— А в нем вилы-ы-ы, — простонала я, чувствуя, что уже вишу в воздухе, прижимаясь щекой к веревке. Инстинкт самосохранения требовал посмотреть вниз, дабы убедиться, что безопасно, но я мужественно боролась.

— Ногами держи веревку! — слышалось сверху. — И не вздумай быстро съезжать с нее. Потихоньку. Иначе обожжешь руки. Не думай о времени...

Я осторожно расслабила ноги и снова зажала, съезжая чуть пониже. Время всегда было моим другом. Оно было моим доктором и лечило меня после неудачных отношений, залечивало раны на самооценке, нанесенные тупым предметом мужской логики. Оно было моей горничной, расставляя все по местам и раскладывая все по полочкам. Оно было моей инвестицией, которую я вкладывала в работу и отношения. Иногда мы с ним ругались, особенно, когда я опаздывала, но тут же мирились, когда я понимала, что так даже лучше и торопиться было некуда... А сейчас оно — мой злейший враг.

— А однажды она пригласила нас всех в кабинет, закрыла дверь на ключ и сказала, что хорошие оценки нужно заработать! — кричал чей-то голос, а я понимала, что стою у истоков легенды про похотливую ректоршу и двенадцать наивных принцев.

Я сползла еще ниже, чувствуя дрожащими и руками, что прогресс минимальный. Паническая мысль о том, что не успеваю, что потратила слишком много времени впустую на разбор завалов и разборку с драконом, что могла бы слезать в два раза быстрее, заставила меня соскользнуть вниз, чувствуя, как веревка больно обжигает вспотевшие от напряжения ладони.

— Смотрите сюда! Сюда, скорее! — слышалось внизу. Цирковой номер стал смертельным и вдвойне интересным, когда кирпичную кладку рядом со мной клюнула стрела.

— Ориентируйтесь по ветру! — слышалось внизу, а я закусила губу и соскальзнула вниз, чувствуя адскую боль в ладонях и ногах.

— Затаскивайте ее обратно! — слышалось сверху, а рядом клюнули сразу три стрелы, заставив судорожно сглотнуть.

Внезапный порыв ветра заставил меня покачнуться вместе с веревкой, прижаться к ней щекой, чувствуя такой животный страх высоты, от которого свело судорогой конечности.

— Повесить голову над троном! — слышался грозный крик, пока я судорожно пыталась удержаться за веревку и унять дрожащее сердце.

Когда-то читала, что женщина должна украшать собой мир, но я как-то против того, чтобы стать сморщенной изюминкой чужого интерьера!

— Дракон! — слышалось надрывное снизу. — Магов сюда! Живо!

За спиной раздался рев, а потом крики: «Спасайся!». Что-то впечаталось в стену, а я сборником неприятностей почувствовала горячий ветерок. Через секунду меня дернули за одежду, подбросили в воздух, а потом поймали аккуратно в тот момент, когда я мысленно вспоминала свой размер белых тапочек...

— Стреляйте! — слышалось внизу, а я чувствовала себя дроном, пролетающим над соседским участком. На секунду все заслонило пламя, а сердце дернулось куда-то вверх, унося меня в серую дымку. Дракон чихнул. В этот момент маги, судя по крикам, наложили не только заклинания, но и в штаны, проверяя крепость драконьего здоровья сверкающими вспышками. Через пару мгновений меня сбросили на землю, заставив целовать ее, как родную, прижиматься к ней щекой и задышаться от радости.

— Вставай! — слышался недовольный голос, а я медленно встала, чувствуя, что до сих пор дрожу, как осиновый листок. Вокруг меня скрипели деревья, а поднявшийся ветер зловеще выл в верхушках. Дракон взлетел над лесом и устремился в сторону замка

— Время! — прошептала я, снимая с шеи два медальона. — Время... девятый лепесток опал, а роза стала превращаться в бутон, заставляя мое сердце сжаться. Приступ паники нахлынул, словно огромная волна, заставляя тонуть и задышаться.

— Тише, тише, — шептала я себе, пытаюсь выплыть из моря паники на поверхность здравого смысла. — Время еще есть. Так... Дракон полетел туда, значит, Академия там! Сейчас попробую сориентироваться.

Я посмотрела сначала направо, а потом налево, пытаюсь вспомнить хоть какие-нибудь ориентиры. Поскольку, я — девушка приличная, то решила пойти направо, с каждым шагом переходя на бег. Через пять минут я вышла к башне, откуда торчала пыльная пакля волос. Судьба вынуждала меня идти налево. Я бежала по сухой листве, скользила по хлипкой грязи, хрустела сучьями и зажимала колющий бок рукой, пытаюсь не сбавлять шаг.

Мои глаза впивались в деревья, возле одного из которых показался заброшенный шалаш. Я опиралась на мокрый ствол, пытаюсь перевести дух. Так понимаю, что у кого-то новоселье!

— Хы-хы-хы, — захныкала я, а потом со всей силы ударила кулаком в дерево. — Ры-ы-ах! Как же ты вовремя! А?

Волна паники стала подступать с новой силой, пока я сглатывала и оглядывалась по сторонам, в надежде найти хоть какие-то подсказки.

— Ка-а-ар! — слышалось откуда-то сверху, а сердце сжалось от надежды. Я подняла глаза, стирая слезы, и увидела огромного ворона, сидящего на ветке. Ворон слетел пониже. — Ка-а-ар!

— Что «кар»? — выдохнула я, оглядываясь по сторонам. — Что «кар»?

Ворон сделал круг над моей головой, устремляясь в сторону чащи. Я бросилась за ним, чувствуя, как ветки больно хлещут меня по лицу. Если все получится, то легенда «Про одноглазую, но очень любвеобильную ректоршу» станет самой популярной в местной системе образования. Я перепрыгнула через выступающие корни, но тут же поехала ногой и чебурахнулась на землю. Понадобилось пара мгновений, чтобы прийти в себя, преодолевая боль ушибленного копчика, и вот я снова бегу по лесу, за черной тенью, ведущей меня сквозь заросли и дебри.

— Ка-а-ар! — кричал ворон, негодуя от того, что под моим капотом нет ста двадцати лошадиных сил. Смею его порадовать, что вместо них есть небольшие стратегически важные запасы на случай вынужденного голода.

— Да слышу, что «ка-а-ар!». И так бегу ... как могу! — задышалась я, чувствуя привкус металла на губах и во рту и боль от багровых полос на расцарапанных руках.

Я вылетела на полянку и ничего не увидела. Ворон взлетел вверх и исчез за кромками деревьев. Ни шалаша, ни попыток его построить. Ничего... Я пнула толстое дерево,

требуя, чтобы оно показало мне свои трухлявые недра, но дерево наотрез отказалось.

— И куда ты меня завел? — прокашлялась я, сплевывая на землю и внимательно осматриваясь.

— Ка-а-ар! — послышалось сверху. Я подняла глаза и увидела огромное гнездо, расположившееся в развилке из толстых ветвей. — Ка-а-ар!

Из гнезда высунулась лохматая голова.

— Пошла пр-р-рочь! Я яйца высиживаю! — заорал «ворон», размахивая руками, а на меня сверху посыпались ветки и какой-то мусор. Где-то в голове после музыки «В мире животных» радостный голос сообщал мне новость о том, что человек — это один из немногих видов, в котором яйца умеют высиживать только самцы!

— Мне нужен ключ! — крикнула я, слушая, как кто-то ворочается в гнезде. — Я его верну. Обещаю. Мне просто нужно открыть одну дверь... А потом сразу же отдам его вам...

— Нет у меня ничего! — заорала «высиживатель», свешиваясь вниз, а на его шее блеснуло то самое «ничего». — Кар-р-р!

— Ладно! — я поплевала на руки, подошла к дереву и стала карабкаться вверх, чувствуя, как слетает вниз сухая кора и как обламываются тонкие ветки. Угораздило же его забраться так высоко! Ну что ему не сиделось в своем шалаше? А? Я едва ли не сорвалась, чувствуя, как под левой рукой предательски хрустнул пополам сук. Еще немного! Есть! Расхитительница гнезд уже поравнялась с завалом из веток. В гнезде лежали огромные светлые камни, на которых с сосредоточенным видом человека в уборной, сидел счастливый «отец».

— Пошла пр-р-рочь! — заорал «многодетный родитель», размахивая руками. — Пр-р-рочь! Вор-р-ровка! Куница!

— Нет, — прокашлялась я, подбираясь все ближе к будущему отцу. — Я — белочка! Я прошу вас! Дайте мне ключ! Я открою дверь и сразу вам его занесу! Первым делом!

— Кар-р-р! — меня пытались вытолкнуть из гнезда, но я успела схватиться за ветку.

— Давайте, я в залог оставляю красивую штучку? Или поменяемся? — я тыкала ему в лицо медальон возврата. — Как на счет обмена! Да не причиню я вреда вашим яйцам! Обещаю!

И тут же прицельным ударом колена нарушила слово, чувствуя, как мне в лицо вцепились грязные руки с длинными обломанными и острыми когтями.

— Ыыы! — орал бывший ректор, пока я пыталась содрать с него цепочку. Понимаю, что старшим нужно уступать место, но в данный момент я великодушно готова была уступить ему койку в травматологии, потому как меня упорно выталкивали наружу. Мне очень хотелось позвать на помощь санитаров и, возможно, даже леса, но меня схватили за волосы, с остервенением пытаясь выцарапать мне глаза. Внезапно я почувствовала, как когти впиваются в мою руку, а меня тянут вниз за собой, подлым ударом заставив потерять равновесие. Я очнулась первая, в надежде, что не сломала себе позвоночник, а на груди лежащего без сознания ректора сидел огромный ворон. Он ловко поддел клювом ключ, сорвал цепочку и полетел. Я бросилась вслед за ним, чувствуя, как все тело ломит от боли, а ноги еле — еле волочатся по земле.

Ворон взметнулся вверх и нарочно попал из виду. Я лихорадочно оглядывалась по сторонам, а потом обессиленно упала на колени, чувствуя, как болит ушибленное колено.

— Не паникуй, — шептала я сама себе, сжимая кулаки. — Не паникуй! Время еще есть! Я найду этого ворона!

Пока разум уговаривал меня успокоиться, сердце лихорадочно твердило: «Еще один лепесток сейчас сорвется... Еще один... Ты не успеешь! Не успеешь!».

— Верни мне ключ, тварь пернатая!!! — хрипло заорала я, разминая кисть руки. — Верни мне... любимого!

Я чувствовала, как мне не хватает воздуха, когда вспоминаю его глаза, улыбку, как начинают дрожать руки, которые еще могли бы его спасти...

— Вернись! Я прошу тебя! — тяжело вздохнула я, умоляюще глядя на серую дымку неба.

Сколько нежности я должна была ему подарить, сколько всего важного хотела сказать, сколько раз засыпала, отмахиваясь усталостью вместо того, чтобы еще раз поцеловать любимые губы, чтобы однажды, сидя в лесу, мечтать о машине времени.

— Прости меня, — всхлипнула я, собирая рукой сухую листву. Мой взгляд малодушно упал на медальон возврата. — Прости! Я честно пыталась сделать все, что в моих силах! Я пыталась...

Я на секунду представила себя, сидящую на старенькой кухне со стаканом в руке, а на подоконнике гнездилась целая батарея пустых бутылок. Сколько раз я буду пытаться забыть и забыться, ежеминутно терзаемая мучительными воспоминаниями? На что будет похожа моя жизнь, когда каждую ночь, вздрагивая в холодном поту, я буду вспоминать, как меня обнимали и укрывали?

— Хорошо, есть и другой путь, — сглотнула я, вставая и направляясь обратно в Академию. Я могу снять проклятие, но счастливых лиц и радостных улыбок уже не увижу.

Глава двадцать первая

Воронья королева

— Я — не куртизанка.

Я — гаремовладелица!

Я глубоко дышала, чувствуя, что мир действительно прекрасен, хотя раньше упорно этого не замечала. Даже этот угрюмый лес по-своему красив. Воздух показался сладким, а небо таким высоким. И пусть оно подернуто промозглой серостью, но и в ней мой взгляд находил особую прелесть. Я проводила рукой по отсыревшей коре, улыбаясь испачканным пальцам, поднимала облезлым носком сапог листву, а потом почувствовала, как по щекам текут слезы. Одна слезинка упала на нос сапога, а вторая на сухую листву, под которой я увидела ... цветок. Маленький цветок, похожий на подснежник, спрятался среди сучьев и листвы. Ни разу не видела здесь цветов, ни разу не видела ни одного листочка, а тут ... Я наклонилась к нему, а через секунду меня что-то стукнуло по макушке. Рядом с цветком блестела цепочка с ключом, а над головой слышалось хлопанье крыльев.

Я истерически смеялась, целуя грязный ключ и глядя на едва распустившиеся лепестки цветка.

— Ка-а-а-р! — слышалось сверху, заставляя меня со всех ног броситься за вороном. Я бежала, вспоминая нежные и маленькие лепестки, которые стыдливо прятали золото пыльцы.

Я мчалась, задыхаясь, пока не выбежала на поле, увидев старинные руины. Ворон вел меня к ним, а другие вороны радостно взлетели вверх, обнажая несколько трупов в доспехах, лежащих на земле. Перед моими глазами была почерневшая статуя, а я искала глазами дверь.

— Ка-а-ар! — слышался крик ворона, который сел на руку статуи. Только сейчас заметила, что правая рука у нее была пустой, а во второй она сжимала зеркало. — Ка-а-ар!

— Да знаю, что «кар!», — нервничала я, осматриваясь по сторонам. — Где дверь?

Ворон слетел, усевшись у основания статуи, и расправил крылья. Я упала на колени и бросилась оттирать грязь и сдирать заросли какого-то черного выюнка, колонизировавшего старые камни. Вот она!

— Спасибо! — прошептала я, вставляя ключ в замочную скважину и слыша звук, словно тяжелые каменные плиты трутся друг об друга. Я посмотрела на крутую лестницу вниз, а потом взяла себя в руки и сделала шаг в темноту. На стене проступала странная картина, а крутая старинная лестница уходила бесчисленными ступеньками вниз.

— Любовь моя, — шептал красавец — принц, надевая на ногу белокурой красавице в голубом платье маленькую хрустальную туфельку. — Я наконец-то нашел тебя, милая... Даю королевское слово, что скоро мы объявим о нашей помолвке! А пока что... поцелуй меня...

Я отпрянула от стены, а сцена тут же поменялась.

В холодной камере, ежась от холода и сглатывая слезы, сидела та самая блондинка, положив руки на живот. Свет факела на секунду озарил ее бледное лицо с искусанными в кровь губами.

— Твой дорогой принц обещал выпустить тебя, как только родишь! Давай, рожай быстрее своего ублюдка! Мы уже приготовили корыто! — слышался голос стражника, а к поджатым ногам девушки швырнули миску с помоями.

С другой стороны слышалось: «Я люблю тебя, больше жизни, моя девочка! Мы с тобой никогда не расстанемся! Я женюсь на тебе! Даю честное королевское!», я успела увидеть, как темноволосый принц, держит на руках огненно-рыжую девушку, которая

счастливого улыбается, а через секунду она стояла на коленях перед принцем. По обе стороны ее удерживала стража, а низ ее рубашки был в крови.

— Вырежьте ей язык, чтобы она ничего не рассказала моей будущей жене! Я не хочу политических осложнений! Не хватало, чтобы они узнали про бастарда! — нервно приказал принц, а девушка закричала так страшно, что у меня сжалось сердце. И снова все померкло...

Я спускалась, чувствуя искалеченными руками холод стены, а прямо под моими пальцами ожила следующая картина.

— Я так люблю тебя, — шептала темноволосая девушка, прижимаясь к дорогому камзолу, отделанному драгоценными камнями.

— Я готов убивать за каждую твою слезинку, — шептал принц, прижимая к груди красавицу и целуя ее в макушку. — Я сделаю тебя своей королевой. Я одену тебя в золото и серебро... Ну, улыбнись, милая... Даю королевское слово, что ...

Я чуть не оступилась, прослушав, что именно обещал принц, а когда подняла глаза, то увидела, как бедная прижимает к груди новорожденного, а стража вырывает ребенка из рук матери. Где-то за спинами стражи стоит принц, молча отворачиваясь.

— Смотри под ноги! — твердила я себе, понимая, что лучше не смотреть на оживающие картины. До меня доносились голоса, а мне хотелось закрыть уши.

— Давай сбежим вместе! — послышалось слева, когда оставалось еще три ступени. Я повернулась на звук голоса. В лесу стоял темноволосый, голубоглазый принц, а перед ним молодая женщина с такой нежностью во взгляде, что у меня перехватило дыхание. Я положила руку на стену и прошептала: «Бабушка!». — Я люблю тебя больше жизни...

Он целовал ее руки и прижимал к себе, а я видела, как ее глаза лучатся счастьем и любовью.

— Я не хочу другой жены, кроме тебя. Если отец откажет, то я отрекись от престола... — шептал мой дедушка, целуя щеки моей бабушки. — Будь моей женой! Скажи «да», и ты сделаешь меня самым счастливым! Мне надоело прятаться, надоело делать вид, что никогда не целовал твои губы...

Она задыхается, глядя, как он надевает ей на руку кольцо. Знакомый сумрачный лес шумел, а они стояли в обнимку. Он грел ее руки в своих, накрывал своим плащом, а бабушка тихо плакала от счастья. Но картинка тут же поменялась. Я снова увидела слезы, текущие по ее лицу.

— Ты... Ты меня использовал! — кричала она, вырываясь из рук стражи, которая волокла ее по роскошному залу. — Зачем ты говорил, что любишь меня? Зачем?

— Сынок, — послышался глухой голос старого короля, развалившегося на высоком троне. — Ты мог оставить ее фавориткой! У каждого уважающего себя короля есть фаворитка!

Рядом с королем стояла миниатюрная женщина, которую он тут же привлек к себе. Девица подарила ему ослепительную улыбку, но взгляд ее глаз был холодным и отрешенным.

— У нас будет ребенок! — задыхалась моя бабушка, а король тут же резко вскочил с трона, оттолкнув красавицу.

— Бастард? — закричал он, осматриваясь по сторонам. — Ты в своем уме, сын?

— Бросить ее в темницу, пусть сгниет там заживо с этим ублюдком, — приказал принц, пока стража волокла мою несчастную бабушку по полу.

— Вырежьте из нее ребенка! — нервничал принц, расхаживая по залу и боясь поднимать взгляд на отца, который хмурил брови.

— Дорогой, — прошептала молодая женщина рядом с тронном, склоняясь к королю. — Нет смысла пачкать руки кровью. Сейчас в государстве и так не спокойно. Мы никогда не знаем, как люди воспримут эту новость.

— Я отдам приказ страже, чтобы они... — задышался от ужаса принц, затравленно оглядываясь по сторонам. — Чтобы они били ее в живот каждый день... Она так быстрее родит!

— Ваше Высочество! — мелодично произнесла красавица, скользнув к принцу и улыбнувшись. — Неужели этому учат в вашей Академии? Вы очень устали, поэтому вам нужно отдохнуть... А горячиться не стоит... В государстве неспокойно, людям нужен повод, а вы хотите его дать... У стражи очень длинные языки, особенно, когда они выпьют...

Картинка померкла, а услышала, как звякнул кошель, а кто-то в кромешной темноте произнёс: «Вы очень щедры, моя госпожа!». Свет факела озарил убогую камеру, в которой сидела моя бабушка, забившись в угол.

— Дадите ей одеяло и хорошую еду, а я так и быть, замолвлю о вас словечко королю, — послышался тот самый мелодичный голос. — Только держите языки за зубами, иначе я сильно огорчусь... А вы сами знаете, что бывает, когда я капризничаю... А теперь оставьте нас!

Шаги и лязганье доспехов удалялись, а потом и вовсе стихли.

— И чем же ты думала, милая, когда решила связаться с принцем? — усмехнулась Шарман, проводя пальчиком по прутьям клетки. Это была она! Я узнала эту насмешливую интонацию. — Неужели тебе никто не говорил про бастардов? Или сказки о том, что на тебе женятся, оказались столь увлекательными, что ты поверила? Знаешь, милая, мне жаль тебя... И я даже... даже завидую тебе...

— Чему? — хрипло отозвалась бабушка, затравленно глядя на красивое платье гостыи.

— Ребенок — это единственная роскошь, которую я не могу себе позволить, — вздохнула Шарман, пожав плечами. — Есть только один человек, которому я бы родила, но, увы, этого никогда не будет!

— Я не хочу жить! Я ненавижу этого ребенка! — всхлипывала бабушка, обнимая руками колени. — Ненавижу одиночество! Стены давят! Хочу домой! Хочу обратно в свой мир!

— Теперь твой мир внутри тебя, — усмехнулась Шарман, разглядывая узницу и ржавые прутья клетки. — И он ни в чем не виноват...

Картинка растворилась, а я всхлипнула, ожидая новую, но вместо этой истории я видела тех самых девушек, стоящий на коленях перед статуей. Все снова померкло, а потом я увидела тронный зал. Перед королем и королевой стоит блондинка в черном. Королева испуганно прижимает к груди ребенка.

— Помнишь меня? — произносит блондинка, странно глядя на младенца, а потом переводя взгляд на молодого короля. — Или уже забыл на радостях? Как мило... Ребенок... Я так за вас рада... А у меня тоже есть ребенок!

Она прижимает руки к груди, словно держит что-то невидимое. Король бледнеет, зовет стражу, но женщина в черном стоит, баюкает пустоту и поет...

— Спи, мой малыш, маленький спи... Глазки свои поскорее сомкни... Папа велел тебя бросить в камин... Спи, мой малыш, мой единственный сын...

Меняются лица, тронные залы, голоса накладываются друг на друга. Блондинка в короне смотрела улетающим лебедям, брюнетка протягивала кинжал облезлому и неопрятному мужику, которого скрючило в поклоне: «Принеси ее сердце!». Другая брюнетка смотрела на самый верх огромной башни, прижимая к груди плачущую девочку. Картинки снова сливались, голоса перерастали в торжествующий, злорадный женский смех... Я прислушалась. Но это был уже не смех. Это был плач, надрывный, страшный и такой горький...

Внезапно арка, над которой был изображен ворон в короне, засветилась, а я сжала кулаки и розу, делая решительный шаг в темноту.

— Какая сказка тебе больше всех понравилась? — слышался женский голос.

Голубым огнем вспыхнули свечи, освещая красивое кресло, стоящее напротив мрачного зеркала, в котором я отчетливо видела, как дракон поливает пламенем магов, а из окон в сторону грубо сколоченных деревянных лестниц летит мебель. Если быть конкретной, моя тумбочка.

— Ну же..., - я снова услышала голос. — Здесь, конечно, мою любимую «Розалинду. Путь любви» не показывают... А жаль... Я так и не узнала, будет ли она с Эдуардом, или все-таки предпочтет Себастьяна...

Я замерла на месте, сжимая в руке медальон с розой. Лепесток завис, но так и не упал.

— Не переживай. Я остановила время для нас. Кстати, я газ выключила? — слышался встревоженный голос, а я не верила своим ушам. — Там еще платежи должны были прийти. За май. Пересчет был... Сколько ругалась с этими иродами, а мне все доказывали, что я пятнадцать кубов воды истратила. Какие пятнадцать? У меня же водомер! Там два куба! Два!

Я стояла, открыв рот и чувствуя, как мне не хватает воздуха... Молодая женщина стояла передо мной в черном, словно траурном платье, расшитом вороньими перьями. Зловещая черная корона украшала ее голову, а на пальцах у нее были черные кольца, имитирующие когти... Один взгляд на ее лицо, и память услужливо подсунила мне тот самый пыльный, старый альбом, который я как раз собиралась выбросить...

— Ну дай же бабушка тебя обнимет!

Я бросилась к ней, прижимаясь к ее груди и рыдая, как маленькая девочка. — Бабушка... Ба... Я думала, что тебя больше нет...

— Знаешь, Вороньи Королевы навсегда остаются в заточении своей ненависти, — вздохнула бабушка, глядя меня по голове. — И я так понимаю, что ты пришла сюда ради своего принца...

— Ба-а-а! — рыдала я, обнимая ее и чувствуя мокрой щекой птичьи перья.

— Тише! Соседей разбудишь! — слышался голос, а я удивленно осмотрелась.

— Да я пошутила..., - улыбнулась бабушка. — Горе мое, луковое! Надо ж было тебе найти медальон! И ведь прятала его, как могла!

— А почему не выбросила? — сглотнула я, чувствуя, как меня гладят по волосам.

— Хотела, но замоталась. То с управдомом поругаюсь, то в очереди в «Водоканал», — отмахнулась бабушка. — Как мама и папа?

— Все так же. Ругаются, — шептала я, прижимаясь к родному человеку. — Прости меня... Прости за то, что не навещала... Прости, что оставила тебя в одиночестве... А ведь я могла выкроить время, чтобы лишний раз позвонить или зайти... Просто посидеть... Попить чаю... Сходить в магазин и купить торт... Мне так стыдно... Прости...

— У меня были твои фотографии, — она отстранила меня и заглянула в лицо. — На полке стояли. Я с ними частенько разговаривала... Так! Все, не реви! Вот напасть!

— Мне нужна сила, чтобы открыть дверь... Сила, чтобы защитить Академию..., - выдохнула я, чувствуя, как меня переполняет счастье, когда я смотрю на нее.

— Девушки приходили сюда и просили силу, отдавали что-то важное, чтобы обрести могущество. На зов являлась последняя воронья королева, и решала, стоит ли отдать свою силу, или нет, — задумчиво произнесла бабушка. — Ты уверена, что твой принц женится на тебе? Уверена, что обретя снова жизнь, он не пнет тебя с дороги?

— Пускай, — устало выдохнула я. — Мне от него ничего не надо. Я ничего не прошу. Ни

свадьбы, ни клятв. Тем более, он ничего не обещал мне...Я даже не знаю, принц он или нет!

— А вдруг он разобьет тебе сердце? Ты готова рискнуть жизнью ради него зная, что он в любой момент вышвырнет тебя из замка? Все-таки, он — принц, — подозрительно спросила бабушка, заглядывая мне в глаза. — Знаешь, я дам тебе силу, но только в обмен на один из двух медальонов, которые висят у тебя на шее. Либо ты отдаешь мне медальон с розой, либо — медальон возврата... Решай, Настюш. Ты сама пишешь свою сказку, так что выбор за тобой... А пока что, не хочешь послушать сказку, которую бабушка никогда тебе не рассказывала?

— Ага, я помню, как заканчивались твои сказки! — усмехнулась я, положив руку на сплетение цепочек. — Принц упал со ступенек и сломал себе шею в трех местах. На похоронах Золушка рассказала старому королю об издевательствах злой мачехи, и тот приказал мачехе и сестрам освободить жилплощадь! Все жили долго и ...

— Покажите историю призрака! — произнесла бабушка, а зеркало померкло.

— Давным-давно, в одном королевстве, в котором правила магия, — начала бабушка, пока я смотрела на знакомый замок, который выглядел куда веселее, чем сейчас. — Жили-были король и королева. Король очень любил свою супругу, света белого за ней не видел, осыпал ее драгоценностями и готов бы часами любоваться ею.

Я видела молодого короля с синими глазами и темными волосами и красивую молодую королеву, на золотистых локонах которой покоилась корона. Она что-то шепнула королю, а он просто расцвел от радости. Над замком цвел салют, все были счастливы.

— И вот однажды король узнал, что его дорогая жена ждет ребенка. Он был несказанно рад, — продолжала бабушка, положив руку на мое плечо, а красавица королева обнимала свой округлившийся животик, выпуская из пальцев волшебную бабочку. — И вот настал тот день, когда на свет должен был появиться долгожданный первенец! Народ ликовал, ожидая, разумеется, наследника! Но что-то пошло не так... Роды давались королеве очень тяжело...

Я видела, как бедная женщина мечется на постели, а вокруг нее столпились маги. Лица их были странные. Кто-то пытался помочь ей, но королева металась в бреду. И вот королю выносят ребенка, завернутого в пеленки.

— У вас мальчик! — произнес маг, учтиво кланяясь.

— Как там королева? — взволнованно произнес молодой отец. Маг молчал, пряча глаза. — Я хочу ее видеть! Я хочу видеть свою жену!

— Она очень плоха, — скорбно произнес маг. — Мы делаем все, что можем, но... Вы, главное, не волнуйтесь... Иначе у вас снова будет припадок! Прошу вас, государь...

Король стоял на коленях возле постели, целуя бледную руку жены и рыдая, как мальчишка.

— У вашего сына, Ваше Величество, очень сильные магические способности! Скорее всего, из-за этого роды прошли очень тяжело, — осторожно начал какой-то маг. — Магия ребенка оказалась сильнее, чем ее... Она слишком слабый маг, понимаете... Такое иногда бывает...

— Вон отсюда! Все вон! — в истерике кричал король, швыряя заклинание в магов. Один из них рассыпался в прах, а другие поспешили к двери, пытаясь удержать невидимый щит. Король обвел безумными глазами комнату, и его взгляд остановился на колыбели. Он подошел к ней, взял ребенка на руки. Я видела его лицо, блестящее от слез.

— Маленькое чудовище! Посмотри, что ты наделал! — завыл обезумевший отец, тыкая ребенка в сторону молчаливой и поникшей королевы. — Ты убил свою мать! Ты! Ты! Ты во всем виноват!

Малыш плакал у него на руках, а король бросил его обратно в колыбель, отошел и выставил вперед руку, тяжело дыша и глядя страшным взглядом на собственного сына.

— Проклинаю тебя, чудовище! — прошептал король, задыхаясь. — За то, что ты сделал — проклинаю! Ты ...

На столике возле кровати стояли красивые розы... Король бросил взгляд на них, расширил глаза и продолжил:

— Уколешь палец о розу и умрешь, — задышался король, а из его пальцев струилась тьма. — Ты умрешь, как умерла она! Та, которую я любил больше всего на свете! Та, которая была моей жизнью, моим дыханием... Моим светом... Моей единственной любовью!

Внезапно короля отбросило к стене. Едва живая королева встала на ноги, шатаясь, подошла к колыбели... Она протянула руку, склонилась над ребенком и что-то шептала, целуя его в лоб. В этот момент ее поцелуй превратился в сверкающую звезду, а бедняжка закатила глаза и упала на пол. В комнату вбежали слуги, глядя на короля, а потом на королеву. Короля унесли, а королеву бережно уложили на кровать.

— Слушайте мой последний ... приказ, — слабым голосом произнесла королева, глядя на цветы возле себя. — Уничтожить все розы в королевстве! Все до единой! Не только цветы, но и заколки, брошки, ткань с узором, портреты с розами... Все, где есть изображение розы. Уничтожайте книги, где встретите слово «роза». С этого... момента розы под запретом! Нет такого цветка ... в нашем ... королевстве...

Зеркало помутнело, а я увидела саркофаг из белого мрамора, на крышке которого лежала золотая корона, Король гладил мрамор, целовал, сидел, опираясь спиной, что-то бормотал, захлебываясь слезами.

Изображение подернулось серым туманом, показывая, как выжигают магией прекрасные сады, как срывают портреты с розами, как ломают статуи, развеивая каменную крошку на ветру, как вырываются страницы книг, как в магическом огне плавятся броши и украшения. «За упоминание запрещенного цветка, письменное или устное — полагается темница. За хранение — смерть!» — гласил приказ.

— Я видела у нее ... тот самый цветок! — шептала уродливая старуха в серой ветоши стражнику, оглядываясь по сторонам. — Тот самый... На кольце! Только не говорите никому, что я сказала...

Стражники под руки тащили какого-то мужика, который кричал: «Розовый! Я сказал розовый! Меня просто не дослушали! Я ничего плохого не имел в виду!».

— Вы назвали свою дочь запрещенным именем? — нависал над матерью стражник, а она оправдывалась, что девочку зовут Лоза, а им просто слышалось.

А потом зеркало показало мальчика, сидящего в башне и тоскливо смотрящего в окно.

— Вы должны контролировать свою силу! Помните, что сила иногда подчиняет себе носителя! Многие великие маги не умели контролировать себя! — поучал седовласый старец, а светловолосый мальчик с синими глазами с грустью смотрел вниз.

— Поэтому меня держат в башне как чудовище? — вздохнул мальчик. — Чем я хуже других детей?

— Вы — наследный принц! — возразил старый маг, пряча глаза. — Все это делается ради вашего же блага! Вы должны многому научиться, прежде чем займете места своего отца!

На саркофаг легла вторая корона, а на троне восседал молодой король. При виде него мое сердце сладко забилося. Я узнаю эти волосы, эти глаза, эту улыбку, эту линию плеч, а перед тронем стоял молодой парень — маг, которого держала стража.

— Прикажете убить бастарда? — спросил высокий и угрюмый стражник, но тут же получил отрицательный ответ. Парень упал перед тронем, благодаря за то, что ему сохранили жизнь. Я отчетливо услышала слово: «брат», а бастарду слуги несли приличную одежду, которую он с благодарностью рассматривал.

— Он считал его братом. Ему жаловали замок и титул герцога, — усмехнулась бабушка,

положив руку на мое плечо. — Но однажды...

— Я был с официальным визитом у соседей. Договор они подписали! — протянул бумагу бастард, а ныне герцог. — Знаешь, что я там видел? Не поверишь! Я видел цветы, которые не растут у нас! Целый сад цветов! Я специально сорвал один, чтобы показать тебе! Мне сказали, что это — роза! Я решил привезти ее тебе!

Я видела руку, которая принимает зеленый стебель, а на пальце выступает алая капля крови.

— Что с тобой? — испугался бастард, оглядываясь по сторонам. — Почему ты побледнел? Тебе плохо?

Я своими глазами видела, как роза падает на пол, а следом за ней падает, как подкошенный молодой король.

— Лекаря! — кричат придворные. — Лекаря! Королю плохо... Он умирает!

Зеркало мутнеет, а потом чья-то рука ставит огромную магическую печать на кирпичной стене.

— Сделайте так, чтобы ни одна живая душа не сумела проникнуть сюда! — усмехается бастард, удаляясь в сопровождении магов. — Пусть имя его сотрется из памяти людской, пусть сам он его не помнит. Ни он сам, ни дух его... Ничего не должно остаться! Мертвые должны лежать тихо и не беспокоить живых!

— Но... Ваше...эм... Величество, — заметил кто-то из магов. — Люди могут поднять мятеж! Ваши права на престол кажутся людям сомнительными...

— Так скажите людям, что проклятый тиран мертв! Пустите слухи о его злодеяниях! Сделайте из него такое чудовище, чтобы ни одна живая душа не посмела скорбеть о нем! — рявкнул бастард. — А вход сюда запечатайте кровью моей!

Я мельком разглядела медальон и бледные руки, сложенные на груди, в которые вложили ту самую розу. Шаги стихли, а роза стала цвести, давая новые побеги, расплзаясь по груди черным пауком. Я видела, как по стене с печатью ползут вверх колючие ветви, раскрываясь голубыми цветами, как крошится камень, а печать постепенно тускнеет и меркнет.

— Не убивай меня! — уже шепчет бородатый король, дрожа всем телом, пятясь к портрету, где он изображен вместе с какой-то женщиной в короне, положившей руки на плечи двум девочкам. — Я прошу тебя, брат! Я не хотел... Кто-то же должен был править государством, пока ты... спишь? Прошу тебя... Я... я запечатал дверь своей кровью! Прошу не уби...

Крик оборвался в ночной тишине, заставив мое сердце вздрогнуть.

— Ну вот, — слышался бабушкин голос. — Вот и начало твоей сказки, но ты всегда можешь закрыть книгу, если сказка тебе не нравится. Твой ... хм... принц далеко не святой, и часто нарушал свое слово. Я бы даже посмела заметить, что в годы правления бастарда в государстве жилось намного спокойней...

— Ба, мне плевать, как жилось в королевстве в те времена! — отмахнулась я. — Мне нужен он. И я хочу снять проклятье!

— А ты нужна ему? — с усмешкой спросила бабушка, заглядывая мне в глаза. — Думала ли ты о том, что в тот момент, когда чары спадают, туман рассеется, выглянет солнышко, твой принц скажет тебе, что использовал тебя? Ты готова к такому финалу своей сказки?

Повисла тишина, в которой снова слышался голос бабули.

— Все могут короли, все могут короли... — негромко и нараспев прочитала она, поправляя мои волосы и улыбаясь. — Все могут короли... И судьбы всей земли вершат они порой... Но что ни говори... Жениться по любви...

Я молча протянула ей один медальон, а второй крепче сжала в руке.

— Будь, что будет! — глухо ответила я, глядя, как она снимает с себя корону и надевает мне на голову, а в руку вкладывает маленькое зеркальце с ручкой.

— Все думают, что я приняла силу, чтобы защитить Академию, но я думала лишь о мести... Я передаю тебе свою силу. Как во имя любви, так и во имя ненависти... Слышите? Я простила! Я простила все то зло, которое он причинил мне! Потому, что однажды смогла обнять свою внучку... Прощай, Настюша... Они помогут тебе!

Кто это «они», и почему они должны мне помогать, я так и не поняла, но моя одежда превращалась в черное платье из перьев, украшенных драгоценными камнями.

— На улице ветер, а ты без шапки, — слышался поучающий голос за спиной, когда я шла к выходу. — Разве можно так? Застудишься! Помни, ты сама пишешь свою сказку...

Я бежала на свет, растирая слезы и шурша платьем.

У меня такое чувство, что все вороны окрестностей слетелись поглазеть на меня. Они сидели на статуе, на старой кладке, на близлежащих деревьях и смотрели на меня. Я, наверное, слишком много ожидала от силы вороньей королевы, думала, что передо мной будет стоять целая армия, а тут... Вот не проще было бы просто покрошить хлебушек?

— За мной, оринтозные мои! — разочарованно вздохнула я, в надежде, что если не повоюем, так нагадим, как следует!

Глава двадцать вторая

Экзамен для преподавателей

Кажется, именно сюда, я буду посылать тех, кто вернулся с предыдущих посылов.

Мое воображение рисовало ковровые бомбардировки вражеских позиций с целью отвлечь внимание противника. На худой конец акцию массового устрашения за счет спецэффектов.

Я вышла из леса в разгар битвы. Над войском на бреющем полете парил дракон, в которого летели стрелы и сверкающие вспышки. Короли и королевны собрались в кучку, стоя подальше от битвы и наблюдая за ходом сражения.

— Вот она! Стреляйте в нее! — послышался крик. Черная стая ударилась об землю, превращаясь в клубы черного дыма, из которого поднимались воины. Вот это я понимаю!

— Слушать мой приказ! Королей и королев — не трогать! Защищать замок! — прокашлялась я, глядя с каким рвением вороны бросаются в бой. Черные доспехи, черные щиты, на которых красовалась ворона в короне, черные плащи, напоминающие крылья — произвели неизгладимое впечатление. Еще бы! Дракон — то уже, наверняка надоел, а тут такое разнообразие!

Некоторые воины рассыпались под ударами и заклинаниями, но тут же собирались из праха, взлетая в небо огромными черными птицами, чтобы снова броситься в гущу сражений.

Я подошла к черным колючкам, в надежде, что они расступятся, но не тут — то было!

— Эй, дайте пройти! — я обернулась по сторонам, в надежде, что никто не видел. — Я кому говорю!

Я даже выставила вперед руку. Неловкий момент, если честно. Силу как бы дали, а пользоваться ею не научили!

— Эм... Проход! Что? Нет? — прошептала я, глядя на внушительные заросли. — Хорошо! Расползйтесь! Тоже нет... Хм... Рассоситесь! Откройтесь! Раздвиньтесь! Исчезните, короче! Хорошо! Окей, зеркало! Что нужно сказать?

Появилось какое-то слово, от которого мне тут же захотелось размять речевой аппарат. Срочно требовался логопед и психиатр для логопеда.

— А попроще что-то есть? — взмолилась я, вспоминая как пыталась выговорить название одного исландского вулкана. — О! Отлично! Ну-ка!

Вспышка, которая вылетела из моей ладони, напугала меня, заставив отшатнуться. Колючки стали таять в воздухе, а я бежала в сторону двери, стуча в нее изо всех сил!

За дверью слышались крики и грохот. Да! Баррикадировались на славу! Дверь открылась, пуская меня внутрь, и тут же с грохотом пушечного выстрела закрылась, за моей спиной.

— Ничего себе! — послышались голоса. — Она... Она теперь...

— Давайте быстрее! — я пересчитывала вверенных мне судьбой и повисших мертвым грузом на моей совести, принцев. — Все целы? Все живы? Этот не объявлялся? Хорошо! Время еще есть!

Я побежала по коридору в свой кабинет, где все было перевернуто вверх дном. Окно было открыто настежь, а ветер шелестел страницами книг и бумагами, лежавшими на полу.

Оставалась еще треть розы, но вместо того, чтобы сломя голову мчаться в неизвестность, я решила успокоиться, собраться с мыслями и...

— Окей, зеркало, — я взяла его в руку, чувствуя себя той самой злой мачехой. — Покажи, что меня там ждет!

Зеркальная гладь помутнела и стала черной. Чернота продолжалась секунд тридцать, а потом, зеркало потухло. Да, исчерпывающая информация.

— Покажи мне, что ждет меня в подземелье! — снова приказала я, тряся зеркальце. На этот раз показали дверь, а дальше темнота...

Оно что? Сломано что ли?

— Окей, зеркало, покажи мне, кто прекрасней всех в этом мире? — усмехнулась я, глядя на свое отражение, претендующее на первую сотню красавиц.

Не то, чтобы я надеялась увидеть свое лицо, но когда мне стали показывать местный рейтинг, я поняла, что в целях сохранения самооценки такие вопросы лучше не задавать. Я спрятала зеркало в сумку, прикидывая, что еще мне может пригодиться... Взгляд шарил по полкам, но пока ничего толкового я не увидела. Нужен факел!

Дверь внезапно открылась, а на пороге стояли мужской преподавательский состав, вооруженный до зубов.

— Мы пойдем с тобой, — заявили мне с порога. — Шарман останется с принцами и возглавит оборону. Элберт подстрахует...

Если честно, даже не ожидала... Мне казалось, что меня пинком отправят вниз, закроют дверь и будут поглядывать на часы, спрашивая друг друга: «Как ты думаешь? У нее там все хорошо?». А потом чей-то уверенный голос обязательно скажет: «Она — сильная! Она — справится! Я верю в нее!». Все друженько согласятся и примутся гипнотизировать часы в ожидании результата.

Мы миновали галерею, поднялись наверх, вбежали в зал с черным пьедесталом. Я приложила окровавленную руку и прошептала: «Откройся!». Дверь притворилась глухой, пытаюсь отбросить меня подальше заклинанием. Я посмотрел на розу, понимая, что времени мало.

— Открывайся, мать твою! — возмущалась я, толкая ее изо всех сил. — Давай,пусти меня! Какого черта? Окей, зеркало! Как открыть дверь?

На зеркальной глади высветилось: «Попробуй...».

— А... — протянула я. — Аве... ни... рили... Тьфу! Давай сначала! Аве-ни-ри-ли-ри-ум...

Дверь засветилась, и к моему облегчению стала отъезжать в сторону. Волшебник-недоучка, закончивший начальные курсы махания волшебной палочкой просто магистр магии по сравнению со мной!

— Так! Стоять! — предупредил Лючио, доставая обычный клубок. — Как говорили, хочешь дожить до старости, пользуйся клубочком. Когда-нибудь попрошу связать из него свитер...

— Кстати, я нашел записи, как готовили принца к подземелью. Там были списки тех, кто пойдет с ним. Некоторые имена были вычеркнуты. Оно и понятно. Хозяин ничем не мог им помочь... Рядом с телом дух становится слабым, — заметил Арден, освещая факелом мрак уходящей вниз лестницы.

— И сколько вернулось? — настороженно спросила я. Мне не ответили.

— В записях было сказано, что первые четыре ступени — безопасны, — заметил Арден, а мы шагнули в темноту, слыша, как с торжественным грохотом закрывается дверь.

Лючио пустил клубок вниз по ступеням, сжимая нитку в руках, дрожащее пламя факела освещало неровные, словно вырубленные в скале стены. Мы притихли, вглядываясь в темноту. Внезапно одна из ступеней засветилась, а сверху хлынуло пламя, сплошной

стеной перекрывая проход.

— Хорошо, — вздохнул Лючио, доставая второй клубок. — Я согласен на шарфик! Ловушка заряжается в течение нескольких часов. Спускайтесь и следите за ниткой. Как только нитка кончится — стойте на месте. Хотя нет, лучше за две ступени. За стены не хвататься! Это я тебе, Винсент! Тебе что дать? Факел или по голове?

— Факелом по голове! — насмешливо предложил Робер, а мы напряженно следили за клубком. Ступень засветилась, и часть лестницы с грохотом обрушилась вниз, а пространство перед пропастью пронзили огромные шипы.

Мы терпеливо ждали, пока Лючио сматывал клубок. Он сделал шаг вперед, давая понять, что можно спускаться дальше. На шипах висели чьи-то истлевшие останки. Длинные русые волосы, белые кости и продырявленная мантия. В руке скелета лежала записка: «Берегись огня и пропасти. Не прикасайтесь к стенам!».

— Спасибо, предупредили! — вздохнул Робер, украдкой обыскивая тело. — Мы уже немного в курсе. Дорогая ректорша помнится, хотела провести аттестацию... Думаю, что по итогам будет понятно, кто просто останется в Академии, а кто навсегда!

Лючио прыгнул первым, ступенька рухнула вниз, но он вцепился в следующую руками, подтянулся и вылез. Я чувствовала, что время поджимало. Оно стало почти осязаемым, давило на меня, заставляло нервничать, не позволяло стоять на месте. Монотонное потрескивание факела нарушалось громким дыханием. Почему-то мне казалось, что я дышу так громко, что слышно за километры.

— Здесь еще три безопасны! Прыгайте! — послышался голос, а я выдохнула с каким-то необъяснимым облегчением.

Я взяла небольшой разбег и перелетела через зияющую черноту провала, чувствуя, как меня ловят на том конце со словами: «Тихо-тихо, малыш, дальше не надо! Стой здесь!». Лючио сматывал клубок, чтобы снова пустить его по ступеням вниз. Как бы он не старался выглядеть насмешливо и дерзко, я видела его напряженный взгляд, устремленный в черную бездну неизвестности. Если бы мне сказали, что нас там ждет тысяча опасностей, огнедышащий дракон с диким насморком, какое-нибудь войско, вооруженное до зубов и парочка таких загадок, которые впору выписывать в учебники для младших классов, дабы родителям жизнь медом не казалась, я бы отреагировала спокойно. Но сейчас я чувствовала, как прогибаются колени. Есть вещь, которая способна напугать даже самых стойких. И имя ей — неизвестность.

— Почему вы решили пойти со мной? — прошептала я, чтобы нарушить гнетущую тишину.

— Скажем так, не по большой дружбе, — фыркнул Робер. — Это — плата за гостеприимство. Каждый, кто просит убежище в Академии, клянется, что в любой момент пойдет вместе с принцем... Это было его условие.

— За стены не хвататься. Смотри-ка, ступени скользкие, словно их чем-то намазали. Еще раз повторяю! Стены не трогать! — шумно вздохнул Лючио, мягко и бесшумно ступая на следующую ступень.

Мы осторожно ставили ноги на ступени, а у меня поджимало сердце. Сколько еще времени у меня есть? Что скрывается во тьме? Моя нога осторожно становилась на ступеньку, а я пыталась удержать равновесие. Я иду не умирать. Я просто иду к любимому. Иду, чтобы обнять его, поцеловать, прижаться к его груди. Просто спускаюсь туда, где он ждет меня. Остальное не имеет значения. Эта мысль придала мне сил.

— Я иду к тебе, — выдохнула я, глядя, как наши тени пляшут в свете коптящего факела, как моя нога становится на еще одну ступень. Я не знаю, сколько их еще впереди, но раз за разом я повторяла одно и то же действие. Осторожно ставишь ногу на ступень, медленно переносишь вторую. Каменная кладка вокруг сменилась целым дендрарием. По стенам ползли розы и, казалось, что мы спускаемся в какой-то волшебный сад.

Внезапно ступень под моей ногой раскрошилась, а я схватилась за колючки, чтобы не загреметь вниз. Что-то хрустнуло, в тот момент, когда меня удержали от падения.

— Осторожней! — меня снова поставили на ступень, пока я вытирала с руки кровь и вынимала колючки.

— Знаете что, — заметил Лючио, поворачиваясь к нам, при этом оставаясь на месте. На его лице была та самая фирменная широкая улыбочка заправского мерзавца. — Я тут подумал, что не готов рисковать своей жизнью. Можете считать меня трусом! Я даже не обижусь... Наверное, я вернусь. Нечего мне здесь делать!

— Твое право, — вздохнула я, делая осторожный шаг вперед. До конца оставалось еще ступеней десять, а дальше зияла темнота.

Первым пошел Арден, освещая факелом заросли и ступени. Из всех сказок, которые мне рассказывала бабушка, не было ни одной про спящую красавицу. Теперь я догадываюсь почему...

— Стой! — возле двери сидел скелет в черном, сжимая в руках записку: «Не прикасайтесь к шипам!».

Факел осветил лабиринт из черных колючек, от которых все внутренности съежились и занервничали.

— Окей, зеркало! Покажи мне план лабиринта! — я ожидала, что прямо сейчас на зеркальной глади появится детальный план, но зеркало подумало, подумало, и погасло... Что ж...

Мы двинулись осторожно, переступая через лозы и стараясь не идти слишком близко к изгороди, не внушавшей доверия после таинственного предупреждения. Я даже боялась смотреть на медальон. Мне страшно было взять его в руку, опустить глаза и с ужасом увидеть последний лепесток, который обрывается и падает вниз... Наконец, я набралась смелости, подняла медальон, облегченно выдыхая. Время еще есть... Немного, но есть...

— Мы уже здесь были? — уныло поинтересовался Винсент, позвякивая сумкой при ходьбе.

— Трудно сказать, — огрызнулся Арден, оглядываясь на однообразный и отнюдь не живописный пейзаж и пытаюсь сориентироваться на местности.

— Нет, не были, — усмехнулся Робер, показывая разорванную связку жемчужных бус. — Здесь мы точно не были!

Бусинка полетела нам под ноги, а мы продолжили свой путь. Да, приятно, что среди нас есть кто-то предприимчивый и предусмотрительный.

— Смотрите! — закричала я, в свете факела увидев мраморный пьедестал, на котором лежал он. Его руки были сложены на груди, а свет, падающий откуда-то сверху казался предвестником чудес.

— Любимый! — задохнулась я, бросаясь к нему. — Любимый...

Я смотрела на бледное лицо, чувствуя, как сердце выпрыгивает из груди от восторга. За спиной послышалось облеченное: «Ну, наконец-то!», а я утирала слезы, беря бледную и холодную руку и согревая ее в своей.

— Нашла... Нашла... И больше никому не отдам, — шептала я, а слезы ручьями текли из моих глаз, пока я целовала его руку, гладила себя ею по щеке. — Все будет хорошо... Теперь все будет хорошо... Обещаю...

Я наклонилась, чтобы поцеловать его, помня инструкцию из сказок, но стоило мне прикоснуться губами к его холодным губам, как он открыл глаза, заставив меня смахнуть слезы и счастливо улыбнуться, поглаживая его щеку.

— Лю... — прошептала я, но тут же меня схватили за волосы, в а руке появилось заклинание. Не может быть! Это — ловушка!

— Пусти! — кричала я, но тут же оказалась свободной. Если любимым и принято дарить прядь своих волос в знак любви, то судя по пучку в руках двойника, я его просто обожаю

и света белого за ним не вижу... Впервые я так благодарила парикмахера с мечом в руках. Я даже готова была оставить отзыв, но при этом понимала, что времени любоваться стрижкой нет.

— Беги! — шепнул на ухо Арден, оттаскивая меня, а мы бегом бросились по лабиринту, не разбирая дороги. Заклинания врезались в изгородь, а я неслась, как угорелая. В какой-то момент от яркой вспышки меня снесло в сторону шипов, я налетела на кого-то, но меня тут же оттолкнули. Не знаю, сколько мы бежали, петляя поворотами, но потом я обернулась и поняла, что нас никто не преследовал. Зловещая тишина нарушалась нашим сбившимся от бега дыханием.

— Так, — выдохнул Арден, прислушиваясь и поглядывая в тот конец прохода. — Я на такое не подписывался. Так что, смею откланяться. Дальше вы пойдете без меня. Помнится, я не могу выиграть ни одну битву... Так что рисковать как-то не хочется...

— Понимаю, — устало кивнула я, а потом выдавила из себя улыбку. — Спасибо за то, что ты сделал. И за стрижку тоже! Виски бы подравнять, а так вполне неплохо...

Мы двинулись дальше. Арден спокойно пошел в другую сторону, я краем глаза видела, как его спина исчезает за поворотом. Бусы кончились, а Робер пошарил по карманам, доставая оттуда горсть золота.

— Как гласит мое проклятие — вечно буду спускать деньги на ветер, — он подбросил монетку, и она со звоном упала на пол. — Каждый раз смотрю, аж сердце кровью обливается... Вся зарплата за последние пять лет...

В этот момент я подумала, что со своей зарплатой лучше в лабиринт не соваться... В одном тупике лежали сразу три тела, обвитых черными ветками, а на шипах блестела золотом корона. В руке крайнего трупа была зажата записка, которую аккуратно поддел мечом Робер, вытаскивая из мертвых пальцев.

«Нам удалось пробиться к центру и обезвредить заклинание. Мы сняли заклинание с пьедестала... Лабиринт безопасен. План лабиринта».

— Это была договоренность? — негромко спросила я, глядя на пожелтевший кусок бумаги со следами засохшей крови и неровными штрихами.

Мне не ответили, а я с благодарностью посмотрела на предшественников. Ориентируясь по импровизированной карте, мы двигались, сверяясь с солнечным лучом в центре. Несколько раз мы сворачивали не в ту сторону, а когда все надежды на точность карты были потеряны, среди зарослей показался черная дверь, блестящая золотой ручкой. Мы выбрались из лабиринта! А мне казалось, что он бесконечный!

Неподалеку от двери я заметила еще одно тело, в руках которого торчала следующая записка: «Золото открывает все двери... Но иногда оно приносит несчастье...». Слушайте, у меня такое чувство, что всех маньяков — затейников писали с конкретного человека. И я даже мельком видела с какого! Такая фантазия может очень заинтересовать лечащего врача.

Я протянула руку к ручке, но ее взял Робер, опередив меня буквально на пару мгновений.

— Дамы вперед! — вежливо заметил он, открывая дверь и галантно пропуская меня и Винсента, который тут же, видимо на радостях, решил сменить пол.

— Знаете, — усмехнулся Робер, глядя на нас. — Я тут посчитал... Не рентабельно... Увы... Так что, обижайтесь, не обижайтесь. А вот ручку я, наверное, собою... Надо же как-то окупить финансовые затраты...

— Понимаю, — снова ответила я, глядя на внушительный трофей и бледное лицо мародера. — Спасибо тебе...

— Спасибо в карман не положишь, — заметил Робер, глядя на Винсента. Винсент расправил плечи и заметил, что сумка слишком тяжелая, поэтому не мешало бы выгрузить часть, чтобы идти налегке... Несколько флаконов он поставил на пол.

— Так будет легче идти. Мне еще факел нести, — пояснил он, равнодушно глядя по сторонам. Дверь закрылась, а откуда-то сверху хлынул яркий свет, словно кто-то щелкнул выключателем.

Статуи из белого мрамора, красивый, причем, действующий, фонтан и розовые кусты, которые благоухали так, что впервые мне захотелось вдохнуть полной грудью, — все это выглядело настолько волшебным, настолько сказочно, что я невольно протерла глаза.

— Невероятно! — прошептала я, чувствуя, как тело расслабляется. Я ожидала чудовищ, падающие плиты, хитроумные ловушки, но не райский... так, постойте-ка!

Возле фонтана лежали тела, рядом с одним лежала перевернутая чернильница с высохшими чернилами, а рядом бумажка. «Не прикасайтесь! Это — не вода!».

— Самая красивая канализация, которую я когда-либо видела, — нервно заметила я, глядя как красиво журчит «не вода». Запах роз кружил голову, а я чувствовала, что не мешало бы передохнуть. Пару минуток. Не больше!

— Давай передохнем? А? — я снова втянула воздух, чувствуя такое блаженное спокойствие и умиротворенность, словно наглоталась успокоительных. — Я устала... Чуть-чуть посидим... Самую малость...

— Нет! — хмуро отозвался Винсент, который «очень устал». Я обиженно плелась за ним, чувствуя, как постепенно замедляюсь. Розовые мечты окутывали меня, а я видела голубое небо, перистые облака, чувствовала запах кофе под шум дождя за окном... Я видела море, которое сине-зеленой волной омывает песчаный пляж... В небе сияли звезды, а мою руку сжимал самый дорогой человек на свете... Дом на берегу... Воздушные шары, запущенные в небо...

— Подъем! — меня неожиданно ударили по щеке, заставив вынырнуть из сладкого мира мечты. Оказалось, что я лежу на полу. Это было то самое чувство, когда ты выигрываешь в лотерею миллион, к тебе навстречу по морскому пляжу бежит мужчина твоей мечты в белой рубашке, добрая душа отдает тебе ключи от твоей новенькой машины, и тут же звонит проклятый будильник, возвращая тебя из мира сладких грез в суровые реалии «через час на работу».

Я захныкала, требуя оставить меня в покое, попыталась нащупать одеяло, но меня тут же подняли на руки и закинули на плечо. Я еще удивилась, как у хлипкого Винсента не сложился позвоночник.

— Да-а-а, а вы еще возмущались, что я яд пью! — слышала я, голос, чувствуя, как снова окунаюсь в волшебную сказку удивительных снов, в которых меня ждал сказочный замок, белоснежное платье, любимый, который обнимал меня и журнал с пятерками, которые действительно заслужили!

Внезапно я почувствовала такую удушающую вонь, что захотелось навсегда разучиться дышать. Из глаз брызнули слезы, а горло сжалось в брезгливой судороге. Перед моим носом мельтешил флакон с чем-то отдаленно напоминающим запах прелых носков, неожиданно для себя ставших кошачьим туалетом.

— Вставай! — донеслось до меня, когда я с трудом открыла глаза. Я кашляла, ругалась, пыталась убрать из-под носа флакон, а потом поморщилась и очнулась, трясая головой.

— Держи возле носа, а лучше — выпей, — уныло заметил Винсент, показывая на закрытую дверь. В его руках была записка, которую он сунул мне. «Дверь открыть невозможно! Ни магией, ни кровью! Перепробовали все... Проклятые розы!». И правда, трупов здесь оказалось куда больше, чем хотелось. А подсказки по поводу двери, разумеется, никто не оставил.

Прошло по моим подсчетам около получаса. Я выдохлась, присаживаясь и отхлебывая терпкую гадость, от которой сводило спазмом несчастный голодный желудок. Самооценка двери должно быть сильно пострадала после того, как мы, мало того, что пинали и проклинали ее. Я вспомнила все синонимы к слову: «Откройся», включая даже нецензурные, но все бесполезно. Еще один лепесток сорвался вниз. Зеркало молчало...

— Слушай, — заметила я, бросив усталый взгляд на дверь. — Вот если бы я была бы

окончательным садистом, то наверняка бы просто поставила дверь в стене, которая никуда не ведет. А что? Пока ее ломают, время идет, дурман действует... Это просто предположение, на истину не претендующее...

Мой взгляд снова гипнотизировал закрытую дверь, а краем глаза я видела мертвое столпотворение вокруг нее.

— Окей, зеркало! — занервничала я, дрожащими руками доставая из сумки трофей. — Покажи мне настоящую ...

Меня даже не дослушали, демонстрируя заросли шипов, сквозь которые, едва просматривались очертания черной, невзрачной двери. Картинка развернулась и мельком показала фонтан. Мы вернулись к фонтану, подозрительно всматриваясь в заросли. Где-то здесь... Вот она! Вижу! Вот ни за что бы не разглядела, если бы не знала точно, где она находится!

— Окей, зеркало, покажи, как сломать преграду! — нервничала я, но зеркало думало. Я даже поводила по нему пальцем, в надежде, что сейчас появится меню с настройками. Зеркало прояснилось и показало мне фонтан, потом тайную дверь, снова фонтан, и снова дверь...

— Погоди-ка, — задумчиво заметила я, шагая к фонтану и доставая смятую записку. — Погоди-ка...

Винсент уже с интересом склонился к воде, глядя на свое бледное отражение.

— Не пей, козленочком станешь! — заметила я, пытаюсь содрать рогатый шлем с какого-то рыцаря. — Извините, я потом верну... Да дай же его сюда! Тебе-то он уже все равно не нужен!

Я с трудом содрала шлем, подошла к фонтану, брезгливо опуская его в ту таблицу Менделеева, которая претендовала на «воду», предусмотрительно стараясь не замочить руки. Стоило погрузить шлем, как он до половины растворился... Где-то в формуле воды явно закрались лишние буквы!

— Окей, зеркало! Покажи мне, чем я могу набрать из фонтана! — потребовала я, в надежде, что сейчас не появится «По вашему запросу ничего не найдено!». Но нет! Зеркало задумалось, а на экране появилось, опутанное розами ведро, застрявшее в зарослях неподалеку от того самого трупа, который я бессовестно раздела.

Я подняла меч, перешагнула через труп и полезла шарить по розовым кустам, пытаюсь поддеть заросшее ведро, но безрезультатно. После нескольких неудачных попыток, я бегала и искала еще один меч, чтобы попытаться как-то вытащить это проклятое ведро. Главное — не оцарапаться!

— Не хочешь помочь по-дружески? А? — нервно поинтересовалась я, глядя на задумчивого Винсента, который рассматривал розы. Так! Этот меч не подойдет! Слишком короткий... А этот... Ого! Ничего себе! Да я его едва поднимаю! Корона тоже как-то неуместна, хотя красивая... Где же... Где же... Что же... Что же...

Я металась между телами, пытаюсь увидеть хоть что-то подходящее. Ни один меч не доставал до ручки, а лезть рукой в заросли мне категорически не хотелось.

— Держи, — Винсент протянул мне ведро, когда я пыталась вытащить очередной меч из чужих ножен.

— Ты настоящий друг! — обрадовалась я, набирая «водичку» и поливая ею колючки перед дверью.

— Мы просто выполняем клятву. Ты или кто-то другой, неважно. Мы обязаны помочь, иначе умрем на месте... Что тоже малоприятно... А так хоть шанс есть... Небольшой, но есть... Тут все просто... Принц один не справится..., - равнодушно заметил Винсент, срывая одну из роз и задумчиво обрывая лепестки.

Я почти закончила, а роза упала на грудь скелета в роскошной одежде, рядом с которым лежала корона.

— Ты зачем розы трогал! — налетела я, глядя, как Винсент срывает еще одну. — Они же...

— Сначала надеешься, что не придет, потом ловишь себя на мысли, что быстрее бы... Клятва висит, как меч палача над головой, — продолжал философствовать Винсент, обрывая следующую розу и не обращая никакого внимания на мои возмущения. — И ты понимаешь разницу между «выполнять свой долг» и «отдавать свой долг». Элберту повезло. Он отказался давать клятву. За что его вышвырнули из замка. Я ему даже завидую....

Я шагнула к двери, которая тут же открылась, а Винсент остался стоять на месте, любуясь розами и задумчиво рассматривая каждый цветок.

— Иди уже, — вздохнул он, показывая мне царапины на своей тонкой и бледной руке. — Свой долг я погасил. Как, собственно, и все остальные... Мы договорились, что если кто-то не может продолжить путь, он говорит, что струсил или хочет вернуться... Лючио наступил на плитку. Как только он убрал бы ногу, сработала бы ловушка. Арден решил отвлечь чудовище на себя. Я так понимаю, что в дверной ручке были шипы с ядом, поэтому и скинул Роберу парочку противоядий. Авось, поможет... Все равно за мной должок числится. Всем удалось придумать предлог, а я вот что-то ничего не придумал подходящего... Хотя нет... Я никогда не встречал такого удивительного яда. Я просто не могу уйти, не изучив его как следует... А еще я подозреваю, что этот тот самый яд, рецепт которого я взял однажды за основу. Сойдет?

— Прекрати! — возмутилась я, глядя, как он обламывает шип и с интересом рассматривает его. — Они же твои друзья!

— У нас просто долг и общая цель. Вот и все. Я бы назвал нас временными союзниками. У таких, как мы, не бывает друзей, — усмехнулся Винсент, глядя, как из шипа ему на ладонь капает прозрачная, как слеза, капля. — Ты теряешь время.

Он прав! Два лепестка! Каких-то два лепестка! Я плюнула и бросилась в дверь. Лестница вела вниз, а, наученная горьким опытом, сначала швырнула туда ведро, а потом, выждав и успокоившись отсутствием очередной порции хитроумных ловушек, бросилась следом. В красивом зале со скорбящими статуями, стоял пьедестал, заросший розами так, что трудно было что-то разглядеть.

— Окей, зеркало! — спросила я, понимая, как отчаянно бьется мое сердце. — Эти колючки опасны? Ядовиты?

Через секунду появился ответ: «Нет!», вызывая у меня приступ облегчения. Я даже осторожно отломила одну, брезгливо рассматривая и ожидая, что из нее что-то потечет, но нет... Колючка, как колючка!

Черные лозы цвели голубыми цветами, а я бросилась сдирать их, чувствуя, как шипы пронзают ладони, царапают руки и лицо. Больно-то как! Такое чувство, что я рву ежевику голыми руками!

— Еще немного, — задышалась я, потеряв равновесие и отбросив в сторону длинную лозу, которая никак не хотела прощаться с моей ладонью и одеждой. — Еще чуть-чуть! Потерпи! Потерпи, любимый! Я освобожу тебя!

Я с остервенением выдираю побеги, пачкая розы кровью, растапывая их ногами, и уже почти не чувствовала боли. Слезы радости на моих щеках смешивались со слезами отчаяния. Да сколько их тут!

И тут я увидела бледное лицо, застывшее, словно маска. На секунду я даже замерла на месте, чувствуя, как грудь вздрагивает от нежности... Моя искалеченная рука легла на белую щеку, оставляя кровавый след, а я склонилась, страстно впиваясь в чужие губы. Мое сердце екало, а я ждала, когда откроются любимые глаза, но... Нет... Ничего не происходит. Я снова и снова целовала его, чувствуя, как моя кровь на его губах смешивается с горечью моих слез. Неужели моей любви недостаточно? Да я никого так не любила! Я не знаю, как нужно любить, чтобы снять это проклятие!

— Проснись, — шептала я, иступленно глядя его волосы и пытаясь оттереть кровь с его

щеки и губ. В груди что-то металось, а я задыхалась от отчаяния, прислушиваясь к молчащему пульсу... Почему моей любви недостаточно? Что я не так делаю?

— Я люблю тебя, — умоляюще шептала я, глядя, как с моей щеки на его щеку скатилась слеза. — Люблю... Ты же знаешь, что люблю... Прощу тебя, открой глаза... Я ничего не прошу... Мне ничего не надо... Просто открой глаза... А? ...

Перед глазами все плыло, руки тряслись, а я машинально запустила их в свои волосы, затравленно оглядываясь по сторонам...

В отчаянии, я продолжила сдирать розы, понимая, что тот, кто мне их подарит, сразу будет внесен в черные списки. Как же я ненавижу розы! Меня тошнит от них! Мне удалось обнажить грудь любимого, на которой лежал золотой медальон. Я отбросила колючки, схватила его, оставляя пятна крови на белоснежном камзоле, но меня тут же дернули назад, а потом швырнули на пол. Не смотря на то, что в голове все гудело, я отчетливо видела холодные глаза и лицо, напоминающее посмертную маску. Он склонился надо мной, хватая меня за горло и изо всех сил прижимая к полу.

— Гори! — остервенело кричала я, пытаюсь оттолкнуть чудовище ногами. — Гори! Кхе... Вспыхни! Раз... вейся!

В моей руке была сжата цепочка, а пальцы лихорадочно пытались подтянуть поближе портрет.

— Гори!!! — свободной, скользкой от крови рукой, я попыталась прикрыть свою шею, яростно вырываясь. Внезапно зеркало, лежащее на полу, вспыхнуло, а оттуда послышался женский голос.

— Повторяй за мной! Заклинаю тебя гореть... Не думай! Просто повторяй!

Я повторяла, чувствуя, как меня пытаются размазать по полу, не смотря на мое яростное сопротивление. И тут я увидела, что лицо, склонившееся надо мной, загорается. Следом вспыхивают руки, одежда, а я лихорадочно пытаюсь отползти подальше от огня, оттирая кровь, текущую из носа. В моей руке был сжат обугленный, черный портрет в виньетке, который я брезгливо отшвырнула подальше, пытаюсь отдышаться. На розе оставался последний лепесток. Зеркало померкло, а я слишком устала, чтобы чему-то удивляться.

Не хочу представлять, как принц требует, чтобы все отвернулись и поклялись никому не рассказывать, а потом припадает к губам со словами: «Один раз — не папуас!».

— Зеркало, — я откинула голову на стену, чувствуя как она гудит, а потом посмотрела в черную зеркальную гладь. — Что мне нужно сделать, чтобы он проснулся? Умоляю, скажи...

Зеркало в моей дрожащей руке дрогнуло, а из черноты проступали буквы, в которые я жадно впивалась глазами.

«Чтобы разрушить сон и тлен, ты жизнь свою отдай взамен! И вместо нежного: «Люблю!», ты жизнь ему отдай свою! И лишь на вздох, и лишь на миг, увидите друг друга лик».

Отдать жизнь? Сердце забилося, ноги подкосились, а я смотрела на последний лепесток, который вот-вот сорвется вниз. Значит, все-таки, мое проклятье сработало... Моя любовь меня убьет...

— Почему-у-у?! — орала я, сжимая кулаки и захлебываясь слезами. — Почему все так?! Почему не будет объятий? Поцелуев? Почему не будет того, что бывает в сказках?! Почему я этого не заслужила? Чем я так провинилась? А?!!

Я всхлипывала, согревала дыханием медальон с розой, не сводя взгляда с любимого лица, вытирала слезы, но тут же набегали новые. Вот-вот оборвется последний лепесток, а сердце уже разорвалось на части... Времени на раздумья нет...

— Я отдаю ..., - горло свело судорогой, а я на ватных ногах подошла к пьедесталу и легла рядом нежно, проводя рукой по застывшему лицу. Тяжело вздохнув, я приподнялась на локте и поцеловала холодные губы, вглядываясь в каждую черточку, — Отдаю тебе ...

свою жизнь... Отдаю все самое лучшее, что в ней было... Не могу сказать, что она у меня была счастливой, но... Сейчас мне кажется, что была... Я отдаю тебе...

Я лежала, положив по привычке голову ему на грудь и вслушиваясь в тишину. Я хочу слышать, как забьется его сердце, как дрогнет его грудь, делая первый вздох...

— ... Я отдаю тебе солнечного зайчика... Знаешь, в детстве у меня было зеркальце... От маминой пудры... И когда родители начинали ругаться, я сидела в соседней комнате и играла с солнечным зайчиком... Глупо, правда? Но мне это так нравилось... А еще... еще отдаю тебе Новый Год и мандаринки... Сам Новый Год был так себе, а вот ожидание его... Запах елочки, блики гирлянды на шариках и мандаринки в хрустальной вазе... Это было чудесно, — мой голос дрогнул, а ему на грудь скатилась слеза. — А еще отдаю тебе котенка, которого мне подарили... Я была так счастлива, а потом у мамы началась аллергия на шерсть, и его отдали знакомым... Они обещали, что я всегда могу приходить и гладить его, а сами через неделю уехали в другой город... Но я была счастлива, когда он кусал мою ладошку... А еще мне нравилось запускать руку в его меховой животик...

Я тяжело вздохнула, взяла любимого за руку и положила ее себе на плечи.

— Мне так проще... Как будто-ты меня снова обнимаешь... Я подарю тебе... ночь, когда падает снег... Так чудесно смотреть в небо и видеть, как из темноты рождаются снежинки... Попробуй, как-нибудь... — я закусил губу, придерживая его руку и согревая. — А еще я подарю тебе море... Помню, когда была маленькая, мы летали на море... Папа был в командировке, а мы с мамой гуляли по пляжу... Я даже подарю тебе ракушку, которую нашла в песке... Она до сих пор лежит у меня... Я подарю тебе чувство, когда за окном гроза, а ты лежишь в тепле, кутаясь в одеяло... Я подарю тебе счастье, когда держишь в руках ключи от собственной квартиры, после того, как шесть лет жила на съемной или в общежитии...

Я чувствовала, как мне становилось так спокойно, так хорошо, так уютно. Его рука лежала поверх меня, а мои пальцы нежно гладили ее.

— Я подарю тебе ..., - прошептала я, закрывая глаза и сжимая его руку. — ... тот момент, когда ты меня обнимал... Знаешь, это очень счастливый момент, поэтому береги его... Когда я засыпала... лежа у тебя на груди... Я даже слышала, как ты мне пел... Про рассвет... Жаль, что слов не запомнила...

Мне становилось все трудней дышать, но на сердце было так славно, так хорошо, словно его окутывала безграничная нежность. Вот мы снова вместе... Пусть ненадолго, но вместе... Мне кажется, что это — хороший конец. Мой и моей сказки.

— Я... дарю тебе... твою любовь, потому что она сделала меня счастливой... — шептала я, уже почти не слыша звука своего голоса. — Я так хочу, чтобы ты меня обнял... Мне не страшно, мне просто холодно... Знаешь, из тысячи смертей, я предпочла бы эту... Когда ты рядом, даже умереть не страшно...

Я почувствовала, как его грудь дернулась, как меня прижимают к себе, а я с трудом открываю глаза, чтобы в последний раз улыбнуться ему...

— Прощай, — пошевелила губами я, чувствуя, как меня оборачивает в покрывало тьма, и сквозь нее я слышу первые удары его сердца, чувствуя. Оно снова бьется! Мою душу переполняет безграничное счастье. Я чувствовала, как он сжимал меня в объятиях, но уже ничего не видела.

В кромешной темноте передо мной вспыхнуло зеркало, а на ухо послышался женский шепот:

— Не плачь, сестричка... — меня нежно погладили по плечам. — Теперь ты не одна... Теперь ты с нами...

— И мы можем вернуть тебя к жизни, — послышался еще один голос из темноты.

— Мы — это кто? — устало спросила я, глядя на мутный туман огромного зеркала, словно подвешенного во тьме.

— Твои предшественницы. Сила Вороньей Королевы не только в ее армии. Сила ее в том,

что те, кто были до нее, помогают ей во всем... Я подсказала тебе последнее заклинание... — слышались голоса. — А я рассказала про проклятье... Мы все старались тебе помочь... Мы тоже когда-то любили... Нам не нужна была власть... Мы готовы были жизни отдать за наших принцев... Но нас предали, растоптали, бросили... Мы гнили в темницах, потому что оказались просто надоевшими игрушками... Мы отомстили принцам... Но ненависть никуда не ушла... Раньше мы ненавидели человека, а когда его не стало — продолжали ненавидеть и истреблять память о нем... Мы разрушали города, губили династии, упивались мучениями и не могли насытиться местью... А потом оказывались здесь... И нет нам покоя...

Я обернулась и увидела их. Те самые девушки в черных платьях смотрели на меня, а по их щекам текли слезы.

— Она попросила помочь тебе... Мы помогли... И поможем еще раз, — прошептала та самая, не сказочная Золушка. — В наших силах вернуть тебя к жизни... Но только при одном условии... Если он любит тебя... Если он действительно, искренне тебя любит...

Зеркало прояснилось, а я видела склеп, себя в его объятиях, чувствуя, как сжимается мое горло. Любимый задыхался, с ужасом глядя на мои искалеченные руки. Он целовал мое лицо, что-то шептал, прижимал мою голову к груди и баюкал, как младенца...

— Я их всех поубиваю! Я же сказал! Зачем? — кричал любимый, а потом переходил на шепот, прижимая мое тело к груди и глядя мои неровно остриженные и спутанные волосы. — Пожалуйста... Прошу тебя... Вернись... Умоляю... Не отдам... Никому не отдам... У меня ее никто не отнимет... Никто... Больше никто... И никогда... Зачем ты обрекаешь меня на такую жизнь? Как ты посмела вообще сюда явиться?

Я стояла и сквозь слезы смотрела на свое бледное лицо и безвольную, поникшую руку, с которой каплями стекала кровь. «Он любит! — послышался чей-то голос. — Он ее действительно любит так, как никогда не любили нас!».

— Пусть помучается немножко, чтобы ценил... Ну что ж, девочки. Давайте, я буду первой! — прошептала Золушка, обнимая меня. Ее голос дрогнул. — У тебя будет самое красивое белоснежное платье. Мир еще никогда не видел такой красоты. И веноч из белых цветов... Ты будешь самой красивой невестой... Я когда-то мечтала об этом, и сделаю так, чтобы моя мечта сбылась у тебя!

Я вытерла слезы и обняла ее, как родную, глядя по волосам и роняя слезы на ее плечо.

— Я прошу тебя, не надо плакать, иначе я буду плакать тоже! И тогда заклинание может не сработать, — сквозь слезы прошептала брUNETка, прижимая меня к себе и целуя в лоб, пока я ломала губы, чтобы не разреветься. — У тебя будет двое детей. Мальчик и девочка... Мальчик будет старше на три года... А у девочки будут папины глаза... Я всегда мечтала об этом, и хочу, чтобы моя мечта сбылась у тебя!

Мои руки гладили черные, роскошные волосы, а я чувствовала, как улыбаюсь сквозь слезы.

— Все будет хорошо, — шептала мне девушка с длинными рыжими волосами, улыбаясь и стирая слезинку. — Не плачь, дорогая... Такой красивой свадьбы, как у вас, в этом мире никогда не видели, и не увидят! Ты будешь самой счастливой невестой. К алтарю он будет нести тебя на руках... Вопреки всем традициям!

Они обнимали меня, а я смотрела на них, чувствуя такую признательность и благодарность, от которой сердце разрывалось на части. Может, ненависть когда-то и ослепила их, выжгла дотла, но где-то в потаенных уголках души остались вера, любовь и сострадание. Может, когда-то они и были теми ведьмами, злыми махечами, но сейчас в них не было ненависти и злобы. Сейчас они были теми юными девушками, однажды поднявшими робкий взгляд на принца, понимая, что готовы любить его всю жизнь, доверчиво вложив руку в его раскрытую ладонь.

— Ты будешь просыпаться от поцелуя, — шептали мне на ухо, глядя меня по волосам и утешая. — И каждый твой день будет наполнен радостью и счастьем... Вы будете жить долго и счастливо, и умрете в один день... Все как в настоящей сказке...

— Спасибо, — прошептала я, опасливо поглядывая в сторону зеркала. Кто-то решительно настроен разнести замок к чертям... Пока мое тело несли наверх, я видела что наш дружный коллектив выжил в полном составе, хотя выглядит не самым лучшим образом. И если я сейчас не вернусь, то все дружно попадут под сокращение. И, судя по взгляду хозяина, поголовья... Подземелье было разрушено, а мое тело несли вверх по ступеням.

— Девочки, я, конечно, все понимаю, но он сейчас замок разнесет! — занервничала я, а мне протянули розу. Стоило мне только взять ее в руку, как я почувствовала тяжесть ноющего тела, боль в руках и чувство, будто все кошки королевства нагадили мне в рот. Мои глаза с трудом разлепились, я уже предвкушала нежный поцелуй, как вдруг...

— Да как ты могла!!! — обрушился на меня любимый, а мне очень захотелось прикинуться дохлой, потому что выглядел он ужасно. Разбитая мебель, растрепанные волосы, окровавленная одежда. Меня бы устроила скромная мемориальная табличка за особые заслуги, но его испепеляющий взгляд настаивал на урне с прахом.

— Я нес мертвую на своих руках!!! — в стену ударило заклинание, оставляя внушительную трещину. — Всю в крови!!! В крови!!!

— Для покойницы я еще очень даже неплохо сохранилась! — простонала я, чувствуя, как ломит мое несчастное тело, когда я попыталась сесть. — Ладно, если ты не рад, то я пойду, наверное...

— Куда?!! — дверь тут же захлопнулась. Тонкий намек меня сразу насторожил. — Ты...

Я видела, как он подходил все ближе, до конца не веря своим глазам.

— Никуда... — он смотрел на меня так, словно сейчас собственноручно растерзает. После того, что сегодня удалось пережить, вряд ли я сумею далеко убежать.

Но несмотря на ломоту в теле, я все еще мужественно пыталась встать. Кто-то, значит, неплохо выспался за энное количество веков, а сейчас полон энергии и сил... В отличие от меня. Так нечестно!

— Не пойдешь! — я почувствовала, как меня прижимают к себе, начиная целовать так, что Спящая Красавица на моем месте еще долго имитировала глубокий сон, чтобы потом как бы невзначай шепнуть, мол, не останавливайся, дорогой!

— Я с тобой не разговариваю! — категорично вынесли мне вердикт, ощупывая меня и прижимая к себе до хруста ребрышек.

— Ага, — сдавленно прошептала я, счастливо улыбаясь и прижимая его к себе. — Можешь и дальше писать на стенках! Желательно что-нибудь не очень цензурное!

И тут на меня действительно обиделись, причем так сильно, что мне даже понравилось. Почаще бы так на меня обижались...

— Кстати, — поинтересовалась я, протягивая расцарапанную руку к зеркалу. — Ты имя свое вспомнил?

Любимый застыл на месте, странно глядя на меня. Вопрос застал его врасплох.

«Велирион» — выдало мне зеркало, даже не дожидаясь моего вопроса. Хм...

— Это точно не заклинание? Это можно произносить вслух? — на всякий случай уточнила я, не показывая имя и прижимая зеркало к груди. Нет, оно действительно интересное. Правда, я ожидала чего-то другого. Фердинанд, например! А что? Очень популярное имя!

— И как же меня зовут? — слышалось, когда я начала отползать подальше, слегка улыбаясь и пряча на груди ответ.

— А кто это на меня обиделся? Кто это со мной не разговаривает? — улыбалась я, а потом показывая ответ, а следом язык.

— Велирион... Вель... Я почти ничего не помню... Помню, кем был, помню, как уснул...

Тот день я помню в деталях... Помню розу..., - на снова странно посмотрели, задумчиво, пробуя имя на вкус. — Да... Кажется, вспоминаю...

— Кар-р-р! — слышалось за окном, а в комнату заглядывали вороны, в количестве не допустимом для детской психики. — Кар-р-р!

Я встала, доползла до окна, видя, как из-за гор возвращается дракон, а маленькая фигурка в синем платье выбегает на крыльцо. Мое сердце замерло, а в душе зародилось такое сладкое и томительное предвкушение долгожданной встречи, что я шикнула на разорвавшихся ворон.

— Вы что? Теперь всю жизнь будете меня преследовать? — возмутилась я, сгоняя наглых ворон с угла обзора. — Кыш, ребята! Нет, спасибо, конечно, но могли бы... Ну вы и обнаглели! Займите другой подоконник! Я кому сказала!

Вороны разлетелись, присаживаясь на соседних деревьях и перекаркиваясь, а я с замиранием сердца ждала того самого момента, от которого что-то внутри трепетало и нервничало... Дракон был уже близко. Он летел, расправив крылья, а потом бросился вниз.

— Заметил!!! Заметил!!! — обрадовалась я, закусив губу от волнения, чувствуя, как меня обнимают. Дракон обернулся человеком и замер в нерешительности, не веря своим глазам. Шарман стояла в голубом платье, но не спускалась к нему. Дракон сделал неуверенный шаг вперед, а потом замер в самом начале лестницы, положив руку на перила. Они смотрели друг на друга, но никто не сделал шаг навстречу.

— Ну же... — нервничала я, кусая губы. — Ну-у-у-у!

Через секунду дракон метнулся вверх, схватил маленькую фигурку на ручки и прижал ее к себе. По сравнению с ней он казался таким внушительным, огромным, а она выглядела маленькой и хрупкой куклой в огромных ручищах.

— Я что-то не поняла, — удивилась я, глядя как Элберт только что схлопотал звонкую пощечину.

Я не видела, чтобы кто-то так яростно отбивался, и, судя по ударам маленьких кулачков, ему высказывали все, что о нем думают. Но дракон просто цвел от счастья, не обращая внимание на оказанное сопротивление. Он нес драгоценную ношу, которая пиналась, кричала, брыкалась, чтобы через секунду замереть и обнять его, повиснув у него на шее.

Наглые вороны одобряюще каркали, а я подняла голову, видя яркое, высокое голубое небо с маленькими белым облачками. Солнечные лучи пронзали их насквозь, падая на лес и замок. Один из лучей упал прямо на дракона, который поднял голову куда-то вверх, утирая глаза. Шарман, сидя на руках, тоже подняла голову. И в этот момент меня обняли, прижали к себе, глядя куда-то вверх.

— Я не видел солнца триста лет... — слышалось на ухо, а я смотрела вниз, понимая, что не вижу ни одного тела...

— Слушай, а где тела убитых? — подозрительно заметила я. — Когда вы успели их убрать?

— Ка-а-ар! — слышалось из леса, а я видела, как в небо черной тучей взметнулась огромная стая ворон. Их было так много, что на небо потемнело.

— Воронья королева превращала любовников в ворон, — на меня смотрели подозрительно, провожая взглядом пополняющиеся птичьи ряды.

— Еще бы! Любовница — это лишние затраты, а любовники — пополнение нашей военной мощи! — мило улыбнулась я, краем глаза следя, как стая дружно улетает в лес.

ЭПИЛОГ

В зале горели свечи, мое кресло было вынесено из кабинета и установлено в центре главного зала. Дверь была закрыта, а перед тронном стояла возмущенная до глубины родительской души, делегация. Они смотрели на нас квадратными глазами, понимая, что земля круглая, попа скользкая, а картонка — дырявая.

— Мы пришли за своими детьми! Вы взяли в заложники наследных принцев! И требуете выкуп! А еще вы их пытали! Морили голодом! Пороли и издевались! — возмущались родители, глядя на нас, как на палачей и тиранов. — Это — недипломатично!

— Вы вторглись на территорию моего королевства с армией, — я слышала голос любимого, который звучал очень даже зловеще. — И фактически объявили мне войну... Мило, что вы вспоминаете о дипломатии только тогда, когда у вас не осталось войска.

В голове вертелась песенка про бюджетное обучение, заев как старая пластинка: «Да-а-аром преподаватели... Время со мною тратили...».

— Ты... Ты — самозванец! — ткнул пальцем толстый король, гневно багровея и покрываясь испариной от такой наглости. — Тринадцатого королевства не существует! И не существовало никогда! Это всегда были ничейные земли! Так что не нужно строить из себя короля! Мы не признаем ваше королевство!

— Мы отказываемся с вами торговать! — поддакнул кто-то из особо приближенных. — Мы отказываемся подписывать с вами договор и признавать ваши границы! Мы отказываемся наносить вас на карту и даже вести с вами переговоры! Вы — узурпатор! Захватчик! И если вы не принесете официальных извинений, вас ждет дипломатический скандал!

Вид при этом у него был такой гордый, словно мы стояли с протянутой рукой и просим скинуться на корону.

— Вот именно, что исключительно дипломатический, — заметил Верилион, глядя на горстку «завоевателей». — Винсент, подойди сюда.

Бледный Винсент подарил миру тень улыбки и поплелся к трону, едва ли не споткнувшись на первой ступеньке. На нем была старая хламида, волосы были взъерошены, и выглядел он не презентабельно, по привычке сутулясь и пряча руки в карманы.

— Представляю вам главного дипломата нашего королевства. Он умеет вести переговоры любой сложности, — заметил любимый, пока Винсент отошел за трон. В зале воцарилась тишина.

— Винсент, скажи что-нибудь, — любимый смотрел на королей и королев, откинувшись на спинку.

Бывший преподаватель ядов посмотрел на присутствующих, молча достал флакончик, а потом спрятал его в карман.

— Винсент, ты как? — негромко поинтересовалась я, слушая бурю негодования после столько проникновенной речи.

— Яд почти не подействовал, — на меня смотрели грустным взглядом. — Голова долго болела и все...

Мне кажется, или я слышу нотки разочарования в его голосе? «По расписанию — мышьяк!», — прошептал Винсент, роясь в сумке.

— Что у вас за двор? Возомнили себя королями! — брезгливо фыркнул предводитель Ежиков. — Корону нацепил — уже король! Никакой торговли! И точка! И попробуйте только попросить у нас деньги взаймы!

— Уважаемый министр, — усмехнулся Верилион, глядя на Робера, который удивленно

поднял бровь. — Как вы смотрите на торговлю с нашими соседями?

— А что с ними торговать? Хм... Ваше Величество, я бы не рекомендовал вам вести с ними торговлю. Вы же не хотите слушать сказки о том, что торговый караван, с вооруженной до зубов охраной, ограбили три бродяги, спрятавшиеся в трех сосенках? Конечно, этих разбойников, терроризирующих окрестности, разыскивают уже много лет, а я удивляюсь, почему их нельзя найти, ведь они частенько заходят в замок получить свою долю от награбленного из рук Его Величества, — на лице Робера была очень нехорошая улыбка, а он странно поглядывал на главных инициаторов санкций. Через минуту на них косо смотрели остальные.

— Это... Это наглая ложь! — нервно заявил король, которого наша информированность застала врасплох. — Разбойники действительно есть! Целая банда! Мы уже все леса прочесали! Награду объявили за их голову!

— Робер, — на лице любимого была нехорошая улыбочка. — Я не собираюсь повторить судьбу твоего предыдущего короля... И приставка «Бедный» мне как-то не импонирует...

— Это будет непросто, — уклончиво и тихо заметил Робер, но улыбка любимого становилась все более зловещей. — Но я постараюсь! Ва-а-аше Величество!

— Ты как? — шепотом спросила я, глядя на все еще бледное лицо Робера.

— Плохо, но жить буду. До сих пор приходится пить эту мерзость, — скривился Робер, поглядывая на Винсента. — К тому же я теперь еще должен нашему дипломату... Приятного мало... И долг отравляет мне душу!

— Мы не позволим вашим шпионам орудовать при наших дворах! — вступился за коллегу толстяк, решив расширить санкционный список. — Первый же шпион будет казнен, как шпион!

— Не думаю, что мы будем официально и торжественно объявлять о том, что целая делегация агентов рыскают по вашему замку. Лючио, иди сюда! — вкрадчиво заметил Велирион.

Преподаватель по придворным интригам отвесил поклон, нехорошо глядя на присутствующих.

— Есть у меня подозрение, — сладко заметил он. — Что вы даже не успеете договорить фразу, а мы уже будем знать, что вы имели в виду. Если что — я всегда могу помочь в дипломатии... У меня большой опыт!

— Ты как себя чувствуешь? — поинтересовалась я, глядя на вполне веселого и жизнерадостного «дипломата».

— По сравнению с этими неудачниками, вполне неплохо... Мне не впервой, малыш. Главное — не торопиться, особенно, если речь идет о нажимной плите или ступени! Я сначала зажал ее кинжалом, а потом сумел перетащить труп на нее... — рассказывали мне на ухо, а на ступенях уже стоял Арден со свежим шрамом на щеке и чем-то смахивающем на средневековый гипс. Он заметно хромал, как наша дисциплина, а я так и не могла понять на какую ногу. Было подозрение, что на обе сразу.

— Мы очень любим незваных гостей, поэтому всегда можем навестить их с ответным визитом, — послышался голос любимого, а Арден усмехнулся, глядя на меня: «Жить буду!».

— Так, все! — заволновались короли. — Мы забираем своих детей! И духу их не будет в Академии! Никаких больше Академий!

— Сжечь бы ее дотла, будь она неладна! — гневно заметил тощий и длинный король. Его голос под конец стал таким пронзительным, визгливым, что я мысленно представила ту курочку — мужененавистницу Рябу, которая снесла ему...

— У нас есть маги! У вас магов нет! — визгливо перебил старикан. — Один маг стоит

целой армии! Ничего! Как только мы вернемся, тут же будем собирать новую армию! И, поверьте, мы это просто так не оставим! Мы возьмем сотни магов, и они разнесут вашу Академию!

— Да! — внезапно воспрянули духом остальные родители. — У нас есть маги! Целые магические советы! Немедленно сообщите им, что нас удерживает в заложниках самозванец! Сообщите всем магам! Живо!

Внезапно в зале стало полным-полно людей. Они появлялись из ниоткуда целыми группами. В воздухе запахло неприятностями, а я внимательно смотрела, как за окном над замком кружат вороны.

— Уже сообщили! — усмехнулся кто-то в тишине.

— Ну, что вы теперь скажете? А? — ехидно заметил тощий король, глядя на подкрепление. — Долой самозванца и узурпатора!

Старый маг с длинной седой бородой в расшитой драгоценными камнями мантии глубоко вздохнул, а потом молча опустился на одно колено. Его примеру последовали остальные. Они так и стояли перед тронем, склонив головы.

— Это... это..., - нервничали родители. — Я приказываю! Уничтожить их! Всех до единого!

Старик стоящий подле трона поднял глаза на любимого.

— Ваше Величество, — прокашлялся он, а по его щеке скатилась слеза. — Присягаю вам на верность, как мои предки присягали на верность вашим. Мы устали от дешевых трюков и фокусов. Тринадцатое королевство всегда принадлежало магам, поэтому позвольте нам вернуться. Мы сообщили во все магические советы...

Молодые маги плакали, глядя на замок. Один кивок головы, и весь зал расцвел волшебными салютами. Кто-то выпускал светящихся бабочек, кто-то разбрасывал в воздух яркие огни, а прямо по стенам расцветали удивительные цветы. Маги обнимались, улыбались, показывая все новые и новые чудеса. Какая-то девушка в мантии целовала долговязого юношу.

— Наконец-то! Мы сможем пожениться! — кричала она, прыгая от радости.

— По законам двенадцати королевств маги не имеют права создавать семьи, — послышался голос старика. — Благодарю вас, Ваше Величество, за вашу милость! Мы сообщим всем магам, что им разрешено вернуться... домой.

— Предатели! — орали короли и королевы, глядя на все пребывающих магов. — Подлые и мерзкие предатели!

— Спасибо, что напомнили о себе. Вы, господа и дамы, свободны. Но при одном условии. Я хочу, чтобы вы прямо сейчас передали власть своим сыновьям, — послышался голос в звенящей тишине. — Те, кто откажется это сделать — будут пользоваться моим гостеприимством еще очень долго. Хватит с меня Войны Ежиков!

Принцы стояли молча. Мне показалось, или вся бравада резко улетучилась, а основная подвижная часть речевого аппарата временно стала частью выделительной системы. Всем видом они как бы подчеркивали, что они — бедные, несчастные жертвы преподавательского произвола и ректорского беспредела.

— Как можно передавать им власть? Они же околдованы! — кричали короли. — Только после моей смерти! Тогда — да!

И тут среди криков послышался голос:

— Я передам свою власть, только если буду уверен, что это — мой законный наследник и единокровный сын! Мы не успокоимся, пока не узнаем правду!

— Да! — горячо поддержали другие. Маги с благоговейным трепетом внесли в зал черный ларец, распахнули крышку, и повисла тревожная, гнетущая тишина.

— Бери, чего стоишь! — слышался голос, а к шкатулке шагнули два брата — Фредерик и Фердинанд. Старший молча взял в руку медальон и с усмешкой показал его отцу.

— Бастард! — зашелся от негодования король, но медальон лег на руку младшего брата. — Бастарды! Какой позор! Вы хотите, чтобы я передал корону бастарда? Да ни за что! — Нет, это именно тот самый случай, — усмехнулся старший, глядя как младший передает артефакт следующему принцу. — Когда бастардом быть гораздо приятней, чем законным сыном...

— Не может быть! — кричал тощий король, пока его королева застыла на месте, прикрыв рот рукой. — И ты — бастард! О, предки! Казнить королеву! Это — государственная измена! Измена королю приравнивается к государственной измене!

Принцы по очереди передавали цепочку друг другу, стараясь не смотреть на отцов. Когда цепочка закончилась, в зале царила тишина.

— Вы хотите, чтобы мы отдали свою власть, власть, которая всегда принадлежала нашим достопочтенным предкам — каким-то бастардам? — в глазах королей читался настоящий ужас. — Это — государственный переворот! Незаконный захват! В наших жилах течет древняя кровь! И она должна течь в жилах наших детей! Наших!

— А теперь ваша очередь, — насмешливо произнес Велирион, глядя на негодующих отцов, один из которых готов был броситься с кулаками на свою несчастную жену. — Вы же не успокоитесь, пока не узнаете правду? Так вот, у вас есть такая возможность!

— Мы не собираемся проходить никакую проверку! — возмутились отцы, но к ларцу шагнул отец Флориана. Он посмотрел на сына, потом на цепочку, снял перчатку и взял ее в руку. Все затаили дыхание и... И ничего.

Губы короля дрожали, а он смотрел на Флориана, который стоял молча. Через мгновение дрожащие руки сняли с себя корону и надели на голову принца.

— Я ..., - голос отца дрогнул. — Передаю тебе власть. На законных основаниях!

А через минуту он обнял сына и зарыдал.

— Прости меня, сынок... Я любил тебя всегда... Мать твоя в безопасности... Ничего я с ней не сделал! Я думал жениться, а потом смотрю на нее и понимаю, что такой, как она я никогда не найду! — шептал отец. — Я тебя маленького на руках носил...Ночей не спал, когда лекари не могли понять, что с тобой... И не потому что ты наследник, а потому что ты мой сын...

Флориан обнимал отца, а я видела, как в его глазах стояли слезы.

— Прости, я тогда прикидывался... Просто мне хотелось побыть с вами, а вы сидели рядом только когда я болел... — прошептал он, прижимая к себе отца. — Обещаю, что я стану достойным королем.

— Я всегда верил в то, что это ваш сын! Я же говорил вам! — разулыбался толстячок, который в прошлый раз требовал смерти для бастарда. — Вы же с ним, как две капли воды похожи!

Через минуту Флориан повернулся, глядя на нас и произнес.

— Я признаю ваше королевство и желаю ему процветания. Я надеюсь, что в скором времени мы сможем наладить торговлю. А еще я подписываю мирный договор! Если вам понадобится военная помощь, вы можете на меня рассчитывать!

Медальон не светился, а руки отцов опускали короны на головы детей. Принцы молча подписывали мирный договор и договор об установлении границ.

— Жалко, что Академии больше не будет, — не выдержал и вздохнул Айрон, осматриваясь по сторонам. — Я бы еще в ней поучился!

— А можно мы приедем на следующий год? А? — на нас с надеждой смотрел Гарольд, поправляя корону на голове.

— А я бы и сына сюда привез, когда он родится и подрастет! Думаю, что было бы здорово, если бы вы через пару неделек обучения сказали ему, что он — больше не принц, якобы его прокляли! Я бы подыграл, — усмехнулся Феордан, выставя руку вперед. — Ты мне больше не сын! Вот закончишь на одни пятерки, снимешь проклятие, вот тогда и поговорим!

Родители смотрели на меня и молчали. Я тоже молчала, хотя меня подмывало заметить, что не мешало бы скинуться на ремонт. Шло бурное обсуждение границ, решение каких-то очень важных вопросов с торговыми путями, обсуждение будущих союзов. Я мельком бросила взгляд на своего «принца», усмехнулась и тихонько двинулась в сторону коридора. Проходя мимо одной двери, я отчетливо услышала грозный рык, а потом такой жалобный голосочек:

— Я не кушала уже несколько дней... И замерзла... В этом лесу так холодно...

— Неужели? Бедная девочка, иди ко мне... — раздался сладкий мужской голос. — Неужели ты такая голодная? Моя ты маленькая...

Следом послышалась возня и радостный писк. У меня складывалось стойкое ощущение, что сегодня у кого-то на ужин дракон. Впрочем, как и на завтрак.

Вздохнув, я направилась в свою спальню. По привычке пнув шифоньер, я бережно сняла красивое платье и молча нацепила хламиду, штаны и сапоги, окинула взглядом привычный бардак, открыла ящик стола и опасливо осмотрелась по сторонам.

— Ты платье видел? — слышался голос Шарман за дверь, когда я снова проходила мимо комнаты. — Ты его видел?

Дракон что-то бурчал, а потом снова послышался радостный писк и хихиканье.

Я прошла мимо Робера, который стоял вместе с Арденом, бросив на них взгляд украдкой.

— Думаю, что лучше карета! — авторитетно заметил Арден, не обращая на меня внимания. — Хотя не вижу необходимости. Тут все равно объезжать нечего. По этикету принято, но по факту...

Робер кивал, а я молча проскользнула мимо, глядя на пустые стены и прячась за колонной, поскольку возле соседней стояли Лючио и Винсент, обсуждая безопасность королевского стола.

— Мне-то все равно! — заметил отравитель, зевая и поглядывая на часы. — Я могу сам попробовать первым! Думаю, что стоит заранее добавить несколько противоядий в кубки... Не помешает!

Я вздохнула, минув их и пробираясь к выходу. Моя рука легла на дверную ручку, дергая ее изо всех сил, но тут же невидимая сила закрыла ее перед моим носом.

— Я что-то не понял, — послышался голос за спиной, заставивший меня дернуть ручку еще раз, но уже сильнее. — А куда это собралась моя невеста?

— Я не..., - занервничала я, видя какие взгляды на меня бросают бывшие преподаватели.

— Я же говорила, что сюрприз в виде свадьбы — это очень плохая идея! — ядовито заметила Шарман, глядя на меня красивыми и бесстыжими глазами, восседая на руках дракона. На ней было голубое платье с кокетливым вырезом, украшенным голубым бантом. — А все почему? Потому что у нее нет женской интуиции! А у меня — есть, поэтому не стесняйтесь, скидываетесь на платье для подружки невесты! А тебе, моя зубастая вредина, можно отработать натурой! Приятно, когда мужчины умеют не только раздевать, но и одевать!

— Я готов одеть тебя, как императрицу! — возмутился Элберт. — Я говорил тебе об этом! Любой каприз...

— Мне на платье скинуться мальчишки. А про украшения я ничего не говорила... Так что..., - кокетливо улыбнулась Шарман, целуя его в нос. — Помни, дорогой! Не ты, так кто-то другой!

Я терпеливо ждала, когда деньги перекочуют в маленькие ручки, а потом протянула руку, в которую она отсыпала половину со словами: «Твоя доля!».

— Я что-то не понял! — любимый смотрел на меня с таким подозрением, словно я только что ограбила караван.

— Я проспорила! — пожала плечами Шарман, улыбаясь. — Мы спорили на то, что ей никто из преподавателей, учеников или родителей ей даже спасибо не скажет за то, что она сняла проклятие! И она выиграла, как ни странно, поскольку никто спасибо ей так и не сказал!

Я протянула руку в сторону преподавателей, которые молча снова доставали кошельки и складывали мне в руку мой выигрыш, рассказывая о том, что в замке царит полное беззаконие!

— Теперь я что-то не поняла! — возмутилась Шарман, брыкаясь и капризничая на руках дракона. — Спорили, и без меня? На что хоть спорили?

— Спорили на то, отдашь ли ты деньги или нет! — хмуро заметила мужская часть коллектива. — Просто, мы тебя уже не первый год знаем!

— А вот теперь друженько взяли свои слова обратно, — сладко улыбнулась Шарман, потершись носом об чужую щеку. — Я вооружена драконом и очень прекрасна!

— Не могу понять, а тебя в лес зачем понесло? — на меня нехорошо прищурились любимые глаза, пока любимые руки заключали меня в свои объятия. — Или ты решила сбежать от меня? Поверь мне, даже если бы ты сбежала, я бы просто так это не оставил!

Я мялась, чувствуя себя очень неуютно.

— Ладно, — закатила глаза я, доставая из кармана хламида моего воинственного ежика, который копошился и требовал моей смерти. — Я хотела выпустить его на волю, а то в ящике ему грустно и одиноко... Не надо на меня так смотреть! Я вообще не маг! Я бы не смогла его оживить, даже если бы хотела! Во мне нет ни капельки магии! Я даже заклинаний не знаю! Вот, можете убедиться! Абра...

Ой! Я смотрела на дыру в стене, а потом на свои пальцы.

— Извините, я не..., — мой взгляд снова упал на свежую дыру в стене и подозрительные взгляды.

Меня сгребли в охапку, и тут послышался старческий голосок с надрывным кашлем.

— Я тут рецепт вспомнил! — заметил старик — повар, о котором я и думать забыла. — Вороний пирог! Вот решил посоветоваться. Ворону целую варить или половинку? Если понравится, я приготовлю такой же на свадьбу! Пальчики оближешь!

— А ну-ка, дай руку, — на меня смотрели с подозрением, пока я скромно поджимала пальцы. — Вот что-то мне подсказывает, что придется кого-то учить ...

— Помни, дорогой, — улыбнулась я, целуя его в щеку. — Не ты, так кто-то другой!

— Слыхала, что при дворе Фредерика теперь мода новая! Одна серьга! Девушки надевают одну серьгу, в знак того, что тоже готовы были бы спасти принца из огня! — усмехалась Шарман, глядя на мое белоснежное платье. — Маги в лесу нашли какой-то цветок, о котором никто не слышал! Теперь изучают! Решили назвать «Слезы Вороньей Королевы». Подмазываются, сволочи! Приятно, не так ли?

Я сделала шаг, любясь роскошным нарядом, а через минуту дверь открылась, меня взяли на руки по понесли по коридору.

— Я могу идти сама! — возмущалась я, глядя на белоснежный камзол и украдкой целуя любимую щеку. Откуда-то сверху падали волшебные звезды и белоснежные лепестки, а я

крепко сжимала шею любимого, чувствуя, как по щекам текут слезы радости. Все поздравляют, пускают волшебные салюты, а я прижимаюсь к нему щекой, чувствуя, как он украдкой целует меня. Мне было все равно, что у меня спрашивают, я лишь сказала свое да, слыша ответное «да». Про болезнь, здоровье, — мы уже проходили. И даже смерти не удалось разлучить нас. Так что в клятве ничего интересного.

В моей руке был сжат красивый букет с короной, а вокруг меня, словно на баскетбольном выстроились красавицы, поглядывая на своих королей. Мой пример сильно вдохновил их, поэтому они решили не упускать свой шанс.

Я подбросила букет в воздух, но тут же среди посетителей развернулся огромный дракон, заставив всех с визгами броситься врассыпную. Элберт ловко схватил зубами букет, вызывая бурю женского негодования, а слюнявый букет скромно перекачывал в маленькие ручки, которые с наслаждением прижали его к груди, ехидненько улыбаясь.

— Девочки, — сладенько заметила Шарман, разглаживая каждый цветочек. — Красивую сказку нужно заслужить... Не у каждой красивой сказки хороший конец.

Красавицы надулись, завистливо глядя на то, как Элберт снова принимает человеческий облик.

— Но зато, если есть хороший конец, то жизнь покажется вам сказкой! — бесстыже усмехнулась она, соблазнительно обнимая своего дракона.